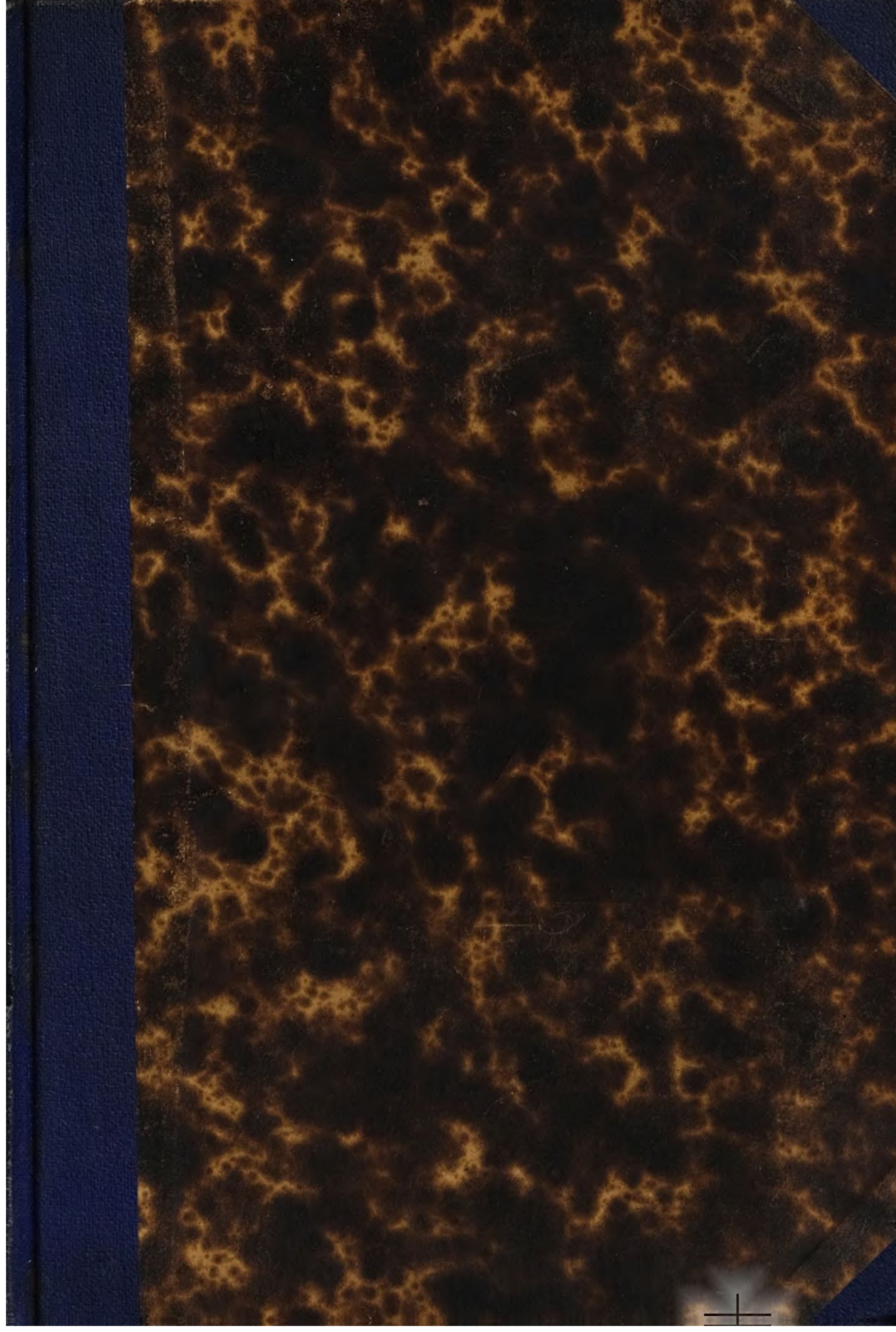

P. O. rel.
2910

Biblioteka

0. zel. *Поланскі Л. в. 48.49*

БИБЛИОТЕКА ГЕРГАРДА.

ТОМЪ I.

Петръ А. Полянскій.

48.49

Карпатскіи Новелли.

ТОМЪ I.

Karpathische Novellen. Von Peter Polanski.

ЛЕЙПЦИГЪ, | LEIPZIG,
Вольфгангъ Гергардъ. | Wolfgang Gerhard.
1 8 8 8.

Разомъ продается и томъ II, обнимающій новелли: „Неизгладимый“; „Лѣсный Кобольдъ“ и „Мармарошскій свать“.

1059

ВОЛЬФГАНГЪ ГЕРГАРДЪ книгопродавецъ, издатель и комиссіонеръ для иностранцевъ, предлагаетъ свои услуги Г. г. авторамъ для напечатанія ихъ произведеній на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

- Томъ XI. СТИХИ СП..... АГО и П. П. М. 1.50.
Томъ XII. ОНА ТОЛЬКО ДУША! Вильгельма Вольф-
зона. М. 3.00
Томъ XIII. РИМЪ И С-ПЕТЕРБУРГЪ. М. 0.75.
Томъ XIV. КТО ПРАВЪ? М. 1.50.
Томъ XVI. ДУХОВНАЯ Василия Никитича Тати-
щева. М. 0.75.
Томъ XIX. БЮГРАФІЯ АРСЕНІЯ МАЦѢВИЧА, Архіе-
пископа Ростовскаго и Ярославскаго, кн. Ав. Голи-
цына. М. 0.75.
Томъ XXI. О СОСТОЯНІИ РУССКОЙ АРМІИ ВЪ СЕ-
МИЛѢТНЮЮ ВОЙНУ. — О ЗЛОИ САЛТЫЧИХЪ.
М. 0.75.
Томъ XXII. ДОКЛАДЪ о управленіи государствомъ, подан-
ный Екатеринѣ II вскорѣ по восшествіи ея на престолъ.
— ЗАПИСКА князя Михаила Никитича Волконскаго о
необходимыхъ улучшеніяхъ (1775). М. 0.75.
Томъ XXIII. ИСТОРІЯ О ОЦѢХЪ И СТРАДАЛЬЦѢХЪ
СОЛОВЕЦКИХЪ: Иже за благочестіе и святые церков-
ныя законы и преданія, въ настоящая времена, велико-
душно пострадаша. М. 1.50.
Томъ XXIV. ДЫМЪ. Соч. Ив. Тургенева. Второе изда-
ніе. М. 5.00.
Томъ XXV. НЕСЧАСТНАЯ. Соч. Ив. Тургенева. М. 2.00.
Томъ XXVI. ОТЦЫ и ДѢТИ. Соч. Ив. Тургенева. М. 5.00.
Томъ XXVII—XXIX. ПАНУРГОВО СТАДО. Соч. В. В. Кре-
стовскаго. М. 15.00.
Томъ XXX. ПЕМБЕ. Разсказъ изъ эпиро-албанской жизни.
Соч. К. Н. Леонтьева. М. 1.50.
Томъ XXXI. ВЕШНІЯ ВОДЫ. Соч. Ив. Тургенева. М. 3.50.
Томъ XXXII. СТЕПНОЙ КОРОЛЬ ЛИРЪ. Соч. Ив. Тур-
генева. М. 1.80.
Томъ XXXIV, XXXV. ЗАПИСКИ ОХОТНИКА. Соч. Ив.
Тургенева. М. 10.00.
Томъ XXXVI. ЧАСЫ. Соч. Ив. Тургенева. М. 1.20.
Томъ XXXVII, XXXVIII. НОВЬ. Соч. Ив. Тургенева. М. 8.50.
Томъ XXXIX. РАЗСКАЗЪ ОТЦА АЛЕКСѢЯ. Соч. Ив. Тур-
генева. М. 0.50.
Томъ XXXX. ОТРЫВКИ изъ воспоминаній своихъ и чужихъ.
И. С. Тургенева. М. 0.80.
6. — (2480.)

ПЕТРЪ А. ПОЛЯНСКІЙ.

Карпатскіи Новелли.

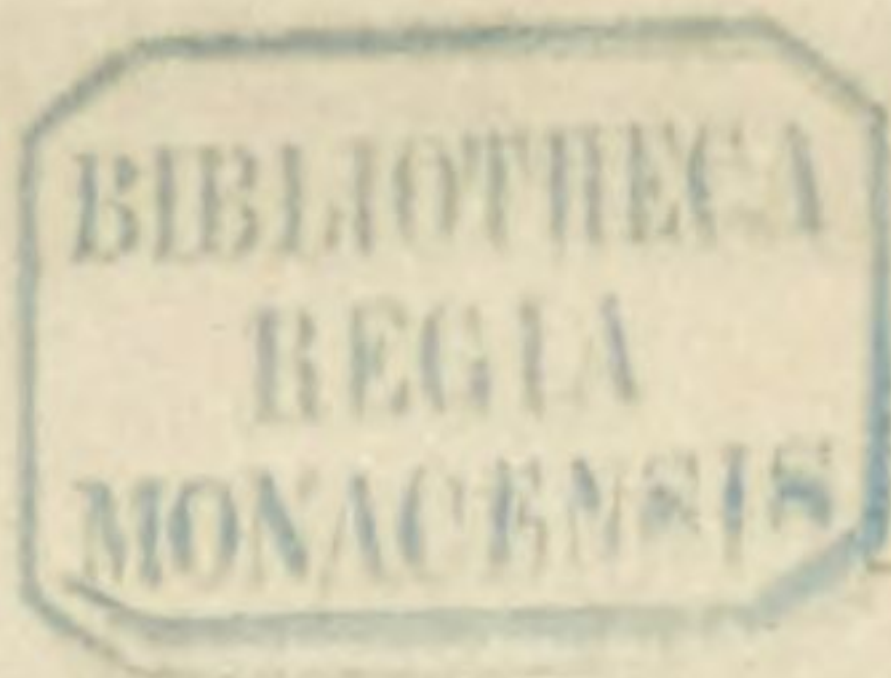
Томъ I.

**ЛЕЙПЦИГЪ,
Вольфгангъ Гергардъ.**

**LEIPZIG,
Wolfgang Gerhard.**

1 8 8 8.

Исправленіе ошибокъ.

Вмѣсто :	Стр.	Читай :
розложи л ось	95	розложи л ась
ду ш ы	102	ду ш мы.

Содержаніе.

	Стр.
Карпатскій гончарь. (Тая новелля вынята изъ Буковинского Альманаха изданного обществомъ „Союзъ“ 1885 г., где она въ первый разъ была печатана.)	1
Гробовый духъ	101
Партизантъ	142

Предисловіе.

Передаючи читателямъ новелли изъ жизни народа въ Карпатахъ, я яко уроженецъ тыхъ-же Карпатъ, не могу не зазначити на тѣмъ мѣстци одного всегда такъ пожеланого явленія, состоящаго въ тѣмъ, що народъ той въ противоположности до зникающей вообще у иныхъ народовъ національной типовости, задержалъ до теперъ прелесть своей незатронутой еще типовой отдѣльности; уважаючи же дальше головнѣйшою основою новеллистики, сюжетъ поднятый изъ народа въ котромнибудъ изъ его слоевъ, я томужь моему отечественному карпатскому народу посвящаю послѣдующіи въ обохъ томахъ новелли и новелетты.

Львовъ, 15. Окт. 1887.

Авторъ.

Карпатскій гончарь.

Новелля на тлѣ событій 1846 року.

I.

Горячій и одушевляющій тоастъ на процви-
таніе стремленій польскихъ инсургентѣвъ пѣд-
несла красива и плѣняюща дама Емилія Краевска.

Она держала одѣдиченный по предкахъ золо-
тый покалъ съ шумящимъ шампаномъ и говорила
пристрастно и фанатично, а еи слова были для
розмаяченныхъ душъ бенкетующой шляхты и еи
молодой генераціи сильно дѣлающею наркозою,
котрѣй и найповѣльнѣйшій консерватистъ су-
противитись не былъ - бы въ силѣ. Еи лице
горѣло огнемъ, еи хороша талія, еи бѣла рука
тримающа съ дрожащимъ запаломъ покалъ и еи
солодко-приказующіи слова были достаточною
порукою, що зѣбрана шляхта приступитъ тоже
до инсургентѣвъ. —

Она говорила, якъ модная Спартанка, высылаючи героевъ на кроваву борьбу, котра мала принести спасеніе для пропавшой ѡтчины. — И предкѡвъ она не залишила, а вспѡмнула и Хороброго и Смѣлого, пожалилась на слабѡсть духа, подала програму и проклинаячи ворогѡвъ скѡнчила тоастъ принятый черезъ гостей крикомъ, якій можна почути лишь у шаленой толпы, котра проклямуеть своего возлюбленного заступника.

Шляхта кричала до сыта на добро и ѡтновленіе ѡтчины, а вино кружило по давному обычаю и розпаляло вже и такъ розжаренну кровь бенкетующихъ. Одна мысль занимала и старыхъ и молодыхъ; а молодьи? Золотая и солодкая молодежь, то не Леонидасы, що научились смерти въ очи заглядати и въ крови якъ въ водѣ купаться, а были то перфумованныи вычесанныи гоги, що спали въ день, а въ ночи забавлялись, що плели небылицѣ и рѣзали воинственные родомонтады, а въ духу опускали уха якъ заяцѣ, а котрыи теперъ въ часѣ народоваго руху представлялись въ словахъ фанатичными Магомедами и приступили громадно пѡдъ прапоръ реставраціи ѡтчины. —

Емилія побѣдила, а того она и хотѣла. Она знала, що коли она говоритъ, никто не можетъ

не обожати ей, а то произвести, было для ней найвысшимъ желаніемъ.

Емилию обожали всѣ, а теперь наветъ и сивый графъ Насальевичъ, повага найбольша въ цѣлѣй доменѣ Домашовы, высказалъ мнѣніе, що надѣсь сильно на возстановленіе ѡтчины, коли жіють еще такіі дамы якъ Емилія. Другіі дѡбранныі гостѣ забѣгались такожъ коло ней и говорили ей по своему способу любезности и комплименты. Всѣ же ей обожатели были такъ ошоломлены ей красою, що не зважали наветъ на програму реци-тованну черезъ повставшого Ромуальда Краевского. —

Но въ коротцѣ появились и послѣдствія шам-пана. Стара контушова шляхта, котра еще не совсемъ стратила собѣ свѡйственный типъ, уснула и хропѣла на фотеляхъ, укладаючи въ солодкѡмъ снѣ планы на будущу воздушну палату, — а золотая молодежь перейшла въ своимъ розговорѣ на тему о парижскихъ гризеткахъ, о крою нового фрака, мающого появиться съ осеннимъ сезономъ и о не маловажнѡмъ вопросѣ, въ котрѡмъ росходилоь о властивѡсть и свойства новой наркотичной есенціи перенесенной до Парижа изъ Константинополя. —

Молодой баронъ Ларизанъ, который былъ

усчастливленъ наибольшою приклонностею Емилиі, подалъ ей рамя и повелъ по ей желанію на веранду, щобы очутитись на свѣжѣмъ воздухѣ карпатскѣмъ. —

Баронъ Ларпзанъ былъ полный парижскій паркетникъ: съ гоговствомъ мѣшалась контрастично горяча въ словахъ и будто сердечна неубадающа приклонность до массы запѣзанного до теперъ польскою аристокраціею народа, перенята ѿтъ голошенныхъ засадъ новой партіи польской, котра въ своихъ манифестахъ отверто заявила, що спасти можетъ ѿтчину лишь двома сплами: народомъ и связею съ революційными элементами Европы. И Ларизанъ стануль пѣдъ тую девизу и вразъ съ прочою молодою генераціею Польщи будучи за границею, переходилъ курса войсковыи то въ Мець то въ Парижи пѣдъ Высоцкимъ и Мѣрославскимъ.

И Емилию зналъ ѡнъ еще зъ парижского свѣта, где польска аристокрація, зложена то зъ эмигрантѣвъ то зъ конспирующихъ, то изъ здеперованныхъ мученикѣвъ, готовила горячково дѣло чинного ѡтпору.

Хороша Емилиа уходила въ кружкахъ парижского свѣта за одну изъ тыхъ загонистыхъ эксцентричныхъ дамъ, що не находячи власти-

вого удовлетворенія для своей нервной души кидаются спасматично въ объятія крайнѣйшихъ родѣвъ внѣшного удовольствія. Остало ще немного и зъ материнского типу польскихъ женьщинъ, а то: загорѣлѣсть и героичнѣсть. — Однакъ вѣжливиѣсть, жѣноча нѣжнѣсть, увлекающе женьске безсиліе и тиха любовь къ жѣночимъ дѣламъ, характеризующіи старопольскихъ женьщинъ, зникла совсемъ, а на ей мѣстце наступило все, що становить модну даму: спазмы и омлѣнія, долге спанье и всѣ степени кокетеріи, гримасы и неросположеніе пересыченнымъ житьемъ.

Въ памятно́мъ роцѣ, коли шляхта другій разъ по появленію Наполеона первого, пробовала своихъ силъ до возстановленія отчины, явилась изъ за границы и Емилиа и братъ ей Ромуальдъ Краевскій въ Домашовѣ, своимъ одѣдиченнѣмъ по предкахъ селѣ, и яко загорѣла патріотка была вразъ съ братомъ головнымъ моторомъ народоваго руху въ своей доменѣ.

Слабый организмъ національный вже доживалъ поволи своего кѣнця, даючи ѣтъ часу до часу знати о слабѣмъ своимъ житью. — Заходы конспирующихъ въ краю почали лучитись съ подвигами »общества демократичнаго«, но дѣзнавали часто не добраго кѣнца. Однакъ ни вяз-

ницѣ Спильбергу и Куфштайну и смерть Конар-ского, ни вывѣзъ на Сибирь, ни дальше шибенич-ный засудъ Стегонного не спинили безпрестанно кнованныхъ планѣвъ, котрыи обняли всѣ пре-дѣлы польскіи. Манифесты розпространялись межи всѣми верствами народа, емиссаріи перебѣ-гали край, а эмигранты готовились до воинного дѣла. — Плянъ Мѣрославского и мисія Весолов-ского въ Галичинѣ получили галицку шляхту въ одно тѣло. — Она ѣхала по дворахъ тайныи нарады, тріумфовала, пила и кричала якъ стадо кавокъ, а мандаторы, економы и посѣпаки двѣр-скіи крутились де можна по селахъ и мѣстахъ и вербовали до народной арміи то грѣшми, то виномъ, то обѣщанками, а декуды и силою. —

И двѣръ въ Домашовѣ былъ ѣтъ якогось часу оживленный якъ николи; а магнась, котрымъ была Емилія, тягнулъ до Домашова пѣдъ пра-поръ Краевского молодыхъ охотникѣвъ, що не-задолго мали вымаховати и затинати карабелями, молодыхъ спюшкѣвъ, що выпещенныи ня мягкихъ подушкахъ, хватали за оружіе и ставати мали до кровавой борьбы. —

За Емилією вернулъ изъ за границы и ба-ронъ Ларизанъ и радъ не радъ перемѣнитись мусѣлъ въ Гектора, чтобы не повстыдаться передъ

новою Андромахою, котра изъ женщины слабо-душной и спазматичной стала наразъ воинственною и жаждною славы инсургенткою. Они прійшли на веранду.

Вечеръ давно вже проминулъ и таинственна темнота покрывала и такъ вже темныи, чорнѣющіи са лѣсы и горы Карпатъ. Въ природѣ было тихо и лишь ѳтъ часу до часу прошивался въ воздухѣ лиликъ, або пугачъ, а зъ далека залѣталъ дрожащій голосъ трембиты и заумиралъ въ лѣсовыхъ вертепахъ и скалахъ. Мѣстцями блестѣли по горахъ огнѣ при кошарахъ и шаласахъ, якъ тайныи поломѣни, що миготять надъ укрытыми скарбами. Легкій вечерній вѣтеръ повѣвалъ помежи буйный повой на верандѣ и холодилъ розгорѣлыи лица барона и Емилии, котра педбало кинулась на софу въ верандѣ: межи буйными листьми и цвѣтами повою пламенѣла она якъ пестрый мотылъ на букетѣ полной левконіи.

»Дивно« сказалъ въ кѳнци баронъ »дивно, красна Емилию: хотъ небо мы змѣнили, изъ бульвару кинулись на той карпатскій диконимающій пейзажъ, но въ мнѣ чувство не измѣнилось: всегда жарить моя любовь до тебе, но ты —«

Голосный, съ пронию помѣшанный и на полъ дикій смѣхъ дался почути изъ устъ красной Емилиі на тїи слова. Мѣсяць на небѣ показался якъ свѣжое лице прелестной чарующой нимфы и зѣткнулся съ горячимъ блескомъ очей Емилиі, котра ще съ ироничнымъ усмѣхомъ смотрѣла на барона, пѣдперши рукою кокетно пламенѣющу тварь. —

»Що вамъ не приходитъ на думку!« сказала она »чи вы ще того не видите, що послѣдній вашъ вопросъ дѣлаетъ васъ смѣшнымъ? Вы бъете передъ мною поклѣнъ, бо то мнѣ принадлежитъ... бо вы мусите то дѣлати... понимаете то слово: мусите? Вы мусите и — бѣльше ничъ!« И сновъ засмѣялась она по адски.

Тутъ дался чути топѣтъ кѣнскихъ копытъ, и при сребрнѣмъ свѣтлѣ мѣсяця видно было малое число ѣздцевъ на коняхъ, котрыи зближались узкою прогонною дорогою до двора. Емилиа встала и опершись о поруча веранды споглядала на долину и прислуховалась, якъ конспированный прислухуесь, коли почуетъ сближающихся чужихъ.

»То наши!« сказала она по хвили ѣтвернувшись и надумуючись »они приводятъ певно новыи силы съ собою... Съ ними ѣдемъ завтра

до двора въ Ветлинѣ до Новаковского. Ларизанъ, вы будете завтра моимъ товаришемъ въ дорозѣ до Ветлина чуете, вы мусите,» и она взявши его за руку потрясла нимъ якъ дитятемъ нимъ, котрый стоялъ передъ Емилиєю, якъ передъ чародѣйкою, повинуючись ей воли. Ей вже не было на верандѣ. Баронъ стоялъ ще хвилию и смотрѣлъ въ сторону сали, потѣмъ махнулъ рукою, зробилъ крокъ польки, засвисталъ куплетную арію и повернулъ до сали, где золотая молодежь по скѣнченнѣй расправѣ о наркотичнѣмъ напою, послѣдовала примѣру своихъ дрѣмающихъ отцевъ, держачи крѣпко пястукомъ упяту при боцѣ карабелю, щобы на слѣпо быти готовымъ, чорному ворогови на мѣстци проколоти шію якъ крокодилеви. —

Емилія пѣйшла въ своѣй будоарѣ, на пѣль змучена горячью въ салѣ бенкету, на пѣль пріятно роздражненна конверзацією и шампаномъ, опустилась хороша дама на мягкій фотель, не забувши впередъ запалити по модному стилю здѣланный перфумоаръ, котрый ошоломляющимъ аромомъ наполнилъ комнату. — Черезъ жалюзіи оконъ продирался легкій пріятный огородовый воздухъ, а холодна тѣнь и дрожащіи лучи мѣсяця усовершали сіесту, котра подобала бѣль-

ше на незадоволену безчиннôсть, чимъ на ôтпочинокъ.

»Марино!« свернулась въ кôнци Емилія до сельской дѣвчины, своей покоевой, котра стояла при входѣ и ждала на слова своей панѣ »Марино, розчеши мою фризурѹ и оповѣдай що нибудь, якъ звывкло, щобысь мене успила«.

»Разъ была« начала молода дѣвчина розсказовати »разъ была принцеса, хороша якъ княжна Громовика, чобôтки шнурованныи, сукня мережана, поясъ кованный съ жолтыи ретязями, ей золотый перстень безъ огню горѣлъ, а павяный вѣнокъ безъ вѣтру шумѣлъ; така красна была тая принцеса, якъ бѣла дѣвчина, водяна русалка, що гасить палающу дуброву водою зъ решета. А богата была якъ пôдземный князь, що мешкаеть въ золотыхъ комнатахъ, а вже така была люба и добра, що кто не увидѣлъ ей изъ молодыхъ князей, то заразъ въ ней на вѣки влюблялся... А то лишъ одного не было въ ней, и она была така несчастлива черезъ то, все сумовала, нудила и не могла нигде знайти собѣ супокою.«

»А тымъ несчастьемъ що было?« поспытала поспѣшно Емилія, примруживши очи и перебираючи пальцями по мягкôмъ фотелю.

»О ню старались многіи принцы« толковала Марина »но она не могла знайти въ своимъ сердци ани крыхты любви. Ажъ разъ вертала принцеса зъ купели и стрѣтила въ гаю молоду цыганку-ворожилю и та еще бѣльше засмутила принцесу.«

Марина перестала, но Емилія нетерпеливо порушилась и ей чоло покрылось мракою.

»И що сказала цыганка?« пытала она.

»Она предсказала, що принцеса полюбитъ незадолго одного молодця, но противно не знай-детъ любви.«

»О! и принцеса тымъ засмутилась?« смѣялась Емилія. »Неправдажь, Марино, що то невозможне абы принцеса тая не знайшла любви? Нѣтъ, и кто бы важился ей не любить?!«

И хороша дама уснула якъ дитина при мелодіи колыбельной пѣсни. —

II.

Насталъ ранокъ. На луцѣ коло двора въ Домашовѣ ждали зѣбранныи инсургенты и сѣд-дали поволи гуцульскіи конѣ, котрыи грызли свободно свѣжую траву зъ луки и спокѣйно стояли якъ у своихъ давныхъ властителей, гуцульскихъ верховинцевъ. Они жули безъинтересовно траву

и не сподѣваючись, якихъ поборникѣвъ поведуть до кровавого танцю. Молодыи партизаны протирали очи ѣтъ сну, зѣвали, крѣпились зимною водою, и гдєкаторы дрѣмали еще опершись на сѣдла своихъ коней. Солнце зачало показоватись и пурпуровымъ свѣтломъ озарило вершки Карпатъ, проганяючи густыи мраки, котрыи покрывали землю якъ густый велонъ. Не въ смакъ было молодымъ гогамъ таке житье, бо молчали, понуро смотрѣли наоколо себе и бормотали невыразныи слова, однакъ пардону не было, бо старыи батьки ихъ бодай въ малѣй части не позабыли еще на давну дисциплину.

Ромуальдъ и Емилиа были вже готовы и выѣхали на тресованныхъ арабахъ зъ двора на луку, где шляхта на нихъ чекала. Безъ крику и восхищенныхъ воскликѣвъ сновъ не обѣйшлося, и всѣ сидѣли вже на своихъ гуцулякахъ, щобы рушити до Ветлины. —

До Емилиі приступилъ мандаторъ - катъ въ селѣ, що дался въ знаки кождому господареві, съ хитрыми очима, шельмовскою миною и съ нагайкою неѣтступною въ руцѣ и говорилъ, клѣпаючи очима :

»Маемъ одного доброго пташка, заведеяка довбушовый, такъ му видно зъ очей и барчи-

стыхъ плечей, той рѣзалбы якъ никто, — то сынъ нашего попа Демяновского! але упертый, бестія, ничо не помагаеть, не хочеть до насъ пристати.»

»Онъ будетъ нашъ, мое въ тѣмъ дѣло« закончила Емилія и давши знакъ мандаторови, посунулась на своимъ арабѣ въ мѣстце, где мандаторъ указалъ ей словленного пташка. —

Емилія остановилась и смотрѣла удивлена на мушину, котрый стоялъ спокѣйно опертый на гуцульскѣмъ кони и похмурно поглядалъ на передъ себе. Она опустила зъ своихъ бѣлыхъ и нѣжныхъ рукъ уздечку, ей уста легко задрожали, грудь пѣднеслась и доперва по хвили прійшла сновъ до себе.

Хорошій статный юноша стоялъ передъ нею — Мирославъ Демяновскій. Зъ его молодого лица, котре при блондъ-волосахъ и синихъ очахъ припоминало типъ славянскій, трыскала сила, здоровье и полный розцвѣтъ, а въ синихъ по-нуро поглядающихъ очахъ перебивалось переполненіе мыслей и отвертѣсть; его модная одежда не много знищена показовала на мѣйского шарманта, но видно было, що молодець хоть на видъ такъ выглядалъ, не перенялся еще тою мѣйскою грязею.

»Вы належите до мене« озвалась въ кѣнці Емилиа до Мирослава »Сѣдайте на коня и будете при баронѣ Ларизанѣ другимъ моимъ товаришемъ до Ветлина.«

Она сказала то и чекала отвѣта, но Мирославъ молчалъ еще, опертый о коня и затопивши взоръ въ неопредѣленную даль.

Емилиа прикусила уста.

»До лѣса лишь« сказалъ Мирославъ всѣдаючи на коня »послѣ свертаю въ наше село.«

»Ларизанъ« звернулась Емилиа до барона »представляю вамъ новаго приклонника и члена нашей арміи.«

»О томъ и не думайте, Емилиа Краевска« отвѣтилъ Мирославъ, махнувши рукою и ѣхалъ дальше молчки при хорошѣй дамѣ, котра зъ боку поглядала на молодаго товариша, якъ дансерка кидаетъ погляды на избраннаго, игноруючи своего обовязкового шарманта. —

Три ѣздцы ступали по скалистыхъ дорогахъ гѣръ карпатскихъ, по спадистыхъ стежкахъ и вертепахъ, то снова по буйно зарослыхъ поляхъ и зближались до лѣса, въ котрѣмъ на горѣ рисовались до горизонту руины запавшой будовы. Солнце пѣднеслось въ гору, припѣкало и жгло, розпаляючи гранитныи скалы и яруги и обни-

маючи своїми гарячими лучами золотистий моря дозрілого овса і проса, що вже просилося до серпа і коси. І селяне, що гденеде стояли по полях, в бѣлих одежах, в крысатых капелюхах і широких чересах, думали вже о жнивѣ і споглядали то на небо, виснуваючи в думцѣ о станѣ погоди і покиваючи головами, то на свою ниву, що одна була вѣрна угнетеному зо всѣх сторін селянину. Арабы пѣнилися під крѣпким правленієм і вириваючи твердую землю копытами рвалися до синявым мраком окрашеного лѣса, щоби в его тѣни знайти прохолоду. —

Три їздици поступили в Домашівскій лѣс і віддохнули лѣсним холодним і ароматичним воздухом. При таинственній тишинѣ карпатского лѣса відбивалися тільки ех ступанія коней і стук дятла, що звучав як понурый звѣн рыскаля при мертвецькѣм гробѣ.

Емилія сняла кокетный капелюх і пила грудью лѣсний холод.

»Отпочнемъ, Ларизанъ« сказала она »отпочнемъ на горѣ лѣса. Вамъ баронъ Ларизанъ не в пору выбиратися на кровавый вальс, а менѣ приходить конечно гадка, обавятися, щоби вамъ

въ критичнôй хвили не пошкодила бôльше стрѣла купидона, якъ стрѣла ворога.»

Баронъ съ удивленіемъ поглянуль на Емилию, николи она не ôтзывалась до него такъ солодко, такъ претенсіонально, николи съ такимъ снисходительствомъ не улыбалась до него якъ теперь и ôнъ чулся надмѣрно усчастливленъ. —

»Я сновъ« ôтвѣтилъ ôнъ »не тôлько обавляюсь, но положительно вижу, що такъ будетъ, якъ вы, Емилию, предсказуете, а вся вина будетъ спочивати на васъ.«

»Шутите« говорила Емилиа, поправляючи кокетно рукою фризурю и споглядаючи зъ укуса на молчаливого Мирослава. — Женьщина кокетничаетъ съ кимъ-нибудь, щобы избранному приподобатись и замотати его въ нѣжную сѣть, а ознаки приклонности усчаствляющіи попавшого въ неласку, суть часто обчислены на иный полонъ.

Они приостановились на вôльнôмъ мѣстци въ лѣсѣ и освободили запѣненныхъ арабôвъ. Въ глубинѣ шумѣли сосны и смереки якъ дикій хоръ лѣсныхъ божкôвъ, змѣняючись въ протяжный свистъ подôбный смѣху Сатира и модулюючись въ кôнці въ тужливый плачъ страдающей души. Въ близи розлягался лепôтъ

жерниці мѣшаючись съ шепотомъ ручая, що журчалъ въ долині, въ глубинѣ лѣса.

»Поведу нашихъ пегазівъ до криниці« говоривъ баронъ займаючись арабами.

»Буду васъ уважати за козака, що поить свого коня у берега Днѣпра« шутила усмѣхаючись Емилія, котрой по желанію було ѿдаленіе барона.

Они остались самы — Емилія и Мирославъ. Послѣдній взявши ручницю, оперся о ню якъ стражникъ на ведеттѣ и поглядалъ на село, котре пѣдъ лѣсомъ далеко протягалось, жарѣючи при горячихъ лучахъ солнца. Мирославъ молчалъ. Дитинна злѣсть сверкнула зъ чорныхъ, прошивающихъ очей Емилиі а роза на лиці мѣнилась то въ пурпур то бѣлу лилію. Она кинула византійскій коверъ на мягкій мохъ и усѣла пѣдъ зеленою гущавиною; ей гнучкій станъ, зграбна нѣжка якъ у балетнички, пламенѣюще лице, чорныи лѣоки и живыи очи, все то складялось до образу модной Вилы, славянской лѣсной богинѣ, що гонить за сполоханими оленями.

Однакъ стрѣла не всегда доходить меты.

Ялицѣ зашумѣли снова а въ горѣ надъ руинами старой монастырской будовы спѣвали пѣсню

воздушныи пѣвцы. За зрубомъ далась чути мелодія тужной шумки и блекотаніе овецъ. За хвилю перебѣгла по при Мирослава и Емилію череда бескидскихъ овецъ, а пастухъ, що пригrywаль на сопѣлцѣ увидѣвши неожиданно такихъ гостей въ лѣсѣ, пристануль, потѣмъ прекрестился и побѣгъ за ѡвцями. Слабый голосъ звона церковного долѣталъ изъ села, котре що разъ бѣльше освободжаючись ѡтъ мраки ранной краснѣло при яснѣмъ блеску горячего солнца.

»Смотрѣть, якъ хорошо« сказалъ не ѡтвертаючись Мирославъ.

»Но вы не хорошо ноступаете« отвѣтила дрожащимъ голосомъ Емилія »вы не галянтны. Быти при дамѣ и не старатись о ей взгляды!«

»Того не глядаю.«

»Надѣюсь однакъ, що познаете свѣй блудъ и исправитесь.«

»Въ тѣмъ дѣлѣ неконечно: впрочемъ, Емилія Краевска, ваши желанія странны: то просто гримасы. Вашимъ элементомъ иный свѣтъ — свѣтъ елеганцкого салону и бульвару, свѣтъ рафинованной козеріи, блескъ балевой салы, шелестъ дорогихъ шолкѣвъ, вышуканное меню и вѣчное нервовое волненіе. А я радъ, що звергъ зъ себе иго мѣйского житя, и що вертаю назадъ до

моихъ горъ и рѣдного села, — имъ визнаю мою любовь.»

Изъ стороны ручая поверталъ баронъ — козакъ съ дунайскими арабами. Онъ приблизился и заложивши монокль скривилъ вже уста, щобы съ всѣми вымогами етикеты заговорити: но ненадѣянно получилъ отъ Емилиі рукавичкою по лицу. —

»Баронъ Ларизанъ« приказовала Емилиа »вертаемъ назадъ въ Домашѣвскій двѣръ. Вы ѣдете со мною, а того стрѣхового ембріона оставляемъ его волѣ.«

Она ѣхала съ барономъ и Мирославъ почувлъ спазматичный смѣхъ, котрый дивнымъ ехомъ ѣтбивался по лѣсѣ.

Теперь стоялъ Мирославъ самъ на горѣ лѣса и съ любовію дивился на рѣдне село, до которого давно тягнулся съ тугою, а котре мало стати для него прибѣжищемъ ѣтъ мѣстовой замѣшанины. Гуцульскій кѣнь стоялъ при немъ и вдыхалъ лѣсный воздухъ полными ноздрями; ему за тѣсно было въ темнѣмъ лѣсѣ, а то погулялъ бы на широкихъ степахъ або на высокихъ полонинахъ, за тѣсно въ сердци и тоскно было и юноши. Не веселитись, а плакати приходило Мирославу надъ долею и несчастною

судьбою своею дорогою отчины и своихъ братьей въ сѣраковыхъ гунькахъ, що проживали нужденно въ мукахъ, каторгахъ паньщизняннихъ пѣдъ соломяными стрѣхами. Темно было надъ народомъ, що не зазналъ побратанья съ ясною долею а жилъ въ мрацѣ, закованый и пригнобленный панскою волею и нагайкою. Еще не блескотѣло блаженне свѣтло, лишь слаба баснословна згадка за давныи, щастливыи и золотыи вѣки, миготѣла невыразно на престолѣ отечественного чувства. Ще не явилась искра самопѣзнанія, що пробудила бы дрѣмающій народъ, а тѣлько чорныи фантомы угнетающихъ силъ пересувались передъ очима збѣдженного невѣльника. Такій видъ рѣдныхъ братѣвъ не веселилъ а слезы вытискалъ... Но вже зближалась минута ѣтрожденія, вже вырынали посередъ темноты свѣтильныи слабыи лучи, якъ та ранна зоря, що попереджаеть появленіе солнца. —

Затопленный въ думкахъ сѣлъ Мирославъ на коня, погладилъ его гриву и повторяючи арію о козаку, що зъ вѣка не зналъ пана, спускался по мягкѣмъ моховѣмъ диванѣ, по крутой тропинцѣ лѣса.

Недалеко плоскотѣла кернична вода. Мирославъ привязалъ коня до смереки и поступилъ

въ сторону керницы, перебравшись черезъ рябину, бозъ и яворову гущавину, стануль на свободномъ мѣстци и — дальше не поступилъ.

При скалистѣй керницѣ стояла увлекающа статья дѣвчины, одѣтой въ сельскѣмъ нарядѣ, въ чорнѣмъ богатѣмъ горсетѣ, въ мережанной нашиванной одежи и сафяновыхъ черевичкахъ. — Гнучка якъ опущенна степова нещастна, що замѣнилась въ тополю, здавалась быти легкою якъ ластѣвка, що увиваєсь надъ зеленымъ степомъ. Она стояла надъ керницею, съ котрой силою была вода въ пѣдложенный збанъ, стояла оперта рукою о скалу тримаючи въ другѣй узбиранны лѣсныи зѣлья и играючи ними съ водою. Коли збанъ наполнился, она взяла его и закинувши чорныи косы, звернулась до ѡтходу. Теперъ увидѣль Мирославъ еи лице.

Маковыи цвѣты не заблекнули еще на еѣ нѣжныхъ щечинькахъ, а руса коса ще не покрыта была шолковою фатою, но лентою и розмариномъ прибрана. Еще не шила мати красного сарафану и не казала рано косоньку на двѣ розплѣтати.

Еѣ лице было бѣле якъ снѣгъ и тѣлько тѣи маковыи цвѣты розцвитали самою красою и житьемъ. Нѣжныи, спокойно и наивно уложен-

нии уста, ровный носикъ властный подкарпатскимъ сельскимъ цвѣтамъ, карии, живыи но спокойно и сердечностію поглядяющіи очи становили разомъ совершенну сельску апрѣльку-веснянку, що полно розвивается при маевыхъ лучахъ солнца. —

Она шла съ збаномъ а ей ходъ завстыдалбы не одну городску даму: при всей ей сельскости видно было якуто нѣжность и елеганцію въ движеніяхъ а зъ лица и очей сіяла не проста душа, не простой духъ. Оба тіи элементы, сельскій и чужій салоновый были у ней въ полнѣй совершеннѣй гармоніи и ослѣпили Мирослава. Онъ стоялъ недвижимо. — Дѣвчина перейшла мимо него, долго и спокѣйно вдивившись въ его очи, а потѣмъ скоро и легко якъ серна зникла она межи тѣнистою гущавиною лѣса.

И Мирославъ пробудившись изъ своего очарованья сѣлъ на коня и силою погналъ до рѣдного села, щобы по долгѣй розлуцѣ привитати свою хату и рѣдныхъ.

III.

»Добре, що вже разъ вернулъ ты сыну«, зачалъ по скѣнченныхъ привитаніяхъ сивый, сухій,

высокій, ѿтъ старости немного згорбленный и ще въ шляхоцкой капотѣ, якъ всѣ старой даты священники, парохъ изъ Домашова, Плятонъ Демяновскій »добре що вернулъ-есь. Былъ ты щось три роки во Львовѣ, але вижу, що таки зъ тебе ничо иного не буде, якъ то, чимъ были наши прадѣды и пращуры. Якъ схочешь, то тои осени повезу тя до Преосвященного, нехай ты высвятить на попа. Та видишь и то, що я уже надъ гробомъ, а въ Домашовѣ треба попа. О тѣмъ ще поговоримо; а теперь скажи но менѣ, сыну, що властиво думаютъ теперь Наполеонисты?»

»Вже съ политикою!« заинтоновала досыть объемиста, не молода вже, но все еще крѣпка и черства Праксевія Демяновска, жена Платона, въ коронковѣмъ чипку съ пурпуровою кокардою, съ Елисаветскою колосальною жаботкою подъ шією и въ флоресованнѣй тересовскѣй сукни. »Боже! тая политика то васъ зѣсть, не сидѣлибысьте тихо за пецомъ и не зачепали якихсь тамъ Наполеонистѣвъ. Ану, набій му голову политикою, то змарнѣетъ на ничо. Теперь що иного повинно му быти на гадцѣ. Добре, що вже разъ повернулся. Вже часъ, абы оженился. Кажу ти, файныи панны суть ту-пѣдростають,

— для тебе есть двѣ, три, четыре до выбору, одна лучша ѿ другой. Увидишь, що такихъ перелочокъ нигде нема якъ у насъ. Отъ, заразъ близко у пароха Скороводы есть дочка Ольга, подумай, О-о-льга, хороша, невеличка, блондина и хотъ одинъ маленькій блудъ маеть (за що ю питомцѣ не любятъ), що говоритъ за дрѣбно, то все таки можна ся съ нею женити, а за то она вже носить и кринолину — чого мало где у попадянокъ теперъ еще знайдешъ, бо она по-жичаетъ модныхъ журналѣвъ ѿ економовой. — Теперъ дальше Фильця вихованиця тѣтки о! маетокъ не малый и урода, а на празднику въ Спасовѣ она одна умѣла крокъ польки-франсе. Зновъ декана дочки, ажъ три; деканъ протекція и такъ дальше: но але самъ переконаешъ ся, бо будемъ незадолго робити вступныи визиты.» И допиваючи свою каву, встала попечительна Праксевія и пѣйшла изъучати »Временникъ«, що по при »Мотылю« и »Вѣнку« былъ одинокою книжкою въ сороковыхъ лѣтахъ.

»Фатальныи часы« зачалъ теперъ Платонъ, котрый до теперъ затопленный былъ въ лембергерцѣ »фатальныи часы! Менѣ щось не подобается, шляхта щось вертится, крутится, въ урядовой газетѣ остерѣгають передъ агитаціею,

передъ незванными гôстями и обшубравцями, що волочатся по краю и высылають ôтъ циркулу комисарôвъ по селахъ; тамъ сновъ на границѣ Мадяре нападають на села и рабують, а все кропится на нашôмъ мужику.»

»Мы винны тому« ôтказалъ Мирославъ оглянувши по порядку и старинный споловѣлый плянъ Вѣдня и каббалистичну книгу »мы не повинны такъ заховатись взглядомъ того бѣдного мужика, якъ до теперъ было въ ужитю мы повинны зближитись до него и просвѣщати его.»

»Новикъ! новицій зъ тебе, якъ бачу« ôтозвался Платонъ »уже ты собѣ запряталъ голову якимись баналюками тамъ во Львовѣ! Но, но, и я чуль тамъ щось за теперѣшнїи рухи. Славяне будьто рушаються, Кукульевичъ баснословить наветъ о якôмсь славянскôмъ конгресѣ, а владыка Черногорскїй Ньегошъ пише хорошіи поезїи... та то ще пôль бѣды, они мають бояръ, шляхту, владыкъ... а мы...« и Платонъ махнулъ рукою и здвигнулъ раменами.

»Намъ тôлько свѣтла треба, ничъ бôльше, лишъ свѣтла« говорилъ Мирославъ, щоразъ бôльше впадаючи въ горячковôсть »народъ нашъ спить еще и его треба збудити: до теперъ тôлько стогналъ и бѣдовалъ, нова ера надходить, сбли-

жається и намъ не все остати на однѣмъ степені бездѣлія и темноты, но зачати намъ треба положительну працю.»

»Праксевія! Праксевія! Ходи но« кричаль Платонъ »ходи но послухай! що тамъ зробилось зъ нашего Емирка. Чи чуешь, яку проповѣдь говорить, — новиція, новиція! Але роби собѣ, що хочешъ, кобысь мнѣ былъ добрымъ попомъ! Возьми тамъ осмогласникъ и приучи ся гдѣякіи кондаки, абымъ, якъ повезу тя до Преосвященнаго, не завстыдался тобою.»

Кава окѣнчилась и оба встали ѿ стола. Розгоряченный Емирко походивъ по комнатѣ, оглянуль стародавнии образы по стѣнахъ, межи иными образъ Наполеона первого и новокупленный портретъ епископа Снѣгурского, потѣмъ зняль гитару, необходимый »мебель« въ кождѣмъ плебанскѣмъ домѣ, заграля кѣлька аккордѣвъ пробуячи затыгнути пѣснь за гетмана Сагайдачнаго и такъ повитавши все, вийшолъ передъ дѣмъ, где сивый Платонъ стоялъ заложивши руки въ задъ и приглядаючись малому хлопакви, що на оборѣ заходился коло коня.

»Иду на шаласъ« сказалъ Емирко сближившись до батька.

»Ага! теперъ есть въ царинѣ шаласъ за

обочами. Але, чекай, придивися, якъ малый Чико вытресоваль менѣ коня!»

Малый Чико былъ десятилѣтній цыганъ. Чорнявый съ чорными кучерями, съ запаленными очима, звинный и кровный, якъ всѣ зъ его племени шамотался Чико съ молодымъ гарсамакомъ, якіи дико жіють по пусстахъ угорскихъ.

»Не увѣришь, Емирку, що за кровь въ тѣмъ Чико« продолжалъ батько, »дике гача*) вытресоваль менѣ лучше, якъ якій канониръ. Онъ ѡтлучился ѡтъ банды цыганѡвъ и сталъ у мене на службу. Добрый, лишь непосѣдющій. Ану но Чико!» крикнулъ Платонъ.

Чико былъ вже на гачу и погналъ.

Платонъ опровадилъ ще сына по будинкахъ, указалъ на ѡтновленіе плебаніи, котра хотъ по́дъ стрѣхою еще — всегда однакъ свѣтила mezi курными хатами Домашова.

Изъ тѣсной дороги заставленной плугами и новоплетенною брычкою, не видно было ничо, лишь кусъ неба и спичастыи горы, що замикали плебанѡвску долину.

Мирославъ пустился дорогою до села, щобъ черезъ него дѡстатись до шаласу батькѡвского а властиво, абы дати свободу своимъ мыслямъ.

*) Гача = по́дростающій лошакъ.

Солнце снова світило пурпурово, но то не пурпура зорѣ, но пурпура заумиранія. Поволи ховалось оно за карпатскіи высокіи полонины, прощаючись съ дрѣмающимъ селомъ, котре пливало въ бѣлѣмъ дымѣ, розлягшимся изъ курныхъ хатъ по долині. На небѣ групувались бѣлыи хмарки, що поволи повлекалися червоною краскою ломаючи въ собѣ вечерніи лучи солнца. —

Емирко пересувался узкимъ прогономъ, помежи соломяныи стрѣхи, поглядаючи часто въ сторону лѣса и руинъ, где видѣлъ красну дѣву. А на мѣстце козацкой заведеяцкой пѣсни насулулась теперь любовна мелодія мягка, тужлива о сарафанѣ и чорнобрывцѣ.

На дорозѣ встрѣчали его то дѣти, котрыи утѣкали ѿтъ появившогося пана якъ ѿвцѣ ѿтъ волка, то паробки, що шутили засѣвши на плотахъ або воротахъ, то старыи, сивыи газды мужики, що ще Маріи Тересы зажили, и знявши кресаню витали по гѣрскому обычаю.

Минувши село Емирко перейшолъ на граничній верхъ царинскій, коли вже солнце совсемъ сховалось лишаючи темноту надъ селомъ. Мирославъ пристанулъ и звернулъ взоръ на село. Было вже темно, тѣлько въ ѡкнахъ курныхъ хатъ миготѣло на припѣчкахъ смерекове світло,

якъ огненнии языки то угасаючи и зникаючи, то на ново вспыхаючи. Зъ далека чути было скрипъ господарского воза, щеканіе псѣвъ и клекѣтъ буська, що усадовился на соломьянѣй стрѣсѣ.

»Счастливыи люде, а однакъ безъ долѣ и гаразду« сказалъ до себе Мирославъ и зближался до шаласу.

Кто николи не видѣлъ житя полонинскихъ чобанѣвъ и югасѣвъ*), кто николи не прислуховался при таинственнѣмъ свѣтлѣ мѣсяця або при сумнѣй и чорнѣй карпатскѣй природѣ — тужной и меланхоличной аріи гѣрской коломыйки, кто не малъ случаю пѣдхаповати тѣи плачущіи и сумующіи мотива карпатской думки выгриванной на простой флорѣ, и кто не прислуховался сказкамъ старого бацы и чобанѣвъ або сивого странника при свѣтлѣ смерекового рѣща, того взоръ почилъ лишь на бѣлыхъ неботичныхъ карпатскихъ полонинахъ и скользилъ по ихъ бѣлому снѣгу або синихъ хмарахъ а — не зазналъ правдивой солодичи. —

Въ бѣдѣ и нужденно жѣють пѣдкарпатскіи сыны подѣ гнетомъ, но они чуются счастливыми,

*) Чобанъ = ѣвчаръ. Югасъ = пастухъ стоящій подѣ правленіемъ бацы, головного ѣвчаря. —

бо — жіють въ Карпатахъ, въ карпатской природѣ, той дорогой матери, що такъ солодкою, глубокою, молящею и тужливою пѣснью уколываетъ свои дѣти, що тихо якъ блаженный таинственный хоръ шепчетъ любезничающе »Люлѣ« надъ колыбелею своего народа. — Вѣрна сопѣлка, мелянхолична арія всегда и всегда обертающася въ тыхъ самыхъ нюансахъ одного мольового мотива а дальше весела чабарашка, коротка пѣснь о Залавадской дѣвчинѣ съ урваннымъ законченіемъ суть для овчаря карпатского достаточною надгородою за всю его бѣду и нужду.

Овчарскій пѣсь при кошарѣ ѡтозвался, почувши зближающаго ся гостя а чобаны, що сидѣли наоколо розложенного огню коло колибы овчарской, поѡтвертали свои лица въ сторону, зъ котрой сближался Мирославъ. Они дивились въ темноту и по видимому не могли розпѡзнати, бо одинъ югасъ всталъ, взялъ зъ огня смоляне полѣно и поднесъ го до лица приступившаго гостя.

»Та то нашъ властелинъ Емирко« воскликнули всѣ, приточили му пнякъ, упросили сѣдати коло огню и самы заняли давныи свои мѣстця. »Ехъ-же и непѡзнати васъ, Емирку. Бывало дѣтвакъ таки толчеся где по нашихъ увозахъ а теперь-

ану на силу то и чоловѣку якось не въ смакъ было бы заходитись съ вами. Ехъ-же тамъ у мѣстѣ! И волосья пѣдтяли и пѣдъ шію жолту рубашку дали, а то лемъ кобы вамъ волосья по плечи, якъ у насъ, тай ходаки, тожъ-то бы чобанъ съ васъ былъ, якого въ Карпатахъ не було! Кусъ пѣдождѣтъ то и вамъ волосъ стане якъ Дунай: краса-жъ буде бѣлыи кудры якъ Дунай! А ще якіи кудры, думаешъ самъ жолтѣсѣнкій лень!»

Такъ говорилъ баца начальникъ ѡвчарѡвъ, малый крѣпкій, широкоплечій и мускулярный гѡрнякъ съ долгимъ темно-желтымъ выдегтѣваннымъ волосьямъ, съ усомъ подстриженнымъ на видъ щетины, въ широкихъ осмаленныхъ угорскихъ панталонахъ съ чересомъ широкимъ сягающимъ пѣдъ груди и въ сѣраковѡмъ киптарѣ*) съ блестящими запинками и оздобами.

Прочіи ѡвчарѣ сидѣли на около огню съ неѡтступными люльками, съ осмаленными лицами, орлиными носами, черными замашистыми усами и ширококрысыми капелюхами. — Изъ дали дался чути голосъ понурый нѡчный пугача а въ воздусѣ потягнулъ нѡчній прошивающій вѣтеръ

*) Киптаръ = родъ жилета безъ рукавѡвъ.

полученный съ дикимъ свистомъ. Баца вскочилъ на ноги.

»Ехъ-же! чортъ а не пугачъ« говорилъ онъ, замахуючи великимъ костуромъ »чи сѣди, чи спи, чи люльку кури, а той тамъ кряхчитъ и кряхчитъ, якъ бы му душу вырывали. Дай медведя, уже съ нимъ справлюсь: пѣдъ шію му пѣдойду, присаджусь, удушю таки руками, а той пугачъ надоѣлъ вже чоловѣку: начнетъ кряхкати, думаешъ смерть вже тобѣ за плечима... А то ѡтъ того часу скрегоче, якъ той гончаръ тамъ забрался.«

»Гончаръ? Що за гончаръ, тамъ въ старѣмъ монастыри?« пыталъ Емирко, пригадуючи собѣ на свою памятную встрѣчу въ лѣсѣ пѣдъ старыми мурами опустошѣлого монастыря. —

»Не знаете?« продолжалъ югасъ »тамъ завѣкъся якійсь ни песъ ни баранъ и сталъ мешкати у тыхъ пустыхъ казаматахъ — духъ святой съ нами, — где нога людска давно не ступила. То вѣдьмакъ у заговорѣ съ нечистымъ. Хиба у мѣстѣ такіи дурныи люде, що купуютъ у него горцѣ и збаны а то хранъ васъ Боже, они всѣ натерты чомберомъ, що якъ занесешъ у хату, то съ нимъ и нечистый. Его звутъ Маковиѣкъ, бо бачьте стара Явдоха, що збирала чер-

ницѣ, по́дсмотрѣла, якъ онъ варилъ въ кѣтлѣ макъ и гечи-печи, абы тымъ затуманити и заслѣпити людемъ очи. И той пугачъ — то не пугачъ но нечистый вѣдьмакъ.»

»Оно не такъ« проповѣдалъ Мирославъ »но скажѣтъ мнѣ, чи мае ще кого при собѣ?«

»Не такъ?« (Тутъ баца грозьно поглянуль на Мирослава) »Вы ще молоды, та не знаете, що то есть чары и темныи силы. Хиба перомъ знаете махати у бюрѣ. А я вже вѣкъ добрый прожилъ. — А мае онъ ще, той гончаръ и чарѣвницю при собѣ. Люде видѣли въ лѣсѣ, якъ ходила. Кажуть гарна. Але то — русалка!«

Мирославъ потеръ рукою чоло и здавался переполненный быти думками, бо вставши схилился по капелюхъ и лѣску, що лежали на земли и хотѣлъ ѿтдалитися. Въ той хвили подулъ сильный вѣтеръ и плотяна кошара затрѣщала.

»Ого« ѿтозвался югасъ: »будеть дощъ а они вѣдай хочуть до дому ити... Отъ лѣпше переспятся ту въ колибѣ нашой.«

Мирославъ нѣмо поглядалъ въ сторону монастыря.

»На кождый случай есть она русалкою, въ тое я самъ вже вѣрую, а и чаровати умѣетъ она добре« сказалъ онъ и забирался въ шаласъ, где

не одну нѣчь въ молодыхъ лѣтахъ переспалъ и не одинъ день просидѣлъ.

»Ану вставай ты »румунешти« « кричалъ баца потрясаючи колибою »маемо ту, Емирку, якогось ѡвчаря изъ Валахіи, зайшолъ туда куповати козы и бараны: ѡвчаръ зъ него былбы ще не абы якій: встыда челоуѣкови не сробить, лише що и слова съ нимъ не розмовишся; по нашому ѡнъ не розумѣеть а мы его не розумѣемъ: пытается насъ по своему »румунешти?« *) а мы ему хиба знаемъ сказати »нешти!« **)

Изъ колибы высунулась стать въ грубомъ сѣраковѣмъ войлоку, съ долгими усами, широкою капелюсѣ съ припаленнымъ широкимъ лицемъ. — Волохъ бормоталъ несрозумѣлыи слова а послѣ заточился въ сѣно и заспалъ.

Ѡвчарѣ ѡтновили огонь, дали нѣчній знакъ трембитою, и засѣли на ново коло ватры. Ѡвчарскій песъ, що дрѣмалъ коло огню, заголосилъ хвилями, почувши въ дали волка а не одинъ лиликъ дѣткнулся крылами поломѣней трѣскающаго огню, що мѣшался постепенно съ бѣлыми и чорными клубами дыму.

*) „Чи говоришь по румынски?“

**) „Нѣтъ!“

Въ кѣнці и югасы заспали пѣдъ голымъ небомъ, и доперва ранній ѡтголосъ церковного звона побудиль всѣхъ зъ блаженного сну.

IV.

Разомъ съ югасами всталъ и нашъ Мирославъ и розставшись съ ними пѣйшолъ въ сторону лѣса.

Его одинокою цѣлью было теперь, узнати, кто та хороша Русалка.

Ѳнъ не осталъ отдѣленъ отъ завладѣвшаго и розгорячающагося тогда народно-демократичнаго духа и былъ однимъ изъ тыхъ, що иначе и въ инѣмъ ѡтношенію до себе видѣли масу народа, котрой ѡтъ многихъ столѣтій никто не уважалъ, до котрой никто не приближался: а не былъ свободный и ѡтъ фанатизму, що въ парѣ идетъ съ кождымъ новымъ розгаромъ.

Ѳнъ ступалъ въ лѣсѣ стежкой до звалищъ монастыря. Трава и зеленый мохъ были покрыты буйною росю, що якъ перлы блескотѣла на лѣсномъ поли, а на величезныхъ галузахъ смерекъ и сосенъ бѣлѣли еще неповрежденные сѣти паутины, обнимающіи лѣсъ якобы яко легкою сѣбрною тканиною. Изъ долины долѣталъ

звукъ косы, що готовилась вже застелити поля валами гôрского ôвса и ячменю а зъ горбкôвъ и пасовискъ ôтзывались стада овецъ.

Съ бющимъ сердцемъ пристанулъ Мирославъ передъ мурами и прислуховался. Лише голосъ топора ôтзывался за старыми мурами. Звалища старого монастыря зналъ онъ такъ добре, якъ кождый кутикъ своего рôдного села и памяталъ цѣлую ôтпись папского декрету, котрый вырытый надъ дверми головной сали осталъ одинокимъ памятникомъ, пригадующимъ, що въ тыхъ мурахъ мѣстились колито наслѣдники Лоюлы. Часть мурôвъ еще стояла, часть упала совсемъ и становила тôлько прибѣжище для нôчныхъ птицъ; народъ оминалъ тую часть лѣса яко закляту и розсказовалъ много о упырахъ и мавкахъ, що снуются по чорныхъ коридорахъ и комнатахъ руины. —

Теперь стоялъ Мирославъ передъ теми мурами, съ намѣреніемъ пôзнати той таинственный свѣтъ духôвъ. Его тягнули чары, чары очей и сѣтъ незнанной русалки.

Онъ вступилъ на старыи почорнѣлыи сходы; доски порушались и кôлька ящѣрокъ шибнуло изъ нихъ въ гущавину. Голосъ топора утихъ и Мирославъ входилъ вже въ чорный коридоръ,

коли изъ однихъ бочнихъ дверей показался чоловікъ високого росту, съ запалыми щеками, пѣдтятою бородою, въ сивой куртцѣ сягающей по колѣна и перепасанной ремнемъ, въ малярской чапочцѣ и съ топоромъ въ рукахъ.

Мирославу припомнулся розказъ югаса. Оба они стояли хвилю поглядаючи на себе въ нерѣшимости, почѣмъ чоловікъ въ куртцѣ обернулся и ѡтдалился въ другій конецъ коридора.

»Що у ката!« говорилъ недоволенъ Мирославъ, потеръ чоло и рѣшительно пѣйшолъ въ глубъ за гончаремъ. Перейшовши пустыи комнаты, дѣстался въ кѣнци до сали, що здавалася быти обиталищемъ гончаря. Грубый муръ мѣстцами попуканый, фрамуги съ рѣзбами Алойзого и Савины и малыи знищенныи ѡкна припоминали келію монашеску; на серединѣ стоялъ простой дереваный стѣлъ и лавка, а пѣдъ стѣною рядъ горнцевъ и збанѣвъ. Понуро споглядающій чоловікъ въ сивой куртцѣ, стоялъ на пѣлъ ѡтверненый ѡтъ войшовшого Мирослава и занимался своимъ дѣломъ.

»Щастъ Боже« зачалъ Мирославъ »чи вы нашъ чоловікъ изъ тутейшого села, чи где изъ близи зайшли?«

»Чи я вашъ?« гончаръ кинулъ зъ боку не-

довѣрчивый поглядъ на вопрошающаго гостя:
 »Абожъ вы кто?»

»Передомною можете смѣло и отверто говорить« увѣрялъ Емирко »вы видите мене вправдѣ убраннаго якъ пана, але знайте, що пѣдъ тымъ сурдутомъ бѣеть таке саме сердце, якъ пѣдъ сѣракомъ. Васъ люде зъ села оминають, бо видять въ васъ чарѣвника, але менѣ о тѣмъ не маєте що говорити. А може васъ и паны минають яко сѣраковаго, але видите, що я не той; я догадуюсь, що вы не любите сурдутовыхъ, но мене не берѣтъ за такого. Я вижу вашу бѣду и чую ваше горе, тай скорше може хотѣлъ-бымъ ити за плугомъ, якъ сидѣти въ фотелю.«

Гончаръ зморщилъ брови и зѣтхнулъ.

»Ой тяжко« проговорилъ онъ »тяжко не матери своей нивы и своего плуга.«

»А вы не свѣй газда?« спросилъ Емирко.

»Я? Отъ, вандрующій зарѣбникъ.«

»Вы изъ Бойкѣвъ зайшли?»

»Бывалъ и у Бойкѣвъ. Где берутъ мою роботу, тамъ и сиджу; посиджу, и сновъ дальше потягну.«

»А ваше рѣдне село где?»

»Рѣдне село?« гончаръ здрѣгнулъ и сновъ поглянулъ недовѣрчиво на Мирослава.

Въ той хвили дался чути легкій хѳдъ и лѳсна русалка легкимъ крокомъ вѳйшла въ комнату, въ тѳмъ-же самѳмъ пестрѳмъ нарядѳ и съ кошомъ въ руцѳ: пестра, красивыми цвѳтами флоресованна закидка окрывала ей волнующуся грудь а червона калина украшающа ей чорныи косы отбивала плѳняючо съ ей снѳжно-бѳлымъ лицемъ, на котрѳмъ всегда мѳнялись и пламенѳли тѳйже маковыи цвѳты. Живыми, но строгими очами здраджовала она душу, що розвивалась не тѳлько пѳдъ самымъ горячимъ солнцемъ и при беззаботнѳмъ спѳвѳ соловѳя, но пила еще и зъ иного жерела и иной пѳсни прислуховалась. —

Она хотѳла ѳтозватись, но увидѳвши нового гостя, покраснѳла и якъ ланя нѳжно ступаючи поставила на столѳ кошъ.

»Февронко!« ѳтозвался гончарь »чи уладилась все добре въ мѳстѳ?«

»Якъ видите, добре« сказала она глядаючи въ коши »а за зрубомъ знайшла я ядомое зѳлья, оно помѳчне.«

»Вамъ Февронко не до лица такѳи слова« заговорилъ Мирославъ »вамъ не до лица; чи и вы вѳрите въ такѳи небылицы?«

Еи очи смѳялись наивно и смотрѳли на Мирослава.

»А певно: въ чары не вѣрите а будь где стрѣтите даму городску, то ѿтъ чарующей пачули и вянете! А що?« И она смѣялась, показуючи бѣлыи зубочки а послѣ кинувши еще одинъ взѣръ на гостя улетѣла якъ легка птица. —

»То ваша дочка?« свернулся Мирославъ до гончаря.

»Дочка, Февронка.«

»Хороша дѣвчина!«

»Отъ звычайно селянка.«

»Чоловѣче« говорилъ горячково Мирославъ
»чоловѣче, ты повиненъ гордиться такою дочкою.«

»Где мнѣ гордиться, я не панъ.«

»И я не панъ, а хотъ родомъ поповичъ, а душою вашъ!«

»Поповичъ?«

»Демяновскій.«

»Боже! Емирко« воскликнулъ гончарь и ударилъ рукою въ чоло.

»Вы знаете мене?«

На лицѣ гончаря показались ознаки колизіи и ѡнъ не зналъ, що отвѣтити. —

»Здаесь...« говорилъ ѡнъ якбы черезъ сонъ
»здаесь котрыйсь изъ пастухѡвъ, розказовалъ мнѣ, що тутейшій пѡпъ маеть сына Емирка... Боже... а чуль я и за доброго старика отца

духовного Платона... я чуль... а то кажуть, що и его катують, и не оминають паны изъ двора... но прійдетъ часъ, що каждому за свое ѡтплатится.»

Гончарь затиснуль руки, а въ очахъ его сверкнуль огонь. Онъ взяль зъ угла ручницю, закинуль ю на плечи, натиснуль мадярску шапку и зморщивши брови покручовалъ усъ.

»Теперь иду въ лѣсъ за дичиною« сказалъ онъ »въ Соколицкій лѣсъ, ходѣть и вы, убьемъ що нибудь.«

Они бушовали по дебрахъ Карпатскихъ лѣсѡвъ, по урвискахъ, помежи густыи корчѣ лѣщины, ялѡвцю и дикого бозу, по пѡдъ высокіи чорнозеленыи смереки, то сновъ по гаяхъ бѣлыхъ березъ и трепетины и упивались то красотою природы, спѣвомъ лѣсныхъ птицъ то свистомъ угорского вѣтру.

Не было вже прохолоды для зачарованного сердца Емирка. Ему по мысли были такіи страстныи ловы. И товариша знайшолъ такого, що якъ-бы зъ отчаянія або яко вѣрный сынъ лѣса счастливымъ здавался быти, коли можетъ ступати и лѣтати по карпатскихъ вертепахъ, не знаючи границы въ дикѡмъ майже удовольствію.

Гончарь то приставалъ то пѡдслуховалъ, то

сновь якъ страстный стрѣлецъ слѣдилъ настойчиво дичину, що полохливо утѣкала передъ незнанными гѣстями и до того несподѣванными. Отвѣчныи лѣсы бескидскіи не мали и не знали такихъ гостей, нога чоловѣка не ступала въ многихъ предѣлахъ тыхъ лѣсѣвъ. Хапчивый волкъ, полохлива серна, громада лисѣвъ и лѣсныи деспоты, владѣтели карпатскіи — медведѣ, свободно ходили помежи поваленныи дубы и смереки и не знали еще своего врага.

Гончаръ водилъ Мирослава по тыхъ отвѣчныхъ лѣсахъ якъ по своей державѣ. Тутъ указалъ на широкій дубъ, тутъ на чорну пропасть, зъ котрой тѣлько шумъ воды долѣтаетъ а тамъ на зеленый звѣнками и папоротею покрытый горбокъ, где »ажъ душа радуется, коли поглядаетъ на розстелене въ долині село.«

Мирославъ ишолъ за нимъ повинуючись и стараючись зѣбрати свои мысли, котрыи еще не освободившись ѣтъ образу плѣнившой его русалки, вже останавлиались надъ непонятнымъ явленіемъ, природою и видомъ — монастырскаго гончара, котраго непевный взѣръ, хмара часто появляющася на чолѣ, выминаніе отвѣта на вопросъ о минувшости и въ кѣнци неповседневный селянскій типъ не уйшли его увазѣ. Февронка еще

убольшала тую непевнôсть и сомнѣнiя Мирослава; онъ видѣлъ, що она не сестра возросшихъ пôдъ соломяною стрѣхою дѣвчатъ, що ей нѣжный добротливый съ наивною кокетерією помѣшанный складъ устъ, довольствами и спокоемъ назначенный усмѣхъ, спокôйный жаръ въ очахъ и русалковый легкій хôдъ, — що все то кажетъ догадоватись розцвѣту ей не пôдъ пустою и бѣдолашною стрѣхою селянина.

Гончарь давалъ такожь собою много розбору о своей минувшости. Мирославови пересувались передъ очи розказы зъ молодыхъ лѣтъ, сказки мамки або старой пряхи при коминѣ о хмарникахъ и знахорахъ; онъ помнилъ ще зъ молодыхъ лѣтъ старого бородатого Хмарника Жаватьева, що ходилъ убранный якъ пôдпанокъ, а жилъ въ печерѣ за Чорною Скалою, еще припоминался ему заходившій часто въ дôмъ родительскій вѣщунъ Верета, що носилъ бюровый каскетъ и сину капоту и ворожилъ изъ руки и кôтла. Все то скланяло Мирослава, бодай не ôттягаться ôтъ вѣры, що гончарь ничо иного, лишь дѣйстно знахоръ и ворожбитъ.

Они помучившись бѣгомъ шаленымъ и ловлею, ôтпочивали при жерелѣ гôрского потока.

»Отъ, то житъе!« почалъ гончарь, сѣдаючи

отъ труда на мораву и покрѣпившись водою, »отъ, яке житъе. А то бѣгай туда и до смерти, а не набѣгаешся. Уже тѣи горы, катъ ихъ туда не наносилъ! А то — иди у мѣсто — на ничо; плюнешъ тай утечешъ; иди у подѣлье — на ничо, посоловѣшъ, а не втнешъ. Ей Емирку, Емирку, уже тѣи горы та лѣсы! Жіешъ а ненажіешся.»

Такъ говорилъ гончарь и пожиралъ очима вечерній пейзажъ, якій становило освѣтленне вечерними лучами солнца домашѣвске село. Въ около чути было сопѣлокъ и спѣвъ молодицъ и легинѣвъ, що вертали зъ поля до своихъ хатъ. За ними тягнулся где сивый старикъ, що несъ на рукахъ дитя за молодою робучою парою, тамъ провадилъ малый хлопецъ телѣгу, а тамъ сновъ гналъ економъ нагайкою звязанного робѣтника, щобы ѣтплатитись ему у себе дома за якуюто дерзость оказанну на поли. —

Всѣ вертали въ село, а и два якъ орлы по Карпатахъ бушовавшіи стрѣльцы стали на розстайнѣй дорозѣ, що въ лѣсъ и въ село розходилась.

»Чоловѣче« ѣтозвался Мирославъ до гончаря положивши руку на его плечи »скажи мнѣ одну рѣчь отверто, схочешъ?»

»Отъ не пытайте — Емирку — не пытайте« отвѣчалъ гончарь потупивши взѣръ въ землю.

»Не жадаю ѿтъ васъ, за много, чого не можете сказати и не входжу въ ваши дѣла. Але тая Февронка... ѿтъ я хотѣлъ спытатись васъ коротко, чи ваша перла Февронка узрѣла свѣтъ пѣдъ сельскою стрѣхою?«

Въ очахъ гончаря блиснулъ снова огонь.

»Та ѿтъ« ѿтказалъ ѡнъ »она собѣ селянка, ѿтъ селянка, якъ та и другая.«

»И вы изъ сельской хаты?«

»Тай я — Стефанъ Феѣшинъ.«

»Досыть« закѡнчилъ Мирославъ »а то и завтра погуляемъ туда.«

»Погуляемъ,« сказалъ Стефанъ »ѡтъ що, а погуляемъ добре.«

Они розѡйшлися.

Село снова задрѣмало, снова туманы розстелились по долинь, а пугачъ все и все затыгалъ свою гробовую нуту. —

V.

Перейшло кѡлька дней. Мирославъ сталъ щоденнымъ гостемъ въ заклятѡмъ монастыри. — Тамъ знайшолъ ѡнъ щирѡсть и правду и тѣи два ѡткрыты дары пестилъ и тѣшился ними, якъ дитя найденнымъ свѣтилкомъ. — Гончарь

Федишинъ мало стратилъ на своей ляхоничности, но все радостно и съ восторгомъ виталъ надходящего Мирослава, а Февронка якъ соловѣй щебетала и щоразъ бѣльше увлекала въ сѣть Мирослава. Отъ первой встрѣчи вспыхнула въ немъ любовь до нѣжной дѣвчины, що была щирымъ дитятемъ природы, що зросла въ народѣ, который сокровищемъ былъ для него, що якъ полудика лѣсна рожа свободно розцвѣталась пѣдъ карпатскимъ небомъ, не знала выкѣнченныхъ, рафинованныхъ желаній не упивалась модными наркозами духа, но тихо и въ дружбѣ съ чарующою природою сама чаровала сама незнаючи, яка чаровна сила въ ей живыхъ очахъ, въ ей беззаботномъ усмѣху и свавольныхъ словахъ. А при томъ сверкала все у ней якато высша душа, котра не могла самою лишь природою выродитись.

Якъ долгоожданный скрѣпляющій маевый дощъ унылыи и розпаленныи цвѣты ѣтсвѣжуе къ новому житю, такъ была любовь Февронки для Емирка тоюжь благодатною росою. Прибѣжища не знайшолъ ѣнъ ни въ пикантномъ свѣтѣ, ни въ его выдумкахъ, ни въ ошоломляющѣмъ модномъ ураганѣ, а киненый на идил-

личный берегъ свободы и щирости запалъ въ солодкій сонъ.

Народъ изъ села миналъ и на дальше старыи звалища и розказовалъ все новыи приключенія и »чорныи дѣла« незнаныхъ силъ въ монастыри. Вѣсть ишла, що вѣдьмакъ въ видѣ гончаря стрѣтилъ на стежцѣ полонинской ведущей до мѣста молодого легины и очаровалъ его розмариномъ и вываромъ зъ гечи-печи: сейчасъ потѣмъ опустила легины, его дорога Парася, ѡтлюбила и полюбила другого чорнобрового а самъ легины кинулся зъ отчаянія въ дебру и погибъ. — Нѣчній пастухи, що на берегахъ рѣки стерегли коней присягали на все въ свѣтѣ, що межи мавками и русалками провадившими свои игры на берегахъ рѣки видѣли увѣнчанную папоротею русалку изъ заклятого монастыря. — Многіи розказовали, що видѣли наветъ, якъ гончаръ тайкомъ ночею заводитъ дѣла изъ панами двѣрскими, съ дѣдичомъ Краевскимъ и якимись контушовыми панами, що недавно пріихали зъ Кракова. То толковали селяне въ той спосѣбъ, що и красна а недобра панѣ дѣдичка Емилиа такожь не иначе, но лишь ѡтъ нечистого купила свою красу и уроду, и дальше держитъ съ нимъ заговоры.

И Мирославъ досматривалъ, що гончаръ якто сносится съ панами а его скрытѣсть, жаръ въ очахъ на вспоминку о минувшости и униканіе селянъ были въ противности до того восторгу, съ якимъ гончаръ виталъ карпатскій свѣтъ. — Мирославъ видѣлъ лишь ину красу, красу, що свѣтомъ была для него, въ очахъ и усмѣху Февронки. —

О ей красѣ говорили много и въ мѣстѣ, где Февронка роботу своего батька и свои гафты на продажъ носила. — Гуцулки славятся далеко своею красою и своими гафтами; но никто не зналъ такихъ гафтѣвъ якъ Февронки. Вѣсть »о хорошей Гуцулцѣ« розѣйшлась далеко и наветь іозефинскій мундурованный мѣстовый староста италіанецъ, сказалъ що »не видалъ еще такой красы лица«.

Соколицкій лѣсъ всегда виталъ своихъ бушующихъ орлѣвъ а дичина не ставала уже здумлена, но пѣзнавши своихъ ворогѣвъ крылась межи яруги.

Мирослава не было кѣлька дней въ монастыри. Гончаръ скучалъ и ходилъ якъ несамовитый потупивши голову и на многіи вопросы не отвѣчалъ Февронцѣ: Такій былъ онъ, коли Емирко долшій часъ не являлся.

Солнце было на найвысшой точцѣ своего ходу и жарило пекучо, передираючись упорчиво въ веранду постарѣлого монастыря, въ котрѣй Февронка играючи съ дикими голубами старалась зѣгнати хмару изъ чола гончаря, стягнувшого брови.

Въ лѣснѣмъ зрубѣ затрѣщало; Февронка вскочила и опершись о поруче веранды поглядала въ лѣсъ.

»Емирко« воскликнула она радѣстно.

Емирко былъ въ минутѣ на верандѣ и поздоровилъ по обычаю.

»Ей, Емирку!« зачалъ гончарь заложивши руки и поглядаючи на землю »ей Емирку, а то не мѣгъ я вже и мѣстця собѣ знайти; позабылъ бачъ на Федина!«

»Не позабылъ, Фединъ, нѣтъ« отвѣтилъ Мирославъ »а такъ... отъ просто... Вы уникаете людей, та може и я вамъ не на руку.«

»Боже« заголосилъ Фединъ и взялся за голову, »що вы не говорите, Емирку... Вы... я васъ... бывало... Боже, все то проминуло...« и Фединъ стиралъ сѣраковымъ рукавомъ слезы. За хвилю повстыдался того, и прибравши сновъ хмарный видъ сталъ на пѣль ѣтверненный ѣтъ

Мирослава и поглядалъ въ полонины. Потомъ взялъ изъ лавы топоръ и отдалился молчки въ лѣсъ.

Черезъ листья хмелю продерся голубъ и сѣлъ на рамени Февронки.

»Смотрѣть« сказала она до Мирослава, смѣючись очима »смотрѣть, якій красивый и лагôдный той голубъ... То дикій а однако якъ дружескій онъ со мною... Тыхъ маю бôльше въ лѣсѣ и они всѣ мои улюбленныи...«

Она приблизила руку съ просомъ и голубъ дружески принималъ даръ своей владѣтельницы.

»Онъ понимаетъ такожь и поцѣлуй« говорила дальше Февронка, но голубъ сполоханный полетѣлъ въ воздухъ.

»Онъ видно не любитъ васъ Февронка« сказалъ теперь смѣючись Мирославъ.

»Не любитъ? може быти, но я его всегда.« И она обернулась на обцасъ своего сафянового черевичка.

»Я не въ правѣ: онъ любитъ васъ, и кто бы васъ не любилъ!«

»Отъ, не смѣйтесь« противилась Февронка и опершись о столпъ веранды мяла въ рукахъ зôвялый цвѣтъ лѣсного бозу.

Онъ склонилъ лице къ ней и чулъ чарующій

жаръ ей очей и лица. Они нѣмо розмавляли и понимали себе.

Умучены кружили по воздухѣ горячѣмъ ластѣвки, а высоко по надъ селомъ уносилося скѣлька бескидскихъ яструбѣвъ, глядаючи изъ высоты добычи для себе. Бзовыи корчѣ, що росли пѣдъ старыми мурами, усыхали ѣтъ палящого солнца, а хмѣль обвившійся около столпѣвъ веранды ослабѣ въ своихъ обѣятяхъ. Небо было чисте и прозрачне, а на далекѣмъ горизонтѣ невыразно рисовались синявыи горы полонинскіи, що якъ митичныи недоступныи краины позволяли оку вдоволено спочити. Все голосило полноту лѣта и дня. Не холодно было и въ души Мирослава; то не былъ легкій повѣвъ вѣтру, що порушалъ его душу; горячо и съ силою тиснулись непевныи мысли и мучили душу. Но и солнце свѣтило для него усчастливляюще а поглядъ въ непевну будучнѣсть дозволялъ души вдоволено спочити. Такъ былъ ѣнъ въ крайнѣ межи счастьемъ а сномъ, где не вѣримъ, що есьмо счастливыми, а есьмо счастливыми не знаючи о тѣмъ. — Долго держалъ ѣнъ руку Февронки, а нѣмыи взоры очей говорили голосно о правдивѣмъ чувствѣ любви. Поцѣлуй соединилъ ихъ на вѣки.

VI.

Въ селѣ былъ часъ жнивъ. Золотисте море не покрывало вже нивы. Весь народъ изъ села былъ на поляхъ и тѣлько панскіи економы и гайдуки крутились якъ хитрыи змїи помежи хатами и выгоняли нагайками оставшихъ дома селянъ на ланы панскіи, где масы працюющихъ гѣршой дѣзнавали долѣ ѡтъ надзоруемыхъ економѣвъ, якъ невѣльники въ набобскихъ плантаціяхъ. —

По дорогахъ ѡтъ часу до часу переѣзжали до двора дѣдича то косыньеры, то стара шляхта и розбирала плянъ революційный Мѣрославского, вожда, проклямуючи всюда манифесты. —

Лишь дорогїи синїи горы были безъ людей... Тамъ тѣлько Емирко блудилъ, якъ демонъ по дикихъ краинахъ... Но ще не пропалъ былъ для него рай... передъ вхѣдною брамою раю стоялъ ѡнъ и страстно пилъ изъ рѣки Евное...

Ѳнъ запустился далеко въ лѣсъ, що вже граничилъ съ травѣю полонинскою. Тымъ воздухомъ и не надыхаешъ ся и здається, що нема тутъ смерти. — Запахъ смолы, дѣванны, кмину, дикого бозу и тимьяну складался разомъ на вонный бальзамъ.

Мирославъ былъ въ своимъ элементѣ. Съ восторгомъ повтарялъ онъ слова пѣсни о »тѣмъ самѣмъ лѣску« и о »коноплянцѣ...« но та пѣснь уступила иной, сердечной и плыла зъ полною груди. — Еще не окѣнчились послѣдніи ей звуки, коли слабо якъ ангелскій въ дали ѣтзы-вающійся хоръ дался почути отвѣтъ, дѣвичья пѣснь »Чи я въ лузѣ не калина была« а голосъ дрожалъ, якъ плачь дитяти, що засыпляючи вже въ блаженнѣмъ спокою утихаєтъ. — Николи такъ не уносился пѣснею Мирославъ, якъ теперь; ни искусственныи пасажи пѣвицъ, ни всѣ вибраціи и паниссима ихъ не были для него тымъ, чимъ тая пѣснь, що въ тонахъ плакала и тужила якъ плѣненныи Херувимы, а однакъ середъ плачу смѣялась и пестилась надеждою.

Онъ поступилъ дальше; помежи зеленостію лѣса засіяли маковыи цвѣты Февронки, котра докѣнчуючи пѣснь глядала будто чогось пѣдъ тѣнею смерекъ.

»Февронко« виталь Емирко и сталъ по-дивляти ей стать и рухи.

»Надѣюсь, що поможете менѣ узбирати гри-бѣвъ« говорила Февронка и пѣдняла къ нему кошикъ: жизнь полна была зъ ей лица: »Я

готова пойти въ заводъ съ вами, що вы ни одного правдивого гриба не найдете.»

»И я такъ думаю« отвѣтилъ Емирко »такъ якъ я ничо не вижу, но якбы въ снѣ блукаюсь, однакъ принимаю закладъ.

»Спѣшѣтъ же.«

И они ходили по мягкомъ лѣснѣ коверци глядаючи грибовъ, съ веселостію и свободою. Кѣшъ наполнился.

»Будетъ!« сказала теперь Февронка »теперь можемъ ѣтипочити. Я знайшла въ лѣсѣ за потокомъ мѣстце, котре и васъ певно одушевитъ. Если хотите, пойдѣмъ тамъ.«

»Ты на всегда будь моею провѣдницею въ житію« и Мирославъ любовно поглядалъ въ ей очи.

»Не шутѣтъ, я вже разъ сказала.«

»Дрожу: но буду старатись, упросити сновъ приклонности.«

»То невозможне.«

»Такъ? Я такъ великій виновникъ.«

»Нѣтъ« отвѣтила Февронка »но я не есмь такъ великою владѣтельницею, щобымъ могла кого усчастливити моею приклонностію и сыпати обѣявы ей якъ цвѣты.«

»Певно нѣтъ, бо вы самы цвѣтъ, веснянка, що ростетъ въ роскошнѣмъ урочищи.«

»Думаете, що менѣ чужіи цвѣты? Я певна, що ихъ свойства медицинскіи мнѣ лучше знакомы, якъ вамъ.«

Они были вже за лѣсомъ пѣдъ горою полонинскою; Февронка пристанула, задержала рукою Емирка и зрываючи цвѣты изчисляла ихъ разборъ.

Преподаваній такъ прелестной докторки вѣчно былбы слухалъ Емирко, но за горою розлягся стрѣлъ и ѡтбился стокротнымъ ехомъ.

»То мѡй батько« сказала Февронка »ѡтъ него я и зѣлья всѣ знаю. Але ходѣмъ; бо наше уроче мѣстце вже недалеко за горою; тамъ певно и батька стрѣтимъ.«

Выйшовши на верхъ полонины, ѡтпочили они и смотрѣли на околицю. — Далеко видно было широкіи Карпаты; всѣ горы и лѣсы были незначною частею той пестрой мозаики, яку представляютъ Карпаты оглядаемы изъ полонинъ; тѡлько Магура, Пиккуль, въ дали темнѣющій Багноватскій лѣсъ и спичастыи Кичары владѣли надъ прочими горами, що никнули передъ тыми кольосами. Блестѣли мѣстцями и села, розложены по берегахъ гѡрскихъ потокѡвъ и рѣкъ, а тутъ и тамъ ѡтзначался сновъ то старопольскій псевдодвѡръ то купѡла церкви, то старыи звалища.

»Якъ хорошо« сказала роскошючи Февронка, приложивши руку надъ очи и поглядаючи въ даль.

»Хорошо, но я вижу еще краснѣйшій образъ« : онъ поглядалъ на Февронку.

»Сомнѣваюсь, абы вы коли узнали иный образъ краснѣйшимъ. Менѣ много батько розказовалъ о чужихъ краяхъ и мѣстахъ, а однакъ самъ въ кѣнци призналъ, що »нема якъ тутъ.«

»Правда« отвѣтилъ Емирко »и я видѣлъ не одну даму, не одну красу, но така дама, що на селѣ гинеть ѡтъ нудѣвъ и ѣдетъ въ мягкомъ кабріолетѣ въ мѣсто, щобъ розѣрватись якимъ гокусъ-покусомъ, не можетъ и рѣвнатись съ образомъ красы и полноты жизни, якій теперь передъ собою вижу.«

»Вы плетете небылицы« ѡтперла Февронка и потягнула Емирка въ дальшу дорогу спускаючись на долину спадистой горы. »Мы вже коло нашего мѣстця.«

Скоро перебѣгли они гору, потѣмъ гущавину, перейшли потоки и вдирались на горбокъ порослый чернищами и ѡтѣненный смереками.

»Витайте, Емирку« кричалъ зъ горы чоловікъ съ ручницею въ руцѣ, съ убитымъ лисомъ

въ другой. »Ходѣтъ, а покрѣпимся, а то, набѣгался чоловікъ, якъ волкъ.«

»Вы що-то убили?« спросилъ ЕмиркоФедишина.

»Убилъ, та случайно... пѣдбѣгъ, котюга, пѣдбѣгъ, та и я не заспалъ, а стрѣлилъ въ самъ лобъ... Я рубалъ смереку... ужасъ, напаштался чоловікъ не мало... теперъ будемъ держати лѣсный бивакъ... и провіантъ маемъ.«

Гончаръ пѣдпалилъ узбиранне рѣща и въ коротцѣ огонь обнялъ свою жертву; сперва продирался чорный дымъ, потѣмъ пѣдносились клубы прозрачныи, бѣлыи, а въ кѣнци пламенѣли полно огненныи языки.

»Такъ тираны палятъ загороды« примѣтилъ гончаръ »такъ тираны нищать народъ.«

Въ его очахъ заблысло.

»Вы то, Емирку, не понимаете. Ей Богу не понимаете... проклятый свѣтъ.«

»Вы далеко ѣтъ свѣта« говорилъ Мирославъ »вы далеко ѣтъ него и щожъ ѣнъ васъ обходитъ? А божъ вамъ тутъ не добре?«

»Ой добре, Емирку... али вы того не понимаете... тѣи тираны... правда, тутъ ся жѣетъ!... але тяжко не мати своей нивы.«

»Убожеству можнабъ зарадити« сказалъ Мирославъ.

»Убожеству?«

Гончарь горько усмѣхнулся.

»Боже... убожеству... нищо скривати... я Емирку не то... нѣтъ... у мене грошей есть... цѣлый збанъ сорокѣвцѣвъ закопалъ... есть того ажъ ухами ся лѣетъ... але тираны тїи... свободы нѣтъ... не пытайте дальше...«

»Маєте гроши, а такъ працюєте?« дивовался Емирко.

»А якъ же бы жилося безъ того... обсыпъ чоловѣка и золотомъ а знай, не покинется своей сокиры и плуга... Въ селѣ розлично за мене говорятъ, я знаю, и уникають мене... тяжело то челѣвѣку... но прїйдетъ часъ... Але теперь отъ послѣдуюмося.«

Февронка повинимала изъ грани печеныи крамплѣ и всѣ забрались до такъ идилличной стравы.

»Отъ макарѣны« примѣтилъ гончарь обираючи бараболю »котры лучше смакують якъ самы италіанскіи...«

И на дѣлѣ зникающіи »макарѣны« доводили ясно о немалѣмъ степени симпатіи оказанной для нихъ черезъ консументѣвъ, котры окѣнчивши своѣй идилличной пирѣ ѣсправились назадъ дорогою въ село.

VII.

Въ такой беззаботности проживалъ Емирко лѣтніи дни и зналъ лишь одинъ свѣтъ — Февронку. Изъ слѣвъ гончаря толковалъ собѣ, що минувшѣсть его не была солодка, що зазналъ розчарованія и попращался съ свѣтомъ.

И въ домѣ родительскѣмъ Емирка не было безъ житя: Наполеонистъ Платонъ вѣчно мучилъ Емирка политичными выводами и вычисленіемъ возможныхъ евентуальностей на случай зближающейся вѣйны и критиковалъ детайлично министерство Сульта. — Тому всему съ точностію прислуховался сынъ, но, на оборотъ заховывался самъ якъ обскурантный посолъ въ соймѣ, отвѣчаючи на слѣпо »такъ здається будетъ« або »то возможно«. А коли отецъ окѣнчилъ свои выводы, то сынъ не памятаючи и не чувши въ своимъ любовнѣмъ снѣ ни одного слова изъ отцевскихъ толкѣвъ, дѣлалъ примѣчаніе: »Но хорошо, але батько въ тѣмъ взглядѣ за великій оптимистъ« или »пессимистъ« якъ до придатку. — Въ кѣнци былъ ѣнъ освобожденъ ѣтъ батькѣвской дипломатіи; отецъ то пѣйшолъ въ поле до косарей, то продолжалъ лектуру, то въ шаласъ заглянулъ и сновъ періодично ѣтправлялся брычкою въ

мѣсто, щобъ закупити списанцыи женою potrzeby, походити въ бецирку за своимъ дѣломъ або впрочемъ съ старымъ комисаремъ при стаканѣ токайского до сыта усмѣятись зъ обѣцянокъ Наполеона для Польши.

Тогда однако впадалъ Емирко изъ Сцилы въ Харибду. Его любящая мати два разы по́дросла о́тъ часу явленія сына въ Домашовѣ. — Подарунки о́тъ сосѣдокъ (мающихъ дочери) сыпались до плебаніи Домашовской якъ манна то въ видѣ чепкѣвъ то пантарокъ, то мелонѣвъ. — Праксевія наветъ стала думною на сына до той степени, що однѣй сосѣдцѣ Гоноратѣ Зыбликевичовой о́тослала присланную въ дарѣ капузу, памятаючи на сбывшійся на однѣмъ празднику межи ними спѣръ, въ котрѣмъ Гонората упорно увѣряла, що найстарша дочь декана проживаетъ вже третій крестикъ, хотяй носить еще коротку сукню; наколи попадя Платонова отверто свѣту голосила, що яко крестная мати дочки деканской наилучше знаетъ о ей ще молодомъ вѣку.

Праксевія была прототипъ попадѣ. Она была женьщиною, що якъ зъ неба упала для галицкою душпастыря и мала великіи шансы на деканову. — Въ кулинару славилась своими Великодними бабами, пляцками, въ огородництвѣ

своими ясеницкими бураками а въ житю най-лучшимъ смысломъ пророчимъ що до супружескихъ увязненій.

Пропозиціи супружескіи не уставали. — Нова брычка желто плетенна, уносила Праксевію и ей сына по околицѣ съ визитными турами. Тутъ и тамъ, тамъ день, тутъ два, то на кавѣ, то на обѣдѣ, а где и цѣлый день по́сля свѣтлѣйшихъ або темнѣйшихъ видо́въ. — Мирославъ не противился любящей матери но що не видѣлъ ни одной дѣвы и не памяталъ ни одного слова, то зауважалъ такожь хитроумный гувернеръ у декана, котрый Лаватера зналъ на память.

До того былъ Емирко жертвою многихъ неудачъ. У декана вылялъ цѣлу филижанку кавы на сервету, зъ чого послѣ дочки декана голосно предсказовали, що до року не станетъ жадна зъ нихъ въ супружескомъ вѣнку передъ престоломъ. — У пароха Паращука такъ ся забылъ, що сѣлъ просто на канапу, по котро́й то причинѣ домовыи дамы не могли вздержатись о́тъ смѣху и былибъ на голосъ розсмѣялись, еслибъ въ тѣй хвили не вступила въ комнату кухарка и не попросила панну до удѣленія наказо́въ въ кухни. (То былъ умышленный призовъ значилось, домовыи дамы господарны, якихъ мало.)

Коротко: ему неоднократно неудачное случилось, всегда однакъ уходилъ онъ яко женихъ, надъ которого ничъ лучшего помыслити не дастся. Деканѡвны находили его наветъ галантнымъ и мечтательнымъ: (дамы, звѣстно, не любятъ наприкряхущихся комплиментами конкурентѡвъ). Праксевія же толковала его катастрофу съ кавою въ той спосѡбъ деканѡвнымъ, що Емирко умышленно сдѣлалъ той эпизодъ, абы довести неправдивѡсть такого забобону, якій съ тымъ событіемъ полученый. — То была досыть значна пригrywка на обручины сына съ одною деканѡвною. И теперь же по ѡтѣздѣ не было у декана кѡнца кабаламъ: они певныи были, що получаютъ зятя Мирослава. — Вѣсть рознеслась молнею по околицѣ, я коли Праксевія ѡтвидала родину фервальтера, почула ѡтъ нихъ благожеланія по поводу ѡтличного выбору невѣсты. — Праксевія ѡтпиралась, но то не помогло, — не увѣрили. (Таке дѣло, звѣстно, держится до самого кѡнца въ тайнѣ: такій вже обычай.)

По поворотѣ изъ каждой визиты ставляла всегда Праксевія вопросъ; »Отжежь якъ подобается тобѣ Геня або Мися або Маня, якъ до названія. Стереотипно отвѣчалъ Емирко загально: »Не можна ей ничого закинути« або »До

ней можна призвичаитись« а въ прочемъ »ничого дама.

Успенскій пѣстъ перейшолъ и сновъ настала свадебна пора.

Одного вечера верталъ Мирославъ изъ монастыря и поступилъ въ плебанскій огородъ, где съ розъясненнымъ лицемъ выйшла ему насупротивъ изъ бесѣдки Праксевія держачи въ руцѣ якій-то листъ.

»Емирку« зачала она »деканъ поздоровляетъ насъ въ листѣ сердечно и называетъ себе надмѣрно счастливымъ, що можетъ въ короткѣмъ часѣ ѡтвидѣти насъ въ Домашовѣ. Розумѣешь ты, о що тутъ ходить?«

»Домышляюсь по троха.«

»Но,« сказала она, сложила листъ, взяла сына пѣдъ рамя и проходжаючи по стежкахъ огорода вела на ухо Мирославу сильну агитацію за одною изъ дочокъ декана.

»Но, листъ не есть ничъ иного, якъ тѣлько посредственною ознакою, що деканъ хотѣлъ бы тебе мати за зятя. — Тобѣ отже остается теперь лишь позыскати приклоннѣсть панны у насъ, а потѣмъ поѣдемъ отверто въ сваты и дѣло скѣнчене.«

Мирославъ молчалъ.

»Сробишь то?« наставляла мати.

»Та то бы... не було зле...« говориль поволи Емирко скубаючи урваний листокъ.

»Але?... Може она тобѣ не подобается?«

»Не совсемъ.«

»А но то Фильця Парашаковна, то такожь дама якъ цацко. Передъ Рождественскимъ постомъ ты долженъ скѣнчити дѣло женитьбы. Може и противъ Филомены що маешь? То въ кѣнци може Ольга? Подумай О-о-льга, що за имя! словно О-о-льга!«

»Властиво... но.«

»Я знаю, знаю« говорила Праксевія поглядаючи ему въ очи »отверто сказавши ты любишь ину даму... певно зъ мѣста... Боже борони тебе ѣтъ того, а може ще и не Русинка... Мѣйскіи дамы не суть добрыми женами... А впрочемъ на що ажъ тамъ глядати... у насъ есть много попадянокъ... то вже входитъ въ моду, що съ чужими женятся, але зважь, що зъ нашої родини ще никто не побрался съ иною якъ лишь съ попадянкою.«

Они прійшли въ бесѣдку и сѣли.

»То правда« отвѣтилъ задумавшись Емирко, »и я такъ же думаю... Мѣйскіи дамы не бываютъ добрыми женами... они не умѣютъ полу-

чити своего степени розвою съ вимогами житя практичного... То у нихъ мало-коли случается.»

Мати съ горячою любовью поглядала на сына, потѣмъ встала и сложила поцѣлуй на его чолѣ.

»Такимъ менѣ подобаешся« сказала она »но я не хочу тебе мучити вопросами о твоихъ чувствахъ, я тѣи уважаю и почитаю, для того лишаю тебѣ время до намыслу, тутъ або тамъ, або якъ думаешь... але деканѣвна была бы незгѣрша... уважай тѣлько, яку талію она маєть а якъ хорошо спѣваетъ »Я въ вечеръ въ лугахъ гуляла.« Намыслись!»

Она оставила самого Мирослава. Онъ споглядалъ за нею, якъ споглядаемъ на особу, котору любимъ а котрой не хотимъ сдѣлати хотьбы найменьшой прикрости. Онъ пѣзналъ, що желаніемъ любящей матери есть, видѣти сына счастливымъ съ женою, и що избранной нею партіи все добре треба признати. Но образъ нѣжной и сердечной Февронки на всегда занялъ его душу.

Онъ зналъ консервативнѣсть своихъ родичей, котрыи, якъ далекіи были ѣтъ вдиранья въ панскіи сферы, такъ зъ другой стороны еще дальше держались ѣтъ народа. Они не знали еще назы-

вати родившогося пѣдъ хлопскою стрѣхою своимъ братомъ.

Отрясаючись изъ тыхъ мыслей всталъ Мирославъ и выйшолъ изъ бесѣдки, коли почулъ голосъ своего батька, котрый въ огородовыхъ воротахъ розмавлялъ съ малымъ Чико, тримаючи въ руцѣ газету.

»Емирко« закричалъ Платонъ до сына, взываючи го рукою »я казалъ тобѣ, що на щось недоброго заносится . . . шляхта менѣ пѣдо-зрѣла . . . Чико розсказуетъ, що видѣлъ коло дватсять косыньерѣвъ узброенныхъ, котрыи заѣхали въ двѣръ дѣдича . . . а потѣмъ . . . що, хлопче дальше? докѣнчи.«

»Ей« ѣтказалъ Чико, глипнувши очима »я лишь хотѣлъ сказати, якъ то насъ цыганѣвъ всюда вытручаютъ, а якогось обшубравця, мабуть ѣвчаря румунского принимала нынѣ панѣ дѣдичка въ салонахъ.«

»Въ салонахъ? А то сновъ гдѣ чулъ ты« поспыталъ остро Платонъ.

»Я не чулъ, но видѣлъ, теперъ зъ двора вертаю. Панѣ дѣдичка стрѣтила мене въ лѣсѣ, взяла до двора и казала передати молодому паничови отъ тое письмо . . . тутъ листъ.«

Мирославъ взялъ листъ и покраснѣлъ на

лици. Чико ѿбѣгъ а Платонъ ничо не ѿтзы-
вался, лишь зѣтопился въ газетѣ. Мирославъ
зломилъ кувертъ и вынялъ письмо.

»Чи она тамъ перфумову аптику тобѣ при-
слала?« ѿтозвался Платонъ не ѿводячи очей
ѿтъ газеты и легко усмѣхаючись »бо дѣйстно,
хотай я табаку заживаю, то мало що не омлѣю
ѿтъ сильной вони пачули, яка изъ того пись-
ма бѣеть.«

Мирославъ усмѣхнулся.

»Емилія Краевска приглашаетъ на ловы въ
Соколицкій лѣсъ.«

»И ты пойдешь?«

»Нѣтъ.«

»Очевидно — нѣтъ« розумовалъ батько »то
за великое панство для насъ. Ты впрочемъ хо-
дишь часто на ловы?«

»Такъ.« Мирославъ розумѣлъ, що прійшолъ
часъ, абы разъ и отецъ зналъ о Февронцѣ. »Мы
ходимъ въ Соколицкій лѣсъ съ гончаремъ, що
мешкаеть въ старомъ монастыри.«

»Съ гончаремъ?« Платонъ удивился и под-
несъ очи на сына. »А щожъ ты маешь съ про-
стакомъ до дѣла?«

»Онъ хотъ простакъ, але чоловѣкъ, якого не
легко знайти.«

»А комедія! То менѣ ся не случало. Простый зарѣбникъ онъ и хлопъ: новицій зъ тебе фатальный!«

»Отче, твои погляды може и добры и я не оспариваю ихъ, но позволь менѣ и моихъ не змѣняти.«

»Про мене!« отвѣтилъ Платонъ, стягнувши раменами.

»И еще дальше« продолжалъ Мирославъ »хочу быти отвертымъ, я чую, що невозможно, абымъ передъ тобою, отче, не сказалъ всего.«

Платонъ зложилъ газету, заложилъ руки и стануль, ожидаючи дальшихъ слѣвъ сына.

»Говорю безъ вступу. Гончаръ маєть дочку Февронку, яка то дѣва, пѣзнаешь, отче, самъ и признаешь ей все добре; то дѣвица, у котрой сельскость, непринужденность, свобода и идилична сердечность получены съ добротою, розсудкомъ, нѣжностію и — образованьемъ души. И попадянка могла бы передъ нею повстыдаться. Для ней чувствую горячу, чисту любовь... и онабъ съ благодарностію назвала тебе своимъ батькомъ.«

»Що ты не плетешь сыну?«

»То, що маю на мысли.«

»Комедія, но!« воскликнулъ Платонъ плеснувши въ руки »кажу фатальныи новиціи. Але то

звыкло молоде, то розлично му снується по голо-
вѣ. Оно перейдетъ. Съ часомъ вышумять тобѣ
зъ головы всѣ тії путанины: Отже и не споми-
най мнѣ за то сыну другій разъ. Демяновскіи
отъ роду женились по попѣвскихъ домахъ.»

»Февронка духомъ выше стоитъ, якъ не
одна городска дама.»

»Все одно. На дармо. А теперъ отъ, малъ
я тобѣ щось препоручити. Поѣдешъ до мѣста.
Нынѣ розбирають овцѣ зъ мого шаласу, тожъ
я не можу выдалитись; поѣдешъ ты. Тамъ
дасть тобѣ мама цѣлый списъ, що маешъ наку-
пити (здається, приѣдетъ деканъ) а потѣмъ пої-
дешъ и до бецирку за моимъ дѣломъ.»

Отецъ и сынъ молчки вийшли зъ огорода, а
Чико приготавлялъ все до выѣзду.

Коли видимъ, якъ дерзкою есть судьба, коли
въ очи смѣется изъ чоловѣка и шутить, запро-
ваджуючи его въ крайну мукъ, то повстаєтъ въ
насъ безчувствительный станъ, якъ зрадлива
тишина передъ бурею, но иньи побужденія та-
кожъ не спятъ, лишь розгрѣвають чоловѣка и
онъ страстно хватается цѣли, якъ пропадающій
своего избавителя. —

Безчувственный сидѣлъ Мирославъ на брыч-
цѣ, котра поволи по скалистыхъ циркуловыхъ

дорогахъ точилась до мѣста. Весь бѣль скрылъ онъ въ собѣ; вже такій былъ. Усмѣхающійся аморъ улетѣлъ ѿ него, а на душу засунулась чорна заслона. —

Долгою была для него подорожь и мучительною, а однакъ не зналъ, длячого не маєть спокою и где потѣмъ остановится.

Худыи, якъ у кожного галицкого священника, конята драпались що силы по вертепахъ. Чико клялъ то камеральныи дороги, то нужденныи конята и бормоталъ пѣдъ носомъ: »То раки, не конѣ, якъ маю пѣдъ собою дике гача, тогды якъ разъ рай.«

Раки станули въ кѣнци въ мѣстѣ. Сейчасъ збѣглися жида и пытали то за телячими скѣрами, то за ячменемъ а иньи, пѣзнавши конѣ пароха домашѣвского, знимали почтительно шапки и робили тысячныи предложенія. Стара »балбуста« сплюнула кѣлька разѣвъ, щобы не уречи »красного« сына домашѣвского.

Зачимъ надѣйшолъ часъ до ѿтѣзду, пустился Мирославъ улицею. То было мѣстѣчко, котре Люциперъ закрылъ хвостомъ, коли кусилъ земными добрами Спасителя. На тѣсныхъ, чорными окопченными хатами и будами ѿграниченныхъ улицахъ роились жида, а межи ними селяне и

селянки, що прійшли до мѣста, абы продати мотовило прядева, або мѣтлу, купити за то тонку соли, прочое пропити и съ ничѣмъ вернути до дому.

Мѣстцями вызираль усатый ревизоръ, що будьто оглядалъ продукта и теребилъ макѠвникъ, удѣленный му яко скромный даръ Ѡтъ Сары або Нухмы.

Мирославъ робилъ въ воздусѣ колеса лѣскою и очутился доперва, коли почуль ударъ рукою по своимъ рамени.

»Емирко Демяновскій! Сакрадіють! Ледво пѠзналъ я тебе« говорилъ прилучившій ся до Мирослава худорлявый мущина въ урядовѠмъ сурдутѣ съ жолтыми запинками, съ червоною хусткою пѠдъ шією, въ канцелярійной шапцѣ и съ бюрократски закрученнымъ усомъ.

»Еге!« шепталъ дальше товаришъ »не пѠзнаешь мене? Якимъ былъ ты въ школахъ, такимъ и осталъ. Но потѣшайся, республика воскреснетъ незадолго.«

»Чи не Иннокентій Кропива« запыталъ Емирко.

»Ага! пѠзлалъ-есь мене, але ходи?«

Ѡнъ тягнулъ Мирослава за собою якъ Виргиль Дантого по адѣ. И новый Данте повиновался ему совершенно, часомъ пѠдъупадалъ въ

вѣрѣ, но сурдутовый Виргиль потягалъ его дальше. Улицы были дѣйственными адскими кругами, а крутились по нимъ и діаволы, и страдающіи тѣни въ гунькахъ, высаны діаволами. Круги скончились и передъ ними стояла величезна »керниця« остатного круга, зъ котрой а радше въ котрой льется вода бакхусова.

»Тутъ наша цѣль« сказалъ Виргиль до Дантого, »чи видишь надпись?«

Кропива потягнулъ свою жертву въ шинковую комнату (комнатою еще можна то назвати) и теперъ наступила яко вступъ кальмусовка а потѣмъ несконченное винобраніе.

»Пій брате Емирку, пій, тымъ всю журбу забьешь« говорилъ Кропива.

»Хиба такъ.«

»Повѣрь! Я то и жену маю и дѣти, а тутъ у Мошка наилучша моя потѣха.«

»Якъ, Иннокентій, хиба не любишь жену и дѣти?«

»Любити? Фе! а тобѣ що такого; говоришь якъ дитина: Надоѣтся такъ то все, що ажъ житье не миле. Я отъ добре собѣ роздумавши постановилъ стати въ рядъ съ повстанцями, и тамъ глядати счастья: лишъ троха кульки боюсь.«

»А бѣльше ничъ не спиняетъ тебе?«

»А щожь-бы?«

»Зрадникъ!«

»Еге! а карьера? говори, що хочешъ. Плянъ Мѣрославского удастся. Я прилучаюсь до ѡтдѣлу, котрый провадити будутъ Краевскій и той гончарь.«

»Що?«

»Якъ що?«

»Гончарь?«

»А той отъ изъ вашего села изъ Домашова... нѣбы гончарь!... а то просто емигрантъ Лясковскій... такихъ псевдоремѣсникѡвъ маемъ тутъ теперь много... то кравцы... то гандлярѣ... то по просту маскованныи повстанцы и емигранты... такъ мусять скрыватися... а и той гончарь такій.«

»Глупецъ, великій глупецъ я и слѣпый!« вскричалъ Мирославъ ударившись по челѣ »о я глупецъ!« Онъ взялъ капелюхъ и выбѣгъ изъ комнаты оставляючи зачудованного Кропиву.

Якъ шаленный бѣгъ онъ по улицяхъ, не зважаючи на ничо, ни на людей, що ставали на улицѣ и стискали раменами, ни на товариша, що зъ далека призывалъ его, и такъ дѡстался до своей брычки, где Чико вже ожидалъ своего пана.

»Боже« сказалъ онъ до себе вертаючи до

Домашова »и я такъ былъ обманеный! Такъ сильно обманеный! О змія, не Русалка, о пѣдлецъ, а не праведный чоловѣкъ! Гончаръ то панъ замаскованный, ворогъ, а она — «

VIII.

По повѣтахъ начались численныя арестованія. Зъ Кракова переходили повстанцы въ восточну Галичину; Коллинъ министръ и староста львовскій Мильбахеръ начали противодѣйствовати.

Легкій иней покрывалъ землю и дерева, снѣгъ слабо порошилъ а пѣлнѣчній вѣтеръ морозно потягалъ въ воздухѣ. Мирославъ взялъ ручницю и пѣйшолъ въ лѣсъ. — Молчки зайшолъ ѡнъ въ пустыи комнаты монастыря, котрыи иначе теперъ промовляли до него; въ протискающѣмся черезъ коридоры и дѣры монастыря вѣтрѣ чулъ ѡнъ хоръ ворогѣвъ, а голосъ пугача пригадывалъ чорныхъ крукѣвъ, що ждуть на добычъ. Ѳтъ грубыхъ зимныхъ мурѣвъ вѣяло гробомъ, а статуы Алойзого и Савины ще бѣльше здавались почорнѣлыми и ѡтстрашающими.

Съ гѣркою улыбкою и замраченнымъ взоромъ, вступилъ Мирославъ въ комнату гончаря. Фе-

вронка сидѣла коло малого ôкна, схиливши голову надъ мережанною роботою.

Еи грудь волновалась, коли Мирославъ сталъ коло ней а маковыи цвѣты на лицѣ то пламенили, то блѣднили.

»Вы, Мирославе« зачала она дрожащимъ голосомъ »вы долго казали менѣ мучитись, не являючись.«

»Мучитись?« спросилъ строго Мирославъ »хиба я здѣлалъ яку пакôсть вашему ôтцю або вамъ?«

Она съ недоумѣніемъ подивилась на Мирослава. Николи не говорилъ онъ такъ зимно. — Она усѣла и сшила сновъ головку надъ роботою. — Молчала Февронка, но ей дрожащии уста и живыи очи явно говорили. — Молчаніе ей, нѣжнôсть и правдивôсть въ очахъ затуманили Мирослава:

»Она маскою?! Нѣтъ, то не возможно,« сказалъ онъ до себе »Февронко... не потребую тобѣ казати... ты знаешь... и кто бы тебе не любилъ?... Я люблю тебе... но и проклиная тую встрѣчу, въ котрой тебе побачилъ... проклиная...

»Боже, що вы говорите?« спытала несмѣло Февронка.

»Безъ обиньякôвъ. Февронко, если могу просити у тебе слôвъ правды, кто твой отецъ?«

»Отецъ? якъ-то?«

»Не укрывай: скажи отверто. Признай, що и ты не такою, якою мнѣ являешь ся.«

»Я васъ не понимаю« сказала дѣвчина а ей спокôй впровадилъ Мирослава въ еще бôльшее недоумѣніе.

»Я маю на мысли« заявилъ ôнъ »чи ты всегда была такою селянкою, якъ теперь: — пытаю про твою минувшôсть.«

»Минувшôсть мою, розкажу вамъ, если хочете« отвѣтила Февронка задумавшись »Якъ бы черезъ сонъ пригадую собѣ дитинніи лѣта... передъ мною пересуваються дивныи образы... непростыи хаты... но комнаты съ коверцами и богатыми драперіями... потôмъ подорожъ черезъ долгіи степы... и сновъ житье въ чарующихъ горахъ... Тамъ жила я свобôдно съ моею ровесницею... дочкою мадярского пана... потôмъ отецъ переселился со мною въ Унгваръ и зъ того мѣста тутъ.«

»Щобы? —«

»Якъ? щобы?«

»Я пытаю, яка цѣль у батька въ послѣдней подорожи.«

Смѣхъ попередилъ отвѣтъ.

»Вы дивны, яжбы мала пытатись батька о цѣль? Онъ добрый, дуже добрый батько... и я люблю его незмѣренно... но при тѣмъ и боюсь его... онъ всегда былъ скрытый передомною... о своихъ дѣлахъ не вспоминалъ и не толковалъ николи со мною и уникалъ наветъ того... Тому я и не пытаю его николи о ничо... а тѣлько разъ поспытала я его о мою мать, тогды онъ проливалъ слезы, лише поцѣловалъ мене... и плакалъ сновъ якъ дитя...«

Она перестала. Еи голосъ дрожалъ а въ очахъ появились перлы.

»То ты не знаешь ничъ о твоей матери?« спросилъ Мирославъ.

»Ничъ.«

»Значить все разомъ, твоѣй батько — скиталецъ, емигрантъ, повстанецъ.«

»Мѡй батько хлопъ изъ пѡдъ стрѣхи, а теперь зарѡбникъ: працюеть, хотъ и грошей у него досыть.«

»Неправда« закричалъ Мирославъ, затиснувши руки и понуро поглядаячи »не обманишь

однакъ мене!... И ты одна изъ тыхъ, що хочешъ владѣти надомною... що плѣнилась мене... но хотъ тяжко... а вырвусь...»

Двери лопнули и гончарь обсыпанный снѣгомъ, вѣйшолъ въ комнату задыханный ѡтъ подорожи пѣшой.

»Отъ, Емирко Платоновичъ, добре« сказалъ ѡнъ, обтрѣпуючи снѣгъ »гей добре. Въ лѣсѣ появился котюга медвѣдь... заведеяка кажу... такъ менѣ возный повѣдалъ, которого надыбалъ я на стежцѣ до мѣста... А то возьмемъ завтра ручницы и оба такъ на присадки...»

»Та пойдѣмъ, пойдѣмъ« ѡтвѣтилъ, горько усмѣхнувшись Мирославъ.

»Пѡдберемся, а кажу вамъ, то будетъ рай... ехъ!« Въ его очахъ сновъ загорѣло.

Мирославъ не могъ нѣякъ погодити всѣхъ тыхъ противорѣчій и заклывши покинулъ комнату и выйшолъ на веранду. Тамъ была вже Февронка съ збаномъ въ рукахъ и по обычаю тихо усмѣхаючись спускалась на дѡлъ сходами разомъ съ Мирославомъ.

»Думаете, що я боялабысь медведя?« попытала она съ шутливою улыбкою.

»Надѣюсь« отвѣтилъ глухо Мирославъ.

»Ошибаетесь... лѣсъ моею отчиною... я тутъ якъ дома «

Они сближались до керницы.

Мирославъ хотѣлъ отвѣтити, но въ хвили почувъ за собою дикій смѣхъ... онъ чулъ вже той смѣхъ, а ехо лѣсное было то само... Емилія Краевска станула передъ нимъ съ своими чорными очима и проничною улыбкою.

»Ты Германъ, неправда?« говорила она съ сарказмомъ, вывиваючи лѣсочкою и поглядаючи завистно на Февронку »и провадишь свою Доретею по скалахъ? неправдажь?«

Она съ укоса поглядала на Февронку.

Но тая набравши воды зникла, якъ легкій мотыль поступивши на веранду.

»Ты думалъ« говорила теперь Емилія »що я оставляю тебе въ спокою? Що моя любовь уложилась? Ты думалъ що моей любви уйдешь?«

Она плеснула въ руки.

Кôлька гайдукôвъ прискочило и приняла ся сейчасъ за свое дѣло. Они связали Мирославу руки и онъ очутился доперва въ крытôмъ кабріолетѣ. Кабріолетъ гналъ дорогою а коли повозчикъ застановилъ арабôвъ передъ дворомъ Краевского, отворились двери ôтъ повозу,

тіи самыи гайдуки взяли Мирослава пѣдъ руку и впровадили въ двѣръ.

»Въ кѣнци маю тя« сказала Емилія, сѣдаючи на фотель противъ Мирослава »скажи теперъ, що вже разъ передъ мною — бѣешь любовный поклонъ.«

Мирославъ сидѣлъ нѣмо въ фотелю и не ѣзывался.

»Чоловѣче« продолжала по хвили дама въ котрѣй вже показовались признаки злости »скажи теперъ — що обожаешь мене.«

Молчаніе было отвѣтомъ.

»Огиднику« степеновала Емилія »скажи — що почитаешь мене.« Но и на то не отвѣчалъ Емирко.

»Псе!« крикнула Емилія, стиснувши конвульзивно руки и пѣднесшись зъ фотелю. Но въ минутѣ розъяснилось ей лице, руки упали безсильно, и сновъ ясный взѣръ слѣдилъ мученика.

»Нѣтъ« зачала она нѣжнымъ голосомъ »але теперъ мой Мирославе, скажи лишь, що мене любишь.«

Все сбывшоеся ошоломило Мирослава а тутъ стоялъ демонъ коло него.

»Женьщино« зачалъ Мирославъ »Емилию... ты ошоломляешь, ты хочешь мене ошоломити. Но маю тобѣ правду сказати... то знай, що я не тѣлько не люблю тебе но просто ненавижду.«

Она, стягнувши брови, ѡтступила.

»Хлопъ! простой хлопъ — то за много — до льоху съ нимъ.« Она плеснула сновъ въ руки.

Гайдуки явились.

»Приказую вамъ, возъмѣтъ того хлопа до льоху... того пса... не конецъ... потѣмъ нападете на плебанію и свяжете такъ же и попа и попадю, всѣхъ ихъ до льоху!«

Сталось по ей приказу. Гайдуки повели Мирослава въ пѣдземный льохъ, где темно было якъ и въ его души.

Насталъ вечеръ. У пароха Домашѣвского слабо свѣтился каганецъ: сивый Платонъ ѡтмвлялъ проходжающись по комнатѣ вечернюю молитву, а Праксевія кѣнчила пасіансы.

Гайдуки съ крикомъ напали на спокѣйну за-городу, побушовали и понищили все, а стареньку пару взяли точно въ турецкій полонъ.

Перестрашенна служба Платона покинула дѣмъ и порозбѣгалась по селу а гайдуки смѣялись по адски и тѣшились видомъ огню, котрый

обнялъ всѣ плебанскіи будинки и запурпурилъ небо и чорнявыи хмары.

»Теперь до двора! — будетъ намъ ясно« ро-
сказалъ економъ, проводирь гайдукѠвъ, а самъ
на полъ пьяный поволѣлся до громадской корчмы.

IX.

НадѠйшолъ ранокъ памятного дня, котрый
шляхта назначила на день своего спасенія. Былъ
то ранокъ по ночи, въ котрѠй плебанѠвскій дѠмъ
свѣтилъ яснымъ свѣтломъ селу.

Шляхта рѣшилась на що нибудь, незважаючи
на частыи неудачи и противодѣйствиє. Шеля
съ своими бандами дался имъ вже добре въ
знаки, но они потѣшались малыми побѣдами въ
декотрыхъ сторонахъ. Вѣсть о пораженію ав-
стрійского войска органистою Андрусикевичемъ
и Капланомъ Кметовичемъ, а дальше добрый
успѣхъ Висневского и высланна зъ Кракова по-
мѠчь пѠдъ вождомъ Сухоревскимъ казали инсур-
гентамъ не тратити надѣи.

Рано еще прикликалъ Краевскій до двора
вѠйта писаря и присяжного и угостивши ихъ
кальмусѠвкою, давалъ розпорядженія. Цѣле село
по наказу дѣдича, мало стати на сборномъ мѣстци

— на двѣрской луцѣ. Кто лишъ мѡгъ двигати щонибудъ, якенибудъ оружіе, долженъ былъ явитись на луцѣ... Старшина громадска выйшла изъ двора въ село, незнаючи, що съ тымъ наказомъ дѣлати и до чого то доведеть? Но за нихъ сполняли вже давно долгъ економъ, мандаторъ и гайдуки, котры бѣгали по селу, и всюда голосили наказъ, обѣцяючи розличныи дива. Где слово не помогло, тамъ приходила въ помѡчь нагайка або кайданы. Село порушилось: старцы кивали головами и вспоминали комету, а жены и дѣти плакали и заводили. Не знали селяне, що дѣлати а сивый панъ-отецъ сидѣлъ въ льоху.

Година сбору сближалась. Народъ выгнанный нагайками изъ хатъ, посоловѣлый и незнаючи, що хочуть съ нимъ дѣлати, выйшолъ съ косами, цѣпами, топорами и ручницами на луку, где вже готовыи стояли на коняхъ перфумованныи гоги, становившіи теперь народове польске войско. Заплаченный жидъ крутился межи собранными селянами и честовалъ по своему. Всѣ чекали на провѡдникѡвъ.

Изъ двѣрской оборы показались два ѣздцы и станули передъ собраннымъ войскомъ. Одинъ въ контуши, слуцкомъ пасѣ и бобровѡй шапцѣ,

дѣдичъ Краевскій: а другій барчистый мущина съ чорною пѣдстриженною бородою въ такѣмъ самѣмъ нарядѣ — то гончаръ изъ заклѣтого монастыря. Въ его очахъ палаеть той дивный огонь.

Кѣнное войско закричало на все горло, при-
вѣтствуячи своихъ вождѣвъ.

Краевскій и гончаръ ѣтклонились шапками.

»Брате Лясковскій« ѣтозвался теперь Краев-
скій до гончаря »якъ поведемъ ихъ теперь?
Хлопы пѣйдуть на передъ, неправдажь, а наше
войско будетъ ити за ними въ резервѣ.«

»Добре« отвѣтилъ гончаръ »я поведу хлопѣвъ
на передъ и нападѣмъ на циркуловое мѣсто: а
ты съ своими кѣнными будешь въ дали за нами
поступати и станешь въ лѣсѣ коло креста: зъ
ѣттамъ якъ лишъ побачите мѣсто въ огни, впа-
дайте за нами и дѣло будетъ скѣнчено.«

»Отлично« заявилъ Краевскій, котрому подо-
балась роль резервисты. »Спѣшѣтъ!«

Гончаръ потиснулъ острогами коня и приѣ-
хавши передъ собранну громаду, злѣзъ, присту-
пилъ [до вѣйта и началъ ему шептати до уха.
Посоловѣлая тварь вѣйта розъяснилась и ѣнъ, ста-
нувши передъ своею громадою ѣтозвался: »Гро-

мадо! идѣтъ за тымъ чоловѣкомъ: где онъ, тамъ и вы.»

»Боже!« почулись голоса, »Маковикъ, знахоръ, сидитъ на кони... вѣдьмакъ. А то — чи не прійшоль антихристъ?«

Но вѣтъ поговорилъ съ присяжнымъ, той съ сосѣдомъ и въ кѣнци всѣ поѣшли за »знахоромъ«. — Народове войско осталось по заду и доперва по часѣ рушило въ лѣсъ. —

Х.

Гончаръ стануль съ громадою на дорожѣ лѣсной коло креста. Тогда его очи помрачились якоюто счастливостею, онъ обернулся до селянъ и знялъ шапку.

»Люде« зачалъ онъ доноснымъ голосомъ »люде мои... я не той, якимъ вы мене видите... я и не панъ... нѣтъ... я вашъ братъ... Трофимъ Семякъ... сынъ Василя Семяка... изъ вашего села, що мешкалъ на обочахъ! Не будемъ братья ити рука въ руку съ панами, но ѣтчину, родный край будемъ ратовати. Не поѣдемо дальше а лишъ ѣтступимъ тутъ до лѣса и полагодимся съ панами. За мною братья!«

Селяне познимали капелюхи, перекрестились

и дивуючись появленію пропавшого передъ дватцати лѣтами Семяка, удались за нимъ въ лѣсну гущавину.

По короткѣмъ часѣ задуднѣла земля и зачимъ народове войско змогло сѣоріентоватись, вже обступили ихъ селяне, поѣтнимали оружіе и повязали руки. То само сробилъ Семякъ гончаръ и вѣйтъ съ Краевскимъ, котрый тѣлько скреготалъ зубами и проклиналъ. Семякъ приступилъ теперь до него и ѣтозвался:

»Но, Ромуальдъ Краевскій, пѣзнаешь теперь Семяка?... еще памятаешь Ирину, мою Ирину...«

»Чорте!« проклиналъ Краевскій »о ты псе!«

»Тобѣ станется, що по справедливости тобѣ належится теперь... моя Ирина далеко еще не помщена... но за то получишь где инде надгороду« сказалъ Семякъ, указуючи на небо.

Повязанныи инсургенты были ѣтданы до циркулу въ руки справедливости а селяне вернули до села, дякуючи Богу за появленіе Семяка и потѣшаючи жены и дѣти, котрыи теперь со слезами радости витали своихъ.

Но Семякъ съ вѣйтомъ и старшиною не спочивали: еще терпѣли жертвы, за котрыхъ каждый изъ села далбы душу. Никто не спинялъ

ихъ въ воротахъ двѣрскихъ, никто не проганялъ ихъ хортами. Толпа людей наполнила двѣръ. Семякъ съ вѣйтомъ и присяжными вѣйшли до будоару Емилиі, а за ними розгоряченна толпа народа.

Въ комнатѣ не дѣвичій хоръ спѣвалъ, но жертвы мученны стогнали.

Гайдуки по приказу своей панѣ острыми кнутами и нагайками краяли немилосердно обнаженные плечи жертвъ а Емилиа съ страстнымъ удовольствіемъ въ очахъ, придивлялась тому...

Жертвы терпѣли и молчали.

Вѣйтъ, присяжный и люде упали на колѣна передъ своимъ старымъ отцемъ духовнымъ и зарыдали.

»Спокѣйно дѣти« говорилъ слабымъ голосомъ Платонъ, якъ говоритъ сивый путникъ, що вже стоитъ надъ гробомъ и шепчетъ послѣднюю молитву.

Иначе справился, гончарь: на пѣдлозѣ лежали уже въ крови головы гайдукѣвъ, постиганныи его рукою а туловы упали якъ пѣдтѣтыи дубы.

Передъ дворомъ дался чути крикъ и замѣшанина. Черезъ толпу передиралось кѣлька селянъ съ головнымъ чобаномъ, съ топорами въ рукахъ и впали до комнаты.

»Где она? где?« кричали они стискаючи топоры въ рукахъ: ихъ лица розгорѣли, долгій волосъ попалъ въ неладъ а на рукахъ видно было знаки крови.

»Чекайте« усмирялъ ихъ Семякъ, увидѣвши, що топоры вже свищуть въ воздухъ, змѣренныи на дѣдичку, »чакайте, опустѣть топоры. То не годится. То слаба женьщина, безборонна; не годится ей нападати; она за свое получитъ где инде заплату, а такой слабой женьщины намъ не годится нападати. — Возьмѣть отця духовного и родину и постарайтесь, щобъ загоились дорогіи для насъ раны... Досыть вже крови.«

Толпа успокоилась немного и люде освободили дорогіи особы ѿтъ мукъ.

Въ будоарѣ осталась Емилиа и Семякъ гончарь.

»Здрадникъ! Лясковскій!« кричала она.

»Не есмъ ніякій Лясковскій« отвѣтилъ строго гончарь »есмъ Трофимъ Семякъ, но ты не знаешь всего... еще дитиною была ты тогды... Смотри, одинъ свистъ шабли и ты не жієшь... и ты варта того: но жій, бо житье будетъ бѣльшою карою для тебе, якъ смерть! Жій и знай, що цѣле село тебе проклинаеть.«

Онъ выйшолъ, трѣснулъ за собою дверьми и

явился на оборѣ. Тамъ бенкетовали розгоряченныи селяне, а побѣчь лежали трупы повстанцевъ, косыньерѣвъ, котрыи поутѣкавши изъ другихъ доменъ не хотѣли дати связатись добровѣльно и ѣтбивались оружіемъ ѣтъ народа.

Но не всѣ еще лежали мертвы. Помежи трупы добирался головной чобанъ и несъ въ рукахъ чобанѣвскій рѣгъ наполненный водою.

»Куда?« пыталъ гончарь.

»Ходѣтъ, тамъ Румунешти умираетъ: ѣтъ, видѣлъ кто, Румунешти, той самъ, що разъ въ нашѣмъ шаласѣ ночовалъ... Тогда по нашему ани чичиркъ, ни слова не зналъ сказати, лишь Румунешти тай Румунешти, Валахъ значилось изъ Валахіи... а то вамъ где Румунъ! Повстанецъ такіи якъ тіи всѣ... Лежитъ тамъ не въ войлоку а въ кабатѣ... пѣзналъ мене и просилъ воды... Тожъ и несу зъ жерела... найжіетъ...«

И чобанъ приблизился до усатого повстанца.

»Пій, Румунешти!«

Но Румунешти вже не отзывался, былъ мертвъ.

Село сновъ порушилось; селяне ходили толпами по дорогахъ и ставали то на роздорожахъ, то при корчмахъ, хватаючи утѣкающихъ инсургентѣвъ и ѣтставляючи до уряду.

Коло домашовской корчмы стояла тоже бôльша толпа народа, пила и кричала.

Дорогою надъѣхалъ крытый кабріолетъ; селяне задержали конѣ, обступили кочъ, и кричали, а топоры уже заблысли въ воздухѣ.

»Кто тамъ« почулись межи толпою голоса.

Въ кабріолетѣ сидѣла Емилія, розпываучись въ слезахъ и якбы безъ чувства.

»Оставьте« просилъ повозчикъ »панѣ ѣдетъ за границу и вже не вернетъ.«

»Смерть ей!« кричали голоса.

Но сновъ выступилъ Семякъ, сробилъ мѣстце вôльне для ôтъѣзду и кабріолетъ поѣхалъ.

XI.

Умы успокоились по селахъ и неудачная революція кôнчилась. Подôбна судьба якъ въ Домашовѣ припала и инымъ дворамъ и родинамъ шляхоцкимъ въ цѣлôмъ краю, а плянъ Мильбахера, львôвского старосты, перешкодилъ совершенному выбухови революції. По дворахъ стало пусто, родини шляхоцкіи то погибли, то сидѣли увязненными а и двôръ не одинъ замѣнился въ руину. —

Проминули бурливыи часы. Пройшла темна нѣчь, а настала ясна поранна зоря...

И на чолѣ гончаря Семяка не видно вже той хмары чорной а огонь въ очахъ, що перше на вспоминку о минувшости такъ палалъ, замѣнился теперь въ любовный жаръ для любящейся пары.

Мирославъ выходитъ сновъ вечеромъ, но не самъ а выходитъ съ своею Русалкою, Февронкою, що такъ очаровала его сердце. Они идутъ на кладбище, щобы положити вѣнецъ на гробѣ дорогого Платона и любящей Праксевіи, которыи умираючи поблагословили молодую пару, а за котрыми нарѣдъ плакалъ ѿ старця до дитины, бо »еще такого отца не зазнали и певно не зазнають«.

Мирославъ и Февронка вертають на загороду, що своею красою и чистотою усмѣхается и притягаетъ, а где на оборѣ гончарь заходится коло новыхъ плугѣвъ и бороны. Зъ его лица трискаетъ счастье и все показываетъ на добробытъ.

Люде не оминають вже теперь Семяка, но горнутя до него, почитаютъ и любятъ его. То брать ихъ изъ той самой соломяной стрѣхи.

Лишь по временамъ ѡнъ попадалъ въ тугу и задуму и ходилъ потупивши голову.

»Отъ ручницю возьмѣтъ а пойдѣмъ въ лѣсъ,

чого такъ голову похилили?» сказаль Мирославъ замѣтивши, що гончарь ѿтъ долгого времени сумуеть.

»Та вже!» отвѣчалъ гончарь »хоть що роби, а Ирины менѣ не забыти до смерти... моей Ирины... Часъ и вамъ знати за мои молодый лѣта... Боже! що чоловѣкъ не перетерпѣлъ а и теперь, якъ згадаю, що нема моей Ирины, то ажъ слезы тиснутся.«

Мирославъ хваталь каждое слово а Февронка присунулась блише къ нему и всматривалась въ своего батька.

»Я малъ дватцять лѣтъ« розказоваль Семякъ »коли моя старенька мати почала заходитись за мою женячку. Сюды-туды въ сваты, та не ишло: я полюбилъ горячо хорошу и добру дѣвчину Ирину и мати тѣшилась, що въ мясницы будетъ уже невѣстка... Но не дѣждала... Умерла въ Рождественскѣмъ постѣ а я, послюбивши Ирину, привелъ ю на мое ѿцевске газдѣвство. Богъ поблагословилъ насъ дитиною, котру мы якъ наибѣльше сокровище стерегли, и любили... То ты была, Февронко... малою ты еще была и не памятаешь матери... Якою была твоя мати, не буду тобѣ описовати, бо сердце крается а скажу лише, що не знайдешь

въ свѣтѣ бôльшой доброты и вѣрности. Уже такою была Ирина...»

»Мы жили спокôйно и въ счастъю. Тымчасомъ — нанесло тогды въ село дѣдича, остатного изъ родины, Ромуальда Краевского, котрый вернулъ изъ за границы до батькôвского двора и сталъ паномъ въ нашôмъ селѣ.»

»Якій былъ отецъ его, — такой и сынъ удался подôбный. Разъ пôйшла моя Ирина ôтробити паньщину на двôрскіи ланы... пшеницю жали на кутахъ... Та и панъ, молодой Краевскій, прійшолъ якъ звикло, по-дивитись и покатовати, якъ то они робили. Ирина впала ему въ око, подобалась ему, ôнъ почалъ ей плести негôдныи небылицы въ ухо... и жадалъ любви ôтъ ней... Ирина отвѣтила му рукою по лицю и вернула до нашей хаты.»

»Сидимъ въ двое, ажъ приходятъ изъ двора гайдуки съ економомъ и каннуть панскій приказъ: Значилось: Ирина въ двôръ — тай годѣ! Взяли на силу мою Ирину — панъ приказалъ. Минула нôчь, Ирина не вертала; я прожилъ тяжкiи години. » »Отъ що будетъ, то будетъ, а не сдержу такъ, пôйду до двора« «подумалъ я взялъ кресаню и пустился до пана.»

»Приходжу до него: »А що псе?« закричалъ

онъ. » »Я прошу, помилуйте, пустѣтъ Ирину,« « такъ я говорилъ а дѣдичъ засвисталъ пѣсню, заложилъ руки въ задъ и пускалъ дымъ изъ файки. — »А возьми собѣ ю!« каже до мене »иди собѣ возьми, она тамъ въ трупарни.«

»Боже, кровь менѣ застила: я не зналъ, где стою и що робити, чи панъ шутить? Моя Ирина въ трупарни! Но розбишака не шутилъ, а правду говорилъ. Уже не памятаю, якъ я заволѣкся до трупарнѣ: Боже! Ирина мертва лежала, мертва моя Ирина, убили ю тираны, убили каты за то, що вѣрною менѣ была... И ѿтъ тогды убили мою долю и счастье...«

Семякъ пересталъ и тяжело востхнулъ, а чоло покрылось темною хмарою.

»Якъ неживый вернулъ я до дому, где повиталъ мене плачъ малой нашей дитины — вже не вернула до ней мати... Я сталъ и смотрю на дитину... но не долго такъ было. Въ хату сновъ войшолъ економъ съ двораками и кажетъ мнѣ: — »Хата не твоя, а пана; а ты идешь по приказу пана на всегда до бровару въ роботу.« Тѣи слова збудили мене... морозъ пѣйшолъ менѣ по тѣлѣ. Еще мертва Ирина... дитина плаче... а вже бушують хату и берутъ мене. И где

беруть! Вы знаете, що значить, на всегда въ броваръ: замучать ты и згинешь марно.»

»Уже тамъ не пойдѣ то дарма! — погадалъ я — и, коли панскіи посѣпаки забрались до коморы, я взялъ дитину малу на руки, обвилъ сѣракомъ, потѣмъ вытягнулъ изъ скрини мошонку съ сорокѣвцями и пойдѣ, утѣкъ въ свѣтъ. Попрощалъ свою хату и село, абы не вернути на вѣки.»

»Однакъ не на всегда осталъ я за селомъ, якъ видите, вернулъ я, тай дякую Богу за ту ласку.»

»Я ишолъ съ дитиною на слѣпо... где очи заведуть... въ мошонцѣ была добра сума грошей, тому и не боялся я за житье. Перейшолъ я лѣсы, границу угорску, минулися и забескидскіи горы и я прійшолъ въ малую осадьбу, що розложилось на широкѣй мадярской пусстѣ.»

»Иду, а коло гарного дому стоитъ толпа людей. »То що?« пытаю людей. Они мене, а я ихъ не розумѣю. Але розсказалъ мнѣ мужикъ, що гандлювалъ волами родомъ нашъ изъ Ужока: значилось панъ того дому одинокъ въ свѣтъ идетъ а дѣмъ продаетъ и цѣну опустилъ. »Отъ« подумалъ я »чи не купитибъ той дѣмъ?« Якъ подумалъ, такъ и сдѣлалъ.»

»Сорокѡвцей было тамъ троха; все склалось. Панъ взялъ гроши и я сталъ властителемъ дому. И такъ мешкалъ я въ комнатахъ съ тапетами и драперіями. Поволи зачалъ я сходитися, сживатися съ людьми и поволи покинулъ сѣракъ, а натягнулъ панску одежу... Уже такъ склалось... Троха газдовалось, але я взялся за гончарство, которого у сосѣды въ новѡмъ моимъ селѣ научился... Ба, и дальше еще пѡйшло. Я зачалъ зноситися то съ купцями, то съ ремѣсниками, робилъ съ ними добрыи справы и майно все приростало, все побѡльшалось. Тогда я вже на свою руку провадилъ дѣла купеческіи и ремѣсничіи и ѣздилъ по многихъ великихъ мѣстахъ... Ишло все... но що? Все то не было счастьемъ для мене.«

»Якъ прійшоу я до дому и поглянулъ на пѡдростающу Февронку, то слезы ставали мнѣ въ очахъ... не было моей Ирины... не было — еще одного.«

»Отчины, рѡдного села не было.«

»За якійсь часъ почувъ я щось въ собѣ, що не давало менѣ супокою, якусь тугу, тоску, нигде было мѣстця собѣ знайти.«

»То была туга за рѡднымъ селомъ и хатою.«

»А якъ пригадау я собѣ дѣдича, то кровь

стигла и чорныи хвилѣ приходили менѣ... Грошей было, але нигде супокою знайти. Я пѣдѣупалѣ и на здоровю и увидѣлѣ, що такѣ не можу дальше зѣстати.»

»Я продалѣ дѣмѣ и на ново пустился вѣ свѣтѣ, где очи понесутѣ... знай, супокою глядати. А Февронка пѣдросла вже и образовалась разомѣ съ своими подругами и хотѣ духомѣ и образованностію перевысила всѣхѣ своихѣ товаришокѣ, то все таки не до богатства я ю призывчалѣ, но до працѣ и любви родного слова.»

»Заѣхалѣ я съ нею теперѣ вѣ горы, котрыи пригадовали менѣ мѣй родный край... и тутѣ занялѣ я домикѣ у якогось лѣкаря и замешкалѣ. Тутѣ залишилѣ я дѣла купеческіи а научившись вѣ свѣтѣ гдешо изѣ письма, радо слухалѣ я лѣкаря, що говорилѣ мнѣ о зѣляхѣ и много я и Февронка зѣ того у него научились... Длѣтого и прозвали мене вѣ селѣ чарѣвникомѣ, знахоромѣ, бо съ зѣлями я заходился.»

»Отѣ такѣ тамѣ жилось и сновѣ не долго... не было и тутѣ менѣ супокою... тужилось за рѣднымѣ селомѣ и за нивою. Я дальше поволѣкся до Унгвару: прожилѣ тамѣ тяжкіи часы и таки разѣ гѣрько сплакалѣ и подумалѣ: »Пѣйду, верну вѣ рѣдне село вѣ Домашѣвѣ: най

и убьетъ мене тамъ панъ, нехай и умру а жити такъ не буду — не хочу.»

»Такъ я и сробилъ: перейшолъ границу, лѣсы и просто упалъ на рѣдну землю, тай цѣловалъ. Вже то нигде счастья нема, хиба у себе, дома.»

»Я змѣнилъ имя и яко вандрующій зарѣбникъ замешкалъ въ пустыхъ комнатахъ монастыря. Люде мене оминали, бо мали за вѣдьмака, чи знахора... Менѣ ажъ въ сердци палилось, що не можу имъ показатись, кто я, що я ихъ братъ Семякъ. Такъ мнѣ тяжело было, хиба Богъ то зналъ. Але Краевскій жилъ и дальше мучилъ своихъ пѣдданныхъ разомъ съ своею сестрою Емилиєю, що вже якъ и Февронка выросла на полную дѣвицю.»

»Не мѣгъ я еще сказати »що есмъ счастливъ, вже можу умирати«, нѣтъ, ще я не мѣгъ. Правда, досыть и то было, що я жилъ въ своихъ горахъ, въ своихъ лѣсахъ, въ котрыхъ — и тѣлько въ нихъ — житье. Але еще чогось недоставало, а то — власной нивы. Тяжко чоловіку не мати власного плуга та нивы, уже то такъ; шастайся где по ремѣсникахъ, по купцяхъ-то все на ничо: лише на нивѣ добре умирати.»

»Я сталъ провадити гончарство, хотъ гроши

были. Ажъ разъ заговорился я съ вознымъ изъ мѣста и той сказалъ менѣ за повстанцевъ, за пляны ихъ и за головного начальника ихъ въ нашей доменѣ, Краевского.»

»Въ менѣ закипѣла кровь и нервы задрожали. »Прійшолъ часъ« подумалъ я »конечно, прійшолъ часъ!«

»Я былъ въ свѣтѣ, тай гдешо приучился изъ свѣтового. И такъ загадалъ я перервати его пляны. Прозвался я Лясковскимъ, емигрантомъ, завелъ дѣло съ Краевскимъ и шляхтою, а все то на то, абы Краевского ѡтдати въ руки справедливости и ѡтплатити ему за мою Ирину... Я уложился съ нимъ, що попроваджу громаду... и попровадилъ... но, и ему стало, що принадлежало, но еще далеко не все.«

»Тамъ доперва въ лѣсѣ скинулъ я тѣи кайданы, що мучили мою душу и сказалъ ему, що мщусь за мою Ирину... за мою Ирину...«

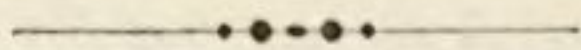
»О то Емирку, сыну, была та ловля на медведя, до котрой я тебе завзывалъ.«

»Теперь жию на родной землѣ, на власнѡй нивѣ... легко будетъ въ Карпатахъ и умирати.«

* * *

Въ однѡмъ изъ парижскихъ журналѡвъ читала публика короткій эпилогъ: »Емилія Краевска

изъ Галичины, сестра неfortunного инсургента Ромуальда Краевского, дама извѣстна въ парижскихъ кружкахъ своею эксцентричноsteю, вернула въ Парижъ и приняла вчера имя Розаліи яко монахиня Кармелитанка.»

Странный гробовый духъ.

Новеллета.

По Бескидѣ шумѣлъ и задувалъ строгій Хорсъ, вѣтренный идолъ, мѣшался съ таинственнымъ ехомъ лѣсного свисту и завивалъ снѣгомъ, що якъ серебрянныи платочки въ пѣдземныхъ палатахъ розсыпанный, покрывалъ скалистыи карпатскіи горы и смерековыи лѣсы. Покрылся зеленый карпатскій свѣтъ бѣлымъ сарафаномъ, не видно и полонинъ далекихъ, сникають своею бѣлостію въ нѣчнѣй мрацѣ.

Полночь была. На горахъ и въ дебрахъ шумѣло, а мы — у старого продекана Софрона въ плебаніи, що еще ѿ Іосефинскихъ часѣвъ тутъ удержалась, сидѣли беззаботно при теплѣмъ коминку за збаномъ Шамародно — токайского и переплѣтали его по ряду то Дукельскимъ то Марковацкимъ то въ кѣнци сербскимъ Ромпашею.

Сосѣды по бескидскому обычаю зѣхали до продекана переломити Сильвестрову Нѣчь, съ Старымъ Годомъ по прадѣднему розпрощатись а Новый повитати полными стаканами. Такій вже по Карпатахъ обычай. Лѣто чи зима, Казибродъ чи Лютый, а до сосѣды въ кожду годину заѣзжай хотьбы Недѣля за Суботою: якъ не дѣло, то на слово, а нѣтъ, то вже чи не для того, абы стрѣпнути зъ себе мизантропію, котра якъ заклятая путешествующа душечка переходитъ пѣдъ карпатскимъ воздухомъ изъ увязненной души чоловѣка въ сухіи дебри, скалы и зрубы и гинетъ въ дубовыхъ темныхъ лѣсахъ. Но диво, — часокъ минаетъ якъ минута, Марковацке пѣнится и сникаетъ по правиламъ, то и не оглянешся, якъ прійдется тобѣ, уже пѣздною ночею черезъ бескидскіи горганы*) таскатися до своей родимой ватры, що гдесъ тамъ бѣлѣетъ середъ чорного села, якъ уточка яка бѣлокрылая середъ чорного озера.

А щожъ доперва Старый Годъ! Той маетъ свои установы, то просто былобы щось нечуваного, сидѣти въ дома за печею якъ Анахорета або Трапписта и не подѣлитись бодай по жен-

*) Горганъ = верхъ, холмъ.

тлеменски вѣстію, що за горами на Уграхъ
 ѡтбылось осенью винобраніе, якого еще якъ свѣтъ
 свѣтомъ, никто не видалъ, и що по тѡй причинѣ
 метеоры во видѣ винныхъ анталкѡвъ посыпались
 изъ за границы угорской мало чи не ряснымъ
 дощикомъ.

Мы сидѣли за збаномъ, лишь при тѡмъ замѣ-
 тили мы, що старый сивый продеканъ частѣйше
 вставалъ и заглядывалъ въ ѡкно, якобы хотѣлъ
 продеретись черезъ нѡчну тьму до полонинъ,
 або дослухатись какой мелодіи въ продолжитель-
 ныхъ свистахъ вѣтру. Наша любопытнѡсть пере-
 могла, мы спросили, въ чемъ дѣло, а въ отвѣтъ
 видѣли лишь перелѣтающій усмѣхъ на его чер-
 ствѡмъ, червонѡмъ лица, окрашеннѡмъ вже си-
 вымъ волосьемъ, усмѣхъ якобы проничну стрѣлу
 перелѣтающую помежи мысли, заблуканныи въ
 минувшости. Мы пѡзнали, що за тою улыбкою
 крыется якій то розказъ и въ нашѡмъ домыслѣ
 не ошибались.

Сивый продеканъ допилъ Шамародное, по-
 гладилъ чело высокое и началъ свѡй розказъ.
 (На лица его всегда лѣтала та пронична стрѣла
 якъ незначна блискавка середъ погодного вечера.)

»Заглядываю въ ѡкно!« началъ продеканъ
 »Ба! шумить же тамъ на урядъ! замѣтаеть

добре снѣгомъ: но все то, якъ вижу, не такъ, якъ было тогда, въ тую памятную нѣчь: то еще метѣльница не така была. Теперь еще, якъ добрыи конята, то и до Веречке черезъ границу пересадишь. . Иначе было тогда...

»То было въ Рождественскіи Свѣта. Знаете, у насъ якій обычай; до счастья дорога коротка; ледво вырвешъ ся зъ мурѣвъ академичныхъ, такъ и просто въ обѣятія — Гимена. А! Любилъ же ты дѣву, даму яку, то и не думай, лишъ нагадай собѣ, якъ любо съ дружиною жити за горою, заѣзжай до твоей избранной карымъ конемъ, чупрыну черкесску загорни, гдѣяку пѣснь за скриплыми воротенька або за тихій Дунай изъ души утни и якъ бунчючный боярынъ братайся съ счастьемъ.

»Такъ было съ початку и сомною: въ свѣтѣ кипѣло по барикадахъ, по Бастиляхъ, въ Уграхъ гулялъ то Коссуть то Гергей, — а мы товариши выйшовши изъ мурѣвъ солодко почивали на первыхъ думкахъ о Гименѣ. Дѣвицу зналъ я: очи — чорныи якъ теренъ, калиною усточка, лице цвѣтомъ вишневымъ: тымъ часомъ, поки я змѣгъ спрятати зъ себе книжный порохъ, у ней заскрипѣли воротенька скорше, зайшолъ якій то боярынъ чи не во фраку французскѣмъ, она стала бояры-

нею чи не въ кринолинѣ французскій, а я — пригадавъ собѣ, що ю зналъ и убѣдился, що время надоспѣло, абымъ ей будьто не зналъ.

»А тутъ чекати не чекати; на вздогѣнъ треба было гденибудь влюбитись. А была у мене и стать и чорна чупрына черкесска, бутна, и око бутне якъ у Наполеона, словомъ, дѣло повело бы ся гладко, лишъ разъ два чахнути въ свѣтъ.

»Зналъ я тогды таки въ сусѣдствѣ двѣ дамы. Може и влюбился? Ага! Вже бы то было! Тогды любовь! Въ свѣтѣ по барикадахъ кровь ляли тогды. Значилось; або шаблюю затинай, або спи. Казали люде просто: ,Ожени ся, не журися, пойдеть ти рукою'. Такъ и мои двѣ знакомы: я думалъ: отъ съ тою то а нѣтъ то съ тою то оженюсь и ,пойдетъ мнѣ рукою'.

»Одна зъ нихъ Славка въ Розвадовѣ, въ сусѣднѣмъ таки селѣ. Нѣжна блондинка, стройна, статна, коафюру носила въ ,десператку' чесанну, кринолину якъ диво красоты: на рукавахъ бюфки зъ жолтого джету, пѣдъ шією фишу кремове. А ступала она! А! вы не знаете, якъ за нашихъ временъ дамы ступали? То словно лебедь плыветь не дама ступаетъ. Черевички не тѣи, що теперъ а сапожки зъ сатины: ножка въ сатиновыхъ мягкихъ сапожкахъ ступала по пар-

кетѣ смѣло, певно, и мягко, пышно а тихо: отъ то, що и тихо, казалось, нимфа яка идетъ, ледво землѣ дотыкаетъ. Такою была и Славка въ Розвадовѣ.

»Сказалбысь, она таки не земское существо: не то уже, що ступаетъ якъ лебедикъ, но то, що она — Боянова елевка, словно елевка нашего старинного пѣвця Бояна: струны такъ и звучать пѣдъ ей рукою, думалбысь шесть соколѣвъ розпустилъ вѣщій Боянъ. А за насъ, то не то що теперь. Карпаты дрожали пѣдъ звуками пѣсни и шездары: еще помню: дѣва хороша возьметъ шездару, аккорды сыплются: смотришь, а то не аккорды но сердце дѣвы то смѣется то тужить, то любовью згаряетъ то гордостію владѣетъ. Бывали времена!

»Стало на тѣмъ: ѣхати до Славки. А былъ у мене въ то время мѣи другъ и давній товаришъ нотаръ Евсебій, именно такіи же несвязанныи еще шваліе, якъ и я. Рождественскій пѣстъ вже минаетъ и мы погадали, що бездѣльно намъ дальше не сидѣти бы, но взятись до чогось положительного.

— Евсебій! — кажу разъ до товариша, — санки новии: а еслибъ такъ полонину обозрѣти?

Подумай, въ зимѣ полонина, то щось фамозного, особенного!

— Ба! — отвѣтилъ Евсебій — еще и якъ!

— Не завадилобъ розпытати где и за народныи обычаи по селахъ.

— А вжежь: дѣло полезне.

— Плебаніи не оминати-бъ: Совѣстно былобъ не вступити.

— Но!

— А якбы такъ въ Розвадовѣ? — кажу.

— Очевидно.

— Геня! Славка! Га? що думаешь?

»Мой товаришъ лишь моргнулъ усомъ. (Отъ то, що и было: думаю, мнѣ кобы той усь: чупрына черкесска есть, а уса балабонского недостаесть.)

»Запрягъ Василь, нашъ повозчикъ, до саней чорного пегаса, коняку розбишаку и мы махнули за горами за дебрями долѣ глядати. Мы заключили, що полонина въ кѣнци зимою не представляетъ ничъ такъ фамозного, що обычаевъ сельскихъ добра плика записанна лежитъ де де по архивахъ а де по Жеготахъ и — заскочили просто въ Розвадѣвъ. Значилось: хочешь ли знати, що якъ и куда, такъ впадай же ненадѣянно якъ бомба. На даму не смотри тогда,

коли весь свѣтъ на ню дивится, но тогды, коли она думаетъ, що никто теперь то не свернулъ на ню очей. Отъ думаете, въ „десператку“ можна было зачесати такъ за хвильку, двѣ? Не такъ!

»Приходимъ: панна чи есть? Не пытаемъ, лишь смотримъ. Минута, двѣ — нема! Мы розгостились. Приѣдь где у насъ, то свѣй, всюда свѣй: одна родина по Карпатахъ. Сказано: Свѣй. И тутъ мы не долго ожидали. Слово за словомъ, показалось, давнии знакоми а съ батьками товариши, ба, ба, ... а отъ чи и не свояки далекии! Якжебы нѣтъ? Рѣчь проста. Сродники и баста.

»А на доказъ того, отъ тамъ на стѣнѣ портретъ якого то сродника. А що? Подобія родинного може нема? Зазначено сейчасъ, що мѡй профиль точь-въ-точь тойже самъ, якъ у портретового сродника, а наветъ моглабъ зайти ошибка що до особы, еслибъ лишь мѡй нѡсъ былъ бѡльше греческѣй а мои брови бѡльше византѣйского стилю.

»Но то еще ничѣмъ: тутъ щото важнѣйшого ѡткрывається: а именно усъ Евсебія прѣйметъ непремѣнно за якѣйсь часъ туюже саму бравурнѡсть и той самъ видъ, якъ усъ у портретового

сродника. Сваживши такъ епокальную находку я взялъ портретъ новоизобрѣтенного сродника и сховалъ его въ мѡй портфейль. (Маю его и теперъ при собѣ.)

»Словомъ, мы были якъ у себе. Но що? Славка не являлась. Намъ истолковали, що якїи то купцы надѣхали и закупають у нихъ полотна Розвадѡвского výroбу, що Славка отже тамъ занята, що она впрочемъ сейчасъ явится привитати такихъ гостей. Еге! (А она, бачите, сердечна, коафюру чесала: я казалъ, въ ,десператку' не зачешешь такъ гольтеръ-польтеръ.)

»Парохъ Розвадовскій по тыхъ словахъ насъ оставилъ и пѡйшолъ за дочкою. Мы остались самы въ комнатѣ. Оглянули ,варяціи безъ темы на шездару', портретъ Меттерниха и прочее, коли въ комнату вступилъ нашъ повозчикъ Василь въ сѣраку зъ гѡрскою пелериною — чиповомъ, въ лютовискихъ ходакахъ, въ синихъ зимовыхъ гайдаверахъ, высокій бескидскій великанъ съ долгимъ безладнымъ волосьемъ.

— А що Василю? — пытаемъ.

— Та ничо.

— Но а такъ? Коня чорного розпрягъ?

— Розпрягъ.

— И напоилъ?

— Напоилъ.

— А самъ? Бакунъ есть?

— Есть.

— То гараздъ.

— Та оно бы гараздъ... лемъ...

»Тутъ Василь скрутился, рукою за голову завинулъ, чиповъ ъткнулъ, а на его фавновѣмъ лица, широкѣмъ съ пристриженными усами, съ огорѣлыми щеками крутилось якое-то слово.

— Дѣло то и дѣло — промовилъ ѡнъ наконецъ и приложилъ руку на полъ устъ, а докончилъ шепотомъ, — Намъ бы чорного коня назадъ запрягати, тай забиратись зъ Розвадова.

— Но? — пытали мы, дивуючись такому докладу.

— Долѣ не обѣдешъ — говорилъ Василь — але и не присилуешъ долѣ. Оно вже такъ. Тутъ намъ не по дѣлу: я то знаю; въ сваты неразъ я возилъ. А тутъ въ Розвадовѣ ничо зъ того. А чому? Нашъ чорный коняка не кушаетъ пашы, ничо не кушаетъ.

— Ничо тамъ — кажемъ — може млаки дали або травы зъ плаю, а нашъ на то не наученъ.

— Хранъ Господи! команицы наскидали такой якъ Дунай... А чорного якбы пѣдтялъ...

не ёсть и не ёсть. А оно такъ есть: где мѡй чорный паши не киваетъ, тамъ изъ сватаня ничо. Лише нашійники на коня закладай и гайда дальше. Такъ было, якъ ся вашего стрыка везло въ сваты. Добрый были вашъ стрыко... Бывало кажутъ до мене: Ану Василю, утни но пѣсню »надъ рѣчкою, надъ быстрою, любилъ ся я съ дѣвчиною«, а я ледво що скѡнчилъ... »зъ береженка, пригортаю до серденка« а сорокѡвцѣ грошики дзень — дзень сыплутся якъ снѣжокъ...

»Тутъ мы почули кроки пароха, успокоили Василя, що вертати не годится и за хвилю мы витали Славку. Десператка? Есть. Съ синею кокардою: сукня шелестить, а ходу и не чути: сатицовыи сапожки. Говорить мило, думаешь ласочка яка. Знаеть варяціи въ третѡй позиціи на шездарѣ, говоритъ наветъ о гарпеджіахъ и фляжеолетахъ, ба, ба... мы запустились съ парохомъ о дѣлахъ дальшого свѣта, а она хвилями перекинетъ ти, що Коссутъ вже чи не въ Турціи а Яхимовичъ гдето въ Кромерижу.

— Та то щось феноменального — кажу до мого товариша Евсебія.

»А ѡнъ лишь усомъ моргнулъ. Въ тѡмъ и моя бѣда. Кто знаетъ чи усомъ и не побѣдилъ. Бо уважаю дальше, она — говоритъ що, то свер-

нена до Евсебія, пытаєть що, то Евсебія а до мене ани чичиркѣ, лишь якбы за паньщину где-коли окомъ кинетъ.

»Думалбы кто, Евсебій дѣйстно побѣдилъ. Нѣтъ. Но она то умышленно дѣлала: дамскій маневръ. Такій мало що не пѣдрыбокъ еще, мало чи не въ короткѣй сукни еще, а вже такій маневръ! — Дамы всѣ такъ: хочуть тымъ завладѣти, то съ тамтымъ инымъ кокетъ. Мужчина, значитъ, тогда и влюбляется въ даму, коли видитъ, що она гдеинде любовно принадлежитъ.

»А пташечка на мнѣ ошиблася. Що вже, а на мнѣ ошиблася. Думаю собѣ: дамѣ пѣдъ закиненну удку пѣдойти? Дати словитись въ сѣтъ, якъ щупакъ? Ктобы! Василь добре казалъ: ничо зъ того не будетъ: чорный нашъ не даромъ не берется за пашу. Не ма тутъ дѣла.

— Добре есть тутъ намъ быти... но...

— О! о! А то що?

— Время ѡтъѣзжати.

— А! щожъ тамъ за время!

»А оно и въ самомъ дѣлѣ якось не по европейски было, такъ сейчасъ ѡтъѣзжати, а вижу, и товаришъ мѣй щось не дуже спѣшитъ. Пропалъ же козакъ. Евсебій певно въ ней влюбился.

Мы засѣли еще до макового кнѣша, перевергли шоколадовыи тѣста, выпили по стаканѣ, чого слѣдуетъ и такъ забрали ся поволи до ѡтъѣзда.

»Живо перегналъ нашъ чорный черезъ верхи и дебри скалистой дороги а чоловѣку якто неизъяснимо стало на души... И коня-бъ вороного поспытати, чомъ козакъ его такъ несчастливый... такъ собѣ думаю, а може и полегчалобъ... Но щожь! Не стаеть чорный кѡнь пытати ся явору, чого похилился надъ водою, ани чого панъ его зажурился... не пытаеть коняка, лишь женеть черезъ горы якбы съ Мазепою або Дон-Кишотомъ.

* * *

»Минулъ день и два. Уже тѣи дамы! Поперетинати ихъ планы и планочки, показати имъ, що пѡдъ дамску удку закиненну не пѡдходится, то было первою моею гадкою. Адѣ! адѣ! моя Славка, мѡй Аранжуецъ! Лишь троха черевикѡвъ сатиновыхъ жалъ и того сентиментального аккорду въ третѡй позиціи.

»Но щожь: справы бы не засыпляти, грушокъ въ попелѣ не загрѣвати. Гимень чекаетъ. Одинъ поглядъ въ минувшѡсть — и я пригадалъ собѣ, що зналъ еще другу даму въ сосѣдствѣ по

другої сторонї ѿтъ Розвадова — вдовичка, Наталія. Тажъ то щось романтичного до крайности! хороша и молода! Я вже поволи затягалъ пѣсню за вдовичку, що то брала ленъ дробненкій по пѣдъ гай зелененкій и думала, якбы то она мужа медомъ напавала и въ кармазины убирала.

»Я затеръ руки. Прійшолъ до Евсебія и сталъ за нимъ: ѡнъ сидѣлъ на фотелю. Теперъ я ничо не бачилъ, лишь его усь. Ехъ же балабонскій! Колись що колись будетъ изъ того уса! А самъ же нотаръ бѣдняка Евсебій ѿтъ часу, якъ мы вернули зъ Розвадова, ходить якъ Буй-Туръ, мыслями по облакахъ водить, шалѣеть. Звѣстно — влюбленъ: счастливъ и честна же душа, лише що — щупакъ. Словленъ въ сѣть. А таки ѡнъ може и счастливъ!

»Я ударилъ его по рамени. Думаєте теперъ моргнулъ усомъ? Где тамъ! Добилъ сердце у дѣвы, то и усь вже становится непридатнымъ, въ отставку пѣйшолъ якъ выслужившій чорный муринъ.

— Поѣдемъ — кажу до него, — базаръ нынѣ въ Плазовѣ, народа масса будетъ: етнографія будетъ на порядку дневнѣмъ.

»Снова рветъ нашъ чорный стопами снѣгъ,

а мы базаръ оставили, поки що, на боцѣ и у вдовички якъ у себе застрягли.

»Вижу — она якъ орелъ Прометея не ѡтступаетъ ни на хвильку ѡтъ мене. Щебечеть же она якъ тая Лада, а разъ то силу видно въ ней, то сновъ мягкость женску и сновъ огонь вспыхаетъ въ словахъ. А всему Прометей — я! Быти Прометеемъ? На вѣки?

»Боже, якъ тѣи дамы на мнѣ словно всѣ ошибаются. А еще вдовиця кожда, то вже дѣйствна чарѡвниця.

»Завести даму въ любовный лабиринтъ, зажегчи у ней пламена аморковыи, видѣти въ ей очахъ жаръ, а по за тое все знати, якъ неудачно она закидаетъ сѣть, якъ стратегію зачала безъ доброго телескопу — то самъ лучшій наркотикъ для души. Солодко дѣлается и легко на сердци. — Такъ я думалъ, а я не зналъ, що жажда борьбы съ дамами, то ничъ иного, якъ вспыхающа до нихъ приклоннѡсть.

— А що Василю — пытали мы по ѡтъѣздѣ — ту чорный кушалъ команицю?

— За насъ иначе бывало — отвѣчалъ Василь — кобы хотъ якой матины або простой соломы кинули, а то пришлось чи не заголоднѣти чорному. Приходжу до стайнѣ разъ, два, а

коняка передъ порожнымъ жолобомъ лишь голову потупилъ и думку думаетъ.

* * *

»Рано встали мы и потягнули съ ручницами въ лѣсъ. По снѣгахъ мы толклися, по засыпахъ, то вырынали то сновъ западали.

»По Карпатахъ хоть не за дичиною, а такъ за ничѣмъ шастайся, то якто легче стаеть чоловѣку. Надыбали лѣсного, поспытали за медведя, надыбали и скарбового, поспытали за дѣдича, а дальше зайшли и до пустой лѣсничѣвки, где ночовали зимою Мадяре, що въ лѣсѣ дерево рубали. Тутъ мы посилились мадярскою стравою и стали ѣтипочивати. Смотрю — а товаришъ мене за руку беретъ.

— Иду — кажетъ до мене.

»Я видивилъ на него.

— Що? где? — пытаю.

— За гору: о тутъ знаешь: тутъ вже Розвадѣвъ.

— А!

— Славка! — сказалъ товаришъ ляконично и здвигнулъ раменами.

— Браво! — отвѣтилъ я — идиже.

»Я зѣсталъ самъ на лѣсничѣвцѣ а Евсебій

спустился до Розвадова. Счастливъ будетъ, думаю. Чекаю до вечера, нема мого боярына — свата: ба вже темно — нема... И нѣчь вже зайшла а я на дармо ожидаю. Я заспалъ. Твердо спится по ловахъ. И на диво, мѣсто лиса або заяця мнѣ снился щупакъ и удка.

»На Бескидахъ засіяло. Нѣчка переспалась якбы трѣснулъ. Якъ новонарожденный выйшолъ я зъ поламанои хаты лѣсничѣвки. Выходжу — а на пни сѣдитъ якійсь сердяга: въ чиповѣ, въ кучмѣ. Всталъ и кучмою о землю бьетъ.

— А що таке? — пытаю.

— А тутъ листъ до пана.

— До мене? тутъ?

— Ба, говорѣть, до васъ! — кажетъ мужикъ, — що панъ то не пенъ: на милю пѣзнаеть и слѣпый. Чи собъ чи цабѣ, а панъ паномъ буде, хоть якъ го на свое натягай. Ану, чи буде зъ пана чобанъ? Га? — Не буде. А вакаръ? Ба, и бовгаръ не буде. Вже то такъ. Люде людми родятся: огню зъ бодака не скрешешь. Та погодѣть же, нехай розскажу. Иду я зо святка таки на впростоць дорогою, ажъ тутъ наднесло якогось пана. »Говъ!« кажетъ панъ »где идешь?« — Абожъ що? — »Лѣсничѣвка знаешь где?« —

Або що? — »Иди отъ то письмо занеси, пану тамъ дай. —

»Мужикъ далъ мнѣ листъ. Я сломилъ конвертъ и началъ читати: » »Пропало: и не вертаю до тебе: просто иду где въ Кечкеметъ або въ Баконскій лѣсъ. Здається вѣйду въ баталіонъ Бема а съ нимъ до Чегледу, Медіашу побивати Шеклеровъ и Румунровъ... Що то за дама та Славка! Отказала мнѣ! Пращай. Твоѣ Евсебій.« «

»Я читалъ и не вѣрилъ. А що? Не маневръ ли у Славки? Съ нимъ тогды кокеттъ а на мене сѣтъ закидаеть... Я вже не памятаю, що со мною дѣялось... я былъ якто неспокойнъ... ходилъ цѣлый день, тащился по дебряхъ и лѣсахъ, наконецъ надъ вечеръ стануль дома.

— А где вы тамъ застрягли? Ходижь. Отъ пять звоевъ полотна въ даръ отъ пароха изъ Розвадова, полотно якъ шолкъ!

— Такъ?

»Я вже истинно не зналъ, до чого то доведеть. Обвилъ я голову зимнымъ окладомъ, выпилъ цитринову воду и такъ излѣчившись на часъ, хотѣлъ що нибудь рѣшити но въ головѣ зачало мнѣ щось дуже фантастичного кружити... Я именно попалъ въ лихорадку... горячку... Дней кѣлька я пролежалъ... Тымчасомъ минули Рож-

дественскіи Свята и я поволи зачалъ приходити до силъ. На старый Годъ я былъ совершенно здоровъ.

* * *

»Чи тамъ шумить еще?« поспыталъ теперъ старый продеканъ, поглянуль въ ѡкно и продолжалъ дальше: »Нехай же шумить. Была то власне Сильвестрова Нѡчь, — Старый Годъ. А за нашихъ временъ то житье было. Анталки съ виномъ якъ мельоны сыпались зъ Угоръ. Именно »такого« — просто зъ рукъ, просто зъ винницы; и Дукелске и Марковацке съ нимъ не рѡвнялось: якъ перла чисте а пилось словно якъ яку оршаду, якбы вѣтерець такъ легкое, здается таки передъ тобою въ воздухъ розѡйдется.

»Мы по обычаю прашали въ дома Старый Годъ. Коротко: вино якъ бы пѣна зникало. Но мы въ тую нѡчь кругомъ объѣзжали Бескидъ, по селахъ, по сусѣдахъ. Пѡдъ добрую нѡчь казалъ и я запрягчи мого чорного и пустился до одного давного знакомого Перебенди за Розвадовомъ. (На актъ повитанія Нового Года ѡвѣ держалъ всегда анталокъ чистого Токаіера.)

»Кто не знаетъ карпатской ночи? Ясно, морозъ трѣщить, на дорогахъ мужики съ пѣснями

а въ дали въ селѣ огнѣ по домамъ горять. Солодко ѣдется въ шубахъ на кованныхъ санкахъ а еще на якихъ санкахъ! Зъ зады на тлѣ зеленѣомъ изъображенъ бѣлый крылатый пегазъ а на передѣ мой любезный розбишака, чорный арабъ. — Но хоть вино, правда, пилося якъ бы оршаду, то все анталокъ то не напарстникъ а въ шубахъ почивается якъ на лаврахъ. И такъ поволи я несознательно ѡтдался Морфею — заснулъ.»

»Кажѣтъ же самы, якій карпатскій вѣтеръ? Шутокъ не знаетъ: якъ вѣетъ, то вже по правиламъ вѣетъ, а снѣжокъ лише до Димитрія порошитъ, за Димитріємъ же сыплеть, задуваетъ. Ѳтъ того ѡнъ и Хорсъ, абы свое дѣлалъ. Пока орелъ надъ его внукомъ Радегастомъ крылами треплетъ, доти Хорсъ будетъ Хорсомъ и будетъ помежи зрубы и увозы задувати.

»И той вѣтеръ добре гладилъ по моимъ лицу, бо за якійсь часъ я пробудился. Самъ не знаю, що со мною... Дома я, чи сплю... чи мнѣ снится... чи за столомъ сиджу... а може то-астъ пью... А тамъ чи не хоръ духѡвъ?...

»Словно духѡвъ: хоръ таинственный. Ѳтъ и они всѣ: Чую тоны то жалостныи... то веселыи... то унылыи... Часами утихають и сно-

ва аккордъ... А за тими тонами передираються другіи... Въ дали село... зъ села мелодіи долѣтають... паланку тамъ поють... сѣйбу по хатамъ разносять... новый годъ призывають... А въ воздухѣ бѣло, бѣло... клубами вьются облаки...

»Гдежъ я? Смотрю — на роздорожю. Вижу три столпы, три дороги. На распутіи въ Сильвестрову Нѣчь? Якъ зъ неба упало. Само время на то, щобы о судьбу поспытати. Кто у насъ на Руси не пытается о судьбу? Но где духѡвъ взяти? А отъ и надається. Уступаютъ клубы бѣлыи... вѣтеръ утихаєтъ... вырынаєтъ духъ... темный... чорный... А! тажъ то лишъ мѡй чорный коняка, арабъ, розбишака.

»Я розглянувся. Три дороги. Одна знакома мнѣ провадить въ Розвадѡвъ, друга знакома до вдовички Наталіи а третя ще — въ середину, на впрость. Но бачу, мы не ѣдемъ, лишъ стоимъ, а мѡй кѡнъ якъ за княжескихъ временъ спокѡйно чекаєтъ, якъ бы ничо, лишъ рисуєтся на снѣгу.

— Василю — закликалъ я.

— Слава Богу! кажетъ.

— Та що? Спишь?

— Где тамъ сплю! Хотѣлъ, та вѣтеръ вражій не даєтъ.

— Тажъ мы стоимъ таки? що?

— А стоимъ — кажетъ Василь — тай Бôгъ дасть, будемъ стояти и дальше. Не пôйдетъ конина, хотъ що роби.

— Якъ не пôйдетъ?

— А вжежъ нѣтъ. Стала на мѣстци, якбы ю приковалъ. Въ Розвадôвску дорогу не пôйдетъ, хотъ бы що: знаетъ и кôнь свое: бывало оброку насыплють а силованнымъ конемъ не поѣдешъ, хотъ за уха тягни.

»Полночь вже сближалась. Вертати не вертати а духи внадились мнѣ въ голову. Чому бо конечно суджено, абы я въ полночи на роспутіи снаходился? А еще въ Сильвестрову Нôчь. А щожъ то въ кôнци и судьба тая за така матадора! Що она за такое дѣло? А якбы поспытати. Славка чи вдовиця? Тутъ маневръ и тутъ маневръ. А може и нѣтъ! Отъ примѣромъ Славка: Значить, она любитъ мене, того лишъ и бажай, а такъ лишъ може для французского приличія не говоритъ со мною... Щожъ але виновата и вдовиця? Словно маски не знаетъ. Що въ сердци, то и на словѣ. Прометей остаеть Прометеемъ, но за то вижу у ней верву любви. Тутъ чи тутъ? Ану черкнѣмъ. Все одно, що будетъ, то будетъ.

— Василю кажу — пусти коня, лишъ бичомъ затыгни: Куда потягнетъ, туда нехай и идетъ, тамъ и поѣдемъ.

»Засвистало въ воздухѣ: арабъ взорвался а санки полетѣли за нимъ ани до Славки, ани до вдовички, лишъ въ среднюю дорогу. Сказано туда, то туда. И мѡй знакомый Перебендя остался на боцѣ. За кремовымъ фишю и за сатиновыми черевичками Славки упала одна слеза зъ моихъ очей и перемѣнилась въ Вирджинію сигаро, а за вдовицею упала друга слеза и змѣнилась въ кресало и я — запалилъ побѣдоносно вонное сигаро.

»Минула полночь. Годъ Новый на Карпатахъ засіялъ. Хорсъ спрятался за Бескиды: снѣгъ лишъ по поляхъ, скалахъ свѣтитъ, блеститъ, съ мѣсяцемъ цѣлуется и якъ діамантнй порошокъ пѡдъ стопами розсыпается. На небѣ Соварогъ, отецъ свѣта, звѣздами свѣтъ прикрашаетъ, сыплеть звѣзды по землицѣ: по бѣлой молочной дорозѣ владѣтель Огонь и владѣтельница Вода, свѣта создатели проходжаютъ, Даждбогови солнцevi золотому пріемъ готовятъ. Блѣдо засвѣтаетъ Поревить, герой безъоружный, солнце зимное зимовое, слабымъ объятіемъ повитаеть родную землю, но ключи-лучи принесеть, свѣтъ зеле-

ный открыеть, роскинетъ по Руси зелену красоту. Накрыль Новый годъ село платьемъ, ступаетъ бѣлый молодець по верхахъ высокихъ горъ, дорогихъ урочищъ...

»Мы сближались до церкви якого-то села освѣтленной блѣдо мѣсяцемъ и стоящей передъ лѣсомъ. Василь задержалъ коня.

— Поганяй Василю — кажу — до плебаніи. Пріймутъ насъ, хоть въ первый разъ.

— Поѣдемъ — ътозвался Василь, сойшовши зъ саней и начавши креститься, — та впередъ коло церкви бы пристанути, Васильечка Святого за Новый рѣкъ попросити, сѣйбу нехай прикохаеть, пашу уродливу поведеть, худобину придбати людемъ припоможетъ, весну най упроситъ зелену...

»Съ тыми словами Василь снялъ кучму и крестившись поѣшолъ поѣдъ двери церкви. Мене теперь особенно заняла его статья. Его долгій волосъ въ неладѣ спадалъ на чиповъ; великанъ и силачъ былъ: казалбось гору перевернетъ: ътъ блеску мѣсяця западала далеко тѣнь его геркульесовой стати на гробовиска. — Тихо было: природа молчить, значить, почитай ю, поклонъ бій; все таинственное замыкаетъ она, правда и бьетъ ътъ ней и таки закована въ ней.

Молчать и гробы... Лишь ѿтъ лѣса, що за церковью чорнѣтся, тоскно шумять ялицы... И мѣсяць сникъ по за хмары, темно стало... Я смотрю въ облаки, — а мене кто-то за руку такъ и хватаетъ.

»Мѣсяць блеснулъ: вижу — передомною Василь; дрожить цѣлый на тѣлѣ якъ осика, очи заблуканы, волосъ роскиданный... на лиці безсиліе.

— Всѣ святыи! — кажетъ (а самъ тремтитъ, таки изъ нѣгъ ѿтъ страха падаетъ) — душу запропастилъ... грѣшный чоловікъ... хаты чернобыльемъ не затикалъ, шкабіозы въ увозѣ за Покровами не глядалъ... а отъ... тамъ за гробами... гробовый духъ, упырь, паночку, гробовый духъ въ чорнѣй плахтѣ... грѣбъ отвирается...

»Онъ ледво докѣнчилъ. На его лиці выступилъ потъ туртуровый; онъ зѣвалъ якъ пѣдтытое ростѣнье... Ничо не сломить карпатского мужика... Ворогъ для него ничѣмъ. Выросъ якъ дубъ; справится съ ворогомъ, якъ принадлежитъ; и сила есть, поборется и съ медведемъ. Лишь одно: съ суевѣріемъ не смѣрится. И сила тогды гдето пропала и великана вже нема, мужикъ дрожить, застыгаетъ...

»За гробовискомъ поднимался въ лѣсѣ на полъ пурпуровый дымъ огненный. До того дыму рисовалась слабо якая-то стать черно одѣта. Родъ плахты закинутый на рамена спадалъ до землѣ.

— Гробовый духъ — кажетъ Василь.

»Далеко было уже за полночю. Хоть якъ и не вѣръ за духовъ, а имъ вже не пора теперь: вже шарѣло... ранне свѣтло пробивалось... А всежь таинственный огонь... А еще и ростеть огонь той... отъ сильнѣйшій щоразъ... выдвинулся... полный заблѣснулъ...

»А миѣ и смѣшно стало и жалостно. Що кажетъ а Василя жаль менѣ стало: бѣдакъ житя мало не позбылся... А въ лѣсѣ за огнемъ не духи выводились, но Нимроды, компанія стрѣлецка биваковала. Просто огня стояла стать дамы въ черномъ ватеръ — протѣ, отъ же и ушыръ, гробовый духъ, що такъ немилосердно косою пѣдтялъ суевѣрну душу Василя... А всежь былъ то странный духъ... Огонь освѣтилъ насъ: чиповъ Василя закрылъ на полъ его лице, лишь волосъ его былъ розвѣянный якъ у Горгоны. (Онъ послѣ будто стыдался самъ себе, молчалъ и поглянути якъ то не смѣлъ а отвѣчалъ зъ укуса.)

»Я прійшовъ до огня. Бивакъ розпочинався. На пни сидѣлъ якій то Нимродъ съ червонымъ, воиннымъ лицемъ, съ сивыми пушистыми усами и съ тымъ виразомъ лица, на которомъ пробиваєть вѣчно безжурная веселость и удовольствіе. Его тужурокъ съ аркебузами, у боку на груди блестящій серебрянникъ и замашистая шабля, указовали на бывшего владѣтеля въ баталіонахъ перукованнихъ австрійскихъ воиновъ а по шрамѣ на челѣ позналъ я сейчасъ въ немъ не кого иного, якъ бывшего полковника а теперъ рентиера въ Салинѣ, однѣмъ изъ поблискихъ селъ. Съ ручницею онъ не розлучался. А не ходилъ онъ по дебряхъ бескидскихъ за »ничѣмъ«: не таскался по снѣгамъ, щоби о Славцѣ або тамъ якої вдовицѣ думку думати, но гонилъ со страстію то съ хортами, то съ бѣгунами, то съ борсуковими. А звѣрину зналъ пѣдойти. На полопинѣ, кобы где медведика захопилъ: чи въ гаврѣ*) таки чи въ увозѣ, перехитрить бѣдняку. А будетъ же лисъ, не спѣшить. Слѣдомъ заходить по мягкомъ снѣгу, лишь иней изъ уса стрѣпаєть: думаєшь, звѣрина уже где за границею, на Мадьярахъ, где въ буковыхъ лѣсахъ пропала! А полковникъ до щеки ручницю прикладаєть, за

*) Гавра = медвежа яма.

лѣщиною стрѣлъ звенить а лисъ снѣгъ бѣлый кровью красить. Такій вже былъ той рентіеръ.

»Онъ сидѣлъ на пни и тащилъ изъ стрѣлцкой торбы провіантъ. (То была угорская салона съ паприкою: я послѣ узналъ, просто зѣ Мукачева.) При моимъ явленію онъ всталъ, приложилъ долонь до очей и вдивился, якъ вождь въ перспективу.

— Ехъ, ехъ — кажется — гора съ горою не сойдется, а... Чп не Софронъ сынъ Тимотея?...

»Я привиталъ всѣхъ. Всѣхъ? А! именно кого-то. Такъ тогда чоловіку стало на души... странно! Я ошоломился, влюбился отъ разу. То была дама, дочь рентіера изъ Салины, Серафина въ чорнѣмъ ватеръ — протѣ; пѣдъ шією пушистая полная крыса изъ тюля: головка таетъ въ ней, тонетъ якъ роса въ пушистѣмъ цвѣтѣ. Очи чорныи, продираются до души чоловіка: холодъ изъ нихъ бьетъ и жаръ разомъ, якато сила до нихъ приковиваетъ. А тіи бѣлыи щечиньки, бѣлый тейнтъ, ехъ бѣлый, бѣлый!

»Якая то бѣлость была! И росою серебристою по зорѣ умывайся, зѣлья бери, чернокленокъ собирай а такой бѣлости не будетъ. У ней — говорили люде — собствєнныи средства на таку бѣлѣсть. — За пѣтухомъ, кажутъ, пѣдъ

зрю на границу идетъ, головку внизъ, не смотритъ. Выйдетъ же на Верхъ Драгоша, або на Ротундуль, а тамъ зъ мадярскихъ темныхъ магуръ черезъ чорныи мраки, що почивають на лѣсахъ безконечныхъ дубовыхъ, тамъ ступаетъ дѣдухъ — Чернухъ: бѣла борода у него шелкова, долга, должезна, на мракахъ плыветъ, расплывается. Дѣва косу чорну расплѣтаетъ, на дубовыи безконечныи лѣсы глядитъ: пѣною золотистою-ясною зъ моря далекого умываетъ Дѣдъ-Чернухъ — круглое дѣвичье лице. А лице бѣлѣтъ бѣлѣтъ... Солнце за буковыми лѣсами вырынаетъ, мраки розганяетъ, Дѣдъ за горы сникаетъ а дѣвичье лице прозрачною бѣлостію яснѣтъ...

»Не любити такого личика? пѣною морскою золотистою умыванного не любити?!«

»Бивакующіи собрали ся на шарака. Снѣгъ свѣжій мягкій припорошилъ, то и зайдется за слѣдомъ на засыпъ чи у потоки и шараковъ набьется пару кѣпъ. Я волонтеръ присталъ до нихъ. Не такъ былбы я приставаля до тарабана, що по базарахъ и торгахъ на Коссута вербовалъ, не такъ былъ бы за гарцопомъ где до уланѣвъ затыгнулся, якъ радо присталъ до той компаніи.

»Я скинулъ шубу, затагнулъ широкій округлый гейдельбергскій плащъ и мы подѣлились на дѣлы. Я, гейдельбергскій рыцарь съ дочерею рентіера Серафинею на камеральныи ланы, другіи где въ обочѣ а третіи въ лѣсѣ.

»Такой ловлѣ въ жизни я не малъ; съ такою дамою Нимродкою, лѣсною богинею и мелиссовою женьщиною; ѿтъ ней вѣтъ и женска нѣжность и страсть именно страсть стрѣльничая: зѣ лица тряскается полная жизнь а разомъ якійто унывающий тужливый привѣвъ. День боролся съ ночью. Свѣтло ломилось. Его яркость побѣждала нѣчную темноту. Мраморный блѣдо-прозрачный колоритъ разлился по свѣту. А ей лице якъ у статуи: вижу ей профиль до бѣлого снѣга... тейнтъ ей лица мраморноблѣдо — прозрачный, зоря ранная слабый блескъ кидаетъ на ей личико: словно дѣва Рембрандта... Идетъ не приставаючи, смѣло и скользячи. Ручницею снѣгъ розбивается а не знаетъ хорошая дѣва, що пѣдъ гейдельбергскимъ плащемъ крыги леду коло мого сердца розбивается своимъ взоромъ. Чую, она щото розсказываетъ такъ беззаботно, свободно. У ней свѣтъ jakimъ-то роскошнымъ урочищемъ; тѣшится тымъ свѣтомъ, одушевляется нимъ, словно любезничаютъ...

»Легкіи платочки снѣгу дрожать и лѣтають въ воздухѣ. Тіи платочки, падшіи на ей лице то звѣздочки на небасводѣ, то малыи херувимки ангелики любуются ей красою... Нѣтъ, она сама воздушною сільфидою плыветь по волнахъ и купается въ перловыхъ звѣздочкахъ снѣжныхъ.

»По мнѣ перейшолъ дрощъ. Плащъ гейдельбергскій на грудь затискаю: тамъ въ груди крахъ, великій крахъ... Солодкое чувство, овладѣло мною... Я былъ на первыхъ ступеняхъ Дантоваго раю: легко по нихъ ступати... Но голосъ якійто кличетъ ко мнѣ: »борьба тутъ остается«. Пропала и въ моимъ сердци жажда борьбы, я переборолся и попалъ въ любовь, безконечную любовь.

»Мы ишли обое безъ видной цѣли.

— Спѣшѣмъ — ѡтозвалась Серафина (а сама сердечно якъ дитя смѣется) — а то не убьемъ ничего. Вы не глядите за тропомъ.

— Извинѣтъ — ѡтвѣтилъ я — менѣ теперь не до борьбы, я побѣдженъ.

— А!

»Еще того треба было, щобъ тое »А!« сказала! Оно звучало такъ унимаючо, такъ странно и небрежно и продолжительно и змѣнно, що я правдиво попалъ въ хаосъ.

»По при лѣсѣ мы вышли на верхъ полонины. Тамъ мы пріостановились. Въ лѣсѣ дались чути стрѣлы: то были другіи наши компаніоны. Но мы и не чули добре тыхъ стрѣлѣвъ. Раннее солнце показалось. Лучами своими цѣловало оно розовое личико дѣвы Серафины.

»Не лише солнце поцѣлуемъ обнимало тое лице: Еще кто-то его цѣловалъ. Волонтеръ въ гейдельбергскѣмъ плащи цѣловалъ тое бѣлое лице, пѣною морскою умыванное, звѣздочками серебрянными оточенное, страстно цѣловалъ я его...

* * *

»Сказано: идетъ о любовь, такъ не говори, но люби чувствуй: весь предай ся той любви. Такъ было и со мною.

»Въ кѣнци мы вернули на условленное мѣстце коло церкви. Приходимъ, а тамъ вязка зайцевъ и друга вязка зъ самыхъ гулящихъ щаракѣвъ намотана. Огонь трѣщитъ на ново: полковникъ забѣгается коло огню, якъ коло полку. Мукачевска сальона будетъ въ работѣ. Увидѣвши насъ вертающихъ, приложилъ сновъ долонь до очей и смѣется якъ добродушный Сатиръ.

— Славно — кажетъ — ловля была бояры-

нева: по нашому, по старому обычаю, за кунцею, за княгинею; высылалъ по краю за ловлею за добычею: ловлею полюбили, добычею повернули, въ родную землю завитали.

»Сердечна была душа той рентіеръ; а онъ вже, бачите, зналъ о всемъ: на полонинѣ въ лѣсѣ онъ тамъ стрѣлялъ а пѣдъ лѣсомъ гейдельберскій рыцарь цѣловалъ дѣву...

»Изъ церковной копулы озвался голосъ звона. То Новорочніи Звоны. Розлягаются по селу, будять народъ до нового житья. И спѣшитъ народъ. А за нимъ старецъ сивый идетъ, молитву шепчетъ за него, просить долѣ...

* * *

»Отъ и была памятная нѣчь. Долю мнѣ принесла Льелову зорю — Серафину. Тая нѣчь останеть на всегда менѣ въ памяти.

»Еще одно: выходжу разъ въ Салинѣ у рентіера на обору. А тутъ и стоитъ передъ мною Василь. На его фавновѣмъ лицѣ нема вже той паники ни безсилія, но радѣсть. До нѣгъ упалъ и кажетъ:

— Человѣку смертному простѣтъ: души ледво чи не передалъ гробовому духу.

»Я пѣднѣлъ его. Жаль стало Василя. Душа

въ немъ добра, якої мало встрѣчается, лишь въ оковахъ суевѣрія потапаетъ.

— Ничо — кажу — гробовыхъ духѣвъ нема. А чорный кѣнь що?

— Гуляетъ, якбы где на левадѣ. Я казалъ, где мѣй чорный паши не кушаетъ, тамъ изъ сватѣвъ ничо; мѣй чорный добрый, лишь часами химерный а такъ добра конина, Божья та ваша.»

»Уже не хотѣлъ я ему вспоминати, що, коли ѣнь мало чи не передалъ своей души тому гробовому духу, що я таки совсемъ передалъ ему мою душу и сердце. —

»За Славку въ Розвадовѣ зачулъ я послѣ, що вже-вже въ монастырь будто вступати хотѣла. Но все то лишь маневръ. Думалбы кто, на правду хотѣла! Кажеть дама: »въ монастырь иду« значить, тужить за миртовымъ вѣнцемъ. А если вже коли, то тогда на слѣпо въ сваты заѣзжай и не удивляйся, если тобѣ розскажутъ, що монастырь чи не забрали гдѣякіи Яцыги або Камчадалы, що дальше такою заборовою вѣстію трудно и подѣлитись съ кимъ, бо жаль ни ваги ни границъ не маеть, но — що противъ воды плыти никто изъ жентлеменѣвъ не схочеть и не будетъ. Тожъ и зачуваю я за якого пѣлгода — въ Розвадовѣ свадьба. Кто, кто? а то же-

нится съ Славкою мѡй давный знакомый Перебендя, той самъ, до которого я ѣхалъ ломити Старый Годъ и недоѣхалъ.

»Любѣтеся, думаю, каждому своя доля и своя недоля. А тутъ якбы мнѣ на докѡръ, призываютъ и мене на тую свадьбу. Еслибъ то не мѡй знакомый Перебендя, що такъ славно пописовался съ анталками Токаіера, то чоловѣкъ бы може и не заглянулъ до Розвадова именно, где вже и мѡй чорный пегазъ щось не дуже потягалъ. (А былъ я вже женать съ Серафиною.) Но совѣстно былобъ не поѣхати на свадьбу Перебенди. Приѣзжаю. И щожъ Славка, мѡй давный Аранжуетъ? Очка будутъ заплаканы? може и не поѣднесетъ ихъ на мене, може и словомъ не кинетъ. А она? Ей въ сердци было такъ, то знаю, але маневръ! Еще якъ поѣдросткомъ была, то вже стратегію яку вела, а теперъ! Тожъ якъ тогды до мене ани слова, такъ противно теперъ всегда менѣ просто въ очи смотритъ и сѣчетъ словами, ажъ розъясняется человѣку въ умѣ. Ни лимоніада, ни оршада, ни о-де-Колонь не ѡтсвѣжаютъ такъ ума, якъ звучная и безконечная бесѣда прелестной женьщины. Розмавляєть она со мною яко съ »другомъ« давнымъ. Съ другомъ! Ге! ге! Розумѣмся на пта-

печкахъ. Удаеть, будто о любви ей и не спилось, лишь о пріязни. Но таки озвалося то, що колись звенѣло. Взяла она шездару.

— По давному — кажу я — гарпеджіами берѣтъ, урывисто. Отъ тую пѣснь: »Повѣй вѣтре«.

»А она ни той ни тамтой пѣсни, лишь отъ разу отъ таку: »Топили ся снѣги зъ горы, на долинѣ стали, — Любили го красны очи, теперъ перестали«. На тое »перестали« прійшолъ неизглубимый гарпеджіо. Перестали? Она хотѣла тымъ мене уничтожити: хотѣла, абы я зъ отчаянія зъ ума сѣйшолъ, абымъ якъ Гамлетъ якій по свѣту божомъ скитался. Но сновъ на мнѣ ошиблась. Она гарпеджіо, а я вирджинію, извѣстну метаморфозу моей слезы по сатиновыхъ черевичкахъ. Я переконался, що кромѣ дамского щебетанія еще одно отсвѣжаетъ умъ, — мое вонное сигаро.

»Менѣ-бъ скѣнчити уже« говорилъ продеканъ поглядаючи на годину »бо вже и у насъ полночь надходить. Лишь еще за вдовичку. Она мимо волѣ не плыла противъ воды. Якійсь часъ собирала она еще лень дробненкій по пѣдъ гай зелененкій, коли разъ и не оглянулась а тутъ якъ зъ неба упалъ для ней зъ Пешту спадокъ не

малый, а такий, якій слѣдовало бы добрымъ людямъ хотьбы ѿ случая получати. По томъ спадку забралась она на Угры и ѿ тогда не чули мы бѣльше о ней ничего.»

* * *

Продеканъ окѣнчилъ розказъ. На лицѣ его не было видно вже той проницной стрѣлы: якась задума покрыла чело: онъ мыслями снаходился еще въ минувшости.

Въ той хвилѣ роздался передъ плебанією голосъ звонка: мы догадовались, що якій-то сосѣдъ заѣхалъ на Новый Годъ, но не ѿгадали. Двери отворились и въ комнату вступилъ мужчина закутанный въ зимовыхъ медведяхъ. Онъ вѣйшовши знялъ боброву кучму, пристанулъ и поглянулъ по ряду на всѣхъ собранихъ. Лице его было всѣмъ незнакоме. На диво самъ продеканъ не вставалъ витати нового незнакомаго гостя, лишь вдивился въ него якъ Дон-Жуанъ въ зачарованну статъ. Рѣвно и незнакомый устроимилъ взѣръ въ продекона Софрона, якбы ожидалъ ѿ него первого слова.

— А що? — поспыталъ гѣсть въ кѣнци.

На то продеканъ вынялъ зъ портфейля якій-то портретъ, вдивлялся то въ него то въ незна-

когого, его бровь зачала дрожати а на устахъ явилась весела улыбка.

— Эй Богу! — сказалъ продеканъ — усъ уже такій же самъ: эй Богу такій! тую саму принялъ бравурно́сть и той самъ видъ, якъ у того ту портретового сродника. Я казалъ, що то колись не будетъ изъ того балабонского уса! Евсебій!

Оба други впали собѣ въ объятія.

— Живешь?

— Живу.

— Гараздъ?

— Гараздъ.

— Кажи же, где бывалъ? Копа лѣтъ! Застрягъ же ты въ свѣтѣ и чутка о тобѣ пропала.

— Якъ? не знаешь? — пыталъ Евсебій, усѣвши по привитаніяхъ и попиваючи Шамародное, — не знаешь? То розкажу. Кажешь и чутка о мнѣ пропала. Ну, той день памятаешь, коли я зъ лѣсничовки пустился до Розвадова. О́тъ тогды мы не бачились. Славка о́тказала мнѣ. А я, тайкомъ признати, залюбился въ ней по уха. Я попалъ въ отчаяніе. Срозумѣешь, що по такôмъ о́тказѣ я не былъ въ силѣ такъ дальше провадити житъе по англійски: рано кава, сигаро, газета, о́тпочинокъ, и сновъ обѣдъ,

сигаро ѿпочипокъ... такъ жити я вже не мѡгъ. Мене тягнуло гдесъ, въ якусь борьбу въ якійсь шаль, словомъ тамъ, где бымъ мѡгъ позабыти о всемъ. Все одно, думаю, кинусь гденибудь... Первый полкъ, якій встрѣчу, тамъ и пристаю. На счастье было то время, где весь свѣтъ о крови и куляхъ лишь думалъ. Въ Парижи льялась кровь на бульварахъ, въ Тюилерахъ, въ Медіолянѣ заблысли кинджали, въ Нѣмеччинѣ кипѣло въ федераціяхъ, въ Вѣдні передъ соймомъ, въ Празѣ на Вишеградѣ, а въ Уграхъ гулялъ Деакъ... словомъ стати въ бѡй, было тогды дѣломъ такъ звычайнымъ, якъ выпити по англійски чорную каву. И я не долго ждалъ. Первый прапоръ, якій мнѣ насунулся, былъ прапоръ генерала Шлика, що тягнулъ до Угоръ. Я стануль въ ряды. Толкъ ся чоловѣкъ тамъ по якихсь Тарчалахъ и Лосончахъ, все то вже и не помню, лишь то, коли я яко реконвалесцентъ ѡтъ полученной кулѣ вийшолъ на свободу въ Пештѣ. Тамъ я и осталъ въ моимъ чинѣ. За Славку немного забылось: поволи остигалъ во мнѣ огонь. Но прійду вже до рѣчи. Разъ иду безмысленно по алеѣ Маргаретской на берегу Дунаю въ Пештѣ. Умученъ сѣлъ я на однѡй парковѡй лавочцѣ, на котрѡй лишь яка то дама

сидѣла. Сиджу и поглядаю въ волны Дунаю, — коли на разъ чую родное слово. Кто? а то тая дама говорить. То была вдовичка Наталія, та сама Наталія, у котрой мы были. Я урадовался, що почувъ на чужинѣ родную бесѣду. Мы начали розговоръ. Вижу, она троха и не та прежняя вдовиця, — свѣтова дама изъ ней сробилась. Я узналъ, що она получила спадокъ бôльшій, що по условіямъ того спадку мусѣла переселитись въ Пешть, що тутъ и на дальше останеть. Гмъ, а во мнѣ якбы хемичный процессъ ôтбывался: спокôйно стихіи розкладались. Мы съ нею послѣ частѣйше видались, розпôзнались и вже отъ на чужинѣ, знай, такъ сложилось. Я роздумалъ, якъ то на свѣтѣ одинокому ни жити ни що, и за якійсь часъ я съ нею одружился. —

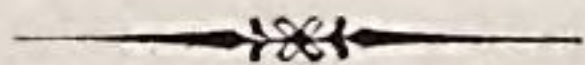
Евсебій пересталъ на хвилю, а на лиці продекана перелетѣла незначно та иронична стрѣла. Ему вже крутилось на устахъ слово »маневръ« и »удка«, но ôнъ побѣдилъ себе и Евсебій продолжалъ дальше.

— Мы долго были въ Пештѣ. Въ кôнці затужилось и за родною землею а и сынъ мôй входитъ вже въ свѣтъ. Хочу зъ него мати не Пештенского но Львôвского елева. Тому мы

забрались совсемъ въ Галичину и первымъ моимъ дѣломъ было ѣтънайти не кого иного, лишъ — тебе.»

— Браво! — закѣнчилъ продеканъ, — ѣтъ що: повѣрь. Не разъ я задумовался, неразъ хотъ доволенъ свѣтомъ, а чогось въ задуму попадалъ. А то длятого, що друга правдивого не доставало. Ѣтъ розстанія съ тобою тужилось за правдивымъ другомъ. Теперъ иначе. Двѣ ночи въ житю мнѣ памятны. Одна, коли мнѣ оказался странный мѣй духъ, моя Серафина, моя доля а друга нѣчь нынѣшня, котра довершила мое счастье. Теперъ могу радостно сказати слова пѣсни: »Маю го неомыльно, пріятеля, щомъ такъ его бажалъ.« —

Сновь закружило Шамародное, мы выпили по правиламъ грѣмкій салямандеръ на ѣтъзысканіе друга а такъ попрощавши старого продекана, сѣли на наши зимовы фаетоны и розѣхались на чѣтыре стороны карпатского свѣта.

П а р т и з а н т ь.

Новелля.

I.

Вѣтеръ легко колыхалъ золотистымъ моремъ подольско-подгôrской пшеницы, проса и гречки а солнце полудневымъ жаромъ жгло и припѣкало, наполняячи воздухъ своими блискотливыми дрожащими пламенями, що жаждно выпивши всю раннюю росу миготѣли теперь надъ Подгôrьемъ, якъ Провнъ, божокъ съ своею огнистою стрѣлою владѣетъ надъ дочерями Лады, водными Льелями и Дѣдиліями.

Здавалось не было жіющего существа, которое въ тѣй спекотѣ не палалобъ жаждою свѣжого холоду, ѳтживляющого напою, которое бы не льнуло до таинственной тѣни, щобы тамъ подъ крылами лѣсной Вилы зачерпнути тиміанового вонного воздуха.

Въ кармазиновѣй пестроѣ хустцѣ закрывающей лице отъ жару солнца, въ червонѣмъ сарафанѣ и чорнѣмъ горсетѣ ступала сельская дѣвасъ короводами по зеленѣй луцѣ и приближалась до журавельной керницы стоящей въ близи сельской осады.

На камеральнѣй дорозѣ, осадженной рядами браклену, калины и плачущихъ березъ пѣдносились клубы дорожного пылу. Зѣ помежи клубѣвъ вырынали два ѣздцы, що на подѣльскихъ гарсамакахъ продирались помежи пекущѣй воздухъ. При керницѣ они пристали. И покутующѣй Танталъ не выжидалъ такъ грознѣ и воды, якъ оба запыленныи ѣздцы. Они зступили зѣ коней и сельская ганимедка въ кармазиновѣмъ завою, ганимедка, изъ котрой очей можно было такожь изобильно пити, подала имъ холодящѣй напѣй.

Молодой ѣздець былъ розогрѣтый на лицѣ, но видно было, що тая палающая роза не постоянна у него, що она хвилево выкликана жаромъ дня; за нею пробивала блѣдѣсть, назначающая терпящее лице. Его рука одна почивала на чорнѣй завязцѣ а его гнучкая, высокая стать не выдавала вже той силы, съ якою може недавно затинала по геройски саблею. Милитарисмъ

сникъ зъ его рухѣвъ и чертъ, легкое увядающее безсиліе но притѣмъ и слѣды не зникшей еще свѣжости разлились теперь по его лицу: въ очахъ его замѣтна была тужливѣсть и затопленіе въ минувшѣсть. Его мужескіи, певныи, хорошіи черты лица, окрашенного кудрами чорного волоса дѣзнавали окѣнчательного закрою въ республиканскѣй бородцѣ, которая на паркетахъ салоновыхъ одушевляла не одно дѣвичье сердце.

Широкіи крысы затѣняли лице а по замашистой саблѣ унятой при боку, по жакетѣ жуавскѣмъ и синихъ панталонахъ пѣзнати въ немъ одного зъ тыхъ запаленныхъ юношей, що не зимно приглядались кровавымъ дѣламъ, веденымъ по бастилляхъ, брукахъ и барикадахъ, но брали участь живу и горячо ставали въ первыхъ рядахъ, пробиваючи собѣ кроваву дорогу до своей цѣли.

Его товаришъ то вже не жентлемень съ республиканскою бородкою, то не жуавскій елевъ: ѣнъ и въ очи хорошей дѣвы не заглядываетъ. Его лице было якбы облите водою. Долгимъ обдертымъ халатомъ отиралъ ѣнъ чело и бормоталъ несрозумѣлыи слова, якбы проклиналъ пекущій воздухъ и вздыхалъ за холодною долиною Іешурумъ. То былъ Хасидъ, потомокъ каб-

балистичныхъ старозаконныхъ алхимистовъ, достойный наслѣдникъ тыхъ чудотворцевъ, що передъ вѣками на томъ самомъ мѣстци такъ философично вели дѣла съ королевою Боною, а разомъ и одинъ изъ доступившихъ славы, быти въ свято Шушанъ-Пуримъ въ цѣлой окрестности Городка заступникомъ саломонового Рабби, коли той выбирался въ то свято съ своими герольдами до свого сына въ Смеречнѣмъ, Харона новомодного, котрый черезъ Сянъ пушаль промомъ людей на другій засянскій свѣтъ.

Его долгая завиванная борода была на пѣль шпаковата, шія долга якъ у керничного журавля, руки сухіи костистыи а голову покрывала погрѣшная израильская аксамитка. Черезъ плечи его закинена была вязка кукурузы, якъ вѣтка спокою, якъ флагага голосоющая людемъ, що стоящій пѣдъ нею человекъ рабъ божій, знающій лишъ яку одну пѣснь изъ Геморы и день ярмарку въ Бердычовѣ.

»Теперь скажи мнѣ дѣвчино« ѡтозвался въ кѣнци молодой партизантъ, напившись до волѣ
»якъ много еще до Перемышля?«

Селянка розсмѣялась полно, якъ смѣются лишъ дѣти и женыцины и середъ смѣху поглядючи изъ пѣдъ червоного завою поступила

стежкой въ село. Въ тѣй хвилѣ долѣтали до нихъ дикіи тоны бакхантской музыки, съ которыми мѣшались мелодіи барикадового сложенія. Оба ѣздцы порозумѣли смѣхъ селянки. Съ противной стороны дороги сближалась громадка польскихъ гвардистовъ въ костюмахъ новопоставленной народной гвардіи и спѣваючи буршикозную пѣснь сникла въ передмѣстью. Передъ здороженными ѣздцами стоялъ городъ Перемышль, цѣль ихъ дороги и вже потомокъ алхимистовъ не утискиваетъ на безвыходную спекоту, но якъ Донъ-Кишоть ревнуеть въ бѣгу на своей худощавой шкапѣ съ товаришемъ въ направленію до такъ ожидаемой рогачки перемышльской.

Умучены стали гарсамаки при рогацѣ. Изъ комнатъ камѣнной обдертой корчмы долѣтали тѣи самыи звуки, дикіи крики, бурлескныи вызывы и брячаніе шклянокъ и сабель. Новыхъ гостей обступила сейчасъ шайка гвардистовъ выйшовшихъ изъ корчмы; усатыи постати, широкіи плечи, въ шарыхъ блюзахъ стягненныхъ чорными пасами, съ упятыми карабелями и съ пурпуровыми кокардами на груди, всѣ приверженцы червоной революційной флагги, а именно члены завязавшойся тогожь 1848 года народо-

вой гвардіи. Они обступили съ по́днесенными руками, съ вызывающими кликами и хитающимися о́тъ надмѣрнаго ужитія Марковацкаго вина головами, новоприбывшихъ незнакомыхъ.

»Кто есть?« дались чути голоса бенкетовавшихъ гвардзистовъ и вже забрызчали бендерскіи карабелі, заблысли до лучей солнца а крики неустанно повтарялись и лучились съ бакхантіями корчемныхъ товаришей.

»Вашъ, вашъ« говорилъ довѣреннымъ голосомъ пріихавшій молодой їздець и якъ давній знакомый почаль безжелезно розпрягати своего гарсамака.

»Такожъ вашъ« промовилъ жидъ Шлойма, согнувшій ся на видъ розбенкетованной шляхты въ серпентину.

»Жидъ?!« кричала шляхта и до еврея показались ряды зубовъ шляхоцкихъ и многіи изъ шляхты сдѣлали совсемъ недвужначныи замахи саблями.

»Сюда!« о́тозвался выступившій напередъ капитанъ гвардіи, толстый, объемистый мужчина, съ червоностію на лиці впадающею въ фіолеты, съ гербовою шляхоцкою запинкою на шарой блюзѣ: »Ты жидъ? Давай его сюда! Побачимъ, чи ти справдѣ такій жидъ. Знаемся на такихъ

лпсахъ. У косметіера во Львовѣ теперь фабрикуются такіи будто невинныи существа; ехъ же, а еврей ты, такъ стережись; тнетъ моя карабеля не на шутку... Сюда!»

»Ексцеленціо!« согнулся жидъ »я простой Хасидъ, що їсть свое Шолетъ и свое Пенецликъ, а лишъ въ свято Гадалягъ гусью шійку съ утробою... ай, таже то панъ капитанъ, цимесъ не капитанъ, значится по виду самъ Коссутъ, цѣлый Коссутъ...«

»На гакъ жида!« кричала розгоряченная, майже бѣшенная толпа.

»То простой еврей« сказалъ такъ же довѣреннымъ тономъ молодой партизантъ »ѡнъ їхаль со мною зъ Городка. Я вертаю зъ Львова; если принимаете, вступаю въ вашу гвардію; моя рука вже гоится и начнетъ незадолго такъ же дѣйствовать, якъ прежде.«

»Браво!« закричалъ объемистый капитанъ, покручючи усъ и оглядаючи нового члена ѡтъ головы до нѡгъ »отлично! Уже бачу, зъ тебе сержантъ будетъ, якбы на то родился. За мною братья въ комнату: повитаемъ нового товариша.«

Гвардзисты поступили въ брудную аулю, въ казино одымленное, засыпанное на стѣнахъ ѡтвѣч-

нымъ пыломъ, переполненное воздухомъ алькоголичнымъ и дымомъ гаваннѣ.

Лишенный жидъ ѣтдохнулъ немного и вже скрутился, щобъ сухимъ путемъ изъ того кровавого едену выскользнутись, коли почуль на колѣнѣрѣ свого халата сильную руку. Ђнѣ не змѣгъ еще и оглянутись, коли тая-жѣ рука гвардзисты пѣднесла его въ воздухъ и за хвилю узрѣлся жидъ середѣ бенкетующей гвардіи въ шинковѣй комнатѣ, где вино и пиво лилось по земли, где въ углѣ стояли великіи куфы николи не замыкавшіися, где воздухъ дрожалъ ѣтъ дивной смѣси найрозличнѣйшихъ тонѣвъ. — Мелодіи мѣшались: тутѣ фривольный куплетъ, тутѣ косцюшковый мотивъ, а тамъ звучитъ марсиліанка, той одушевляющій горячій марселезъ, за котрымъ слѣпо толпы ишли въ бѣй и съ роскошію купались въ власной крови.

Гвардзистъ принесшій жида, поставилъ его середѣ комнаты. Шлойма поблѣдъ и дрожалъ. Въ кождѣмъ столпѣ комнаты видѣлъ ѣнѣ свою шибеницю.

»Корчмарь! Шинки, сейчасъ тутѣ шинки!« приказовалъ капитанъ, плеснувши въ долонь и призываючи корчмаря.

Корчмарь попалъ въ клопѣтъ и завивалъ ру-

кою уклончиво пейсы, но безграничная бута шляхты не знала пардону. До корчмаря свернулся лѣсъ шпадъ гвардійскихъ и корчмарь радъ не радъ удалился, щобы удовлетворити желанію шляхты. Въ коротцѣ была и шинка, котору корчмарь якъ жаренный уголь поставилъ на столѣ.

»Сѣдай« ѳтозвался теперъ капитанъ до Шлоймы и потягнулъ жида до стола »ѣджъ; отъ тобѣ Шолеть и Пенецликъ.«

Жидъ безнадежно поглядалъ на капитана.

»Стоишь?« Сабли заблысли и сновъ цѣлый лѣсъ пиковый стоялъ передъ смертно блѣдымъ лицомъ еврея.

»Ай!« ратовался жидъ »що за сабли! Чи не зъ Персіи! певно: то то и товаръ, теперъ и не знайдешъ такихъ: лишь — але ктобы не зналъ мого шурина, що маєть етаблиссманъ во Львовѣ... тамъ еще щось доброго есть... золото не сабли... мѳй дѣдъ привезъ изъ Бессарабіи.«

Но слова не помогли; сильная рука пѳднесла его въ воздухъ и посадила передъ шинку.

»Чого чекаешь?« пыталъ капитанъ.

»Чекаю, поки Левіатанъ не прійдетъ и не поглотить мене...«

Двери лопнули и въ комнату вступилъ не Левіатанъ вправдѣ, но статный мужчина съ ясною долгою бородою съ колпакомъ перъ на головѣ.

»Полковникъ! Ура!« витала его толпа.

Мужчина съ ясною бородою взялъ стоявшій на куфѣ збанъ съ пивомъ, выступилъ на стôль и пôднесъ збанъ.

»На добро республики будущей пью полный до дна: нехай жіеть республика!« голосилъ ôнъ.

»Най жіеть республика!« дуднѣло въ комнатѣ и на ново ôтозвалось брячаніе чашъ и збанôвъ. Шамародное плыло якъ необъузданная свобода и въ коротцѣ загремѣла изъ всѣхъ грудей горячая марсилянка, республиканская пѣснь, а послѣдніи ей слова не хотѣли ніякъ утихати. По окôнченію пѣсни, котрой жидъ ужилъ до такъ ожидаемого бѣгства, попровадилъ капитанъ нового гвардзисту передъ полковника.

»Новый членъ нашей гвардіи Евтимъ Роки-танскій« сказалъ капитанъ указуючи на прибыв-шого молодця.

»А! рука?« попыталъ полковникъ поглядаючи на бандажованную руку Евтима.

»Изъ кракôвскихъ барпкадъ« отвѣчалъ Евтимъ
»въ уличнôй борьбѣ контузію получилъ.«

»Рокитанскій? передъ двома лѣтами въ корпусѣ Мѣрославского...«

»Той самъ, и тамъ былъ я.«

Полковникъ подалъ ему руку. Онъ назначилъ его изъ свѣжа сержантомъ. Еще разъ загремѣлъ въ одымленной комнатѣ тоастъ на почитаніе нового члена, еще разъ затянулась республиканская пѣснь и поздно вечеромъ опустила толпа рогачку, коли вже солнце заумерло и надъ подольско-подгѣрскими полями розстелилась тишина и блаженный холодъ.

* * *

Но сержантъ Евтимъ не спочивалъ. Онъ отдѣлился отъ товаришей и началъ иное дѣло, а видно было, що гвардія не была его одинокою цѣлью, що онъ отъ узвычаенія втянулся въ ей ряды, що она не была для него новостію, но знаннымъ давнымъ лагеромъ.

Онъ натягнулъ якъ слѣдовало и шарую гвардійскую блюзу и бобровую гранястую шапку и вступилъ въ богато тапетованныи, въ геліотроповой вони уплывающіи салоны хорошей аристократки Анны Рожицкой, чтобы изъ ей нѣжныхъ рукъ получить на грудь червоную кокарду, гвардійску ознаку. И не ушло его уваги, що бѣлая рука дамы, ко-

тора цѣла плыла въ геліотроповыхъ перфюмахъ, задрожала при припинаніи, а и онъ чулъ, що геліотроповый чаръ упоиваетъ его. Но молодой сержантъ не дрожалъ уже на видъ женского упоительного шалу. Онъ дрожалъ лишь на два воспоминанія; що иного выкликовало кровь на его лица, а то: той горячій марселезъ, мотивъ республиканскій, при которого звукахъ палало его лице а рука съ дрожаніемъ почивала на сабли. И еще разъ волновалась кровь его на иную мысль, но вже бѣльше безнадежно, коли онъ на самотѣ стремилъ къ своей другой цѣли...

Онъ вийшолъ на тротоаръ. Свѣтло денное озарило его. Мрачно поглядали его очи, темный былъ для нихъ и свѣтъ. Холодно поглядалъ онъ на свѣтовую бурю и шалъ, а зъ того холоду сбудилъ его гвардіовый тарабанъ.

На пространныхъ болоняхъ, розстелившихся у стѣпъ колись княжеского города блестили желѣза, порушались масы шарыхъ блюзъ: новый воинный союзъ, народовыи польскіи охотники организовались, упрощались на широкихъ болоняхъ. Изъ старой вежи мѣста повѣвала червоная флягга, а въ ресторанахъ, кавярняхъ публичныхъ мѣстцяхъ и кнейпахъ, всюда жарѣли тіи же самыи пурпуровыи кокарды. — Вернула изъ бо-

лонья бригада гвардіи. Шумно и гулящо стало въ мѣстѣ: во всѣхъ сходныхъ мѣстахъ кипить жизнь и бѣшенная безграничнѣсть.

Лишь Евтимъ не идетъ въ тую струю, не сливается съ необузданною веселостію. Онъ блудилъ безмысленно по темныхъ улицахъ мѣста и умученъ вернулъ въ свою комнату.

Необыкновенная вонь очутила его: на столѣ стоялъ свѣжій букетъ и нѣжною женскою рукою былъ онъ сложенъ. А вонь то знанный геліотропъ. Ошоломляетъ душу. Вонно было, лишь въ души сержанта темно, якъ на пусстѣ безграничнѣй, где око не можетъ спочити. И душа его не могла спочити.

»Одинъ« говорилъ онъ »такъ мучительно одинокъ на свѣтѣ!... Но мене палить жажда... Снайду его, хотябы въ гробѣ... Безъ ней пусто мнѣ на свѣтѣ, безцѣльно, а она —!«

У дверей почулись кроки: они отворились легко и шпаковатая израильская борода и вязка кукурузы вызырала изъ сѣней.

»Ходи!« повелѣлъ Евтимъ.

Жидъ вступилъ и оглянулся несмѣло.

»Нема ихъ? Нема ани одного бѣльше? Ай! славныи паны тѣи гвардзисты: що славныи то славныи. Лишь мнѣ якто жаль стало тогды того

капитана, бо впрочемъ Шлойма, заступникъ со-
ломонового Рабби...

»Кажы, выдобыль ты що?« перервалъ Ев-
тимъ.

»А щожь бы заступникъ Рабина не вынай-
шолъ? Лишь може панъ сержантъ припоминають
собѣ, чи онъ не былъ съ шрамомъ на лици?«

»Такъ: съ шрамомъ отъ потягу сабли.«

»Но, идетъ дѣло« затиралъ руки жидъ »мы
уже на тропѣ.«

»Говори.«

»Тая въ кармазиновѣй хустцѣ розказала...
она видѣла ихъ.«

»Якъ ихъ?«

»Его и...«

»Що? и она... моя...«

»Такъ, тая селянка видѣла ихъ... они ста-
вали передъ престоломъ тутъ въ однѣй церкви...
тутъ получились.«

»Человѣче!« стогналъ сержантъ »неможливе!
она — Елиза!... лжешь!«

И сержантъ потрясъ жидомъ, котрый отъ
переляку попалъ въ совершенный клопотъ.

»Га!« говорилъ жидъ »певно, певно неможли-
во... где бы они и побирались...« и онъ хотѣлъ
уйти изъ комнаты, но сержантъ придержалъ его.

»Чекай, теперь иное дѣло; до чого иного послужить мнѣ сабля партизантска... онъ мой пріятель а такъ пѣдойшолъ мене!... Теперь кажи где онъ?»

Жидъ стягнулъ раменами.

»То вже не пѣдетъ такъ легко: широкіи и далекіи горы Карпатскіи и Подѣлье широке... но кого бы Шлойма не ѣтнайшолъ. Лишь тѣи гвардіеры, ай, то хоть собою славныи люде, але Мишны и Геморы ани крыхты не знаютъ!...«

...Безчувственный сидитъ сержантъ: нѣчь онъ не спитъ. Блѣдымъ и сломаннымъ застала его ранная зоря. Дрожатъ лучи солнца, первыи вѣстуны свѣтла, надежда растетъ, взмagaется. Свѣтъ свѣжій, жизнь свободно бьетъ а однакъ увядають всѣ проявы, всѣ зародыши счастья, безвозвратно зайшли за темноту всѣ видѣнія роскошныи, а пустинная безжизненность стоитъ передъ нами якъ прослѣдующій не яскравый, не унимающій души фантомъ...

Поволи пѣднѣлся Евтимъ, взялъ бобровую шапку и выйшолъ на утренній свѣтъ. Солнце освѣтило давный княжескій городъ. Якъ митичная палата блескотѣлъ тамъ въ раннѣй сребрнѣй мрацѣ старый замокъ, якъ давный свидѣтель всей свѣтлой минувшости. А зъ выжины гѣрской

продиралъ раннюю спокôйную тишину голосъ церковного звона и звенѣлъ жалостно якъ стонъ угнетаемой души, скрôзь слезы смѣючись, якъ дитя при явленію блескотливого свѣтла. А такъ было и въ народѣ: стоналъ пôдъ тяжкимъ гнетомъ а при первыхъ лучахъ сближающей ся свободы тѣшилъ ся скрôзь слезы...

И въ первый разъ пристанулъ сержантъ на голосъ того звона; ему дивно прошибло черезъ душу. Неизъяснимое чувство овладѣло нимъ и не пôзналъ Евтимъ въ тôмъ звонѣ вѣстуна, но свернулъ взôръ на повивающую изъ старой вежи фану и дальше ступалъ, а звôнъ далеко на пôдгôрскую рôвнину пущалъ свои плачущіи тоны.

На улицахъ тягнулись ранніи робôтники, крестившіися при звукахъ звона, а дальше окрестныи пôдгôрскіи селяне въ сѣрыхъ жупанахъ, въ крысатыхъ соломяныхъ капелюхахъ и женыщны въ широкихъ бѣлыхъ кафтанахъ въ гранатовыхъ рихликахъ: всѣ спѣшатъ за работою и дѣлами.

Но Евтимъ пристанулъ при инôмъ явленію. У стôпъ катедральной горы сидѣли четыре мужики, зашедшіи изъ далекихъ карпатскихъ углôвъ, сыны пôдбескидской землѣ, уроженцы дикой

очаровательной природы карпатской: ихъ одежда явно оказывала на ихъ отчину, на Сяноцкій край.

Изъ межи всѣхъ ѡтзначался высокій плечистый мужикъ, одѣтый въ бескидскій сѣраковый башмакъ съ чиповомъ, котораго гѡрнякъ ни лѣтомъ ни зимою не кидается; той чиповъ еще бѡльше увидатнялъ широкоплечую статью мужика: бѣлую сорочку опасывалъ по грудь сягающій и блестящій оздобами по угорскому сдѣланный поясъ котораго ширина пригадовала на край Мармарошцевъ и на Берегсаскихъ мужикѡвъ. Гайдаверы изъ чиноватого темно — понсового сукна стѣснялись чимъ разъ бѡльше до увязанныхъ ходакѡвъ. — Ело лице было пооране, щеки выхудлыи, волосъ сивый долгій.

Рыбарскій типъ перебивалъ изъ другого мужика; его лице было краски землѣ, темно-желтое; такоижь краски былъ и его волосъ, который просто якъ щѣть выставалъ изъ пѡдъ капелюха. Его усъ былъ пѡдголенъ зъ горы и ѡтъ долу и лишь пѡдстриженная щетина однимъ рядомъ устоялась: его лице было широкое, нѡсъ округлый, уста грубыи а очи малыи бѣгали шутливо пѡдъ бѣлыми рѣсницями. У него и одежда цѣла была як-то бурого цвѣта, пересякнена водою и окоп-

чена дымомъ: онъ носилъ лишь коротко утатый родъ жилета, званный киптаромъ безъ рукавъ, обшитый блестящими запинками. Онъ покуривалъ люльку и усмѣхался на полъ добродушно, на полъ иронично.

На убоchu лежалъ подростокъ хлопакъ чобаникъ съ круглымъ лицомъ, чорными кучерями, смѣлымъ взоромъ а коло него горбатый гърнякъ съ лицомъ засѣяннымъ якбы мохомъ съ протяженнымъ впередъ профилемъ и одетѣваннымъ сѣракомъ.

»Вы зъ ѳтки?« поспыталъ сержантъ, котрого якбы яка сила тягнула до тыхъ людей. Онъ не мѳгъ мимо пройти не станувши.

»Изъ Смеречного таки идемо, изъ за Сяну« отвѣтилъ старецъ »отъ видите тую церковь: уже такъ и нагадался я на сконѣ лѣтъ. Таки надъ гробомъ вже стою, чи не засыплютъ уже чоловѣка за якійсь часъ. Та еще, закимъ умру, загадалъ я съ дѣтьми прійти до той церкви, Святому Николаю поклонитись и упросити, ярмо нехай скинетъ изъ нашего плеча... та ба! я заговорился и не бачу, що вы може где и дѣдичомъ, то ещебъ и подвоили ярмо...«

Сержантъ почуль на рамени руку. Улицею надѳйшолъ объемистый капитанъ и кѳлька това-

ришей въ шарыхъ блюзахъ. Но капитанъ хотѣвшій привитати и заговорити Евтима, стануль якъ врытый въ землю, коли узрѣлъ стоявшихъ пѣдъ горою мужикѣвъ.

»Гаймонъ!« проговорилъ въ кѣнци мимовольно якбы удивленный тымъ явленіемъ капитанъ, которого жестъ лица сдавался теперь быти якто обезъоруженымъ.

Но никто изъ мужикѣвъ не рушился и не отвѣчалъ: лишь сивый старый великанъ выпрямился и немного презрительно поглядалъ на капитана. Послѣдній же ѣтвернулся, якбы встыдался самъ своего замѣшательства, взялъ пѣдъ рамя Евтима и въ коротцѣ вмѣшались всѣ въ ресторанѣ съ прочими гвардзистами. Якій же то тонъ? То тарабанъ, той републиканскій мотивъ, котрый не даетъ ржавѣти саблѣ, за котрымъ идется въ огонь, тамъ, где бы лишь было що сѣчи. И нервово почиваетъ рука сержанта на той саблѣ, уста доспѣвовують послѣдніи слова марселезу, сникають чаши вина, одна за другою... Не лишати-бъ жизнь закостенѣлою, но пространно, полно жити; неизъясными тѣни откинены, а душа цѣлковито плыветъ въ вирѣ жизни...

И сержантъ розъогнился: ѣнъ выпорожнялъ

одинъ покалъ за другимъ и съ розмаяченнымъ взоромъ по́днесъ стаканъ.

»Гвардія нехай жієть! пью полный на добро гвардіи!«

Саля потряслась. Урра понеслось по комнатахъ. Сержантъ выпилъ и кинулъ стаканъ о землю: рострѣскалъ ся стаканъ, розпрыслъ ся. Розо́йшлись и мысли Евтима: лице женское миготѣло передъ его очима, съ чорными льоконами, розовое лице... а дальше бомбардація мѣста... барикады... кровь... и сновъ все проходило, все минало...

* * *

На добро республиканскихъ идей распочался данный гвардією балъ по́дъ проводомъ хорошей дамы Анны Рожицкой. Шаржа гвардіи явилась въ полнѣ и не одно дѣвичье сердце сильнѣйше бпло на видѣ червоныхъ кокардъ у своихъ дансеро́въ. Мужчины носили ознаки народовыи, а дамы? Тѣи всегда остави французскими и лишъ въ тѣмъ розличались ѳтъ себе, що одна розпывалась въ избраннѣмъ ей свойственнѣмъ аккордѣ перфюмовѣмъ, другая тонула въ перфюмѣ мильфлеръ, третья въ Ирисъ — де — Флорансъ а

иная сновъ въ мѣшанинѣ гистеричной пачули и улетливой гераніи.

По окѣнченію контраданса повстала въ салѣ замѣшанина и незвычайный рухъ. Межи гостей вступилъ мужчина въ шкотскѣмъ уборѣ, съ лякерованными холявами, въ англійскѣмъ низкѣмъ блестящѣмъ шапокляку, съ пливою газетъ пѣдъ рукою. Мигомъ розѣйшлись письма по салѣ межи собранными; нервово розхопили ихъ члены гвардіи и такъ же нервово переглядали.

»Реакція горою!« говорилъ ставшій посередъ нихъ гѣсть въ шкотскѣмъ красистѣмъ уборѣ, »Въ Парижи ростеть наша справа: до національного комитету избранъ Тирсъ, Гюгъ и Бонапарте. На челѣ нашей емиграціи въ Парижи стануль Блянкъ и Распель: сто тысячъ людей потягнуло на пляцъ Бастилли; тысячи станули передъ парижскимъ народнымъ собраніемъ. Голосно прочиталъ президентъ Бланкъ петицію о возстановленіе польской республики.«

И шкотскій гѣсть прочиталъ дальше манифестъ, принятый голоснымъ рукоплесканіемъ и голосилъ, що и въ Уграхъ реакція торжествуетъ, що Коссутъ вже пѣлъ миліона арміи затыгнуль, що банкноты Коссутовскіи вже обѣгають Угорщину, що наконецъ и наслѣдникъ

Іеляшица, Лямбергъ въ Пештѣ яко предатель замордованъ.

Котиліоновыи мысли поѣшли на другій плянъ, въ салю заточено боченки съ виномъ и распочался звычайный цехъ. Но мужчина въ пестрѣмъ жакетѣ тайно сносился съ Анною Рожицкою, послѣ еще съ кѣлькома гвардзистами и въ коротцѣ опустилъ салю.

Въ ѣтдаленнѣй комнатѣ сидѣлъ Евтимъ. Онъ и не зналъ, що его глядають женскіи очи, що въ салю войшла дамская статья, що она говорила до него сѣвши на козетцѣ и наполнила геліотропомъ воздухъ, що онъ сбнималъ дамскій станъ и цѣловалъ дѣвичіи уста. Не памяталъ онъ тыхъ поцѣлуевъ, хотъ жаркіи были; онъ плылъ теперь житьемъ, страстію безъ остановленія, якъ бѣжитъ на слѣпо скрѣзь волны корабль, поки не розобьется въ бѣгу о скалы.

Заледво оставила дамская статья салю, сѣлъ при сержантѣ одинъ изъ его товаришей.

»Добре, що тебе снаходжу тутъ« сказалъ онъ »я власне глядалъ за тобою: маю съ тобою поговорити о важнѣмъ дѣлѣ.«

Евтимъ поѣднесъ голову.

»Прости« продолжалъ товаришъ »но выслухай мене до кѣнця; не осуджай; може тобѣ

странными покажутся мои слова, но я уже дол-
шій часъ съ моими мыслями ношусь. Я говорю
до тебе, бо вижу, що ты правый товаришъ и що
ты... Но ты смотришь на мене такъ...»

»Говори лишъ, я слухаю до кѣнця« отвѣтилъ
Евтимъ.

»Отже ты припоминаешь собѣ може той день,
въ котрѣмъ ты рано стоялъ пѣдъ горою кате-
дральною и розмавлялъ съ тыми мужиками, селя-
нами. Я съ особенностію выражаюсь: селяна-
ми. И я ишолъ тогда съ капитаномъ и ви-
дѣлъ васъ... Я знаю ты добрый товаришъ
а може и — неконечно доволенъ, не хочу казати
несчастливый... но пѣзнаю по тобѣ: ты роз-
строенъ якъ многіи изъ насъ. И я не маю той
послѣдней меты, на котрой мѣгбымъ опертись...
Во мнѣ изъ якогось времени повстаетъ въ души
переломъ. Думаешь, якіи мысли прійшли менѣ
на видъ тыхъ селянъ, съ которыми ты стоялъ?
Мысли, котрыи ѡтъ давна во мнѣ родятся...
Товаришу, мы не на нашої правой дорозѣ, но
на бездорожью, мы не тутъ принадлежимъ... мы
боремся, кровь льемъ... а за кого?»

»За кого? За свободу« ѡтвѣтилъ сержантъ
безъ намыслу.

»За свободу? А щожъ она? Въ чемъ она со-

стоитъ? Мы носимъ въ нашихъ портфейляхъ Русса, но мы не поняли его. За нимъ идучи повинны мы гдеинде стати... мы нашою кровью не свободу, но найтяжше ярмо боронимъ...»

Евтимъ удивленъ поглядалъ на товариша.

»Мы за ярмо бьемся, що давить ѳтъ вѣкѳвъ цѣлыи масы народа; поглянь лишъ тамъ на салю, кто они всѣ?«

»Кто? А по-жь, шляхта!« далъ Евтимъ въ отвѣтъ.

»Такъ: а знаешь, мы не зъ ихъ среди... И якъ же она, тая шляхта бьется за свободу, якъ славить и превозноситъ Русса, а на дѣлѣ гнететь, угнетаетъ... а народъ стогнетъ пѳдъ ярмомъ той неволѣ паньщизняной... Нѣтъ, мы не на правой пути, мы принадлежимъ тамъ, где той старый селянинъ принадлежитъ... Тамъ где нашъ народъ.«

»Народъ?« Евтимъ якбы затопленный въ мысляхъ смотрѣлъ въ свѣтло блестящего лампіона... ѳнъ може глядалъ теперь, въ жизни пристани, на котрѳй солодко мѳгбы спочити по буряхъ...

Музыка загремѣла, поточились на ново ронда...

На престолѣ народной любви запалили незначительно духи отечественныи жаріющій пламень...

На слѣдующій день были въ мѣстѣ закрыты всѣ руководѣльные склады и заведенія; на улицахъ собиралась новая каста; громадками показывались руководѣльники всякой бранжи, робѣтники, ремѣсники, всѣ якобы получены въ одно тѣло. Они вели живыи розговоры, переходили изъ улицы на улицу и съ виднымъ нетерпѣніемъ ожидали назначенной години. Отъ часу до часу являлся межи ними той же самъ мужчина въ шкотскѣмъ жакетѣ и лякерованныхъ чоботахъ, договаривалъ имъ и ѡтправлялся до другой группы. Потомъ вступилъ еще разъ въ сальоны Анны Рожицкой, и по долгомъ часѣ выйшолъ.

На старѣй вежи мѣста выбила година.

Толпы робѣтникѣвъ и руководѣльникѣвъ почали посуватись на трактъ Ярославскій, где въ кѣнци при одной ѡтдаленной ѡтъ мѣста шинковнѣ всѣ собрались и розсадовились. Наконецъ явился ожидаемый ними предводитель, шкотскій мужчина, которого толпа привитала голосными воскликками. Онъ прочиталъ имъ манифестъ, въ горячѣй промовѣ завзывалъ всѣхъ до вступленія въ новый союзъ всѣхъ польскихъ робѣтникѣвъ и руководѣльникѣвъ, котрый малбы принести услуги будущей републицѣ, а котрый завязался во Львовѣ и Краковѣ, обравши своимъ представителемъ Госляра.

И собраннии робѣтники громадно затыгнулись по́дъ прапоръ Госляра а послѣ взяли Гослярового емиссарія, шкотского мужчину и съ помпою несли на улицахъ мѣста, поки не прійшли передъ дѣмъ Анны Рожицкой, по́дъ котрой ѡкнами ѡтбыли серенаду подѣбну въ своей цѣлости до крякканя крукѣвъ. —

* * *

При чорной ранной кавѣ сидѣлъ по бальной ночи сержантъ Евтимъ въ своемъ фотелю. Наркотичный напой успокоивалъ и ѡтсвѣжалъ. Не долго ждалъ Евтимъ, коли явился Шлойма съ усмѣхненнымъ лицомъ, радостнымъ жестомъ розмахиваючи сухими руками, якъ бы по овладѣнію цѣлого свѣта.

»Ай« началъ жидъ »панъ сержантъ такъ блѣдый! то по балю, такъ всѣ по-балю: на то средства суть; у мого братанка, тутъ, що маеть етаблиссманъ суть острыи маринаты, которыи усмиряють и бѣль головы и недоспалость... Але правда, панъ сержантъ и не бачать, що я готовый до дороги...«

»Значить?«

»Значить, и панъ сержантъ мусятъ выбиратися. Мазурскій вѣзъ съ будою, що ѣдетъ съ

товарами на сянôцкій трактъ, чекаеть тутъ на насъ передъ домомъ... Мусимъ сѣдати заразъ: ôтъ мого братанка я довѣдался за дальшіи тропы... (Тутъ жидъ оглянувся) Онъ, якъ кажуть, заложилъ кондиторію, кавярню, въ однôмъ мѣсточку пôдъ Бескидами коло угорской границы, за Сяномъ. Но въ котрôмъ? О тôмъ довѣдаемся сновъ на Сянѣ коло прому, ôтъ того сына рабинового, що держить въ Смеречнôмъ промѣ на Сянѣ....»

Сержантъ собрался и пустился въ дорогу. Слабый румянецъ покрылъ его лице. Такъ палалъ коли то таинственный поломѣнь, зажженный славянскимъ божищемъ Кощеємъ, пламень мести, котрый николи не малъ угасати...

Пôлнôчній вѣтеръ вѣялъ по Карпатахъ; дощъ непрестанно хлюпоталъ а горы покрылись оловяными хмарами. На сянôцкôмъ трактѣ точилась поволи мазурская брыка накрыта полотняною будою и тягненна высокими худыми шкапамп. Вôзъ точился въ болотѣ и калужахъ камеральной дороги а мазурскій повозчикъ въ синôй широкой бундѣ, въ округлôй тканнôй шапцѣ, кидаль слова огорченія. Много миль не было ніякой господы, ніякой австеріи. Пустый былъ трактъ, лишъ мѣстцями корчѣ орябины и ста-

рыи поломанныи вербы указовали, що туды вела дорога.

И въ природѣ было ѡтпечатанно и вытиснено бурное время послѣднихъ лѣтъ. И якихъ событій не былъ свидѣтелемъ той уголь Карпатъ! Еще не затерты воспоминанія и наслѣдствія изъ памятного 1846 года, коли тоюжь самою дорогою машеровали повстанцы, косыньеры, где колись по дворахъ шумѣло веселое житье, а где по дни револъты слѣдовали руины по всѣмъ селамъ, застѣй въ работѣ и въ поступѣ заступленнѣмъ теперь лунами пожарными и кровью...

Устала революція а за нею якъ упырѣ другая пляга: голодъ понищившій всю житель... Опустили села, не видно у загородъ жизни, пустокою стоятъ соломяныи стрѣхи, зарослыи хвастами и мохомъ.

Такъ прійшолъ годъ 1848 съ новыми событіями. На граничныхъ верхахъ угорскихъ видѣють вже шибеницы а по дорогахъ угорскихъ Карпатъ рядомъ стоятъ висѣлицы якъ злопамятный штафажъ: круки и галки уносятся стадами надъ полонинами. Узлы всякого порядка прорвались, жизнь безъ связанія настала. Переломъ слѣдовалъ въ природѣ и въ житью наро-

дôвъ. Ломилась ихъ доля на всѣхъ краяхъ Европы, якбы новая ера приспѣшала, новыи дороги отвирались, новый источникъ житъя выtrysкалъ, щобы вывести людей изъ бездѣлія, которе механично управляло общею жизнью народовъ...

Изъ головного тракту свернула брыка мазурска въ слѣдъ якоѣ-то гôрской дороги. Понурою была природа карпатска. Невыразно рисовались въ дали холмы высокихъ кичаръ и стрешоръ. На поляхъ застеленныхъ дождевою мглою стояли где чобаны и бовгаре въ мокрыхъ одеждахъ, накрыты соломяными пелеринами, що пасли угорскіи кайлы або стада овецъ на сухихъ дебряхъ. Тамъ поверталъ изъ мѣста гдеякій мужичокъ на малôй телѣзѣ тягненной волами а тамъ въ ущелью скалы палалъ огонь розложенъ кочующею цыганскою бандою.

Въ кôнці заблыстала струя Сяну якъ віющаяся лента. Но не спокôйно, не маестатично плынулъ теперъ Сянъ; ôнъ шумѣлъ теперъ, рвался, волны кидалъ, взбранный ôтъ гôрскихъ потоковъ. Вже почало вечерѣти, темно стало. Пассажиры сойшли зъ брыки. Они были вже при промѣ. Надъ берегомъ стояла поломанная корчма, за которою протягалась скала надъ берегомъ

Сяну. На загородѣ ходили козы, становящіи цѣлый видимый добытокъ галицкихъ жидовъ.

»Тутъ постоймъ« началъ Шлойма оглядаючись, »тутъ сынъ рабина изъ Городка; но вижу, що ледво и черезъ рѣку переберемся.«

»Идиже и пытай жида за него« говорилъ Евтимъ.

»За кого?« далъ ся чути въ близи шепотливый голосъ. Къло нихъ завертѣлся малый рудый жидъ съ повырыванною червоною бородою съ лицомъ засѣяннымъ жолтыми пѣгами, въ бѣлыхъ обдертыхъ пончохахъ и въ латанномъ халатѣ. То былъ Харонъ, котрый вправдѣ и людей высылалъ на засянскій свѣтъ, но бѣльше еще перепущалъ контрабандованный угорскій бакунъ, подѣльскіи крадженныи конѣ и заблукавшіися козы.

»Панъ сержантъ схочутъ певно черезъ промъ« говорилъ онъ (его голосъ былъ якбы пѣдземный, якъ у колдуна), »то вже не нынѣ. Сянъ давно такій не былъ якъ нынѣ, рветъ небывало: дощъ ѣтъ тыждня вже тутъ лѣетъ. Переночовати треба въ моей хатѣ. Уже тамъ есть одинъ панъ, такожь чекаетъ на промъ, до мѣста хочетъ... то Больскій, кондиторникъ изъ нашего мѣста.«

»Кто?« закричалъ сержантъ съ такою силою, що рудый еврей якъ громомъ раженный сталъ недвижимъ. Но Евтимъ не чекалъ. Поломѣнь, котру идолъ Кощей запалилъ, вспыхнула.

Евтимъ вступилъ въ чорную комнату валящейся корчмы. На припѣчку горѣлъ огонь изъ смерекового рѣща. При тѣмъ глинянѣмъ коминку сидѣлъ гѣрнякъ, пѣдбескидець въ пасованныхъ, окопченныхъ и мокрыхъ панталонахъ и въ такѣмже одожденнѣмъ киптарѣ. Онъ согнувшись запѣкалъ въ огни люльку. Его такъ схпленная голова выглядала якъ копула покрыта стрѣховою сторчащею соломѣю: волосъ якъ рѣща спадалъ по его лицю. Онъ приподнесъ очи. То былъ той же самъ рыбарскій мужикъ, що пѣдъ горою катедральною стоялъ вразъ съ прочими гѣрняками.

Евтимъ поступилъ дальше. Въ углѣ комнаты сидѣлъ на лавѣ мужчина закутанный въ гумовый плащъ, съ надѣтымъ на голову каюшономъ. Его уста были затиснены и указовали на рѣшительного человѣка.

»Евтимъ!« прогсворилъ онъ побачивши ставшого передъ собою сержанта.

»Такъ, то я,« отвѣтилъ горячокровно Евтимъ »то я, и ты знаешь повѣдъ, для которого

стаю передъ тобою, знаешь причину, за для которой я тягнулся въ такую дорогу, щобы тебе ѡтнайти. Я не уложусь до спочиванія въ моимъ житю, поки не увижу кровь... То не дуель, нѣтъ то не зимная рукавица... ты знаешь, що во мнѣ жарится... Кто ставалъ у косыньерѡвъ и на барикадахъ и тою саблею якъ перомъ затиналъ, той уважалбы за непростимо, абы твоя кровь не полилась пѡдъ тою самою саблею... абы...»

Большій пѡднеслъ ся флегматично изъ лавы; ѡнъ скинулъ широкій гумовый плащъ, не сказалъ ни слова, лишь взялъ Евтима пѡдъ рамя и выйшолъ съ нимъ изъ комнаты, ажъ поки не пріостановились на скалѣ при самѡмъ берегу Сяну. Тутъ ѡнъ лишилъ рамя Евтима и сталъ противъ него.

»И я« сказалъ ѡнъ спокѡйно »не розлучаюсь съ моею саблею, она всюда менѣ товаришитъ. Кроваве наше время, въ котрѡмъ жиемъ, то не время биллярдѡвъ, ни картъ... И мене не лякаеть кровь, но противно ласкаеть...»

На горизонтѣ далекихъ гѡръ, неботычныхъ полонинъ блискавицы не уставали; въ зигзакахъ спадали они въ паровы и ущелья гѡръ, а эхоточилось надъ дикіи верхи съ стокротнымъ ѡт-

гомономъ. Освѣчала часами блискавица бряцающіи полыскающіи желѣза и мѣшалась съ червоностію крови... Кровь была то, кровь сержанта... Устали его силы, изнеможенъ отъ убьютка крови упалъ онъ изъ береговой скалы въ шумящій бурливый волны Сяну.

Таинственно шумить бескидскій вѣтеръ, а межъ яругами вода розбивается. На Сянѣцкой землѣ точится Сянь, вѣчно стремить, вѣчно непрестанно высылаетъ волны, а въ долинахъ межъ горами почиваютъ села, молчатъ передъ розвязанною стихією и поглядываютъ съ тревогою на опустошенія. —

Пройшла нѣчь: минула и буря въ природѣ. Бременный воздухъ переломился; розступилась изъ своей тѣсноты природа, що жаждѣла розрыва, борьбы, уволенія отъ давящихъ цѣпѣвъ.

Ясно на небѣ. Легкій зефиръ обнимаетъ любовью полонины якъ любящій отецъ свои дѣти по бурѣ. Блекающіи стада овецъ наполняютъ зеленыи спады гѣръ а солнце покропляетъ теплыми искрами Карпатскую землю.

Проломилась буря и въ души Евтима. Поломѣнь Кощея, поломѣнь мести увязывалъ его душу, которая тягнулась до розѣрванія тыхъ узѣвъ, до усолодженія жажды, що демонично нею овла-

дѣла. Угаслъ вже той полонѣнь Кощея, но не угасла страсть партизантска, не уступила тая хоробливая страсть, що губила его спокѣй...

II.

Изъ старой гонтами по стѣнахъ и даху оббитой церкви въ Смеречнѣмъ ступаль по раннѣй отпавѣ парохъ того же села Дуновичъ и переходилъ помежи узкіи прогоны, котрыи провадили помежъ хаты до плебаніи. Онъ носилъ неѣтмѣнно плащъ крою семинарицкого, изъ черного сукна пѣдъ шіею упятый а на дѣль до колѣнь чимъ разъ розширяющійся. Неѣтступный былъ такожъ (еще изъ временъ семинарскихъ датующійся) цилиндръ, въ доли узкій до горы же сновъ розширяющійся. До того были его чоботы угорской работы, съ паленными холявами, а пѣдъ шіею увязанна хустка фіолетовой краски.

Парохъ Дуновичъ былъ высокій, худощавый, на лиці отмѣтены были два сморщкі по обѣимъ сторонамъ устъ, въ котрыхъ сложенію сливался и гуморъ николи не увядающій съ малою примѣшкою добродушной сатиры, а при гуморѣ ѣтпечатлѣніе капелянской нужды и бѣдствій.

»А що?« пыталъ ѡнъ, вступивши въ плебанію, поклавши цилиндръ и натягаючи домашнюю чемеру »якъ съ нимъ?«

»Пробудился: но всегда маячить: говоритъ несрозумѣлыи слова: его первое слово было ,народъ'.«

Тѣи слова сказала Сидонія, дочь пароха, дѣва въ розцвѣтѣ и въ полнотѣ природной прелести. Она яснѣла якъ Лада въ золотыи колосы увѣнчанна; ясно-золотистый ей волосъ уложенный въ шиньонъ локонный соперничалъ съ бѣлостію лица, черезъ котру пробивала розова кровь якъ пурпура черезъ срѣбрнотканную засло-ну. Синое карпатское небо ѡтобразилось въ ей очахъ; якъ чарующая нѣчь смотрѣла она, а за тою синою нескѣнченною глубиною жарѣлъ чаръ и полнота чувствъ.

Ей бюфяста сукня изъ попелину въ вкусѣ пестрого рококо надавала ей видъ пестрой стрекозы, що улѣтаетъ скользячи по волнахъ жизненныхъ.

Сидонія была оздобою карпатскихъ гѣръ. На зеленѣмъ тлѣ урочищъ странно ѡтбивали ей серебристыи кудры. А вѣрное дитя была она тыхъ урочищъ: выросла межи ними, сжилась и не оставляла ихъ безъ любезничанія. Въ свѣ-

жихъ весеннихъ дняхъ и въ горячихъ лѣтнихъ ступала помежъ засѣвы жолтого жита, помежъ зеленыи луки, сребрноволосая Сидонія; спѣшитъ въ сусѣдній гай. А дальше черезъ кичару надъ береги Сяну и тутъ же любезничаніе съ чарующою природою. А въ паровѣ гôрскôмъ цыганская ватра; пôдходитъ до дѣвы цыганочка, одна изъ тыхъ романичель, що якъ метеоры перелѣтають изъ однихъ гôръ въ другіи. Дѣва пытается о судьбу поневольно. Въ дѣвичьомъ сердци всегда бьетъ желаніе раскрыти будучнôсть. А по ворожбѣ усмѣхъ и вже дѣва спѣшитъ дальше черезъ луги, пахущіи луки, до ôтцевского дому, где блекающая череда овецъ вертаеть изъ пасовиска и где старыи браклени и вербы оточающіи дôмъ такъ довѣрчиво манять.

Затымъ вже и готова найтичанка або угорскій кабріолеть и сребрноволосая княжна ѣдетъ до сосѣдки, брюнетной Олявки; наговорилось, насмѣялось, нашепталося и нашутилось много съ подругою ôтъ сердця и по поцѣлуяхъ розстаются обѣ подруги на верху пращальнôмъ...

Она была нѣжна а свѣжôсть и краса замѣтна была въ ей цѣлôмъ явленію. Незначная тужливôсть овѣвала ей усточка а въ души ôтби-

валось ехо скорбящихъ карпатскихъ пѣсней и мелодій.

На вопросъ пароха Дуновича она отвѣчала съ тою заботливостію и теплотою, на видъ которой мы чуемъ, що женьщина есть всѣмъ въ нашѣмъ житію, що безъ ней жизнь былабы сухою пустынею, а мы самы среди жизненной бурѣ безъ ніякого покрова.

»Спасенъ будетъ« говорилъ на то парохъ »еще время: въ саму пору изъ волнъ выротованъ.«

Они вѣйшли въ другую комнату. Тамъ спалъ мужчина, котрого блѣдое лице ѡтбивало ѡтъ чорного уса и републиканки. У ложа сидѣлъ мужикъ, старецъ о сивыхъ долгихъ волосяхъ, въ чиповѣ.

»А що Гаймонъ?« попыталъ парохъ старика.

»Палить, палить« говорилъ Гаймонъ »звѣстно кровь: темно стало, и не диво а еще попасти въ воду... Тямлю и я, похожалъ и я въ боевой огонь молодыми лѣтами: ишлось байдуже, ба, чи байдуже! Такъ смѣло и на медведя никто не пѣйдетъ. За медведемъ ити, то якосъ стягне такъ чоловѣкомъ, ажъ морозъ пѣйдетъ по тѣлѣ, а на кулю то ишло ся,

якъ въ дымъ! Хоть кулѣ бьютъ а чоловѣка
ничъ за сердце не стискаетъ, вѣльно якосъ тогды
души стаеъ, хоть смерть за плечима. Въ бою
не лячно, а зайдетъ же куля... а, то палитъ,
палитъ...»

Уста Евтима тихо черезъ сонъ шептали слова марсиліанки, однакъ слова »любовь свята отечества...« звучали якъ мольбы навершенного сына.

Онъ отворилъ очи; его взоръ блудилъ неопредѣленно. Но въ томъ пристали его очи якъ прикованныи при видѣ ясного серафимка, колосистой Лады; онъ смотрѣлъ и любезничалъ, якъ дитя на видѣ свѣтилка. Синѣсть неба карпатского ѣтбита въ очахъ Сидоніи впилаь теперь бальсамомъ въ хорую душу Евтима. — Онъ сновъ заспалъ.

Солодкое состояніе въ горячѣй лихорадцѣ. Не желаетъ сержантъ сбудитись изъ того блаженного, безпритомного сна; солодкій горячій дрощъ перебѣгаетъ по тѣлѣ. Ничого не знается о свѣтѣ; на удаленныхъ тропинкахъ ступаетъ душа, якбы ѣторвалась ѣтъ землѣ; нѣкое стремленіе, нѣка жажда не давитъ груди. Душа плынетъ роскошію безъ перепонъ...

Минали дни, а съ ними и Евтимъ верталъ

изъ успенія горячковаго. Онъ часто прибуджался, часто устремлялъ взоръ въ дѣвичье лице... А коли ночею лишь каганецъ слабо свѣтилъ въ комнатѣ, тогда онъ пробудившись видѣлъ у ложа стать плечистого, схиленного старика, мужа, котораго тѣнь отъ каганця въ великихъ зарисахъ падала на стѣну.

* * *

Тыждень проминулъ. Въ домѣ пароха въ Смеречнѣ смѣнилось немного. Вѣсть пріѣхала отъ замужной, старшей дочери пароха, що ей мужъ въ дорогѣ до Мукачева на Уграхъ отъ мадярской революющей шайки, которая смѣнилась въ разбѣйничую банду и перетягала лѣсы, пойманный и безъ всякого пардону повѣшенный побѣлшилъ рядъ шибеницъ стоящихъ на роздорожьяхъ. Жена попала въ слабѣсть и Сидонія немедленно мусѣла отправиться, щобъ быти помочною сестрѣ.

Старый парохъ Дуновичъ же оказывалъ теперь необычайную рухливість и занятость. Онъ частѣйше чимъ передъ тымъ натягалъ святочную капоту, убиралъ новыя чоботы угневской работы, запрягалъ свои подѣльскіи, еще посажныя конѣ и выѣзжалъ где то по сусѣдствахъ.

По поворотѣ лице его сіяло, онъ затиралъ руки и былъ занятъ всегда якою-то мыслею.

Евтимъ выздоровѣлъ вже на стѣлько, що мѡгъ выходить. Но онъ замѣтилъ, що ѡтъ часу, якъ онъ всталъ изъ ложа, не было бѡльше на плебаніи того старого мужика, котрый ночею сидѣлъ при немъ. Ему припоминалось его лице и его величная стать. Тую стать видѣлъ онъ вже гдето, той самъ не много гордый и глубокій взглядъ очей, той самъ чиповъ и темно-понсовыи гайдаверы. Вонъ, припоминающая на чаджу осталася конечно въ его памяти...

Погѡдного дня выйшолъ Евтимъ стежками на положиистыи кичары. Онъ проходилъ мимо поля, на котрѡмъ сотки косарей стинали колосыстое море збѡжа. Межи ними увивались съ нагайками гайдуки двѡрскіи и мандаторъ. Но Евтима застановилъ иный видъ.

У журчащей изъ землѣ керницѣ коло поля сидѣлъ согнувшійся надъ водою робѡтникъ селянинъ, змивалъ зъ лица кровь и прикладалъ сырую землю на тварь.

»Вамъ що?» пыталъ Евтимъ.

Но селянинъ и не обернулся, лишь флегматично вытягнулъ руку за свѣжою глиною и об-

мивалъ дальше кровь. Такіи вже были они всѣ, тѣи паньщизнянныи пѣдданцы.

»Кровь? Зѣ ѡтки?« пыталъ дальше Евтимъ.

»Ба!« отвѣтилъ мужикъ не обертаючись »не бѣйтесь кобы нагайка, а кровь возьметсѣ уже, хоть бы где!«

И пѣдъ нагайкою не опускаетъ карпатскаго мужика гуморъ. Но Евтимъ не потребовалъ вже бѣльше истолкованія: ѡнъ видѣлъ, якъ на поли економъ ту саму свою повиннѣсть сполнялъ съ другимъ мужикомъ, выываючи дротянною гачистою нагайкою.

»То двѣрское поле?« пыталъ Евтимъ.

»Двѣрское и божье.«

»А выжъ на то ничо?«

Мужикъ поглянулъ удивленъ на Евтима.

»Або що? Паньщина, то паньщина! Чей перебудемъ, то не першина у насъ.»

Съ молчаніемъ пустился дальше Евтимъ. Передъ нимъ станулъ цѣлый Руссо. Ѣнъ первый разъ попалъ въ свѣтъ, въ котрѣмъ ѡткрылось ему немаскованное состояніе дѣлъ. И мимовольно свернулся ѡнъ въ сторону двора, который былъ правдивымъ тираномъ народа.

Вже хотѣлъ Евтимъ забратись до ѡтвороту, коли почулъ изъ за горы звуки пѣсни. Ѣнъ

вийшолъ на верхъ горы. Новый пейзажъ представился его очамъ. Тутъ вся зелень сникла изъ землѣ. Сухіи каменистыи, жолтыи скалы розтягались передъ нимъ. Сянъ крутился помежъ скалы а на убочу стояла на однѣй пустцѣ хатина, яку ставляютъ на лѣто чобаны, ѡвчарѣ и котору они называютъ комарникомъ. Она сложена была изъ чорныхъ окопченныхъ лигарѡвъ, накрыта дѣравымъ лубомъ изъ смереки и корою изъ липъ; плѡтъ изъ драницъ огорождалъ хатину а у входа стояла малая телѣга о двоухъ колесахъ.

Пѡдъ плотомъ надъ берегомъ Сяну лежалъ хлопакъ около десяти лѣтъ, обнявши за шію кудлатого ѡвчарского пса. Той хлопакъ спѣвалъ пѣснь: а спѣвалъ ю такъ, якъ лишь спѣвають уроженцы гѡръ, изъ полной груди, сильнымъ звонкимъ голосомъ, якъ бы всѣ горы мали стрепенутись и срѡвнатись пѡдъ силою той пѣсни.

»Нѣтъ« подумалъ Евтимъ »такая пѣснь мусить зъ свободной груди плысти, не зъ неволи.«

Но измѣнился тонъ; прорвалась нута урывчиво а слѣдовала тужливая, молящая мелодія, мягкая плачущая пѣснь, котора часто повтарялась: »Ой тамъ въ гаю цвитеть зѣлья, и вянетъ во гаю, — Маю батька, маю неньку, а

волѣ не маю...» Дивное чувство овладѣло Евтимомъ. Тая мелодія? Въ колыбели своей чулъ онъ той напѣвъ, лице якоето согнуто надъ колыбелею спѣвало тую тужливую мелодію... Все забывается, но пѣснь колыбельна яко солодкое воспоминаніе неизгладима, безсмертно жіетъ въ нашей памяти цѣлую нашу жизнь...

Хлопакъ вскочилъ; онъ побѣгъ съ псомъ на вершокъ горы, стануль тамъ розложивши рамена якъ побѣдитель на мурахъ мѣста и теперь ѡтозвалась давна рубающа пѣснь: »Въ два голоса заспѣваю, — два голоса маю, — Одинъ пуцу по дубровѣ, — другій по Дунаю. — Одинъ пуцу по дубровѣ, — дѣвчины шукати, — Другій пуцу по Дунаю, — волѣ си глядати...«

Онъ сникъ. Евтимъ приблизился до хаты. Его тягнуло щото. Отворивши скрипящую дверь войшолъ онъ до середины. Вонъ чаджи ударила и припомнула ему на старика. Свѣтло падало лишь черезъ дѣры ликового даху. На серединѣ избы высѣлъ котелъ, пѣдъ котрымъ жарилось угля.

Въ кутѣ сидѣла невѣста. По ей поораннѣмъ лица видно было терпѣніе и сближающуюся старость: но остави ознаки давной дѣвичьей

красы. Она сидѣла неподвижно сложивши руки. Ей очі запали, но видно было, що колись плѣняли они молодецкіи сердца.

Первый взглядъ Евтима упалъ на тую женьщину. Послѣдняя узрѣвши вступившого гостя задрожала, ей лице покрылось блѣдостію а послѣ червоностію. Она пѣднеслась, упала безсильно а потомъ свернулася въ другую сторону комнаты и якбы глядаючи схороненія сближилась до сѣдящего тамъ мужика.

»Гаймонъ!« сказала она тревожно до него.

»Ай Явдоха, смотри, нашъ панъ вже и здоровъ, отъ здоровъ: хлалити Господа и слава Святому Николаю.«

Женьщина тымчасомъ спѣшно въ розстроєнію удалилась.

»Скажѣтъ« пыталъ Евтимъ усѣвши »вы называетесь дѣйстно Гаймонъ?«

»Атъ! придали имя« ѡтвѣчалъ старый мужикъ »имя придали, такъ назвали, то ничо и не сдѣлаешь. Такъ вже у насъ водится: у насъ по своему называютъ якъ захочуть.«

»Вы тутъ живете?«

»Тутъ« (Гаймонъ вынялъ изъ угла люльку).

»Якже: такъ нужденно.«

»Ба, але свобѣдно! Уже то такъ: ѣджь хоть-

бы самыи крампли, пій самую лишъ жентицю и якось жіється, абы лишъ на свободѣ.»

Евтимъ утиралъ горячее чоло.

»Кто спасъ мене изъ воды« пыталъ онъ
»скажѣтъ, бо вы — пригадую собѣ, сидѣли но-
чею при мнѣ. Лишъ двѣ постати остались менѣ
въ памяти изъ того часу: вы и еще то кто...
вже не помню...

»А...« шутилъ Гаймонъ, стягнувши бровою
и смѣючись съ по́днесеннымъ усомъ »еще ктось!
якъ княгиня ясноволосая... якъ уточка...
а що? Пождѣтъ же, розкажу вамъ небылицю:
(въ немъ теперъ пробивалъ типъ давного чо-
бана) небылицю розкажу, просто для васъ. Лишъ
слушайте до кѣнця. Жилъ разъ богатый князь.
Раемъ ему жизнь, жена красавица якъ гор-
личка: калиновыи уста, очи терень, любовь
огень. Но що? Дѣточокъ не было. Сумуетъ
князь, сумуетъ и княгиня. Прійшолъ князю
часъ выѣзжати въ край. Плачетъ калина, жена
бѣлявина, а князь ей кажетъ: бѣлыхъ ручокъ не
ломай, чорныхъ очокъ не стирай, не порубають
мене, не посѣчуть а медомъ напоятъ. Ёдетъ
князь — спекота велика. При керницѣ стаеть,
воду пьетъ. А чаши бачъ не взялъ. Таки при-
ложился и пьетъ. Коли вставати, а его за его

долгую должезную бороду якась сила въ керницѣ держить. Смотрить въ воду, а зъ воды вызираетъ чарѡвникъ пѡдземный: очи у него зелены якъ папороть, самъ же смѣется якъ заѣдливый лись. »Чого напосѣлся?« пытается князь »пусти«. — »Впередъ« каже чарѡвникъ »забожись: менѣ припадетъ тое изъ твоего дому, о чемъ ты не знаешь.« — Бери, кажетъ князь, а самъ подумалъ »тобѣ то и было, о чемъ бы я не зналъ!« — Вертаетъ князь до своей палаты, а тамъ ви-таетъ его жена не сама — но держить на рукахъ сына малого и цѣлуетъ. Посоловѣлъ князь, не тѣшитись ему тымъ сыномъ, чарѡвнику запродалъ.»

»Но сынъ vyrѡсь: бравый молодець сталъ изъ него. Не майте журбы батьку, кажетъ сынъ, уже я справлюсь съ тымъ чарѡвникомъ. Осѣд-лалъ коня и выѣхалъ; ѣдетъ, ажъ тутъ и озеро. На озерѣ дватсять уточокъ сребрныхъ такихъ, лишь миготять на солнци, а на берегу дватсять хустъ бѣлыхъ. Взялъ княжевичъ одну хусту и укрылся въ гай. Уточки поплюскотѣли, выйшли на берегъ, натягнули хусты и отъ — изъ кож-дой стала красавиця и одна за другою улетала. Лишь одна уточка зѡстала. А княжевичу жаль ей стало, подалъ ей хусту. Тутъ же коло него

и стала дѣвица красавица, якої еще не видалъ... Княжевичу дивно стало на души.»

»Еще разъ давно зимою сокола убилъ стрѣлою; кровь сокола червона упала каплями на бѣлый снѣгъ. Тогда и подумалъ княжевичъ: кобы менѣ жена така бѣла якъ той снѣгъ, а червона на устахъ якъ тая кровь. Жену-бъ такую любилъ, цѣловалъ. Такъ колись подумалъ а теперъ видитъ передъ собою такую красавицу. »Я наймолодшая дочка чарѣвника пѣдземного« кажетъ до него красавица: »ѣнъ уже чекаетъ на тебе и лютится, но не бѣйсь, я раду тобѣ дамъ перебыти всѣ заклады.« Приходятъ они въ край чарѣвника. А Чарѣвникъ лютый. Каже до княжевича: »Отъ диви тутъ моихъ дватсятъ дочокъ, всѣ они око въ око подѣбны, всѣ якъ одна. Ѡтгадай, котра изъ нихъ наймолодша. Не ѣтгадаешъ, голова не твоя!« Переглянулъ княжевичъ разъ, не утнетъ, всѣ якъ одна капля воды. Другій разъ а за третимъ смотритъ, а на однѣй изъ нихъ лице бѣлѣйше снѣга; на щечинкахъ краска роскотилась якъ кровь-молоко. А! такая краска лишъ у ней: у другихъ нема. (Знай, другіи еще и не знали за любовь.) »Отъ дочъ твоя наймолодша« кажетъ княжевичъ. »Вражій же ты сынъ« хитаеть головою чарѣвникъ

»Голова твоя: вертай на землю: а еще, що хочеш, того и забажай а дѣстанешъ...« И щожь бы бойкому княжевичу забажати якъ не того личика, що снѣгъ съ кровью, що молоко а кровь... То то и цѣловаль же онъ его... Отъ, и моя небылиця: а що?» продолжалъ Гаймонъ. »кто другій вамъ застрягъ въ памяти? Чи не уточка тая среброкрылая? Съ сребрными косами?«

Гаймонъ смѣялся зъ укуса и поглядалъ на Евтима прикладаючи рѣща до угля. Но ледво скѣнчилъ, коли передъ хатою дали чутись крики и гаморъ. Они выйшли на обору. Тутъ молодой хлопакъ, чобаникъ боролся на силу съ яким-то панкомъ, по которого костюмъ и нагайцѣ въ руцѣ пѣзнати мандатора. Малый чобаникъ присталъ до мандатора, якъ Давидъ до Голіата.

»Трофимко!« крикнулъ Гаймонъ громовымъ голосомъ.

Трофимко пустилъ мандатора и стрѣбуючи зъ себе панское ничо, стануль широко и показаль рукою на мандатаря.

»Явдоху« говорилъ онъ »нагаемъ побираль; нагаемъ не штука, а прійшлось на силу, ану вражій сынъ легкій якъ перо.

»На паньщину« вскричалъ мандаторъ, пѣнвившійся ѡтъ злости »всѣ, сейчасъ на поле«.

Гаймонъ выпрямился. Теперь на лицѣ его пробивалъ spokoi и овладѣніе собою, но разомъ и якаято частина гордого самосознанія.

»На паньщину?« промовилъ онъ »А! ты новый мандаторъ! Не диво, що ты зайшолъ на мою обору. Ты незнаешь, кто я; ну, иди и спытай ся твоего пана, кто такіи Гаймонъ и що съ нимъ за дѣло, а не прійдешъ тутъ другій разъ. А теперь тобѣ нѣкое дѣло до моей загороды.«

»Хамъ! окропный хамъ!«

Мандаторъ пѣнился отъ злости и удивленія: ему не приходилось еще чути такихъ слѣвъ. Онъ лишь затискаючи въ руцѣ нагайку спѣшно удалился.

Гаймонъ похилилъ голову. Онъ началъ запрягати до телѣги коня и вынесъ анталокъ. (Онъ ѣздилъ именно своею телѣгою отъ часу до часу за границу въ Мукачево, Берегсасы, Уйгель и купчилъ виномъ.)

Но зачимъ онъ зѣбрался, явились двѣрскіи посѣпаки, связали Гаймона и Явдоху и потягнули въ двѣръ. Гаймонъ не произнесъ ни слова; онъ лишь мрачно водилъ очима. Но Явдоха середъ плачу не отводила очей отъ Евтима, якобы не могла надивитись досыть на него и якобы боя-

лась, щобъ не розлучитись на всегда съ тымъ видомъ.

Розогненъ пустился Евтимъ черезъ поля; онъ не глядалъ стежки, онъ ишолъ на произволъ и бôльше пущался въ дебри якъ въ гладкіи поля. Въ кôнці онъ пристануль; онъ былъ при камеральной дорозѣ, що вела на Угры.

Изъ дороги билъ тарабанъ. На Угры переходили охотники рекрутовавшіися изъ гвардіи, щобы стати тамъ пôдъ прапоръ Высоцкого, который съ Коссутомъ и Гергеємъ прошибалъ угорскіи пуссты: тожь и его марсиліанка тамъ звучить, давняя пѣстунка, що неразъ улюляла его до огненной сѣчи. Но не вѣрна то была пѣстунка, не питомая, иная пѣснь звенѣла надъ его колыбелею, иное солодкое люлю уносилось надъ его дѣтствомъ.

»О я глупецъ« говорилъ онъ »и я за нихъ боролся, за нихъ кровь проливалъ, за тиранôвъ. Но я не зналъ. Новая картина мнѣ ôткрылась. Та сама фана либерты, котору тамъ горою несутъ, тутъ на долинь сдоптана, уничтожена... А еще... що тягнетъ мене до тыхъ людей?... до того Гаймона... Где моя...?«

Онъ не докôнчилъ: изъ дороги почувъ онъ свое имя. Гвардія давно вже перейшла, а на

трактѣ пристанула найтичанка пароха Дуновича.

»Ходѣть« говорилъ изъ брычки Дуновичъ »ай, где то не можна васъ здыбати! шукаль за вами и знайти не мѡгъ; ходѣть скоро на брычку.«

Парохъ незвычайно нынѣ былъ по праздничному приодѣтъ; чемера нова, цилиндръ свѣтилъ до солнца а въ чоботахъ ликовалъ угневскій цехъ.

»Тутъ, коло мене сѣдайте« продолжалъ торпливо парохъ »що вамъ? що такъ блѣды вы? правда, было не выходить еще, ваша горячка еще не совсемъ уложилась. — Но добре, що васъ снаходжу; їду власне до нашего мѣста окружного. Маємъ тамъ нынѣ зѣздѣ; въ первыхъ будетъ поговорка о нашихъ народныхъ дѣлахъ а потомъ по обычаю праздничное. Отъ, щось такого и для васъ принадно; вы молоды, а дамы тамъ будутъ, самыи перлы карпатскіи... Но и другое дѣло. Для ѡтчины треба щось сдѣлати. По правдѣ мы спали до теперъ, но теперъ иначе пѡйдетъ. Вѣсти важныи пдуть зъ Вѣдня, кажу, важныи вѣсти. Будетъ якійто переломъ; академики и нарѡдъ обступаютъ тамъ соймъ... щось и у насъ треба сдѣлати для народа.«

»Такъ, для народа« отвѣчалъ Евтимъ »лишь для народа... Не моя вина была до теперъ, що я его не зналъ... Въ моей молодости былъ я выхованъ черезъ якогось старого ветерана Наполеонисту во Львовѣ... Якъ я до него прійшолъ, того не знаю, но моимъ ѡтцемъ ѡнъ не былъ... Ѣнъ померъ и я осталъ самъ одинокъ на свѣтѣ. Я такъ на слѣпо кинулся въ тогдашній шалъ: порванъ былъ я струею, где лишь побачилъ я фану, где почувъ тарабанъ, тамъ тягнулъ... черезъ то и выросла у мене якась страсть партизантска, за котрою я слѣпо ишолъ... котра давить мене, чепилась якъ недопырь крови... и нищить мене. Николи не хочетъ она уложитись... А еще, такъ гѡрько я до теперъ ошибался...«

Парохъ съ удивленіемъ поглядалъ на Евтима. Въ первый разъ чулъ ѡнъ такіи слова ѡтъ него.

»Не удивляйтесь« толковалъ Евтимъ »но я самъ на свѣтѣ; передъ никѣмъ не могу изъявити, що во мнѣ происходитъ«.

»Спокѡйно, лишь спокѡйно« уговоривалъ парохъ »дѣло мусить быти съ спокоемъ получено: горяча нервовѡсть николи не доведетъ до цѣли. Богъ вже колись высвободить нашъ народъ ѡтъ паньщизняного ярма и мы повинны дѣлати,

але — правою дорогою. А цѣль? Опертись лишь на народъ, а тогды есть и цѣль. Свѣтло ему принести, то наша повинность. А що до вашей страсти револютовой, то она не есть ничѣмъ инымъ, якъ часткою той епидеміи, що грасуєть теперь по цѣлѣй Европѣ. Въ воздухѣ цѣлой Европы теперь владѣетъ дѣйственная револютовая джума, котра всѣхъ достигаетъ... Вы мусите излѣчитись. До свободы стремитя правою дорогою.»

Найтичанка сближалась до мѣста. Здалека виднѣла уже церковь, що стояла на горбку.

»Еще одно« говорилъ Евтимъ, якбы собѣ пригадывалъ »не могу позбытись его образу: скажѣть, кто той Гаймонъ? Не сидѣлъ ли онъ при моимъ ложи? а до того, кто выдобылъ мене изъ волнъ Сяну, того до теперь не знаю.»

»Гаймонъ? Добре, розкажу вамъ.« Въ рукахъ Дуновича забрызчало вѣко ѿтъ табатіеры. »Той Гаймонъ то незвычайный человекъ: мужикъ, якого я въ долгѣмъ моимъ служенію не подыбывалъ. Има Гаймонъ походить ѿтъ мене; я придалъ ему тое прозвище, а оно якъ кожде прозвище того рода скоро принялось у людей. Его никто иначе не называетъ, лишь Гаймономъ. А назвалъ я его такъ, бо онъ своею ми-

нувшостію припоминаеть на того извѣстнаго Гаймона изъ Дордоны и его дѣтей, котрыи долгу борьбу вели. Его всѣхъ предкѣвъ можнабъ назвати — дѣтьми Гаймона. — Якъ знаете, Смеречне есть паньщизняною доменою. Всѣ пѣдлежать паньщинѣ — лишъ одинъ Гаймонъ и его дѣти нѣтъ. То одна родина, котора совсемъ свободна ѡтъ паньщизняного ярма.»

»Но зачимъ до того прійшло, переплатилось не однимъ. Ѡнъ маеть, якъ и вы може замѣтили вже, великое сознаніе свободы и любовь до ней, явленіе, которе не у каждого мужика встрѣчается. Невѣльничества тиранского Ѡнъ не сноситъ, но Ѡнъ на стѣлько честолубивый, що держится всегда правой дороги... Тое самосознаніе есть у него свойствомъ родовымъ; Ѡнъ наслѣдилъ его ѡтъ прадѣдѣвъ, а и его дѣти такими будутъ. А треба сказати, що его предки всѣ еще были пѣдданными, всѣ робили паньщину; но у нихъ было то особенно, що всегда ставали въ противности до двора до дѣдича. Паранюки (такъ они звались) всегда вели борьбу съ дворомъ. Но яку? Родина Паранюкѣвъ была колись заможна въ смыслѣ паньщизнянѣмъ. Но прорвалось.»

»Одного разу прадѣдъ Гаймона не мѣгъ стер-

пѣти виду тыхъ тиранскихъ окропностей, якихъ дѣдичъ допускался на людяхъ. Коли именно гайдуки якогось старого сивого мужика, що просилъ о милостиню, на приказъ дѣдича сѣкли нагайками яко заволоку на панскѣй оборѣ, Паранюкъ не повздержался, щобъ не освободити старика. И онъ просто одного гайдука кинулъ на землю, другого заглушилъ ударомъ а третьего таки взялъ и кинулъ якъ перомъ за высокій плѣтъ. (Треба знати, Паранюки всѣ ѡтзначаються бѣльшою силою.) За то дѣдичъ зъ мести ѡтнялъ ему половину его добра а его сына пѣслалъ въ баталіоны, где той и погибъ. Въ кѣнци и на самѣмъ Паранюку помстился. Дѣдичцѣ захотѣлось разъ, щобъ той фаетонъ, въ котрѣмъ она ѣхала въ мѣсто, тягнулъ старый Паранюкъ. Въ тѣмъ чинѣ онъ и умеръ.»

»Но то памяталъ оставшійся сынъ Паранюка. Онъ ишолъ еще на паньщину, но коли разъ панъ бременную женьщину на полю обкладалъ нагайками, попалъ Паранюкъ въ такій гнѣвъ, що хопивши пана, потрясъ нимъ такъ сильно, що тойже стратилъ ѡтъ того часу мову, онѣмѣлъ. Не зналъ Паранюкъ въ гнѣвѣ, що съ паномъ почати, то лишъ и потрясъ нимъ, бо

сновь правотитись тогды-то была пронія! Нигде мужикъ не снайшолъ справедливости.»

»Вернувши до дому Паранюкъ уже надѣялся, що по него прійдуть двѣрскіи посѣпаки. Онъ на то приготавливался. Онъ стануль съ бучиною въ дверехъ и никто изъ гайдукѡвъ не смѣлъ приступити; валилъ первого, котрый лишъ сближался. Прійшло и бѡльше службы двѣрской, но ничо не помогло. Они взялись тогды на спосѡбъ. Пѡдпалили на четырехъ углахъ хату. Но Паранюкъ — не пѡддался. Сгорѣлъ въ пламенахъ, а не выйшолъ.»

»Теперѣшній Гаймонъ, его сынъ, малъ тогды коло тридцати лѣтъ. Вы теперь пѡймете, якъ онъ ѡтносится до двора. Свого батька видѣти въ поломѣняхъ! Досыть! — Онъ не малъ теперь ни хаты, ни поля. — Взялъ бигаръ, ѡвчарскій костуръ и пустился изъ села. Панъ хотѣлъ силою взяти его въ тяжку службу. „Голя!“ сказалъ Гаймонъ „Сава Паранюкъ не будетъ бѡльше служити убійци своего батька.“ И онъ пѡйшолъ на полонины, сталъ чобаномъ, пасъ ѡвцѣ.»

»Но тутъ случилось щось, що важнымъ было на цѣлое его житье. Умиращій дѣдичъ малъ видѣніе, що сова выколювала му очи, а зъ совы сдѣлался гробарь и закопывалъ его живого въ

яму, а за гробаремъ огонь горѣлъ, въ огни чоловікъ... старый Паранюкъ. Дѣдичъ по такѣмъ видѣнію прикликалъ своего сына, теперѣшного нашего пана и одно наказалъ ему передъ скономъ, — абы въ житію того не сломилъ; именно, абы Гаймона оставилъ совсемъ на свободѣ, щобъ николи не тикался ни его, ни его загороды, ни дѣтей...»

»Отъ того часу нашъ дѣдичъ зъ далека держится отъ Гаймона. Длятого отъ Гаймонъ и свободный отъ паньщины. Онъ вже теперь не чобанъ; покинулъ полонины, купилъ коня и купечничаетъ виномъ, за котрымъ отъ часу до часу на Угры отправляется.»

»Гаймонъ то душа добра, якої я не зналъ. За него кто нибудь изъ села житье бы далъ. Отъ и при васъ ночью сидѣлъ. Но кто васъ изъ воды уратовалъ? Послухайтежь еще за его дѣтей.»

»Его дѣти тоже въ своимъ особенномъ родѣ. Одинъ Яковъ горбатый малый, но то — що онъ якто опанованъ суевѣріемъ; суевѣріе влечетъ за нимъ якъ тѣнь. Оно словно нищитъ его. Онъ всегда якто молчаливый, глядаеть самоты и вѣчно занятъ якимись духами. Онъ есть и хмарникомъ въ селѣ и побудовалъ собѣ

хатчину, комарникъ тамъ на пусткахъ (вы може и видѣли).«

»Другій его сынъ совсемъ иный: то рыбарь и промовикъ, що провадить промъ на Сянѣ. Человѣкъ веселый шутливый, правдивый сынъ пѣдкарпатскихъ гѣръ. Онъ прикованъ до своей воды и до прому. Тамъ ему житье и рай. Ванько кажутъ, еще дитиною былъ, а вже до воды тягнулся. Разъ коли жида пуцали Сяномъ бревна позбиванныи въ родъ тратвы съ шатромъ полотнянымъ, Ванько еще хлопакъ тогды пятлѣтній всунулся въ шатро тайкомъ и поплылъ съ жидами. Дперва на долахъ вже побачили жида, що якійсь хлопакъ въ шатрѣ закутался. Онъ потомъ бывалъ и на Днѣстрѣ и на Черемошу, но таки кинулъ все и вернулъ на свѣй Сянѣ. Ту, кажетъ, жіється якъ разъ. Его вы повинны и запамятати, бо онъ то выратовалъ васъ изъ воды, коли вы раненныи упали зъ берега въ Сянѣ... Онъ принесъ васъ ледво ѣтдыхающого на нашу плебанію, а самъ вернулъ. При васъ оставалъ потомъ Гаймонъ.»

»Еще одинъ сынъ Гаймона померъ и остала по немъ лишь вдова Явдоха.»

Евтимъ слухалъ особенно послѣднихъ слѣвъ; онъ тыхъ по видимому и ожидалъ. Онъ еще

теперь не мѡгъ истолковати собѣ странное поведеніе Явдохи при его явленію.

Найтичанка станула на рынку; парохъ казалъ завернути въ сѣнь новопостроенной кондиторіи, где по бѡльшой части всѣ сосѣды заѣзжали. Но рынокъ окружного мѣсточка не былъ нынѣ пустой. Тамъ, где передъ тымъ тягались лишъ жидѡвскіи козы, пейсатии евреѣ, и где безженадно роскладались съ цѣлымъ своимъ семействомъ вандрующіи цыгане, тамъ теперь ржали конѣ, брызчали сабли. Охотники, що тягнули на помѡчь Коссутови, тутъ ѡтпочивали. Нѣкоторые лежали на каменяхъ нерѡвнаго рынку, иныи поили конѣ середъ рынку у студни. Многіи собраны были въ кондиторіи.

То была кондиторія, котра разомъ въ малѡмъ мѣсточку становила и австерію и ресторанъ и сборное мѣстце. Въ сали головнѡй висѣлъ портретъ замаранный Робеспіера а на другѡй стѣнѣ образъ представляющій бѣгство Наполеона.

»Тымчасомъ пѡйдемъ въ салю« сказалъ парохъ Дуновичъ »еще время: потомъ пѡйдемъ до мѣстцевого пароха. Тамъ всѣ сосѣды зѣхатись мають«.

Они вступили въ кондиторію. На порозѣ пристануль Евтимъ якъ бы на щось рѣшался,

но сейчасъ рѣшительнымъ крокомъ войшолъ въ первую комнату. Тутъ за бюфетомъ сидѣла женщина, дама о черныхъ бровахъ, смяглавомъ лицѣ, на котрѣмъ незначно видныи были пѣги, побѣльшающіи еще красу ей лица. На головѣ носила шиньонъ а-ля-Шарлоттъ и чело обнимали шиньоны льоконныи. Она была на лицѣ и въ таліи полна. — Евтимъ перейшолъ мимо ней, якъ мимо чужой собѣ дамы безъ выразу лица. Но она замѣтила его; зѣстала однакъ спокѣйною, лишь прикусила усточка.

»Скѣнчено съ нею« говорилъ Евтимъ сѣдаючи при однѣмъ столѣ въ другѣй сали »я и самъ вижу, що тую Чешку я неправдиво любилъ; то былъ лишь молодеческій шаль. А она и сама не совсемъ заслуживала на любовь.«

»А! сержантъ Рокитанскій! И ты тутъ! Bravo, варталобъ шампанского выпити, а то заподѣлся ты гдесъ, якъ банька пропалъ; куда бывалъ ты? А теперь съ нами идешь на Коморнъ! отлично! Еще разъ bravo.«

Такъ говорилъ толстый, обѣемистый капитанъ гвардіи перемышльской съ фіолетовою краскою на щекахъ.

»О!« продолжалъ онъ, увидѣвши пароха Дуновича »и парохъ зъ мого Смеречного тутъ?

а!... разомъ съ сержантомъ... но, не надѣялся... витайтежь. Якъ тамъ теперъ въ моимъ Смеречнѣмъ, що сбылось... Отъ и ненадѣялся стрѣтити тутъ...»

»Все по старому« отвѣчалъ парохъ зимно.

»Но вжежь... колоды тамъ не люде... и людьми ихъ не годится назвати... значить: колоды.«

»Капитанъ!«

Передъ капитаномъ стануль грозно бывшій сержантъ, Евтимъ.

»Овъ! що съ тобою? ге?« смѣялся капитанъ
»Демократъ? Демократъ изъ тебе вже? ай! Несподѣванка одна за другою.«

»Такъ, я демократъ. Но не конецъ, я оборонитель правъ и чести того народа.«

»А-у! чи то байка Шегерезады, чи я добре не чую.«

»Якъ пѣзналъ я, вы дѣдичъ изъ Смеречного.«

»Но?«

»Зарядѣтже въ своимъ домѣ: тамъ дѣются рѣчи...«

»Фю! фю! що теперъ по свѣтѣ въ кѣнци не дѣется. Братку, плетешъ якъ дитина; що мене обходитъ, що тамъ дѣется. Кобы гроши ѡтъ жида и вино, а я не дбаю о ничъ бѣльше.«

»Не дбаєшь? А слово твого батька? Гаймонъ...«

»Гаймонъ?« (капитанъ нахмуриль чоло). »И ты го вже знаєшь? Мара нехай го тамъ беретъ. Мужикъ онъ, то и на то родился абы терпѣти. Ходѣмъ братья!«

»Если ты...«

»Ба, ба, ба, ты хочешь битись! симплицитасъ! За таку маловажную рѣчь. Въ похѣдь братья!« приказалъ капитанъ охотникамъ.

Опустѣль рынокъ и австерія опустѣла; охотники оставили мѣсто и посувались до границѣ.

III.

На плебаніи окружного мѣсточка цѣлая обора заставлена то угорскими возиками, то широкими родинными брычками, то простыми драбинястыми телѣгами. Пудла и паки (съ дамскими уборами и приборами) не могли помѣститься въ тѣснѣмъ передпокою. А и для тоалеты дамской нѣтъ было где подѣтись. Тѣснота така была въ уборнѣй, що кринолины ніякъ не могли прійти въ свою коловую позицію. За то и комора не была порожна. Тутъ спеціалы за спеціалами, марцепаны за марцепанами, а все въ

дарѣ привезенное ѿтъ милыхъ сосѣдокъ. Въ пушистѣмъ паперовѣмъ моху почиваетъ тамъ шоколадовый перекладанецъ а дальше маковый кнѣшъ съ розинами, за нимъ бѣлѣются мазурки съ пѣною и фігами; (той спеціалъ привезенъ былъ ѿтъ нѣкой Евляліи: она изъучила его вырѣбъ такъ изъ лѣвой стороны у свѣта). Тутъ сновъ веселить очи бакаляръ зъ галяретовыхъ компотѣвъ, любимецъ особенно дѣвицъ по причинѣ своего ваннилового сложенія. Достойно але сусѣдуютъ съ нимъ два жаренныи, не бѣльше якъ четверемѣсячній жаренныи съ хреномъ въ зубахъ (то были іоркширской расы) и — прочее еще, которе градомъ сыпалось изъ пакъ пріихавшихъ сосѣдокъ. — Въ углѣ стояла боченка съ мигдаловою оршадою, любимымъ холодящимъ дамскимъ напоемъ, а вже и не споминати о винныхъ анталкахъ!

Карпатскіи солодости суть иного рода якъ французскіи. Послѣдніи суть — полны оздобъ, карпатскіи суть полны розинъ. И дамы карпатскіи ѿтмѣнныи ѿтъ французскихъ. Послѣдніи суть полны — гримасѣвъ, карпатскіи суть полны — на лицѣ.

Въ мужеской комнатѣ собрались уже сосѣды, а и такіи, що и задесятыи горами где

проживали. Всѣ они сосѣды. Межи ними кружило якоето письмо въ многихъ числахъ и всѣ были заняты его содержаніемъ. Въ комнатѣ творились поодинокіи группы, въ котрыхъ горячо розправяно; лица розгорѣлись и правдивое одушевленіе обнимало собранныхъ. Но и тутъ были оказы, котрыи ѳтдѣльно держались ѳтъ того одушевленія.

Пѳдъ ѳкномъ стояло трехъ парохѳвъ. Одинъ Перловичъ сухій человѣкъ съ выстающими щеками, брунотно-глинястого цвѣта лица, лысый; прочій волосъ гиперболично заточенъ былъ изъ зады въ передъ. ѳнъ носилъ мѣщанскій жупанъ черешневой краски зъ сѣраковаго сукна и чоботы о жолтыхъ выверненныхъ холявахъ. Другій Стокайло въ долгѳй рипсовѳй блюзѣ, высокій, набитый съ напушеною миною. Его фризюра была правдивымъ хаосомъ морскимъ начертаннымъ рукою Клодъ-Лоррена. Въ кѳнци третій Сержакъ, малый, грубый, одинъ изъ пелеринковыхъ.

»Общества!« говорилъ первый, прикладаючи по философски палецъ до чела »Терефере! Подурѣли но! Якихсь тамъ обществъ имъ ся захотѣло! Того еще не бывало у насъ. Дальше яйце мудрѣйше курки станетъ. А человѣку и не

жити вже. Отъ примѣромъ, вынось на Николая, сухій такій, эхъ. А думаете гôдную паленицю кто принесеть?! Кобы еще паленицю, а то просту азимку, суху якъ ходакъ и то еще изъ послѣд-ного . . . «

»Що вже, а то правда, що изъ послѣдного « говорилъ Стокайло »лихіи часы, мабуть чи не антихристъ . . . «

»Еть!« шенталь третій »говорѣтъ! щось таке заносится въ воздусѣ, якбы справдѣ ан-тихристъ. «

»Але-ле?«

»Зле щось тягне. Чую Кракôвъ вже чи не збомбардовали. Ôтъ голода, вôйны и несподѣ-ванной смерти сохрани насъ Господи. Чи не запрягати-бъ намъ нашихъ коней, тай такъ тай-комъ высунутись зъ ôтси?«

Тутъ ôнъ бережливо оглянулся.

»Думаете?«

»Ага!«

»Почекати-бъ бодай до вечерѣ. Кажуть де-канова привезла два чотыремѣсячніи жаренныи и то, сважѣтъ, іоркширской расы. «

»Іоркширской! Эхъ! эхъ! эхъ!«

»Ба!«

»А где и вырвала такихъ?«

Тутъ Стокайло липнулъ очима и нахилился въ ухо толстому Сержакови. Послѣднего лице розъяснилось.

»Ажъ зъ Уйгелю! Кажуть деканова сама чи не Мадярка родомъ!«

На то не ѡтвѣтилъ вже сосѣдъ, бо въ комнатѣ повсталъ общій рухъ. Тамъ старьи и молодыи инакше вели розговоръ. По нарадахъ всталъ парохъ Дуновичъ и зачалъ:

»Выйшолъ я въ поле. Жнива были. Солнце высоко пѡднялося. Смотрю, всѣ жнуть, лишь одинъ таки спить на убочу, спить сердечно, лишь серпъ коло себе положилъ. Приступаю до него, буджу его. ,Ой проспалъ же ѡнъ найкрасшій часъ, не догонить насъ, смѣются другіи женцы. А чоловѣчокъ сбудился, схопился, взялъ серпъ и жнетъ; кладетъ снѡпъ по снопови. Зъ полудня полягали сосѣды ѡтпочивати, а чоловѣчокъ жнетъ та жнетъ. Надъ вечеромъ дѡгналъ всѣхъ, а зачимъ солнце зайшло, всѣхъ перегналъ. — Той чоловѣкъ — то мы. И мы спали. Та треба намъ взятись жати на добре, бо солнце уже высоко а сосѣды давно вже въ поли.«

Такъ говорили еще многіи и всѣхъ получила одна мысль, любовь ѡтчины и народа.

Въ коротцѣ надѣйшла и праздничная часть ночи. Музыка загремѣла. По появленію Евтима поѣшолъ по сали межи дамами шепоть. Его замѣтили сейчасъ. И не диво. Евтимъ былъ хорошъ, а блѣдѣсть оставшаяся по болѣзни поѣносила его красу. — По узвычаенію повелъ онъ майже безмысленно, лишь ѣтъ привычки окомъ по дамскѣмъ рондѣ.

Но тутъ и пріостановился онъ. Онъ не повелъ дальше очей, но упивался роскошю, чаромъ синой безконечности карпатского неба, отбитой въ очахъ ей — Сидоніи.

»Гаймонъ правду казалъ« подумалъ Евтимъ »она то естъ, той самъ серафимокъ... Она, котру правдиво люблю... И ябъ ю не поѣзналъ, якъ той книжевичъ свою поѣземну любимицу, хотяйбы межи дватсяти ей подругами! Она то же само. Що за яснѣсть ѣтъ ней бѣеть: сребрныи льоки. А лице? то лице той преобразовавшойся уточки на озерѣ: бѣлое якъ снѣгъ а червоное якъ кровь сокола...«

Сидонія явилась тоже съ уздоровѣвшей сестрою. Ей уборъ былъ праздничный, сдѣланъ изъ легкого бѣлого штофа зъ пуль-де-соа, въ непревышимѣмъ вкусѣ и умѣренности, чимъ и ѣтзначалась ѣтъ прочихъ Помпадуровыхъ тоалетъ.

Корсетъ изъ мѣнистого гро-гре съ великими цвѣтными десенями увидатнялъ ей талію.

»Первый сонъ для мене солодкій и счастливый былъ у васъ« говорилъ до Сидоніи Евтимъ (они были за хвилю, якъ давнии знакомы) »а именно сонъ моей семидневной болѣзни... въ немъ видѣлъ я серафимка, васъ...«

»Ага« шутила Сидонія »вы вѣроятно видѣли точнѣйше еще когось въ снѣ, якъ уважати можна по вашомъ первомъ словѣ при пробудженію.«

»Такъ? я сказалъ какое то имя?... быть можетъ, дамы якой... но...«

»Отъ, отъ, дамы! вы словились по части! но успокойтесь, то не было имя дамы...«

»Нѣтъ? Певно нѣтъ. Васъ люблю первую и най...«

»Не кѣнчѣтъ! А первое слово?«

»То было —«

»Народъ.«

Якъ звукъ еольской арфы переняло то слово душею Евтима. А еще сказала его дама. Его улюбленная дама. И то тономъ такимъ, якбы приказовала, больше любити народъ, якъ женщину. А хотяй такъ приказовала, не можна было не любити ей бѣльше всего. Онъ чулъ, що

то слово высказанное двѣичьими устами уколошеть его внутреннюю бурю.

И цѣлую нѣчь не видѣлъ Евтимъ иной дамы лишь Сидонію. А тымчасомъ родилась въ душещѣ брюнетки Чешки страшная борьба. Она и теперь прибрала холодный видъ и прикусовала усточка якъ въ первый разъ въ кондиторіи. Но въ души?...

Чи она любила его? Конечно, дама не всегда и не даромъ прикусываетъ уста. Она знала, що сабля, съ котрою одного рана вернулъ ей мужъ кондиторникъ Больскій, що сабля была окровавлена кровью — Евтима и знала, що кровь плыла за для ней... и она може смѣялась тогды. Но теперь? Теперь ни одинъ поглядъ ѿтъ него, ни одинъ укоръ, ни наветъ одно слово! А ѿнъ такъ красивый! о много красившій, чимъ прежде; особенно тая блѣдность его. У дамъ и юношъ растетъ краса въ хвиляхъ страданія, а дамы всегда бѣльше влеченія чувствуютъ для страдающаго, чимъ для смѣющагося любимца.

Но еще одно принадлежитъ дамамъ. Они суть, якъ той славянскій идолъ Триглавъ, котораго лице заслонено золототканымъ покровомъ, за котрымъ не видно, що въ души происходитъ. Коли однакъ свѣтъ не смотритъ на даму, ски-

даєть она тую Триглавскую заслону и Чешка черноволосая не прикусываетъ уже усточки, но въ своимъ будоарѣ ручки бѣлыи ломить, слезы леть. Въ уединенію страданіе дѣвичього сердца розрываетъ узы, державшіи передъ свѣтомъ бьющіи чувства въ строгѣмъ укрятію.

* * *

Первымъ дѣломъ Евтима по поворотѣ въ Смеречне было, удалитись въ хату Гаймона. Пѣдъ вечеръ онъ пустился на скалистые пустки. Идучи стежкой онъ сѣлъ ѣтпочити. Тоюжь самою дорогою сближался мужикъ въ киптарѣ, съ кошомъ рыбарскимъ въ рукахъ. Не долго приглядался Евтимъ. То былъ Ванько, промовикъ. Онъ держалъ въ устахъ короткую люльку и усмѣхался, якъ бы той сухій хребетъ горы былъ для него якимъ Ельдорадомъ.

»Здоровы, право здоровы!« почалъ Ванько узрѣвши еще зъ далека Евтима »Пѣйдутъ и они? То гараздъ, пѣйдемъ въ двое. Добре робятъ, що зѣстали таки у насъ. Що у мѣстѣ? Ану, сказатибъ лишъ, що мѣсто маєть? А отъ що: Камянецъ вѣнецъ, кругомъ вода, а въ серединѣ бѣда. А перекотишься изъ мѣста въ село, то якъ бы щупакъ перекотился изъ мочары въ Дунай. Та

широко-жь пану всюда. А зачепишь где за Савку або Пантиля, то для нихъ вѣтеръ, хоть якъ завертайся, все просто въ очи. Бѣдному Савцѣ нема долѣ, ни на печи, ни на лавцѣ: на печи печуть а на лавцѣ сѣчуть. Етъ! Кобы лемъ одно: бакунъ и люлька, тогды и Сянъ не высихаетъ и гуляй по водѣ, поки житья стаеть. Лише панцю, до дѣвчины щось приступило, та не хочеть любити. Алежь бо дѣвчина она собѣ! Лише въ любвѣ якбы причаилась; ану смотри лишъ, чи не задається. Заходись коло ней а она будьто не замѣчаетъ, а такъ и смѣется и спѣваетъ: „Не жури ся мѡй милenkій, — Якосъ тото буде, — Хоть мя другій поцѣлуе, — Ще и тобѣ буде.“ ...

То все сказаль онъ не приставаючи ни въ словѣ ни въ ходѣ и розмахуючи руками, якъ яструбъ, що взбивается крылами въ гору. Они были вже передъ комарникомъ.

»Трофимко! ану, чобаникъ же зъ тебе, таки уродился на чобана, подай рѣща до огню; чого загасло. А ты самъ! Лежишь! отъ призабрался. Лежати ему! Полонину бы розвалити, дубомъ скрухотѣти а лежати бабамъ та панамъ.«

»Дѣдо и Явдоха, знаете где?« пыталъ не встаючи изъ сѣна хлопакъ Трофимко »знаете

где? Не пустили изъ двора, а таки замкнули по́дъ землею.»

Двери заскрипѣли. Въ комнату вбѣгъ малый, горбатый мужикъ съ розчохраннымъ волосемъ и съ переляканнымъ взоромъ.

»Отче Святый Николаю и ты Пречиста!« стогналъ хмарникъ Яковъ »Маджары! Маджары! Чорнява сунеть тамъ зъ за Бескида. Село Вербѣжи вже въ огни.«

Всѣ поспѣшили до села; почало вже меркнуги денное свѣтло. Вечеръ былъ. Изъ стороны угорской границы надѣйшла въ село толпа угорскихъ шегенѣвъ. А были то паразиты, выросші за время революційной угорской бурѣ. Въ недоступныхъ Карпатахъ множились они бѣльше еще, чимъ на широкихъ пустахъ. Была то сволочь образовавшаяся въ банды розбѣйничіи и корыстающая изъ переворотѣвъ, изъ прорванія всякихъ узѣвъ общого порядка, сволочь сложенная изъ розличныхъ сословій людей, а рекрутовавшаяся головно изъ среди касты, яка лишъ на Уграхъ выродалась, касты зовимой Бетіарами а прозывающей себе Шегенъ-Легенами. Бетіары ѣтъ давна гуляющіи на Уграхъ, якъ недоступныи орлы и окрытыи въ устахъ народа якимто романтизмомъ, розвинули еще буйнѣйше свои

крыла за революціи. Они бушовали по краю, якъ по своей доменѣ, нищили все лишь для самого уничтоженія и не знали границъ въ тѣмъ бѣшенствѣ. Край представлялъ правдивый пореволюційный образъ. И съ житьемъ человека они шутили. По дорогахъ стояли шибеницы. Висѣлъ тамъ и жидъ и хлопъ и панъ и мундуровый а кѣнчилъ пандуръ.

Толпа обдертыхъ Шегенѣвъ нашла на Смеречне и почала въ немъ по своему газдовати. Середъ села они розложились; наскиданныи огненнии ватры горѣли широко. Они нагнали изъ села найтолстѣйшую маргу, найлучшіи подѣльскіи воли и ѣвцѣ и начали пиръ при огняхъ. Корчма стояла вже зрабована, водочнии кувѣ выточены; кѣлька хатъ горѣло вже въ селѣ.

Евтимъ сближался до мѣстця бенкетующихъ. Коло придорожной хаты боролось кѣлька шегенѣвъ съ мужикомъ, котрый ѣтбивалъ свою послѣднюю ѣвцю. Евтимъ ѣтторгнулъ Бетіара.

»Ты? Противъ мене? Хлистокъ такіи! Противъ вожда Шегенѣвъ! Пожди; на какъ его. Но нѣтъ, зачекайте. Ѣнъ чого лучшего достоинъ: тому угодимъ лучше. На найвысшѣй полонинѣ будетъ висѣти: связати и забрати!«

Въ синѣмъ тужурку, съ жолтыми флоресами,

въ мадярско́й чапочцѣ, съ широкимъ ножемъ въ рукахъ и съ искрящими очима приглядался вождь Шегенôвъ увязи Евтима.

Сновъ опустѣло село. Згасли ватры. Шегенскіи горды потягнули за Бескидъ.

* * *

Связанного въ оковахъ провадили Бетіары за Бескидомъ Евтима на засудъ. Шутками приговоривалъ ихъ вождь. Для него нема удовольствія бôльшого якъ тое, до котрого нынѣ забирался. Они ишли лѣсомъ.

»Пождѣть: що тамъ за чортъ?« крикнулъ вождь надслухуючи.

За гущавиною дались чути стоны; тамъ лежалъ раненный человѣкъ. Вождь Бетіарôвъ вдивился въ него.

»Баратомъ!« сказалъ ôнъ въ кôнці »до ката! Чи то ты баратомъ Больскій? що за бѣсъ заставилъ тебе тутъ лежати? Куля?«

»Такъ... но кого вы тамъ ведете? розступѣтся: що? Евтимъ? Що вы?«

»На шибеницю ведемъ.«

»Нѣтъ, нѣтъ, оставьте, его оставьте; баратомъ оставь его... я маю прошеніе до него передъ смертію...«

Вождъ сморщилъ брови.

»Для баратома! Лишь для баратома!«

И онъ самъ ростялъ острымъ бетіарскимъ
ножемъ цѣпи связывавшіи Евтима.

»Евтимъ« молилъ теперь слабымъ голосомъ
кондиторникъ Болскій »Евтимъ: прости менѣ...
я не виноватъ. Моя любовь была виновата
тогда; правда, тогда я сдѣлалъ не якъ това-
ришъ, но прости... видишь я умираю, куля
прошила мене, тамъ на пусстѣ дунайскѣй. Пѣй-
шолъ я съ охотниками. Но получивши кулю
не хотѣлъ я умирати на чужинѣ и на жиръ кру-
камъ; я пустился вертати до моей Елизы. Но
дальше вже я не можу; скѣнчу тутъ житѣе и
теперь змѣнаю съ тобою роль... Передъ двома
мѣсяцами были мы оба друзьями правдивыми:
разомъ стояли мы на Кракѣвскихъ барикадахъ.
Ты упалъ ѣтъ кулѣ; тогда ты далъ мнѣ листъ
до ней и просилъ занести его. Ты любилъ Елизу,
тую черно-льоконую чешку. Но коли я прій-
шолъ до ней съ листомъ и ю первый разъ поба-
чилъ, я запалалъ найстрастнѣйшою любовью. А
ты — уйшолъ смерти тымчасомъ. Я бѣжалъ съ
нею... но ты достигъ мене. Теперь змѣняется
роль. Я прошу тебе... Занеси ей вѣсть о моей

смерти и скажи, що ю споминалъ я въ послѣднюю хвилю... и еще одно, погребай мене тамъ...»

Вѣтеръ потягнулъ по горахъ, хмары розложились. Грубый дощъ каплями началъ рясити. Болскій былъ мертвый, а надъ нимъ одинъ стоялъ другъ давний склонивши голову.

Ночью черезъ вертепы тягнули волы телѣгу, а на ней трупа Болского и чувающаго Евтима. Тягнули они сводомъ по урвискахъ и прогонахъ, по потокахъ и яругахъ, а въ лѣсахъ вѣтеръ шумѣлъ, тоскно и тужливо прошибалъ помежь горы.

Въ полную безчувствительнôсть попалъ Евтимъ, безмысленно поглядаль въ даль. Телѣга сближалась пôздною ночью до знаннаго мѣсточка, за котрымъ на горѣ стояла церковь съ чудотворною иконою, привлекающею до себе ôтъ давна окрестный народъ. Коло церкви стоялъ деревянный входъ, а за церковью кладбище.

»Тамъ, тамъ волы поганяй!« промовилъ монотонно Евтимъ, указуючи на церковь. И волы потягнули на гору и стали передъ входомъ. Евтимъ сложилъ тѣло, ôтправилъ мужика, а самъ изнемощенъ кинулся до сну въ деревяннôй входовôй фуртѣ. Ôнъ заспаль.

Но тутъ и пробудился: шепоть чуетъ якійто,

шепотъ молитвы и сновъ тихо. Нѣтъ то лишь было видѣніе... лишь прочулось. Ранокъ заблесталъ. Свѣжѣсть ранна наполнила воздухъ. У низи пѣдъ горою мракъ покрывалъ мѣсточко.

Но то не прочувается спящому Евтиму. То на дѣлѣ. Отъ снова шепотъ молитвы, но вже не въ дали пѣдъ дверьми церковными, но тутъ же близко надъ его головою. Схилена якая то тварь шепчетъ молитву. Тварь старой женщины, терпящей матери.

»Сыну, сыну« шептала она со слезами и ей спаленныи уста дотикались зимного чола Евтима.

Такъ дорогого слова не чулъ Евтимъ въ жизни; первый разъ оно ѡтбилось о его схорѣлую душу.

* * *

»Такъ, я твоя мати« говорила Явдоха, коли вже Евтимъ не разъ уцѣловалъ ей руки. »Мѡй мужъ былъ сынъ Гаймона. А Гаймонъ тогды еще былъ ѡвчаремъ на полонинахъ. Поля мы не мали, тожъ иначе мусѣлъ мѡй Василь зарабати на хлѣбъ. Мы пѡйшли обое на Подѡлье, на роботу. Тамъ и повила я тебе, мого сына. Но найшло несчастье на насъ. Умеръ отецъ незадолго, а

я остала съ тобою, коли еще былъ ты малымъ дитятемъ въ колысцѣ. Не стало мнѣ уже теперь якъ жити. Я тягнулась по Подѣлью, зарабатывала еще гдѣ-то а потомъ и опустили мя силы, я занемогла. Не мала я ни своей хаты, ни якого даху. Разъшла я дорогою: пришла хвиля, въ которой я вже не могла дальше поступити. Лежу такъ при дорогѣ и лишь тебе, малу дитину, обнимаю. Чую а дорогою ѣдетъ брыка, въ ней якійсь панъ. Онъ поглянулъ на мое знеможенное лицо и змилосердился. Зступилъ зъ брычки и пытается, що и якъ. Я просила его, щобъ лишь дитину якъ схоронилъ. И онъ взялъ дитину отъ мене, и поѣхалъ. Я не могла иначе тебе ратовати. Але перейшла моя недуга, я снова пустилась въ села... За пана и слѣду не было, не могла я тебе отнайти. Я шасталась еще по свѣту и зныдѣла на нищо. Такъ зайшла я назадъ тутъ въ наше Смеречне и жиемъ отъ давна на пусткахъ. — Разъ пришелъ Гаймонъ и розказалъ, що до нашего попа принесли якогось раненного недужного; тогда мене щось стиснуло за сердце, а я не знала чому. И цѣлый тыждень потомъ мнѣ было як-то узко, тѣсно, я не знала где дѣтись. Дперва того

дня, якъ ты войшолъ въ нашу хату, я пѣзнала, що то було... Я предчувала, що то мѣй сынъ. И пѣзнала я тебе якъ лишъ ты войшолъ въ нашъ комарникъ. Я не знала тогды, що со мною робится. Отъ теперъ и маю тя» скѣнчила Явдоха.

»То Гаймонъ мѣй...«

»Твѣй родный. Ты внукъ Гаймона.«

»А ѣнъ — ?«

»Еще сидитъ замкнѣный въ дворъ. Уже та-
кѣй чѣловѣкъ! Дивный, не чѣловѣкъ! Знаешь,
замкнули его и мене. Коли разъ чѣмъ пѣдъ
дверьми гамѣръ. И за хвилю двери упали вы-
валены. То былъ Ванько и Трофимко. Они
высадили двери и кажутъ намъ, що тайкомъ
всунулись въ двѣръ, що стерпѣти не могли, абы
насъ замыкали за ничо якъ звѣрину и що пора
пробратись теперъ черезъ обору. А Гаймонъ,
отъ якѣй же чѣловѣкъ! ,Не пѣйду' кажетъ ,хоть
мя рѣжьте, а такъ не пѣйду: хоть ту умру, то
умру, а знати буду, що тайкомъ не утѣкалъ.
Нѣтъ' кажетъ ѣнъ ,Гаймонъ по за плечи не умѣ-
етъ утѣкати: просто въ очи стаеть, а тайкомъ не
утѣчетъ.' Не помогло, лишился таки тамъ. А
я пѣйшла: и якъ не было ити, коли тебе ѣт-
зыскала. А нынѣ до церкви тутъ зайшла, Пре-
чистѣй чудотворнѣй помолитись. Клячу, и вы-

клячала, вымолила... А еще и не то, не сама я тутъ; въ мѣстѣ нынѣ всѣ села: и зъ Смеречного и Розгѣрного и Межибродья и Кольчина и далеко зъ пѣдъ Бескида. Передъ днями зѣхали по селахъ комиссары и голосили, абы люде, громады стали нынѣ въ мѣстѣ. — А я прійшла тутъ до Пречистой и она выслужала мене.»

И любящая мати, одна изъ судьбы тыхъ, которыи гѣркѣи дни проживають по широкѣмъ Подѣлью и Карпатахъ, цѣловала на ново чело своего сына, що красою припоминалъ ей молодыи лѣта, где ей чорныи брови и косы плѣняли легиновыи сердца.

А пѣдъ горою церковною розсыпалась мрака и ѣткрылось мѣсточко. Оно мало нынѣ видѣ святочный. Тысячи народа застелили мѣсто. Громады цѣлого округа явились, якъ было голошено комиссарами, въ святочныхъ одеждахъ. Мѣсточко мѣнилось ѣтъ барвѣ. Чорныи халаты жидѣвъ, червоныи уборы женьщинѣ, бѣлыи сорочки жужикѣвъ, рудыи сѣраки, чиповы, все то помѣшалось въ одну пестру крашанку.

На рынку уладились громадскѣи старшины и старыи сивыи мужики, що еще Іосифа и Марію Тересу запамятали. Тамъ столпились громадяне изъ Протѣсного. Всѣ въ широкихъ берегса-

скихъ чересахъ, въ угорскихъ широкихъ панталонахъ, съ блестящими оздобами на грудехъ и съ легкими топорами за чересомъ. Самы же высокіи, гнучкіи, съ брунатыми лицами, чорными усами и крысатыми капелюхами. — За ними Кольчовяне набитого тѣлосложенія, малого роста, широкоплечи, мускулярны, въ шляхоцкихъ червонообшиванныхъ жупанахъ изъ сивого сѣрака, въ бараньихъ кучмахъ. А дальше Межибродяне въ кожаныхъ лейбикахъ, ликовыхъ ходакахъ, съ обрытыми щеками и дегтёваннымъ волосьемъ.

Всѣ они прійшли, не знаючи, чого и по що; голосили, то и прійшли. Одинъ пыталъ другого, другіи третього, а той, то раменами сдвигалъ, то странно отвѣчалъ.

»Слухайте« говорилъ межи Кольчовянами старый присадковатый мужикъ, опершись на костурѣ »хочете, то скажу, що и куда. Зле, не добре заносится. Уже я такъ ѿтъ давна уважаю, що щось ладится. Снилась вчера менѣ очеретянка, она ѣла мандрику. Смотрю а то чи не пава. А пава знаете съ нечистымъ въ связи стоитъ. А дальше вѣйтова розказовала, якъ присяжный умеръ, не положили оболоса въ трумну; душа мертвеца вернула, а очи у ней были чер-

воны... Чи не на новую кровь заносится! Отъ то и есть.»

Иначе розводился межи Протиснянами провизоръ, що таки самому Наполеонови еще пѣдъ нѣсъ оружьемъ зачыхивалъ.

»Шію утнѣтъ« говорилъ ѣнъ »якъ не то: Камера долги зажичковыи опускаеть; за тое збѣже, которе прошлого лѣта якъ голодъ былъ, люде брали изъ камерального шпихлѣра на зажичку. Камера опускаеть теперъ долгъ. Що камера то не домена!«

Въ домѣ мѣстцевого пароха такожь розвинулось житъе. Сосѣды сновъ зѣѣзжались, ихъ лица были одушевлены, урадованы, они горячо роспра-вляли, затирали руки и поглядали ѣтъ часу до часу на рынокъ якбы чого ожидали.

Тымчасомъ сойшолъ Евтимъ зъ горы и вмѣшался межи народъ.

»Евтимъ! Евтимъ! на Бога! пождѣтъ. Боже! чи то вы? вы? правдивый, живой Евтимъ? Неможливо. Вы жіете? И вы идете такъ повѣльнымъ крокомъ, теперъ, нынѣ, въ такій день!«

Парохъ Дуновичъ взялъ Евтима за рамя.

»Вы уйшли? Вы дѣйстно уйшли тымъ розбишакамъ? тымъ Бетіарамъ. Отъ, до чого ведеть революція, до такихъ бандъ, до прорванія всякого

общого порядка. Такий епілогъ революціи. Она перемѣняється въ кѣнци въ шаленную рѣзню. Но нынѣ, Евтимъ, радость, радость для насъ. Я казалъ, важныи вѣсти вже давно приходили зъ Вѣдня. Нынѣ день, якого не бывало и не будетъ у насъ. Отъ дають вже знакъ, тарабанъ бьетъ. Ходѣтъ тутъ на той вершокъ, зъ того мѣстця узримъ все.»

Парохъ и Евтимъ пѣдойшли на въ близи стаящій горбокъ, изъ котрого розстелился видъ на весь народъ. Но парохъ сталъ удивленъ. Передъ нимъ клячалъ Евтимъ.

»Скажѣтъ« молилъ дрожачи Евтимъ »скажѣтъ: она не духъ? Нѣтъ? Не духъ ли она?«

»Кто она?«

»Мати, моя мати.«

»Ваша мати? Що вамъ? Вы слабы.«

»Нѣтъ, я доперва здоровѣю.«

»Встаньте лишь. Що вамъ?«

»Самъ не знаю що. Я народился. Я нынѣ народился. Нынѣ я свѣтъ узрѣлъ. До теперъ я скитался по свѣту самъ одинъ, якъ брошенный листокъ, якъ излишній человекъ. Теперъ я ѡтзыскалъ два сокровища: мать, а тымъ самымъ и народъ, бо я выйшолъ изъ него... Гаймонъ мѣй... она...«

Парохъ не понималъ Евтима, онъ лишь вди-
влялся въ него.

»Вы не можете забыть Гаймона: то природно. При вашей слабости онъ вбилъся вамъ въ память. То душа! но я чувъ, що съ нимъ теперь щото случилось въ дворѣ. Кажуть онъ тамъ збоже-
волѣлъ. Перетерпѣти того не мѡгъ, що взяли его. А согнути ся не далъ: утѣкати не хотѣлъ... Теперь, кажуть, совсемъ божевольный.«

»А!« Евтимъ горько засмѣялся. »И я зъ ро-
да Паранюкѡвъ, и я зъ дѣтей Гаймона! Бій же тамъ тарабане знаю, на кого теперь за твоимъ голосомъ ити. Чій предокъ умеръ въ фѣѡтонѣ розпустной дамы запряженъ? Чій прадѣдъ по-
гибъ въ поломѣняхъ огня? А теперь чій пре-
докъ божеволѣетъ тамъ!...«

Утихъ на мѣстѣ тарабанъ.

Тишина настала.

На высокѡй трибунѣ середъ народа появились промультгаторы. Великое слово голосили они на-
роду. Слово, що сломило ихъ недолю до луч-
шей будучности. — А было то слово — свобо-
ды. Вѣсть знесенія паньщизнянного ярма. —
Давно проминула вже катастрофа въ столицѣ. По всѣхъ углахъ державы голошено свободу.

Но по оконченію промультгаціи странно захо-

вался народъ. Нѣмо стоялъ онъ, познимавши накрятія изъ головъ. Тихо было наоколо. Якъ громомъ раженна стояла недвижимая маса. Не надѣялась она такъ великого слова. Доперва по уплывѣ первой хвилѣ рушился народъ, якъ тое волнистое море, которе передъ волнованьемъ тихо розлилось. Здрадливая тишина. Такою была и тишина народа. Люде унали теперь на колѣна, цѣловали святую землю, поклоны били и долго еще не пѣднималися зъ землѣ.

»Отъ и день!« воскликнулъ изъ горы Евтимъ съ розъясненнымъ обличьемъ, и поднесъ руку въ гору »великій день! Тѣшь ся Гаймонъ, старче, веселись тамъ въ твоей вязницѣ. Ты свободный! Свободный! Тѣшь ся Гаймонъ!«

»О! Тѣшусь« почулось въ близи середъ толпы, якъ кряхканье крука. Люде ѳтступалися и крестилися: межи ними пробиралась якая то статья, якійто великанъ схиленъ, въ обдымленнѣй старѣй одежи, съ долгими сивыми розвѣянными волосами, съ блудными очима.

»Божевольный! Гаймонъ!«

»Гаймонъ« говорили голоса межъ народомъ.

И Гаймонъ якъ бѣшеный валилъ передъ собою все, що лишъ придыбалъ и тиснулся помежъ толпу.

»Отъ збѣгла, ѡвця, ѡвця збѣгла... зъ плаю«
 Онъ говорилъ охриплымъ голосомъ и смотрѣлъ
 все блудно въ даль, якбы доглядалъ за бѣгшею
 ѡвцею.

Кѡлька мужикѡвъ зъ Смеречного смогли уняти
 его пѡдъ руки.

»Богъ святой съ вами Гаймонъ« приговори-
 вали они, »що вамъ? Отче святой Николаю!«

Гаймонъ поглядалъ на нихъ не пѡзнаючи ни-
 кого; по его поораннѡмъ старѡмъ лицу точились
 слезы. Онъ кинулся еще разъ всею своею силою,
 уволился ѡтъ тримавшихъ его мужикѡвъ и упалъ
 безсильно на землю.

Гаймонъ былъ вже мертвый.

Не зазналъ вѣсти, за котрою тужилъ цѣлую
 жизнь.

* * *

Сумно стало на дворѣ дѣдича въ Смереч-
 нѡмъ. Все тамъ змѣнилось.

День передъ смертію Гаймона вернулъ дѣ-
 дичъ, толстый бывшій капитанъ гвардіи, изъ
 угорской револты. По маршу онъ спалъ твердо;
 но тутъ же надъ раномъ малъ онъ въ снѣ ви-
 дѣніе. Сова выколывала ему очи, изъ совы
 стался гробарь, живцемъ закоповалъ дѣдича а

за гробаремъ поломѣнь... Съ свѣтломъ въ рукахъ, въ ночной одежи, вышелъ онъ пробудившись отъ тяжкого сна на темный коридоръ. Тамъ сидѣлъ еще увязень Гаймонъ. Дѣдичъ ключемъ отворилъ комнату.

»Иди... скорше иди...« выстогналъ дѣдичъ ожидаючи выходу Гаймона. И вышелъ Гаймонъ; волосъ у него развѣянный, очи божевольныи.

»Иди!« сказалъ еще разъ дѣдичъ.

Божевольно смѣючись уйшолъ Гаймонъ и такъ выйшовши бѣгъ по поляхъ, безмысленно бѣшенно гналъ по горахъ, такъ же бѣшенно разбивалъ толпу въ мѣстѣ.

Но дѣдичъ не ложился вже спати. Вернувши въ свою спальню онъ положилъ свѣщу и упалъ на фотель. И не спочивалъ онъ спокѣйно. Онъ чулъ приближающуюся руину. Его добра и двѣрть были цѣлковито упалыи: иныи руки чекали лишъ, щобы изъ забрати. И дѣдичъ, который недавно еще видѣлъ выжину радости въ грошахъ зачерпнутыхъ отъ жида и въ винѣ, млавымъ окомъ точилъ теперь по комнатѣ, которая незадолго мала статись для него совершенно чужою.

До двора тогожь рана сближались двѣ особы.

Одна висока въ долгѣмъ халатѣ, погрѣшнѣй чапочцѣ на головѣ, съ завиванною бородою и вязанкою кукурузы на плечахъ, то Шлойма. Друга низка, руда, съ червоннымъ вырваннымъ заростомъ. То Харонъ, жидъ изъ надсянской корчмы. Они вступали черезъ браму, но не уклончиво якъ передъ тымъ, не снимали ярмурокъ, лишь дерзко оглядали розваленную браму и негодовали на такіи непорядки въ дворѣ.

Оба жида вошли въ спальню дѣдича. Они склонились низко до самой землѣ.

»Ай« началъ Шлойма, покручючи пейса »панъ дѣдичъ ранній пташокъ. Такъ рано встали! то тобы зъ пана дѣдича економъ былъ, що такъ рано встаетъ. Але що? Я и забылъ. Таже то капитанъ, ай, ай, славный панъ капитанъ! Я и не знаю, якъ и ѡтвдячитись пану капитанови за той обѣдъ тамъ на рогачцѣ въ Перемышли, чи памятають, за тую шинку. Добра была шинка, на хайремъ добра, до котрой панъ капитанъ мене саблюю припрашали. И я вдячный буду, бо вдячнѣсть то обовязокъ челоувѣка. Отже якбы панъ капитанъ не мали нынѣ, коли именно уступаютъ изъ двора, ѡтдаючи двѣръ и цѣле добро за долги отъ тому ту моему сроднику а сыну рабина городецкого, — якбы нынѣ не мали панъ

капитанъ заразъ пѣдъ рукою доброго обѣда, то вже жена мого сродника постарается тамъ о якое Шолеть съ логазами, чеснокомъ и даррефлейшомъ, а можетъ быти и Пенецликъ або Кугли съ толстымъ мясомъ, або Креесь, ну наконецъ вже и надѣванная гельсель значится шійка гусья съ утробою...»

Рано того же дня не было вже дѣдича бѣльше въ дворѣ. Тамъ загосподаровались иньи властители. Съ молчаніемъ выйшолъ бывшій дѣдичъ Смеречного съ одною лишь спадковою лѣскою изъ двора и переходилъ по при пустки надъ Сяномъ. Изъ мѣста вертали вже люде. Кѣлька мужикѣвъ стало коло него.

»Отъ, душу ты неповинну запропастилъ, Гаймонъ мертвый!« казали они до него, покивующи головами и поступаючи дальше.

»Мертвый?«

Дѣдичъ липнулъ очима на Гаймонову хату, передъ которою стояла телѣга.

»Мертвъ? Тымъ лучше, теперь отъ тамъ и наслѣдіе для мене по Гаймонѣ.«

Онъ припрягъ старого коня до телѣги и взялъ бичъ.

Огъ ое наслѣдіе.« —

По монотонныхъ дорогахъ широкого Подѣлья

тягнулся кôлька дней послѣ того лахатый маляръ, торговщикъ мази, тянулся съ старымъ конемъ, полатанною телѣгою и чорною бочкою наполненною мазьнымъ плыномъ. Фіолетовая краска его лица не дуже и жахалась лахатой одежи. Бывшій капитанъ гвардіи и дѣдичъ Смеречного переливалъ теперъ не вино Шамародное ани Дукельское, но дегть и мазь для подôльскихъ мужикôвъ и корчмарей.

Пусто и на перемышльскôй рогачцѣ. Не звучить вже марсиліанка, не бакхантуеть бôльше гвардія. И слѣды за нею протрачены.

Въ цѣлой Галичинѣ наступилъ зворотъ. Гвардія польска зôстала розвязана. Тайныи общества для услугъ будущей республики выкрито и обезсилено. Таяже судьба постигла и тайный союзъ руководѣльникôвъ пôдъ прапоромъ Госляра. Послѣдній погибъ на шибеницѣ, а вторый предводитель попалъ въ чешскую крѣпость Спильбергу и тамже сконалъ. И извѣстная историчная дама Анна Рожицка, дочъ генерала Самуеля Рожицкого погибла тоже на Спильбергу. Лишь емиссарій Госляра, мужчина въ шкотскôмъ жакетѣ и лякерованныхъ чоботахъ, смѣнилъ имя, прибралъ иную внѣшнôсть и въ далекой усторони межи Яслискими лѣсами заложилъ при дорозѣ

гостинницу вивѣсивши мѣсто червоной флягги,
— смерековую вѣху.

IV.

Проминуло кôлька лѣтъ. Такъ, якъ стрѣлецъ, що видѣлъ кровь сокола на снѣгу, забажалъ жены о лицѣ бѣлôмъ якъ снѣгъ а червонôмъ якъ кровь, такъ, кажетъ преданіе народне и мать увидѣвши кровь голуба спадающу на бѣлый мраморъ, выродила въ собѣ желаніе, получить дитя бѣлое якъ мраморъ а червое, якъ кровь голуба.

И ей желаніе сполнилось. Осчастливленна цѣлуетъ страстно Сидонія свое дитя, сына въ колыбели, а еще страстнѣйше цѣлуетъ женочіи уста Евтимъ и съ любовью нахилается надъ колыбелею своего сына.

»Нѣтъ« говорилъ Евтимъ свертаючись до матери своей, Явдохи »не иную пѣснь спѣвайте надъ вашимъ внукомъ а моимъ сыномъ, не иную пѣснь, но ту саму, котору надомною вы спѣвали, тую тужливую, молящую пѣснь свободы...«

И Явдоха спѣвала пѣснь родову, пѣснь, що по преданію изъ устъ до устъ переходила и заховивалась въ родинѣ якъ сокровище.

»Ба! пѣснь свободы ему спѣвати,« шутилъ парохъ Дуновичъ вызыраючи изъ за газеты »не треба и того. Кто зъ Гаймонѡвъ, тому сама она внадится. Не диво теперь и за тебе Евтимъ. Отъ твоя давна страсть партизантска! А тая страсть то ничо иного, лишъ сбоченный выпливъ твого родового свойства. Ты внукъ Гаймона, а кто были Паранюки знаешь.«

»Горджусь тымъ родомъ« отвѣтилъ Евтимъ »и я теперь счастливъ: бо я излѣченъ. Совершенно излѣченъ. Я на правой дорозѣ теперь. Вы правду казали, до свободы идется правою дорогою. Отъ того памятного дня я излѣченъ.«

Еще нѣкоторое смѣнилось въ родинѣ Гаймона. Хмарникъ Яковъ побудовался на старѡй батькѡвщинѣ и началъ господарство, а его сынъ Трофимко ѡтзначається вже въ селѣ наибѡльшою силою. — Лишь Ванько, промовикъ, осталъ при давнѡмъ. Онъ на сушу не хотѣлъ ити. На водѣ лишь для него житъе. И то не гдеинде лишь на Сяну. На Днѣстрѣ гѡръ и паровѡвъ нема, а Черемошъ за порывистый. Лишь Сянъ плыветъ гардо якъ гардая дѣва. То и дѣло же, що съ улюбленною дѣвою нїякъ не доберешься до кѡнца; всегда будъто задається. Часами спламенить и спѣваетъ »Такійсь гарный и мо-

торный, — Тай любити знаешь, — Тôлько лише доганочки, — Що жены не маешь.» Зачепи же за то, абы стала женою, а она по пôдъ боки берется, смѣется и сновъ: »Ой тамъ въ полѣ, двѣ тополѣ, — Третья зелененька, — Не буду ся ôтдавати, — Бомъ ще молоденька.» —

* * *

Въ одно горячее лѣто выбрался Евтимъ за дѣлами на Подôлье. Переѣхавши долгую одно-стайную дорогу, пристанулъ коло одной подôльской корчмы, стоящей одиноко середъ далекой рôвнины. Передъ корчмою цѣла обора была за-ставлена. Однакъ не были то ни сбожовыи господарскіи возы, ни фурманки жидôвскіи, но мешкальныи возы съ ôкнами и крашенными стѣнами; туда переѣзжала нѣмецкая театральная труппа, одна зъ тыхъ, которыхъ въ то время бôльшое число гостило въ Галичинѣ переселяючись изъ мѣста до мѣсточка. — Кôлька оголенныхъ лицъ стояло при возахъ а межи ними ôтзначался широкоплечій бравурный режишеръ.

Евтимъ переходилъ мимо одного воза и пôд-несъ очи въ гору. Онъ поткнулся о камень, а таки дальше не пôйшолъ, лишь снова поглянулъ въ ôкно воза. Тамъ вызирала женьщина, пол-

на, роскошна, о чорныхъ бровахъ, чорныхъ волнистыхъ льоконяхъ, поглядаючи зъ горы своими въ душу проникающими очима. Нѣжный пѣговый тейнтъ не зникъ еще пѣдъ сценичною шминкою.

Дама легко вскрикнула, но потомъ прикусила усточка и спокѣйна якъ статуа приближилась еще бѣльше до ѡкна. До воза прибѣгъ мальчикъ о бѣлыхъ кучеряхъ.

»Венцличекъ« говорила дама до мальчика »привитай того гостя; ѡнъ былъ пріятель твоего ѡтця.« (Венцличекъ былъ сынъ Елизы.)

»Такъ, други мы были оба« сказалъ Евтимъ, рисуючи лѣскою по пѣску »но въ немъ сильнѣйша была любовь до дѣвы, якъ дружество.«

»Не осужайте Болского« говорила Елиза »я сломила слово любви, которе я вамъ дала. Но судьба хотѣла, щобъ миртовый вѣнецъ случилъ мене не съ вами лишь съ Болскимъ... а однакъ... (она понизила взоръ)... однакъ держу я вашъ листъ изъ барикадъ... Я сломила слово, но моя любовь перва не сломилась...«

Дама сникла: за ѡкно запала рулета.

Елиза по ночи праздниковѣй у пароха, видѣвши Евтима ѡтданного цѣло Сидоніи, перлѣ карпатскихъ гѣръ, попала въ женскій жаль, ко-

торый иначе называется завистию. И она выплаковала чорныи очка и ломила бѣлыи ручки, однакъ чого не затираеть время! Она кинула минувшѣсть и стала женою режишера а разомъ и сценичною актрисою. Кажуть, идолъ Триглавъ удѣлилъ ей своего золототканного покрова на закрываніе внутреннихъ чувствъ и волненій.

* * *

Высоко въ лѣсѣ середъ отвѣчныхъ смерекъ и поваленныхъ ялицъ стоитъ на зеленѣмъ горганѣ крестъ зъ дубовыхъ палей, а пѣдъ крестомъ виднѣеть надпись: »За свободу. Дѣти Гаймона.«

- Томъ XXXXI. ОТЧАЯННЫЙ. Изъ воспоминаній своихъ и чужихъ. Соч. Ив. С. Тургенева. М. 0.80.
- Томъ XXXXII. ПѢСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ (MDXLI). Посвящается памяти Гюстава Флобера. И. С. Тургенева. М. 0.80.
- Томъ XXXXIII. РЕВИЗОРЪ. Комедія Н. В. Гоголя. М. 1.80.
- Томъ XXXXIV. Богданъ ХМѢЛЬНИЦКІИ. Разсказъ еврея современника - очевидца о событіяхъ въ Малороссіи за 1648—1653 г. Д-ра С. Манделькерна. 2. изд. М. 2.00.
- Томъ XXXXV. ЗА РУБЕЖЕМЪ. Соч. М. Е. Салтыкова (Щедрина). М. 5.00.
- Томъ XXXXVI. SENILIA. Стихотворенія въ прозѣ И. С. Тургенева. М. 1.50.
- Томъ XXXXVII. КЛАРА МИЛИЧЪ. Повѣсть И. С. Тургенева. М. 1.50.

МИНИАТЮРНЫЯ ИЗДАНИЯ.

- СТИХОТВОРЕНІЯ КОЛЬЦОВА. М. 2.00, въ переп. М. 3.00.
- СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. М. 5.50, въ переп. М. 6.80.
переп. въ 2 частяхъ М. 7.00; красиво переп., съ портретомъ М. 7.50.
- СТИХОТВОРЕНІЯ А. ПУШКИНА. М. 6.00, красиво переп., съ портретомъ М. 8.00.
- СТИХОТВОРЕНІЯ К. О. РЫЛѢЕВА. М. 3.00, въ переп. М. 4.00.
- РУССКІЯ МЕЛОДІИ. Легенды, лирическія стихотворенія и поэмы. Первый италіанскій переводъ съ русскимъ текстомъ Е. В. Фулька и Д. Чіамполи съ предисловіемъ Проф. Анджело Де-Губернатисъ. М. 5.00.
красиво переп. М. 7.00.

Praktischer Reiseführer durch Russland.

Mit einer Eisenbahnkarte. Roth gebunden M. 4.00.

Inhalt: Ausführliche Städtebeschreibung. Kurze Grammatik der russischen Sprache. Deutsch - russischer Dolmetscher und Wörterbuch mit genauer Angabe der Aussprache in deutschen Buchstaben nebst Accenten.

Supplement dazu. 1882. M. 1.50.

Russicisms.

Russische Redensarten und Sprichwörter mit gegenüberstehender deutscher Uebersetzung v. Borio Manassewitsch. M. 1

Типографія Г. Пеца (Липпертъ и Ко.), Наумбургъ н/С.

БИБЛИОТЕКА ГЕРГАРДА.

ТОМЪ II.

Петръ А. Полянскій.

Карпатскіи Новелли.

ТОМЪ II.

Karpathische Novellen. Von Peter Polanski.

ЛЕЙПЦИГЪ, | LEIPZIG,
Вольфгангъ Гергардъ. | Wolfgang Gerhard.
1888.

ВОЛЬФГАНГЪ ГЕРГАРДЪ книгопродавецъ, издатель и комиссіонеръ для иностранцевъ, предлагаетъ свои услуги Г. г. авторамъ для напечатанія ихъ произведеній на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

- Томъ XI. СТИХИ СП..... АГО и П. П. М. 1.50.
Томъ XII. ОНА ТОЛЬКО ДУША! Вильгельма Вольф-
зона. М. 3.00
Томъ XIII. РИМЪ И С-ПЕТЕРБУРГЪ. М. 0.75.
Томъ XIV. КТО ПРАВЪ? М. 1.50.
Томъ XVI. ДУХОВНАЯ Василія Никитича Тати-
щева. М. 0.75.
Томъ XIX. БЮГРАФІЯ АРСЕНІЯ МАЦѢВИЧА, Архіе-
пископа Ростовскаго и Ярославскаго, кн. Ав. Голи-
цына. М. 0.75.
Томъ XXI. О СОСТОЯНІИ РУССКОЙ АРМІИ ВЪ СЕ-
МИЛѢТНЮЮ ВОЙНУ. — О ЗЛОИ САЛТЫЧИХЪ.
М. 0.75.
Томъ XXII. ДОКЛАДЪ о управленіи государствомъ, пода-
ный Екатеринѣ II вскорѣ по восшествіи ея на престолъ.
— ЗАПСКА князя Михаила Никитича Волконскаго о
необходимыхъ улучшеніяхъ (1775). М. 0.75.
Томъ XXIII. ИСТОРІЯ О ОЦѢХЪ И СТРАДАЛЬЦѢХЪ
СОЛОВЕЦКИХЪ: Иже за благочестіе и святыя церков-
ныя законы и преданія, въ настоящая времена, велико-
душно пострадаша. М. 1.50.
Томъ XXIV. ДЫМЪ. Соч. Ив. Тургенева. Второе изда-
ніе. М. 5.00.
Томъ XXV. НЕСЧАСТНАЯ. Соч. Ив. Тургенева. М. 2.00.
Томъ XXVI. ОТЦЫ и ДѢТИ. Соч. Ив. Тургенева. М. 5.00.
Томъ XXVII—XXIX. ПАНУРГОВО СТАДО. Соч. В. В. Кре-
стовскаго. М. 15.00.
Томъ XXX. ПЕМБЕ. Разсказъ изъ эпиро-албанской жизни.
Соч. К. Н. Леонтьева. М. 1.50.
Томъ XXXI. ВЕШНЯЯ ВОДЫ. Соч. Ив. Тургенева. М. 3.50.
Томъ XXXII. СТЕПНОЙ КОРОЛЬ ЛИРЪ. Соч. Ив. Тур-
генева. М. 1.80.
Томъ XXXIV, XXXV. ЗАПИСКИ ОХОТНИКА. Соч. Ив.
Тургенева. М. 10.00.
Томъ XXXVI. ЧАСЫ. Соч. Ив. Тургенева. М. 1.20.
Томъ XXXVII, XXXVIII. НОВЬ. Соч. Ив. Тургенева. М. 8.50.
Томъ XXXIX. РАЗСКАЗЪ ОТЦА АЛЕКСѢЯ. Соч. Ив. Тур-
генева. М. 0.50.
Томъ XXXX. ОТРЫВКИ изъ воспоминаній своихъ и чужихъ.
И. С. Тургенева. М. 0.80.

ПЕТРЪ А. ПОЛЯНСКІЙ.

Карпатскіи Новелли.

Томъ II.

ЛЕЙПЦИГЪ,
Вольфгангъ Гергардъ.

LEIPZIG,
Wolfgang Gerhard.

1888.

Содержаніе.

	Стр.
Неизгладимый	1
Лѣсный Кобольдъ	116
Мармарошскій свать	231

Неизгладимый.

Новелля.

I.

...Пôдъ конецъ моей старости и моей жизни еще разъ вспыхнуло во мнѣ горячее желаніе, ôт-правитись на неботычную карпатскую Черно-Гору и я хоть съ драхлыми кôстями и до гроба хилящимся тѣломъ пустился въ той уголь нашихъ гôръ, щобы еще разъ стати на вершинѣ Черно-Горы, еще разъ поглянути на далекіи, синіи Карпаты, и еще разъ упиватись шумомъ Черемоша... Давно вже не бачилъ я Черно-Горы. Четыре десятки лѣтъ проминуло ôтъ того часу, коли я въ первый разъ ôтдыхнулъ черно-горскимъ воздухомъ. И тогда я драпался по ей спадахъ, спинался на выжину до мракъ, що обнимають высокій ей горганъ, а однакъ спинался я тогда иначе...

II.

Теперь мѡй волосъ сивый, щеки поораны, борода бѣла, ноги не молодецкіи, а тогды кровь юношеска плыла, око съ жаждою увеселенія поглядало, лице огнемъ горѣло а душа свободно взбивалась якъ крылатый демонъ по скалахъ, вертепахъ и ущельяхъ...

Тогды я радовался, ликовалъ молодецкимъ счастьемъ спинаючись на Черно-Гору, а теперь жаль, туга стискаеть грудь, коли вижу по тѡлько лѣтахъ сновъ тѣи паровы, тѣи шумящїи лѣсы, то синее небо и порывистый Черемошъ. Тогды виталъ я Черно-Гору, теперь прашаюсь съ нею передъ смертью. Сумна она нынѣ для мене. Чогось тоскно на ей вершинѣ...

И чого занесла мене тогды въ первый разъ судьба на тѣи чарующїи урочища? На то, абы замкнути мнѣ жизнь на всегда, абы отсѣчи мнѣ дорогу до счастья, а кинути въ широкій свѣтъ, щобъ съ зимною тожъсамостію день за днемъ мѣшатись помежъ людей, щоразъ новыхъ людей, а всегда тыхъ же однихъ стереотипныхъ и на шумныхъ тротоарахъ мѣсть, и на альпейскихъ серпентинахъ и на путевыхъ ассамблеяхъ и въ книжныхъ саляхъ и въ кѡнцї въ мѣстовыхъ кафе - шантанахъ. А нигде не прилипаетъ моя душа, нигде не вспыхаетъ любовь.

Вся любовь остала тутъ погребана на той Черно-Горѣ...

И теперь не стою я якъ передъ тымъ, безконечно на ей вершинѣ, не упоиваюсь шумомъ деревъ и не поглядаю такъ съ роскошію въ синее небо, якъ за юношескихъ лѣтъ. Теперь мои ноги влекутъ мене дальше, за уплазы, за стевіоры, надъ берегъ Черемошу. Еще помню тамъ ей краса...

А дальше спѣшу на кладбище...

Тамъ она... моя...

Сновъ несутъ мене ноги где инде. Въ село, на его конецъ, до его хаты... Пусто тамъ уже и слѣду нема за его хатою. Яловець и бракленъ поросъ на тѣмъ мѣстци. И онъ певно давно въ гробѣ...

Нѣтъ, онъ еще... такъ, лишь сивый якъ и я, схиленъ рука дрожачи почиваетъ на оружьѣ... а она...»

Тутъ кѣнчилась записка, прочіи слова были за дрожащою рукою написаны.

Я переглядалъ еще дальше записки мого путевого товариша, но нигде не мѣгъ знайти ни продолженія, ни якихъ иныхъ примѣчаній. Рука скѣнчила тутъ свою повинность, и видно товаришъ ѡтъ тыхъ послѣднихъ слѣвъ не выни-

малъ уже нотатокъ, щобъ чертати въ нихъ впечатлѣнія изъ всѣхъ своихъ путевыхъ туръ, кидавшихъ его немилосердно а однакъ непобѣдимо изъ одного мѣста въ другое, изъ пѣдъ италіанской спекоты въ альпейскіи верхи, изъ сѣдалищъ нѣмецкихъ искусствъ въ шаленную жизнь мѣстовыхъ кабаретѣвъ, изъ угорскихъ нескѣченныхъ пусстъ въ полночній холодъ и сновъ въ полудневый жаръ.

Судьба свела мене случаемъ съ моимъ сопутникомъ и она получила насъ тѣсно. Тѣ же самыи желанія у него, що и у мене, та сама цѣль у него, що и у мене. У мене цѣль ніяка, и у него ніяка. Гдѣ повезетъ насъ пара, тамъ скитаемся, ходимъ по мѣстѣ не знаючи ни назвы его, ни людей; гдѣ поплывемъ за паробродомъ, тамъ глядаемъ ресторанного стола не пытаючи ни о музеи, ни о статуи, ни о особенности; кушаемъ за столомъ безъ погляду въ меню, гарсона не кличемъ, сидимъ безмысленно, однаково и на повозцѣ, що уже ѣтъ привычки несетъ насъ по галереяхъ, салахъ музейныхъ, бібліотекахъ, однаково и на покладѣ пароброда и на дебаркадерѣ и передъ картинами. Оба ровно поглядаемъ въ пустое, неопредѣленное не смотрячи на людей, оба не желаемъ видѣти ни

чути новоприспѣвшей артистки, оба держимъ въ текахъ Бедекера не отвираючи его ни разу и въ кѣнци сновъ глядаемъ ресторанной надписи.

И хотяй мѣй товаришъ сивый, дряхлый, въ противоположности до моего вѣку, въ котрѣмъ волосъ хотъ чорный еше, но право уже рѣднѣетъ и смотри лишъ, чи нечаянно въ бѣлый цвѣтъ не попадетъ, то однакъ то совсемъ не мѣшаетъ возрасту нашего путевого дружества. Мы оба дополняемъ себе и якто внутренно понимаемъ, якъ понимаются двѣ избранныи души.

Коли примѣромъ мѣй товаришъ чувствуетъ влеченіе до Марковацкого або Бургундера, и во мнѣ давно вже то влеченіе ѡтзывается. Коли я потягаю до Вершецкого або Менешера, ѡнъ вже давно за тымъ же виномъ тужить. — Коли мѣй товаришъ Артемонъ ѡтъ напасти купуетъ у италіанки маргаритки, я ѡтъ узвычаенія наслаждаюсь жаромъ ей очей. Коли Артемонъ ѡтъ отчаянія пнется на-гору, я по традиціамъ альпейскимъ падаю въ вертепъ. Коли мѣй товаришъ зимою утѣкаетъ въ Италію, абы не видѣти снѣга, а лѣтомъ спинается на Монтблянкѣ, абы видѣти снѣгъ, я иду за нимъ зимою въ Италію, щобы насладатись горячю климата а лѣтомъ въ Альпы абы той горячи избѣгнути.

Словомъ, мы якбы на то рождены, абы съ цѣлою глубокостію мыслей и цѣли таскаться по божьимъ свѣтѣ. И доброе время мы оба уже таскаемся. Тымъ и тѣснѣйше связаны мы, що оба мы выйшли изъ Карпатъ, и то изъ самыхъ сухихъ Карпатъ, где рѣки якъ подольскіи засѣвы родятся, а где засѣвы якъ пустинныи поточки усыхаютъ. Тожъ и желаніе у насъ неразъ одно зародится. Пытаемъ гарсона, не получилбы тутъ человѣкъ ѡвсянной адзимки, або медового книша, а нѣтъ то гречанной паланицы. И по ѡтказѣ гарсона морщитъ мѡй товаришъ брови, и я за нимъ же стягаю бровами.

На швайцарскихъ альмахъ стаемъ при сенерахъ; мѡй товаришъ строго упрекаетъ швайцарцевъ, по чому не носятъ ни чипова, ни череса на пѡлъ метра широкого, ни ходакѡвъ увязыванныхъ, ни топорѡвъ, а я выкидаю имъ, длячого не выдѣливаютъ гѡрьшого сыра, невкуснѣйшей жентицы и по якой причинѣ не ставятъ чорнѣйшихъ хатъ.

По галереяхъ я закладаю бинокль, а мѡй товаришъ выглядываетъ тамъ-же убочной софы до пообѣдной дрѣмки.

Коротко, мы не даромъ толклись по свѣту.

За мого товариша я не пыталъ, кто ѡнъ и

що онъ, зналъ я лишь, що онъ мой крайнинъ. Но теперь случайно попала менѣ его нотатка въ руки, въ той именно хвилѣ, коли онъ въ вѣнскомъ Бельведерѣ за нидерляндскими картинами отбывалъ одну изъ пообѣднихъ дрѣмокъ.

И теперь во мнѣ возбудилась любопытность. Я поглянулъ на спящего Артемона. На лицѣ его видна была якаято грусть, вытѣсненная печаль. Его пооранное чело и стягнутыя брови приглаговали на скитальця, котрый не малъ где спочити, не малъ тихого мирного прибѣжища. И я не могъ впрочемъ не замѣтити, що онъ хоть по временамъ буршикозный до шалости, всегда однакъ не могъ изгнати изъ своего лица грустного признаку. Онъ всегда съ якимъ то отчаяннымъ огнемъ гнался зъ одного мѣстця въ другое, тутъ долго не оставалъ и сновъ дальше тягнулъ, якбы подбуриваемый якоюто внутренною непобѣдимою силою.

Мы вышли изъ Бельведеру. Артемонъ тяжело вздыхалъ и бѣльше молчаливо чимъ коли-нибудь ишолъ по бурнымъ улицамъ мѣста. Мы мимовольно потягнули за струею массы, толпившейся на улицѣ Пратерской. Горячъ дня устала немного; вечеръ холодный сближался и все спѣшило въ Пратеръ, щобъ хоть на часъ освобо-

дитись ѿтъ мѣстового запыленного, давящего воздуха и дѣстатись въ свѣжій парковый свѣтъ.

Я видѣлъ, що мѡй товаришъ, хотъ на слѣпо ишолъ за людьми, стремить до бочной Пратеровой алеи, до плебейского Пратеру, того сборного мѣстця, въ котрѡмъ ѡтродждается вечеромъ житель Вѣны. Вже изъ дали доходили насъ звуки оркестръ, кафе-шантанни мотивы, отголосы трубныи и мы незадолго пробирались по-межъ Пратеровыи рестораны, кофейни, буды и по-межъ найпестрѣйшую смѣсь народа. Я догадывался, где мѡй товаришъ мене поведетъ, такъ якъ вже ѿтъ долшого нашего побыту ни одинъ день не миналъ, въ котрѡмъ бы Артемонъ не посѣтилъ пратерской Чарды, той Чарды, що ѡтдаленна ѿтъ прочихъ ресторанѡвъ, покрыта соломьяною стрѣхою, манить до себе не такъ блескомъ, якъ полнотою жизни, где не звучить ни вальсъ ни галопъ, но глубокій горячій то рубающій то тужливый чардашъ, где шансонетки не трилерируютъ оперетковой каватины, но ѿтъ души и съ огнемъ свойственнымъ уроженцамъ пусстъ угорскихъ розспѣвають безконечныи чардашовыи мѡдѡди. Артемонъ всегда съ самымъ бѡльшимъ удовольствіемъ ступалъ на ступени ведущіи до Чардовой огородовой терасы.

И я не совсемъ тому удивлялся. Кого не можетъ порвати той странный мотивъ, мѣшанина карпатской туги и пусстовой безконечности, полудневого жару и гôрской задумчивости!

»Ходѣмъ« ôтозвался мôй товаришъ потягаючи мене на терасу »тутъ ôтпочнемъ, а право сказати я ôтпочну, такъ якъ я умученъ бôльше чимъ якою далекою дорогою. Сновь малъ я нынѣ сонъ, а ôнъ всегда для мене мучительный.«

Я не мôгъ не вспомнути за записку. Я указаль ему ей послѣднюю сторону и далъ достаточно срозумѣти, що картина изъ его минувшости долше може задержалабъ мене при собѣ, чимъ Тинторетто або Берресъ. Мôй товаришъ не много и ôтказовался. Мы удалились за стôль уособненный въ углѣ терасы и Артемонъ началъ свой розказъ.

II.

Не хочу тобѣ уже вспоминати за мôй нынѣшній сонъ — розсказывалъ Артемонъ — то може и природный выплывъ моихъ постоянныхъ думъ, моихъ неôтступныхъ воспоминаній. Ôтъ нихъ я не могу ôторватись, и чимъ бôльше хотѣлбымъ цѣлковито ôтдатись свѣтовому шалу, тымъ бôль-

ше познаю, що ђнѣ — мѡй противникѣ а при
сконѣ другѣ, правду передѣ смертію сказаль...

А тїи самыи воспоминанїя виноваты такожь,
що я теперѣ лишѣ въ два мѣстця еще вступаю
сѣ якимѣ-то довольствїемѣ. Одно, ты пѡймешѣ,
наша Чорно-Гора карпатска, тамѣ где наша
близька отчина, а другое мѣстце, не удивляйсѣ,
тая Чарда пратерова, въ котрой нынѣ сидимѣ.
Думаешѣ, мене манить тутѣ модный шаль? Нѣтъ.
Я давно распращался сѣ тымѣ блескомѣ. Но
сѣ чимѣ я уже не попрощался! Одно лишѣ еще
удерживаетѣ мене: страсть до странствованья.
И хотай все майже тоже само въ малыхѣ отмѣ-
нахѣ вертаетѣ, но въ тѡмѣ я еще и жїю. И
тая страсть была може поводомѣ моей судьбы,
бо она въ юношескихѣ лѣтахѣ завела мене на
Чорно-Гору.

Но тогобѣ не сказати. На Чорно-Гору не
ведетѣ судьба а майже повинность. Щобѣ то и
было, еслибѣ уроженецѣ Карпатѣ не бываль въ
своей жизни на Чорно-Горѣ.

Тожѣ и я за молодыхѣ лѣтъ забрался сѣ
цѣлымѣ юношескимѣ житьемѣ и жаромѣ побу-
шовати впередѣ по нашихѣ Карпатахѣ. Проѣ-
халь Пѡдгорье, походилѣ на найвысшихѣ гра-
ничныхѣ полонинахѣ и въ кѡнци приближался

до той владѣтельницы нашей, которая гордо изъ своей высоты поглядаетъ на прочіи карпатскіи горганы, стрешоры и кичары.

Насъ было трехъ. Всѣ мы три достаточно на то сойшлись, щобы съ шуткою продиратись черезъ всѣ препятствія, абы зазнати не лишъ мягкихъ подушокъ, но и лютой гôрской бурѣ, дощу и урагану, и ночи пôдъ небомъ и борьбы съ карколомными дорогами и прогонами. Коротко, мы минали долины и рôвныи поля, а тиснулись въ дебри и урвиска, мы сумнѣли за погоды а торжествовали за время навалъного оркану. Тогда съ несрôвнаннымъ удовольствіемъ тащили мы нашъ угорскій вôзокъ въ сѣни старой обдертой жидôвской австеріи и засѣдали съ канибалскимъ апетитомъ за теплую страву, за дымящіяся вазы и жаренныи провіанты.

А уже въ ихъ изготовленію никто не перевышалъ нашего спутника Ілію, смотрѣвшаго на весь свѣтъ изъ высоты своего шалистого гумору. Онъ былъ невеликого роста, за то плечистъ, не мало сильный, съ ясными въ незначительную червоность впадающими волосами, широкимъ лицемъ и полною пристриженною бородою. Ілія родомъ былъ изъ пôдъ самыхъ полонинъ и въ спинаніи по спадахъ гôрскихъ не малъ межи нами рôвного.

Онъ чепался словно якъ коза скалы и переходилъ ущелья, по которыхъ лишь орлы садовятся. Безъ гôrъ онъ жити не мôгъ. Былъ приневоленъ перебыти разъ долгое время на Подôлью. Черезъ той часъ зныдѣлъ и посоловѣлъ такъ, що я прихавши не позналъ Иліи. За то у него не было бôльшой роскоши, якъ розложитись на спадѣ горы середъ пахучихъ ялицъ, браклену, ялôвцю и тиміану, або драпатись по урвистой скалѣ и пропастной дебрѣ.

Илія и ночовати не хотѣлъ где по плебаніамъ або австеріамъ. Умышленно провадилъ такъ конемъ, щобы мы пôдъ нôчь запали где въ лѣсѣ якій або недоступный, ôтдаленный ôтъ села паровъ. Тогда въ немъ и ôтживала юношеская бута. Ночовати пôдъ голымъ небомъ середъ лѣса, наносити рѣща, розложити ватру широку, справляти при огни сѣѣстныи припасы, то было его стихією. Рано мы еще долго спали съ товаришомъ другимъ Кирилломъ, а нашего Иліи давно уже не было, вже перегналъ передъ зорею добрую часть лѣса, бывалъ и на холмахъ на сходѣ солнца, побѣгалъ вже и въ село, притащилъ новыи припасы, наговорился и съ лѣснымъ и съ полевымъ и кого тамъ уже не встрѣчалъ.

Солнце часто уже высоко было, а товаришъ

Кирилль досыплялъ еще безукоризненнымъ сномъ. Онъ и не спѣшился до денной жизни. Лишь коли скрѣзь сонъ зачулъ, що Илія придбалъ въ селѣ свѣжую паприкованную сальону, а сновъ у лѣсничого пантарку и гдеякій анталочокъ Шамародного, тогды уже долгоногій Кирилль бормотаючи протягалъ руки и пѣдносился постепенно. Кажу постепенно. Кирилль цѣлый былъ долгій, и руки и ноги были у него чрезвычайной долготы; при тѣмъ былъ онъ въ цѣлѣмъ своимъ поведеніи такъ повольный, що Илія хотѣлъ было неразъ боротись съ нимъ, коли повольность Кирилла ставала ему досадною. Кирилль послѣ кожного пробужденія совершалъ по правиламъ строгого тоалетъ. Онъ любовался що дня своимъ орлымъ носомъ, протяжнымъ профилемъ, гладко голенными синіющимися стяглыми щеками, долгою шією и коафюрою, закрывающею правильно одну половину его чела.

Онъ пѣдносилъ руки якъ пріученная мадамъ: сперва горѣшнюю часть, послѣ дольную, въ кѣнци завивалъ свольна долонею, котора величиною подобаючи на медвежую баганчу, силою унижалась до мягкого вѣтренного повѣва. Коли прійшло драпатись на полонины, Кирилль звычайно то ставался якто неросположеннымъ, то умученнымъ

а на каждый случай увѣреннымъ, що полонина такий же самъ будетъ горганъ якъ и прочіи, значилось, лѣсъ, а послѣ трава полонинска, наконецъ камень и мохъ и дѣло кончено. Лишь коли за нами забирался и провѣдникъ съ кошомъ наполненнымъ гастрономичными сочиненіями, тогда онъ заявлялъ особенную любопытность, узрѣти изъ вершка полонинъ угорскую сторону Карпатъ.

Такъ мы всѣ три на нашей угорской повозцѣ приближались въ кѣнци до Черно-Горы. Поздно подъ нѣчь нашъ Ілія затагнулъ насъ въ якійто лѣсный уголъ, межи кичары, изъ которыхъ видно уже было въ близи Черно-Гору. До ней мы тягнулись еще и по той причинѣ, що намѣряли остати тамъ долгое время, абы по ѣтбытой по-дорожи беззаботно въ гѣрской глуши ѣтпочити.

Мы рѣшили теперь переспати нѣчь въ лѣсѣ а рано съ восходящимъ солнцемъ потягнути на долгій спадъ Черно-Горы. Не помогли ѣтказы-ванія Кирилла, который увѣрялъ, що конечно въ близи есть яканибудъ уже австерія, або село, хата яка а хотьбы оборѣгъ, що вже чоловѣкъ и ѣтчувати начинаетъ тѣи нѣчніи прохолодныи купели; помимо всѣхъ тыхъ увѣреній Ілія роз-прягъ коня, пустилъ самопасомъ и въ коротцѣ

горѣла наоколо нашого лягеру правильна пурпурова ватра. Мы заспали порядочно. Когутъ не будилъ насъ, ни звонъ часосказу не калаталъ намъ надъ головами, ни жена не пробуждала насъ до деннихъ заботъ, ни дѣти не розводились надъ нами съ своими тренами, словомъ — мы спали хоть на забой.

Минула и нѣчь. Вже ранное свѣтло продиралось. Я почуль якое-то блеяніе, а послѣ трѣскъ огня и розговоръ. Солнце первыми лучами заблестѣло. Я протеръ очи и всталъ. Смотрю а нашъ Илія уже придбалъ провіантъ, а еще, то и дѣло такій, якого до теперъ не бывало. Онъ былъ розогрѣтъ, безъ жакета, безъ капелюха, заходился съ торопливостію коло огню и розговаривалъ съ мужикомъ Гуцуломъ, котрый справлялъ до огню барана. Свѣжого, цѣлого барана приобрѣлъ Илія у чобанѣвъ, спеціалъ, котрого мы еще не пробовали, а котрый малъ появितись при кѣнци нашої такъ глубокой и розборчивой подорожи. Въ коротцѣ былъ припасъ готовъ и Илія прибрался будити ѡтъ сну Кирилла.

»Вставай, якъ жієшь, еще такого не кушалъ,« говорилъ онъ.

»Не кушалъ? А ба! Щобъ то и было такое, абы я не кушалъ« ѡткинулъ изъ сна Кириллъ.

»Уже мнѣ говори щонибудь, а такій марцепанъ тобѣ и въ снѣ не провидѣлся. Лукуллъ, первый гастрономъ, попалъ бы въ правдивое восхищеніе. Подумай, свѣжая жаренная баранина, приправленна цыганскимъ способомъ на рожнахъ пѣдъ клубами дыму и огня.«

Кириллъ обернулся и поглянулъ на ватру. На его лицѣ явилась улыбка сласти.

»Баранина? Справдѣ тамъ баранина? Ну, вражій же зѣ тебе сынъ!«

Тымъ разомъ позабылъ Кириллъ и на тоалетъ и на причесокъ и на свѣой орлій нѣсъ и мы съ апетитомъ, который достойно отвѣчалъ уставамъ буршовства забрались до того ранного скромного пѣдкрѣпленія.

»Въ первыхъ« началъ Илія замахуючи транширнымъ ножемъ по жареной баранинѣ, »въ первыхъ мушу вамъ сказати, що вже затягнулъ я важныи вѣсти що до Черно-Горы. Не думайте однакъ, що они ѣтносятся до гѣръ и дебрѣ. Тѣи мы уже самы вынайдемъ, хотьбы якъ скрывались. Но тутъ розходится о сосѣдства. Знаете, остаемъ тутъ долшое время. Ну, то и дебрѣ уже наконецъ не станетъ новыхъ. А тутъ зачуваю, въ близи таки дѣвицы суть. Люде кажутъ: рядныи и людянныи. Ба! то значитъ

красивыи. А дальше мѣстодеканъ, ихъ отецъ, держать собственный старинный медъ. Сновъ недалеко есть пустый двѣръ, который станетъ нашимъ обиталищемъ.»

»Значится« човорилъ Кириллъ утинаючи изъ жаренины по трактирному обычаю платочокъ за платочкомъ »гуцулская баранина нѣкоторыми свойствами превосходить пѣдгѣрску. Зважавши (ѡнъ николи не пуцался того слова), що теренъ самой выжины карпатской пѣдъ влїяніемъ атмосферичнымъ въ рознообразїю климату условляетъ отвѣтное розвитїе организму хотяйбы лишь въ самой незначительной части, а зваживши дальше, що уровень всякого плеканїя природою...«

Тутъ ѡнъ не докѡнчилъ. Мы почули въ гушавинѣ стрѣль. Зъ помежи бракленовыхъ кушей показался мысливскїй хортъ, за которымъ стуналъ стрѣлецъ въ долгомъ плотно до стану прилягающомъ жупанѣ, въ кашкетѣ и съ ручницею на плечи. Мы еще и не розглянулись добре, а уже Илїя всталъ и повиваючи своимъ шапоклякомъ призывалъ стрѣльца.

»Отче Аксентїй! до насъ, до насъ!«

Мы и дѣйстно убѣдились, що то былъ мѣстодеканъ и то не котрый иный, лишь отецъ тыхъ людянныхъ и рядныхъ дѣвиць. Аксентїй при-

ближался и немного удивленъ поглядалъ на нашъ такій ранній обѣдъ.

»Мои товарищи, Кириллъ и Артемонъ...«

Однимъ мигомъ Ілія уже запозналъ насъ и мы были якъ давнии знакомыи. Мы пытали, не убилъ ли що, не подцѣпилъ ли где якую звѣри-ну, и добре ли по Черно-Горѣ съ ручницею таскаться.

»По временамъ« говорилъ парохъ Аксентій человѣкъ не бѣльше пятидесяти лѣтъ, ѡтбираючи ѡтъ хорта убитую птицу »по временамъ выби-рается и человѣкъ съ ручницею. А уже намъ въ Гуцулскѡмъ краю, хотъ якъ, а безъ того не быти. Выйдешъ кобы лишъ рано, за росю еще и убьешъ щонибудъ, а уже довольно стаеть. Значится, жиешь въ Гуцулахъ.«

Аксентій, хотъ уже до пятидесятки доходилъ, не потерялъ еще буршикоznego шалу. Онъ молодыми лѣтами бывалъ по академичнымъ корпу-самъ, носилъ барвную корпусовую ленту, а те-перь одинъ забытокъ осталъ еще у него изъ тыхъ временъ, именно буршовская фарфорово — бѣлая люлька, дружественная гейдельберка, котрой онъ не пущался ни въ дома ни на го-рахъ. А право сказати, Аксентій бѣольшую часть жизни провелъ на горахъ якъ пѡдъ кры-

шою. Уроженецъ Карпатъ напаштається цѣлое божье лѣто по своихъ сухихъ каменистыхъ нивахъ, зачимъ добудеть изъ нихъ въ первыхъ овесъ, во вторыхъ сновъ овесъ, а въ третьихъ не що иного, лишь таки овесъ. И изъобиліе того плода отпечатанное было на тѣлосложенію Аксентія. Не даромъ жупанъ плотно приста- валъ; его талія была исхудалая а обрытыи щеки костисто обозначались на опаленномъ брунат- номъ лиці. Его цѣлая одежда была якто зелено- желѣзнаго цвѣта. Кашкетъ зеленый немного споловѣлый, жупанъ морской краски отороченъ тасьмами и застягненъ петлицями, рампассовыи, а вже конечно чи не личные шкаповыи чоботы и темнобордовая хустка увазанна пѣдъ шією на- давали ему видъ позабытой въ якомъ-где уголку свѣта бронзовой статуи, припавшей по своей давнинѣ шаро-зеленою снѣтью.

Онъ узнавши, що мы тягнемъ на Черно-Гору, щелкнулъ языкомъ, покивалъ головою и прило- жилъ два пальцы до устъ. Значилось, щось такъ очаровательного еще вы не видали. Мы было хотѣ- ли и его привлечь за собою на Черно-Гору, но онъ извинился дѣлами, узналъ однакъ за отвѣтне, що по такѣмъ раннѣмъ биваку пристало бы добрымъ крестьянамъ вечеромъ попробовати хотьбы одну

бутылочку меду. Стало на тѣмъ, що мы вертаючи изъ спаду Черно-Горы мали вечеромъ заглянути въ его плебанію.

Не буду тобѣ уже розказовати, якъ мы драпались на горганъ черно-горскій. Не буду высказовати нашої роскоши ни чертати виду, якій мы получили изъ вершины на далекіи синіи Карпаты. Коротко лишъ скажу тобѣ, що хотъ я послѣ вспинался и на Везувъ и на Триглавъ и Криванъ и Монтбланкъ, но все то вже не тогдасній урокъ. А причина въ тѣмъ, що тогды я свобѣдно, беззаботно льнулъ до природы; послѣ я зъ отчаянія ишолъ въ Альпы, Апенины...

Коли мы однакъ вертали изъ долгого спада, стрѣтили мы въ селѣ що-то, що затронуло нашу любопытность. Узкою сельскою дорогою тягнулся до кладбища похоронный похѣдъ. Трумну изъ бѣлыхъ дощокъ тягнули на драбинястѣмъ возѣ угорскіи волы, котрыхъ провадилъ гробарь съ рыскалемъ въ рукахъ, съ жолтымъ олѣйнымъ лицемъ, въ обдертыхъ шараварахъ и шарѣмъ сѣраковѣмъ лейбику. Малый жебрачій хлопакъ несъ на передѣ крестъ, а за нимъ ступали Гуцулы громадяне, газды и плутари съ собѣ свойственною гордою поставою, широкою одежею, съ накинеными на плечи гуцулскими бурками

и съ чересами, за котрыми блестѣли топоры и ружье. На сивомъ кони ступалъ сводомъ священникъ въ старомъ споловѣломъ фелонѣ. Но голосъ пѣвця мы ледво чули. Онъ заглушенъ былъ инымъ тономъ.

За трумною ступали именно двѣ плачки, женьщины гуцулки, въ синихъ дымкахъ и бѣлыхъ широкихъ хустахъ, котрыи окрывали голову и спадали фалдисто въ долъ. Ихъ лица видныи изъ пѣдъ бѣлыхъ хустъ были заслезены и они на завѣдъ выводили такіи голосныи и плачливыи тоны, що они продирались дѣйстно до глубины души. Такихъ тонѣвъ я не чулъ еще. То не былъ звычайный плачь, но одна положительная мелодія сложенна изъ найсумнѣйшихъ мольовыхъ переходѣвъ, изъ котрыхъ послѣдній продолжистый и уже чрезмѣрно ярко закрашенный на всегда осталъ мнѣ въ памяти. Мелодія безъ слѣвъ повтарялась безустанно и мѣшалась лишь съ скрипомъ воза и ступаніемъ народа.

Той странный тонъ, правда, осталъ мнѣ въ памяти, но еще въ полученію съ инымъ образомъ. Разомъ съ мелодіею припоминается мнѣ женское лице блестащей восточной красы. Середъ толпы, котора ишла молчки за трумною, ступала

одна — романичелька. Не иначе назову тобѣ ю, якъ романичелька. То слово у нихъ любимое, молдавянки просто любезничаютъ тымъ названіемъ а означаетъ оно по ихъ толкованію, дитя человѣческое, дитя природы. То не была гуцулка, она не носила и ихъ строю. И межи нашиванными уборами и синими дымками Гуцулокъ пестрѣла она якъ яркий мотыль середъ синихъ блаватѣвъ и бѣлыхъ колосѣвъ жита.

Ей .одежъ палала отъ понсовой краски. Она носила палающе-понсовый сарафанъ и безраменную юшку обшитую блестящими аграпками и запинками, котрыи явно оказовали на восточный блескъ и на ей родный край. За нею ишолъ молдавскій вакаръ, торговщикъ марженою, въ богатѣмъ строю, мягкѣмъ турецкѣмъ поясѣ, съ долгою сѣракового опончою, въ жолтыхъ ходакахъ; ѣтъ его темного лица ѣтбивалъ сивый крученый волосъ и бѣлый усъ.

Молдавская дѣва была по видимому его дочь. Ей лице казалось немного бѣльше припаленымъ якъ у прочихъ Гуцулокъ но то подносило еще ей сверкающую красу. Восточный жаръ горѣлъ въ ей очахъ. Одно: уже що, а такой дѣвичьей косы, якъ у той романичельки была не встрѣчается. Що за коса! Чорна, долга, роскошна,

за котру не одна Гуцулка ôтдалабъ все свое имѣнѣ, а котра не могла не плѣнити око кожного, кто лишь на ню поглянулъ. Она ступала гордо и я замѣтилъ, що она якто боролась внутренно. Не знаю, былъ ли то обыкновенный у ней жаръ, но она якбы притлумляла его и принимала гордый видъ. Съ тою гордостію она была право плѣняющею.

Романичелька шла съ отцемъ на кôнці походу, до которого мы поневоле прилучились. Признати, я якъ-то позабылъ совершенно, що дѣлаю; послѣ розсказовалъ мнѣ Илія, що я первый прилучился до походу, що они вzywали мене въ дальшую нашу путь, но що я не чулъ ихъ и дальше ишолъ, зачимъ и они прилучились до народа. Мене яка-то сила тягнула. Я ишолъ при ней... Правдивый женскій мефисто. Въ своемъ уборѣ она казалась быти пламенѣющимъ огненнымъ призракомъ.

А однакъ она не поглядала на насъ. Хоть знала, що смотрю на ей профиль, она гордо ступала свертаючи постоянно въ передъ свои пламенные очи. Ей взоръ я видѣлъ уже разъ полный. Коли мы еще стояли на убоци, она кинула на насъ одинъ короткій пламень, послѣ еще разъ поглянула и ôтъ тогды не замѣчала насъ.

Передъ нами заводили гробовую нуту плачки и менѣ тая нута вбилась въ память нероздѣльно съ первымъ явленіемъ той палающей молдавянки.

* * *

Уже приближался вечеръ. Мы обôйшовши еще нѣкоторыи горганы пристанули при корчмѣ. Назватибъ ю австерією а уже длятого, що карпатскіи корчмы, хотъ валящіяся, обдертыи, задымленныи, были однакъ для путникôвъ одинокою оазою, уживающею титулу обержъ и австерій.

Передъ корчмою зачули мы смѣхъ, котрый насъ не мало удивилъ. Тіи же самыи двѣ плачки, котрыи при похороннôмъ походѣ съ заслезеннымъ лицемъ такъ тоскно заводили арію гробову, тіи самыи стояли теперь передъ корчмою съ другими гуцулками и смѣялись, шутили якбы въ самъ свадебный часъ. Ôтъ смѣху закрашались ихъ полныи лица и виднѣли бѣлыи зубы.

Мы войшли до австеріи. За столомъ застали мы тогожъ гробаря съ рыскалемъ, вялымъ обличемъ, половымъ волосьемъ, широкими щеками и обшарпанною одежею. Коло него сидѣлъ старый Гуцулъ и покуривалъ люльку.

»Смоле, Гнатъ« началъ гробарь въ голосъ до Гуцула, указуючи на насъ »лацмане пришли на нашу Черно-Гору. Уже бы имъ лемишъ въ руки взяти и за плугомъ ити; а они по камняхъ якъ бѣсноватыи толчутся. Еще колибъ хотъ топоры взяли або ружье яке, а то ходять якъ бабы, думалбысь и людьми не суть.«

»Якіи тамъ люде!« ѡткинулъ старый Гуцулъ. »Ану, взялбыся котрый зъ нихъ съ нашимъ то братомъ на силу! Всѣхъ трехъ нашъ братъ беретъ на одну руку. Где такимъ и до ружья; а взялбы топоръ, то просто стыдъ сробилбы Гуцуламъ.«

»Кадъ бы ихъ пришло погребати, то и не бралбыся я за рыскаль.«

»Ба! рыскаль рыскалемъ« говорилъ старый, двигая раменами »а земля землею. Отъ, и небѣщикъ, що го нынѣ поховали, якій уже былъ гуцулякъ, яке ружье за чересомъ носилъ, якъ золото, а таки въ первый разъ земля не приняла его. Уже такъ и есть.«

Они встали оба и забирались до ѡтходу. Изъ обору долетѣлъ до насъ сновъ смѣхъ плачокъ. Ілія таки не вздержался и поспыталъ гробаря, що тїи за такіи-тамъ плачки, що за трумною на весь голосъ заводять, а теперъ якъ

въ наилучше смѣются. Значить и не жалостятъ за роднымъ.

»Еть!« розсмѣялся гробарь, махнувши рукою »яка ми тамъ родня! Не было у него родни. А плачки по обычаю наняты, уплаченныи. Якъ же бы воли и тягнули трумну безъ плачокъ; они ему чужіи были. А и не дуже тамъ ихъ было и треба. Его и такъ — другій разъ нынѣ ховали. То былъ Данко Крецуль.«

Тое имя произнесъ онъ такимъ тономъ, якбы кождый чоловѣкъ зналъ наизъ-устъ помершого. Его во второй разъ теперь ховали. Тіи слова были мнѣ непонятны.

Коли оба мужики ѳтдалились, мы допили еще наше вино и ѳтпочивши выйшли изъ австеріи. Еще разъ поглянули мы на Черно-Гору. Мы видѣли, якъ одною стежкою въ лѣсный зрубъ ишолъ той-же гробарь, котрый въ коротцѣ зникъ въ гущавинѣ. Онъ былъ еще и плутаремъ и рубалъ въ лѣсѣ ялицы.

Тымчасомъ середъ села сбиралась толпа мужикѳвъ. Они стояли на улицѣ съ блестящими топорами въ рукахъ и съ ружьемъ за чересами, а поволи и зъ прочихъ хатъ выходили легини и прилучались до толпы. Они живо межи собою росправляли поглядаючи въ сторону

зруба и на конецъ села, где стояла на спадѣ потока послѣдняя хата. Въ кѣнци число доброе собранныхъ мужикѣвъ двинулось въ сторону зруба.

Мы пѣзнали, що намъ время уже зайти на плебанію, бо вже и туга за стариннымъ медомъ на добре въ насъ ѣтзывалась. Кирилль много вже розводился надъ тымъ, що климать тутешній исключительно своими лишь атомами зъ никого не сдѣлаеть порядочного человѣка, що время бы-лобъ давно уже въ упомянутѣмъ дворѣ взять квар-тиру, абы якось по чоловѣчески уладитись. Мы и дѣйстно не знали, где нѣчь перебудемъ, но изъ той непевности вывелъ насъ самъ парохъ. Коли мы еще стояли коло австеріи, сближился до насъ пѣсланецъ и подалъ письмо ѣтъ пароха. Значилось, жена съ двома дочерями поѣхала въ сосѣды на данный тамъ праздничный вечеръ и повернетъ лишь слѣдующаго дня. Тожъ и заночовати бы тремъ скитальцямъ по свободной шваліерской несвязанности, придавши понятно, если не просидится нѣчку за розтвирающимися бутылками и за зелеными столиками.

Мы ѣтправились до Аксентія. А тамъ правдиво по совѣсти трепали мы по деннихъ страпаціяхъ дымящагося каплона, за котрымъ слѣдо-

вала гуцульская дичина; нечаянно появилась и дебречинская удженная, а до ней прилучилась незначительно толстая пантарка. Яко достойный десертъ такой перекуски слѣдовали смаженныи галушки, необходимыи галушки и вкусныи, хотъ поданныи лишъ для обычаю.

За часъ, коли Кирилль маневруючи повольно медвежою своею долонью и стягаючи крылами своего орлиного носа постоянно заходилъ коло тарелокъ, за той часъ Илія выщебеталъ уже Аксентію цѣлу нашу драпанину по Чорно-Горѣ. Съ послѣдною галушкою онъ скончилъ свѣй докладъ.

»Уже?« пыталъ парохъ наливаячи нашъ бажаемый забытокъ, старинный медъ, »уже? А на спадѣ потока при кѣнци села не были? пустельничого креста и хаты не бачили?«

Мы всѣ одновременно здвигнули раменами.

»Она, правда, нынѣ уже пустокою стоитъ. Нема вже въ ней обитателя. Но всежь она еще передъ днями обнимала не абы якого пустельника. И признати треба, що вѣсть о его смерти не мало поразила громадянъ. Они уважали его за неизгладимого.«

»Не Данко ли то Крецуль?« пыталъ Илія.

»А! вы вже якбы ѿтъ лѣтъ тутъ бывали: вже знаете и за Крецуля!«

»Знати не знаємъ. Лишь зачули его имя. Не той ѿнъ самъ, котрого другій разъ нынѣ погребали?«

»Тойже.«

»Якъ?«

»А но, знаете все, якъ бачу.«

»Ничо не знаємъ и тымъ бѣльше неясны намъ слова гробаря. Мы и въ толпѣ той, що гдесъ съ оружіемъ двинулась въ зрубъ, зачули его прозвиско.«

»Съ оружіемъ?« пыталъ парохъ.

»Такъ.«

»То на полонины. Они за дикою звѣриною идуть. А вже ни одинъ изъ нихъ въ тѣмъ не vyrѣвнаеть Крецулови. ѿнъ хотъ якъ пустельникомъ стался, я ружья не кидался. Таки срѣсь ся съ нимъ.«

»А щожъ уже тая его вторая смерть?« пыталъ настойчиво Илія.

»То дѣло такъ было,« говорилъ парохъ. »Вамъ може и страннымъ укажется, що помершій былъ Гуцуль и — пустельникъ. Двѣ противности. Гуцуль не рожденъ на пустельничую жизнь. У кого за чересомъ блеститъ топѣръ и ружье, у

кого стать мужеска, сама красота, у кого юношеская сила и красивое лицо и чорный усь, той межи Гуцулами не стаетъ въ пустельники. А однакъ Крецуль былъ нимъ. Не сивый у него былъ волосъ и не дряхлыи кости, но полный мужескій розцвѣтъ, молодецкая краса и юношеская сила трыскали изъ его стати и лица.

»Крецуль былъ тутешній плутарь. Лишь послѣдній былъ онъ уже изъ рода Крецулôвъ. Не бôльше якъ тридсятый рôкъ кôнчилъ теперь. А еще давно передъ десяти лѣтами яко молодой доростающій парень ôтзначался онъ межи всѣми товаришами. Сказати, всѣхъ побѣждалъ и красою и силою и юнацтвомъ. Его стать была якбы вытесана, гнучка, висока, а его хôдъ легкій но высокопарный, думный, словомъ правый легинь, якого не было на Гуцулахъ.

»Еще такимъ пôдпарнемъ на всѣхъ гулятикахъ, во всѣхъ заведеяцкихъ справахъ былъ первый Данко. Въ дѣвичьихъ очахъ не было легиня надъ него. А тутъ то замѣчательно было у него, що онъ необыкновенно владѣлъ надъ женскими чувствами. Онъ малъ якуто очаровательну силу въ собѣ, передъ которою жадная женщина остоятись не могла. Казали у него въ очахъ была та сила, а то не въ чемъ лишь въ

его красѣ. Чи завивалъ топоромъ, чи косою по лугахъ, чи танечницу взялъ, всегда уводительный былъ для дѣвичьего ока.

»То и не диво, що всѣ дѣвичіи сердца думали лишъ о немъ, хотъ еще въ лѣтахъ подросткомъ былъ, но собою цѣлый уже парень. Онъ украдывалъ первыи поцѣлуи у гуцулокъ, онъ ишолъ въ танецъ съ первою дѣвою, онъ лучше всѣхъ кидалъ топоромъ, лучше всѣхъ цѣлилъ изъ оружья. Особенно же на женщинъ вліялъ своимъ чаромъ. Що той чаръ былъ дѣйстно у него, и я самъ по части переконался. То было передъ десяти лѣтами. У насъ былъ храмовый день. Изъ сосѣднаго села заѣхалъ до насъ посессоръ чехъ съ молодою женою. Они поѣшли на базаръ. Тамъ молода чешка узрѣвши природную красу и красивую статью Крецуля попала въ якійто дрозъ. Вернувши на плебанію она не изцѣлилась отъ него. Горячковый сонъ ей тревалъ до слѣдующаго рана. Послѣ она уже не заѣзжала въ наше село.

»И въ селѣ самомъ мужики замѣчали тую силу, но по своей горячей крови они почали противъ него щось затѣвати. А именно у женъ повставали грѣшныи думки, они въ кѣнци и боялись ити на танецъ, где Крецуль являлся.

Черезъ то старьи мужики почали кивати головами и стягати усами, а сновъ у товаришей его выродилась зависть а зъ ней ненависть до Крецуля, котора чимъ разъ бôльше росла.

»За якійсь часъ прочіи легини зачали минати его, они далеко держались ôтъ него, не припускали его до своего товарищества а старьи мужики всегда изъ пôдъ лба смотрѣли на него.

»Но то впровадило Крецуля въ шаль. Ôнъ еще бôльше розлюбивалъ дѣвичіи сердца, еще страстнѣйше ишолъ въ танецъ, а при тôмъ и звиннôсть и сила росла въ немъ щоразъ значнѣйше.

»Такій своротъ допровадилъ его товаришей до крайности. Они ночью собрались съ своимъ оружьемъ и свернулись на конецъ села до его хаты, щобъ сробити съ нимъ конецъ. Но они стрѣтили его еще блисше, въ селѣ: въ то-же время цѣловалъ ôнъ уста первой красы въ селѣ... Тутъ и заблысли топоры. Но для Крецуля то и рай. Ôнъ добылъ изъ за череса свой кованый и ôтбивался на славу Гуцульщины. Одинъ легинъ упалъ уже съ розбитою чашкою, другому устала рука, иному кровь залила лице. И вже былбы ôтбилъ напастникôвъ, коли ôдинъ

изъ нихъ, малый, присадковатый юнакъ по́дсу-
нулся и топоромъ повалилъ Крецуля о землю.

»Крецуль упалъ. Товариши согнулись надъ
нимъ, неживый! Они уйшли въ село. Вѣсть
грянула по селѣ, що Крецуля уже нема, що
заслуженно по́дъ топорами погибъ. Но онъ не
погибъ; очутился и опустилъ село, по́йшолъ въ
свѣтъ.

»Долго не было Данка; вже и забыли за не-
го. Всѣ знали що Данко не жи́еть.

»Минуло девять лѣтъ. Все змѣнилось въ
селѣ; изъ легинѣвъ поробились то газды то
плутари. Коли разъ чобаны, що еще ровесни-
ками были Крецуля, злетѣли изъ полонинъ въ
село съ странною вѣстію. Данко Крецуль —
на полонинахъ! Крецуль не умеръ, а жи́еть!
Вѣсть та громомъ разила село. Людей овла-
дѣлъ якій-то страхъ, лячно стало въ селѣ; ста-
рыи Гуцулы похиляли головы, здвигали раме-
нами, жены шептали молитвы, а легини сой-
шовшись молчали.

»Всѣ хотѣли видѣти Крецуля но никто не
осмѣлился на то, а самъ Крецуль не являлся
въ село. Лишь ѡвчари розказовали, що онъ
теперь уже не той давный. Лице стало бѣльше
опаленнымъ, волосъ не гуцулскій, бо по́дтятый,

но за то щеки у него неголены. Казали, у него выросла долгая борода и хоть красива собою но не гуцулска. Чересь у него осталъ той самъ, лишь бурку заступила долгая опонча на румунскій складъ.

»Миналъ долгій часъ а Крецуля никто не видѣлъ. Онъ жилъ въ своей хатѣ ѡтособненъ и лишь въ храмовый день явился межи людьми. Онъ молился, якъ и другіи Гуцулы, поклоны билъ якъ и другіи, всё якъ давній Данко, лишь послѣ праздника онъ не той уже Крецуль. Уже не идетъ на танцы, не поглядаетъ въ дѣвичіи очи, не глядаеть ихъ, не цѣлуетъ устъ. Осталась однакъ въ немъ давняя стать, краса его еще убольшилась, прибравши мужескій полный розцвѣтъ.

»И сновъ мѣсяцы минали а онъ не являлся, не мѣшался въ село; не приставаель до юнаковъ, не ставаель говорити съ старыми, лишь сидѣлъ заточенъ въ своей хатѣ.

»О немъ почали теперь кружити розличныи вѣсти. Вернулъ въ село еще якійто мужикъ, що ходилъ за ѡвцями въ Семиградъ и той зналъ розсказати щото о Крецулю. До того прилучилось еще що другое и въ коротцѣ цѣлое село знало, що за дѣло съ тымъ Крецулемъ. Значи-

лось: онъ таки неизгладимый. Но якъ? Не то уже, що тогды пѣдъ топорами не погибъ, казалось зъ гроба всталъ, но то, що послѣ съ нимъ случилось.

»Онъ по памятной ночи пустился въ свѣтъ. Того и желати для него; на то краса и сила, абы ю въ свѣтъ пустити. А хотъ краса теряется а сила немоцѣть но у Крецула противно краса ростеть, сила вмагается. Отъ примѣромъ вернулъ теперь по десяти лѣтахъ; уже не называй го Данкомъ а Даниломъ: гуцулъ якого не бывало на Черно-Горѣ. Борода якъ Дунай, а сила!

»Кажуть, видѣли чобаны, якъ разъ на полонинѣ Данко на медведа наступилъ. Заревѣлъ медвѣдь и сталъ на ноги. Ехъ же Крецулъ топора добилъ, заблысло желѣзо, чахъ, чахъ, упало ся медведеви по чашцѣ его вражой. Но що? Еще не застигъ и медвѣдь, баганчею топѣръ ѡтбиваетъ у Крецуля. Ничо: Крецулъ на силу съ медведемъ идетъ. Обнялъ его якъ якого товариша сердечного, однакъ и той товаришъ не абы якій. Твердый якъ скала. Ну съ такимъ наконецъ не доберешъ ся и до цѣли. Затялся Крецулъ, медведя о землю кинулъ а тогды зъ за череса стрѣльное оружье. Двѣ рѣчи лишъ вѣрныи Гуцулови: оружье и Черно-Гора.

»Лишь одно: пустельникомъ сталъ. А то тому, що его будто уже разъ ховали въ трумнѣ на семиградскихъ горахъ. Ховали? Смотри лишь; вѣдь неизгладимый.

»Было то на Семиградѣ. Уже якъ не ходять Гуцулы то до Медіашу, то въ Берегсасы, то въ Надь-Банья або и въ Варадинъ, а все уже для юнака, такого якъ Крецуль не ходити за такими дѣлами. Ему не заходитись съ купномъ якихъ тамъ стадъ уйгелскихъ, ему не тягаться за сивыми волами по угорскихъ долинахъ, не торговатися съ гуляшами и канашами, то ему не до лица.

»Ему кобы где съ оружьемъ пробиватись, дѣвичіи сердца розлюбивати, съ чикосами на силу братися, то его стихія; при тѣмъ всемъ топоръ немного заржавѣлъ у него. За то дѣвичьихъ сердець уводилъ. Где не поступить въ село, чи побачить въ угорской корчмѣ арпадку, чи на долинахъ чикосовую дочь, чи на горахъ ѡвчарку, чи въ танецъ пойдеть на селѣ, уже вянуть сердца дѣвичіи за нимъ.

»И шастался ѡнъ по свѣту, особенно же по семиградскихъ горахъ. Нигде долго не побывалъ. На гулятикахъ ѡнъ не одному легинови жизнь запропастилъ, не топоромъ но тымъ що

отлюбилъ дѣву. И тогда слѣдовала сновъ новая борьба съ легинями, при чемъ оружье его вѣрнымъ ему осталось. Нова авантюра — то для него житье. И не дуже высилялся, а побѣждалъ всѣхъ.

»Наскучился наконецъ и такій ходъ жизни; онъ поѣхавъ на молдавскіи поля на жнива. Коса и топѣръ всегда были оздобой Гуцула. Ити за стадами, якто не по гуцулски, за то коса, плугъ и нива то радость Черно-горця. Тожъ и онъ покладалъ золотыстыи молдавскіи валы косою, не повстыдалъ своего рода; однакъ то, що притихло на часъ, сновъ отозвалось. Новыи гулятики, новыи авантюры.

»Ажъ разъ, коли онъ ледво позабывши свою недавну заведеяцку справу розмышлялъ о новой якоїто донжуанеріи, случилось съ нимъ необыкновенное. Онъ ишовъ на однѣй семиградской выжинѣ по при село. Смотрить — похоронъ ведутъ, цѣлый похоронный походъ. Дерзко пытается онъ людей, кого погребаютъ. А они ему кажутъ:

— Ховаемъ Данка Крецуля.

»Изъумѣлся Крецуль, коли почувъ, що его несутъ въ трумнѣ, но съ молчаніемъ прилучился до походу. Въ кѣнці внесли трумну на

кладбище, тутъ отворили люде вѣко у трумны и Крецуль побачилъ въ ней — самого себе.

»Пôзналъ себе.

»Ôнъ упалъ въ омлѣнѣе. Люде грôбъ засыпали.

»На другій день пробудился зъ омлѣнѣя Крецуль и заразомъ пробудился до нового житья.

»Его давнюю грѣшную жизнь занесли духи до гробу.

»Такъ говорилъ народъ за него, и тая вѣсть всюда повтарялась на всѣхъ сходяхахъ. Ничъ не увлекаетъ такъ народа въ его сказаніяхъ, якъ юнацкая бойкость и хорошая смерть. Тому они и казали за него, що смерть не могла пôдтяти ни его красы, ни силы, лишь душу похоронила. А дальше говорятъ они тымъ, що Крецуль по своимъ первôмъ похоронѣ началъ иную жизнь. Ôнъ вернулъ на свою Черно-Гору (тому будетъ уже несполна одинъ рôкъ), и сталъ правдивымъ пустельникомъ. Удалялся ôтъ всѣхъ юнацкихъ веселій. Такъ пройшолъ цѣлый годъ. Съ часомъ однакъ, ôнъ сталъ доходити въ одинъ дôмъ, именно въ дôмъ молдавского вакаря, котрый такожь передъ рокомъ тутъ осадовилъ и купечничаеть съ молдавскими торговщиками.

»Люде не знали, чого онъ тамъ заходить, лишь видѣли, що всегда верталъ еще сумнѣйшій. А маеть вакаръ той дочъ хорошу, котора при своей красѣ особенно якто горда а уже чрезмѣрно строга.

»Ненадѣянно вчера приносять мнѣ вѣсть: Крецуль померъ. Мы и поховали его нынѣ.

»Отъ и видѣтибъ, кажу на кѣнци села его хату.«

Аксентій окѣнчилъ свѣй розказъ. Кирилль, который протягнувши свои должезные ноги сидѣлъ недвижимъ въ фотелю, пѣднѣлъ постепенно руку и долонею замахнулся за медовую бутылку. Парохъ взялъ ножицы и обтиналъ упорную лоевую свѣщу, котора миготѣла на столѣ.

А я? Уже не пытай мене, що со мною было. Не тая ли сама молдавянка, романичелька? Она тутъ, въ селѣ? Я чогото самъ не познавалъ себе. Илія выкидалъ мнѣ, що я, котрый передъ тымъ рѣвно съ нимъ спинался по Карпатахъ, що нынѣ я по извѣстнѣмъ похоронѣ стался майже недостойнымъ Черно-Горы, що ходилъ по ней якъ баба, уже гѣрьше ѣтъ Кирилла, которого вѣроятно ранняя баранина привела въ его ессы, и котрый по геройски воскликать межи ущелями.

А сновъ теперь я якбы не видѣлъ передъ

собою такъ пикантного меду, якбымъ выховался — казалъ Илія — на якої Сахарѣ, где лише за водою гинуть а о меду ни крыхты не знають; що я стался предателемъ корпусового устава, по котрому вода уважается призначеною лишь до внѣшного ужитку, именно ѿтъ временъ Ноего, коли она послужила до уничтоженія грѣшного свѣта, що отже внутренно уживати ю треба съ великою осторожностію. Бывало, говорилъ до мене Илія, ты на пумпѣ бралъ въ академичной кнайпѣ бутылкѣ, поки ночи ставало, а теперъ цѣлое то дѣло стало для тебе якто перпендикулярнымъ, всё тобѣ теперъ становится помадль.

Я не хотѣлъ повстыдаться и вже намѣрялъ хотъ безъ куфлей и безъ пива, но таки медовый саламандеръ по правиламъ заголосити, коли передъ плебанією повсталъ якій то гаморъ и щелкъ, якбы люде толпились и въ тѣмъ отворилась дверь.

Въ комнату впалъ задышанный — гробарь. Онъ выглядалъ, якбы где съ кимъ боролся, вырывался; лице его жолто-олѣйное было подрапано, одежь розторгана.

»Я неповиненъ, уже що а я нѣтъ; хвалити Бога, гробаремъ я уже зъ двѣ десятки лѣтъ, а

все закопывалъ якъ пристало« говорилъ онъ ледво хватаячи воздуха.

»А що тобѣ такого?« пыталъ вставши парохъ Аксентій.

»Данко Крецуль жієть, не умеръ!« откинулъ гробарь.

»Якъ жієть?«

»Ну, просто жієть; чобаны бачили на полонинѣ.«

»Бога не хули!« наказывалъ парохъ.

»Святъ его имя« крестился гробарь »я не повиненъ.«

За дверьми оказались головы Гуцулѣвъ.

»Сюда передъ громаду« кричали голоса.

»А уже хотьбы и передъ громадою« говорилъ гробарь, пѣднимаючи изъ земли кресаню и здвигаючи раменами, »хоть и передъ громадою; лишь топоры поховайте за чересы.«

Онъ удалился на обору. Мы выйшли. На оборѣ при свѣтлѣ мѣсяця видна была громада, и старыи мужики и молодыи юнаки. Противъ нихъ стоялъ бѣдолашный гробарь.

»Чого тутъ громада?« пыталъ Аксентій поступивши на передъ.

»А чого!« отозвался вѣйтъ »чого! Гнала за гробаремъ. Вржій сынъ, не гробарь. Не быти

ему гробаремъ. Що такій гробарь! Трумну и не прикрийеть землею.»

»Не говорѣть вѣйте; що вже а то нѣтъ. Мѡй рыскаль уже не одну землю копаль. Двѣ десятки лѣтъ, а земля не рушилась на гробахъ. Ну, и теперъ были вы на цминтари; ану скажѣтъ, роскидана земля на его гробѣ? га? Роскидана? роскидана?« Гробарь вызывательно потрясалъ головою.

»А хотѣбы...«

»Але скажѣтъ, чи роскидана?«

»Та оно нѣтъ, а чогожъ...«

»Ну?«

»А чогожъ, скажи теперъ, вотъ мудрагельный гробарь, чого онъ жіетъ?« наставлялъ вѣить, прибравши побѣдительную позу.

»Не мое дѣло.«

»Не твое? Ай! Якимъ-же то способомъ панцю, не твое?«

»А хотѣбы такимъ, що кто знаетъ, чи и бачили его где!«

»Чи бачилъ?« (Тутъ выступилъ чобанъ и добилъ изъ за череса топѡръ.) »Ану ходи на топоры, то и пѡзнаешь, чи бачилъ я чи нѣтъ. Той самъ Крецуль, той самъ Данко: и то не

смертно-блѣдый, но хватъ, словомъ цѣлый Кре-
цуль.»

Чобанъ замахнулъ въ задъ руками и твердо закѣнчилъ. Аксентій стоялъ нерѣшимо, не знаючи що съ громадою почати.

»А въ хатѣ-жь его вы были?« поспыталъ онъ.

Но никто на то не отвѣчалъ.

»Якій бы тамъ и хосенъ былъ изъ того!« говорилъ вѣйти »до хаты ити! Хата хатою. Ніяке дѣло. А що, громадо, до хаты его пойти был-бы хосенъ?«

»Якійтамъ уже...«

»Еть! що такій и за хосенъ!...«

»Хочете знати« говорилъ парохъ »чи онъ жиеть, то идѣтъ поглянѣтъ въ его дѣмъ.«

Тутъ зацепила коса за камень; до хаты мертвеца никто не спѣшился ити. И поволи громадка начала уменьшатись; одинъ за другимъ уходилъ и въ кѣнци увидѣлся лишь самъ вѣйти съ гробаремъ и чобаномъ. При свѣтлѣ мѣсяця странно ѣтбивали ихъ стати; гробарь якъ бы побѣдитель заложилъ руки за чересь и хитался на своихъ ходакахъ, подѣбныхъ до двохъ чолень, на которыхъ Гуцуль плыветъ въ житю на впрость не зважаючи ни на бурю ни на скалы ни на мѣлизну. Чобанъ началъ теряти

довѣрчивость въ самого себе а вѣйтъ заверталъ упрямо головою въ задъ, якбы хотѣлъ въ воздухъ конечно досмотрѣтись своей опоры-громады. Въ кѣнци ѡнъ сплюнулъ, станулъ широко и розложилъ пальцы у рукъ.

»Якій же зъ тебе чобанъ« свернулся вѣйтъ строго до ѡвчаря »що зъ тебе за такійто чобанъ! На ганьбу взрѣсь Гуцуламъ. Цѣлу громаду сдвигнулъ, а тутъ ничо. Грѣбъ якъ пристало закопанный, крестъ на немъ той самъ свѣжій изъ палей березовыхъ. А ты чи не бабою сталъ и за печею лежачи въ горцѣ пшона якого тамъ Крецуля побачилъ.«

»Въ горцѣ пшона?« пыталъ Чобанъ, потираючи чоло »такъ кажете?«

»Чому бы и не казати!«

»Га!« закончилъ чобанъ »на то вы и урядъ, абы правду говорили. Уже не иначе было, а такъ.«

Стало на тѣмъ, що ѡвчареви лишъ привидѣлся Данко, що ѡнъ у жида при чарцѣ паленки о тѣмъ самъ якъ на долони переконается, и всѣ три успокоенны сникли изъ обѣры плебаніи.

* * *

Уже было пѣздно, тожь мы розставшись съ Аксентіемъ забирались до сну. Кирилль сталъ

при ôкнѣ и поглядалъ на небо; онъ былъ по временамъ роздумующій астрономъ. Лишь до плодôвъ его изслѣдованій не можна было добратись и поневоле тиснулась догадка, що его до облакôвъ пôднесенная голова бôльше глядаеть въ своихъ розмышленіяхъ кôнца синой глубины неба, чимъ останавляется на звѣздахъ. Въ ôкнѣ чорнѣла его стать, длинныи ноги, руки въ задъ заложеныи, долга шіа и профиль съ іозефински зачесанною фризурою. Казалось, на него, по винѣ его астрономичныхъ углубленій, все земное не дѣлало ніякого вліянія.

Товаришъ Илія приступилъ до мене и вдивился.

»Признай« говорилъ онъ »що съ тобою? Я тебе не пôзнаю. Я опасаюсь за твое здоровье. Ты выглядаешь якто совсемъ безнадежно, якбы перебылъ яку долгу болѣзнь!«

И я самъ не зналъ ему на то отвѣтити. Я не ставалъ розбирати, що со мною сталося, я лишь чулъ, що все сбывшоеся того дня мѣшалось въ моимъ умѣ; я былъ недоволенъ собою, я чувствовалъ, що мнѣ якбы ôттялъ кто крыла беззаботной юношеской, буршикозной шалости, що однимъ мигомъ улетѣлъ ôтъ мене той безграничный ясный взглядъ на свѣтъ и я узрѣлся

уже въ инѣмъ ѣтношенію до него. Я якбы перейшолъ въ иную область, въ котрой отмѣнный отблескъ киненный на весь свѣтовый округъ. — Мене тѣснило чувство, которого я не зазналъ еще. Передъ тымъ я николи не попадалъ въ утѣсняющее состояніе ни въ моей молодости, ни въ мужеской жизни, а вже особенно нѣтъ за часъ нашего бушованья по Карпатахъ. Я всегда смѣло, дерзко ступалъ въ будущность и я не видѣлъ причины, чогобъ коли нибудь помрачитись мѣгъ той ясный покой. Я еще и глядалъ борьбы, перепонъ, противностей и съ ласкающимъ удовольствіемъ продирался черезъ нихъ. Жизнь безъ препятствій стается мучительною. И я видѣвши за собою побѣжденную противность, гнался въ другую, на слѣпо безъ остановленія, якбы то было повседневнимъ условіемъ моей жизни.

А тогды въ первый разъ возродились во мнѣ новыи чувства, пѣдрявающіи мѣй юношескій шаль. Мною овладѣла тоска, яка повстаетъ въ насъ, коли дрожимъ на самую мысль утрати чогото дорогого, которого мы и не достигли еще цѣлковито. Не знаю, было ли то предчувствіе, но мнѣ жизнь представилась тогда закрашенна мрачною барвою. На каждый случай,

любовь моя не была тымъ яснымъ, усчаствляющимъ чувствомъ. Я освобождался ѡтъ новаго состоянія, я хотѣлъ стати давнымъ. Но той беззаботный огонь, тая юношеская вспыльчивость, яка сопровождала мене до теперъ, не хотѣла уже вернуть...

Я не мѡгъ и уснути; опустивши комнату выйшолъ я на свѣтъ. По noci глядалъ я прохолоды въ горахъ, которыи доволили мене немного. Всегда любилъ я наши горы, но я ихъ бѣшенно любилъ. Яснѡсть вида, мерцаніе солнца, зеленый гай, рѣчи, которыми такъ любезничалъ мѡй товаришъ Илія, — для мене не были правдивымъ бальзамомъ. Такую природу я узнавалъ лишь звычайною повседневною складностію, подобною до складности дѣвы, котора живетъ въ безбарвной хотъ ясной смѣси чувствъ, у которой страсть черезъ цѣлу жизнь скользитъ не вспыхаючи, у которой на лицѣ всегда тойже нѣмый spokѡй безъ упоительного чару, безъ задумчивости и безъ волненій. Правдиво не восхищался я природою такого рода. Она могла быти раемъ лишь для такой души, якою была душа Иліи, котрый при своей безграничной веселости былъ надъ мѣру мягкій, чувствительный, по временамъ и сентиментальный, и котрый лежащи пѡдъ тѣнью де-

ревъ чулъ и спѣвъ птицъ и шелестъ легкій гаю и журчаніе потока.

Я того всего не чулъ. Мене порывала лишь дикая, таинственная краса: я глядалъ гôrъ съ вертепами, скалами, темныхъ пропадистыхъ, урвистыхъ паровôвъ, а буря и громы ласкали мою душу.

И теперъ тою ночью я толкъся по нихъ — а думаешь, съ прежнею любовью? Нѣтъ, я сталъ ихъ предателемъ. Я ходилъ по нихъ, но такъ, якбы они были лишь на то, щобы перенимати до себе мôй пекущій жаръ. И теперъ въ моей старости доволенъ я еще тымъ, що мнѣ случилось упиватись красотою природы передъ погребаніемъ моего чувства. Природу пôзнается лишь спокôйнымъ умомъ, тогда, коли душа яко дитя природы, сама еще льнетъ до ней. Якъ лишь душа выйдеть по за границы своего первобытного природного ревиру и передастся ôторванному ôтъ природы свѣту страстей и думъ, тогда зъ природы, котора прежде такъ насъ увлекала, не остается лишь свѣтлая порожная даль, въ котору взоръ вглубляется а не снаходитъ ни спочинку ни пристани.

А однакъ якъ лѣкарь, которого мы въ болѣзненной горячи нѣ видимъ ани знаемъ, усмиря-

еть нашу болѣзнь, такъ и тѣи дорогіи горы утохомирили мене. Пѣздною ночью вернулъ я и немного спокѣйно уснулъ.

Но и въ снѣ я чулъ, що мене щото преслѣдуетъ. Мнѣ казалось, що то поломѣнь той червоно-палающей романичельки, очаровательной молдавянки. И я слабосильный ишолъ за тымъ поломѣнемъ, слѣпо ишолъ, бо я видѣлъ, що ѡнъ не слабо миготить якъ тое слабое солнце середъ весенного дня, но що ѡнъ жарко палаеть, що ѡнъ не знаетъ мечтательного трепетанія, лишь рѣзкую вспыльчивость и полноту чувствъ.

Пробудившись рано я былъ по части успокоенъ. Не брался я уже погрязати въ моихъ мысляхъ, лишь присталъ до дѣйствительности.

Иліи уже не было въ комнатѣ; смотрю, лишь Кириллъ спить еще. Храпитъ блаженный, якъ той козакъ, що таки на поли уснулъ пѣдложивши башмакъ пѣдъ голову. На его устахъ улыбка, крыла носовыи въ стереотипнѣмъ руху, чело ясне не притушенное хмарами — счастливецъ! И чогожъ челоуѣку розбиватись съ видѣніями, съ пустыми марами, чого западати въ борьбу съ тымъ, зъ которого побѣды ніякого намъ ужитку и ніякого побѣдительного удовольствія!...

Я всталъ и началъ собиратись; во мнѣ вер-

тала давная легкость. Мысль, що я на Черно-Горѣ, що тутъ останемъ долшій часъ, що роспльватись будемъ въ гôрской сельской роскоши, выродила во мнѣ новыи силы.

Въ тôмъ почувъ я яркій, звонкій смѣхъ, проходящій изъ огорода, по котрôмъ послѣдовалъ другій альтовый. А той смѣхъ пôзналъ бы я хоть по сто лѣтахъ. Такъ лишь Ілія смѣялся. Я ôтслонилъ оконную рулету и поглянулъ въ ôкно. Солнце уже высоко было.

На огородѣ были двѣ дамы, а съ ними Ілія, котрый съ обома дамами былъ уже якъ братъ и сестра, впрочемъ явленіе не удивляющее. Съ карпатскими дамами стаеть конверзація ôтъ первой хвили непримушенною и свободною.

Ілія дозрѣлъ мене въ ôкнѣ.

»А, наконецъ! наконецъ!« кричалъ ôнъ витаючи мене. Дамы звонко засмѣялись.

Уже тii дамы! То правдивый штафажъ украшающій свѣтъ. Та сама плебанія, въ которой вчера еще было якто не свойски, не полно, пусто, та сама плебанія ôтъ разу стала нынѣ иною, оживленною, якбы свѣжою краскою ôтновлена. И щожъ той дамскій смѣхъ? Щожъ собственно той смѣхъ. А однакъ безъ него и тii цвѣты въ огородѣ лишь сухими бадылями, и зе-

леність природи безжизненна, а вже признай и той медь старинный снижается до уровня нежентелменского напою.

До нашої комнаты войшолъ съ шумомъ Ілія.

»Ехъ, спюхи! спюхи!« говорилъ онъ, наливаючи собѣ стаканъ воды, »не знаете жизни! Найкраснѣйшій часъ переспали. Кажу вамъ, я одушевленъ. Що за дамы, тѣи дочери Аксентія! Кажу вамъ, мы въ счастливую годину тутъ попали. То суть просто цацка, не дамы. Они приехали зъ сосѣдства нынѣ рано. Я вже запѣзнался съ ними, и то гдѣ! Коли я выйшолъ, — а правда, сказати вамъ мушу, що я былъ вже въ хатѣ Крецуля на кѣнци села. Зъ мертвеца и слѣду нема. Хата пустою стоитъ... Въ самъ часъ тогды всходило солнце. Чи вы бачили, якъ оно освѣчаетъ мраку надъ Черно-Горою? Не бачили! Ай! то игра барвѣ, якої я не видѣлъ. Щось порывающого. А пропо, — забираемся нынѣ до двора, я вже условился съ жидомъ, квартира добра. Але що! Ходи но тутъ, ты, що вчера выглядалъ якъ по цѣлѣмъ мѣсяци посту (онъ указалъ на мене), знаешь? Та молдаванка обитаетъ таки въ близи коло двора, огороды лучатся. А маешь знати она не цѣлко-вита румунка. Ей отецъ Румунъ, а мати была

Гуцулка, значить уже умерла, то есть она, ей дочь таки хороша! Що за коса у ней! Но правда, препорученіе ѿ нашихъ дамъ до васъ: вставайте и ходѣтъ, они ожидаютъ насъ, маемъ разомъ снѣдати въ огородѣ. — Одна зъ нихъ называется Ольга, друга Фавстина. Одна блондинка, друга брюнетка, але такъ не совсемъ, троха шатинка. Одна зъ нихъ щебечетъ, ажъ уха болятъ, друга троха чи не придумна...»

»Котора?« поспыталъ теперъ нерушаючись изъ подушокъ Кирилль.

»Фавстина. Ѡтъ ней якбы холодный вѣтеръ вѣялъ, и тому она мнѣ не нравится.«

»Чому?« пыталъ дальше Кирилль.

»А но, що за дама! Що дама значить безъ життя; а мадамъ мама ей, говорить, що она была королевою.«

»Где?«

»Вчера на праздничномъ вечерѣ.«

»У кого?«

»А тутъ въ сосѣдствѣ. А однакъ панночка сама мимо того недовольна собою.«

»Чимъ?«

»Кажется, ю побѣдила другая!«

»А!«

Тутъ Кириллъ потягнулъ якъ магнетизеръ долонею по челѣ.

»Зваживши« началъ онъ »що женьщина яко смѣсть самыхъ прелестнѣйшихъ сокровищъ, станетъ якъ приманчивая звѣзда въ жизни каждого чоловѣка, що чоловѣкъ яко сложеніе самыхъ сухихъ хотъ высокопарныхъ аксіоматѣвъ стремится до блескотливыхъ увлекающихъ стихій, все то зваживши, конечно признати треба, що дама, если хочетъ быти правдивою женьщиною, повинна сдержанно изъявляти и удѣлати своихъ сокровищъ, значить она повинна всегда якбы зъ якої высоты, якбы съ ѣдѣльного пѣдесталу ѣтноситись до своихъ почитателей. Тогда выкличетъ она у нихъ и жажду тыхъ сокровищъ, такъ якъ то, що намъ безъ препятствій доступно, не плѣняетъ звычайно, якъ наконецъ по достиженію того сокровища остигаемъ въ нашѣмъ стремленію.«

»Неконечно« отвѣчалъ Ілія запаляючи сигаро »то, що ты называешь остиганіемъ по достиженію цѣли не есть ничѣмъ инымъ, якъ тѣлько косвеннымъ ѣтблескомъ счастья, которе по удовлетворенію желаній въ насъ повстаетъ. И далеко ошибаешься, если представляешь собѣ правдивую женьщину яко зимную маску. То статуа бу-

детъ, не женьщина. Жизнь и женьщина то нероздѣльные понятія. Ничъ въ свѣтѣ нема неприроднѣйшого якъ дама безъ жизненности. То ніяка не женьщина!»

»Ехъ ты рострѣпанный!» говорилъ Кирилль, побачивши, що Ілія якбы съ огорченіемъ произносилъ свои слова, »еще ледво и солнце вышло, а ты уже здается съ дамами и налюбился и наспорился и нагнѣвался.«

»Що нагнѣвался!»

»Признайся.«

»До чого и признаватись?»

»Ага, здрадился.«

»Чимъ здрадился?» ѳтпирался Ілія »яжъ ледво кѣлька годинъ ихъ знаю. А правда, казали, що нашего ѳтъ вчера переобразовавшогося Артемона знаютъ по имени. Ану, що ѳнъ тамъ дѣлаеть, той нашъ Артемонъ?»

Они свернули очи на мене. Кирилль улыбулся по фавновски, моргнулъ бровою и повѣялъ кѣлька разѣвъ своею медвежою долонью, на знакъ, що зъ мене пропащій уже чоловѣкъ, що я по уха вже затопленъ. А Ілія здвигнулъ раменами, розложилъ неѳтрадно руки и началъ проходжатись. Я хотѣлъ быти на ихъ мѣстци. Они такъ холодно осуждали женьщину а я не осуд-

жалъ, не розбпралъ, я зналъ лишь горячъ чувства, любовь и жаръ... Въ кѣнци Илія сложивши на грудехъ руки сталъ передомною. Я чулъ его дружескую заботливѣсть.

»Жаль дивитись« началъ ѡнъ »якъ той чело-вѣкъ, що колись такъ грѣмко голосилъ на ко-мерсахъ саламандры, якъ чело-вѣкъ, що безна-ганно пилъ Шмоллисъ и Ексъ, якъ той чело-вѣкъ теперъ чашу пѣдноситъ якъ лайкъ, якъ якій новикъ, котрый еще не дослужился, абы достойно поступити въ корпъ и надѣти его лен-ту. А все то женьщина! Що тобѣ тамъ жень-щина! Ну скажи, що такое женьщина? Для ней теряется всю прелесть замашистой жизни. А житъе що варто, если оно не замашисте? Зна-чится просто: не жилось.«

»А до того зваживши« продолжалъ своимъ повольнымъ голосомъ Кириллъ, любующись въ зеркалѣ прическомъ, »зваживши, що женьщина ничѣмъ инымъ лишь демономъ чоло-вѣка, що учепляется его якъ упырь крови, слѣдуетъ женьщину неменьше не бѣльше, лишь держати на увязи: словно на увязи. Иначе скажи: аддіо и твоему апетиту и всякой пѣдставѣ надеждной жизни.«

Я завидовалъ имъ тыхъ слѣвъ. Но Илія былъ

больше уже нынѣ доволенъ. Я втянулся незначительно въ ихъ дерзкій шаль.

Мы прилучились въ концѣ до дамъ, котрыи вже съ заставленнымъ столомъ ожидали насъ въ огородѣ.

Того рана мнѣ было легко, спокôйно. Я чувствовалъ блаженный бальзамъ ласкающій мою душу. Не знаю, была ли то близость тыхъ дамъ, полученна съ свѣжостію воздуха, красотою природы гôрской и сельскою идилію, но я былъ чрезмѣрно собою доволенъ. Въ нашомъ кружку владѣла непринужденная веселôсть. А однакъ тѣи дамы, той ихъ розговоръ видѣлся мнѣ такійже, якъ той ясный день на горахъ, въ котромъ ни вѣтеръ не дунеть, ни хмарка не явится, лишь спокôй розлитый и солнце слабо миготить освѣгаючи холмы. Такою природою я не восхищался хоть радо въ ней оставалъ.

Уже на вступѣ заявила мнѣ Ольга, що они знаютъ мою родину, що тѣшатся давнымъ а разомъ и новымъ знакомымъ и що они знаютъ вже о цѣлôмъ нашомъ странствованью по Карпатахъ. Мы ôтъ первой хвили стали съ Ольгою дружественны. До ей ясности волоса сложились нѣжныи черты лица, живыи синіи очи, малый носикъ, и той усмѣхъ на устахъ, котрый на пôль

вызывающе на пѣль добродушно-кокетно дразнить и унимаетъ. Она была якъ той поблескующій до солнца березовый гай.

Темный, не много таинственный взглядъ дубровы припоминался на видъ Фавстины. Она держалась всегда въ обчисленныхъ движеніяхъ, майже не змѣняла разъ принятого жеста. Я смотрѣлъ на ей профиль. Ей коафюра, причесанна изъ зады въ гору звивалась помпадуровыми лѣконами на челѣ, а при тѣмъ увидатился слогъ и краса ей продолжистого лица и ей шіи. Особенно та бѣлая шія, лебединая шія. Была якъ выточена а бѣла! Бѣлость у карпатскихъ дамъ то не та зныдѣлая блѣдѣсть модныхъ пересыченныхъ жизнью дѣвъ, то бѣлость назначающа полноту бѣгущей крови и неувядшей свѣжости. А той вѣчный снѣгъ на полонинахъ и весенній холодъ Карпатскій якбы отѣняли и хоронили тую бѣлѣсть и середъ лѣтної спекоты.

Она по часамъ лишь отвѣчала Іліи. Я не мѣгъ не замѣтити, що межи ними щото зайшло уже якбы внадившій ся случай. — И на диво Ілія потуплялъ голову и его трепетливость въ бесѣдѣ снижилась не много.

Мы еще были въ полнѣмъ розговорѣ, коли до плебаніи вступилъ Аксентій парохъ. — Онъ верталъ изъ села съ якимъ-то мужикомъ и отправивши его приблизился до насъ. Но мы не пѣзнали вчерашняго Аксентія. Онъ не виталъ насъ такъ буршикозно якъ вчера, былъ розсѣянный, не отвѣчалъ на запросы Ольги, лишь потягалъ дымъ изъ своей гейдельберки. Безъ сомнѣнія на нынѣшней мысливской выправѣ ничего не убилъ. Алежъ якъ идешь съ ручницею въ горы, то вже тамъ не розходитъ ся о якого лиса або заяця. Що то за звѣрина! То и дичиною не называй. Для мизернаго шарака не сотворена ручниця. А такъ кобы сернюка, або медведика, або наконецъ уже со стратою и дика зачепити, то уже ѿтъ бѣды варто и зѣгнутись по таку добычку. И то лише коли на силу пѣдъ чловѣка натискается, щобы го убити. А иначе стыдъ былобъ гнати ся за ними. Отъ примѣромъ сернюкъ. Пѣдходи пѣдъ него плазомъ, пѣдбирайся маневрами, словно шпіонъ якій. Добрежъ еще если противъ вѣтру; а прійдетъ пѣдъ вѣтеръ, то плазомъ тягнись за сернюкомъ по увозамъ, якъ за тою ниткою Аріадны въ лабиринтѣ. Коротко: за нѣсъ водить чловѣка. И то маеть быти звѣрина!

А медведикъ? То уже не то. Тутъ не глядай и гавры его. Самъ прійдетъ тобѣ пѣдъ руку. Съ такимъ уже иное дѣло; варто хотъ поглянути разъ. И легко пѣдетъ: тарахъ, тарахъ, и уже бѣдняка лежить пѣдъ твоими ногами якъ бы чижики якій, лишъ за уха вражіи пѣдноси и забирай. — А теперъ-же съ дикомъ. Любезный, правый собѣ человекъ. Возьми за шію ягня, то будетъ то само, якъ бы и дика взялъ. А тогды придержи немного и кинджаломъ въ чело...

Но Аксентій и не былъ нынѣ съ ручницею на горахъ.

»Менѣ« началъ онъ въ концѣ »чи не вбился упрямо въ память вчерашній вечеръ? Або я недоспалъ нынѣ; а нѣтъ, то они не даромъ вчера наставляли на гробаря. Подумайте лишъ, я нынѣ видѣлъ Данка Крецуля, не кого иного лишъ тогожъ самого Крецуля, которого вчера погребали. Еще рано выйшолъ я до церкви. Была густа мрака. Я сближаюсь до входа а у входа спить Крецуль. Лице его змарнѣлое, грустное, одежъ и борода безладна. „Данку“ сказалъ я поневольно. И Крецуль збудился, всталъ, поглянулъ на мене и зникъ въ мракъ. Думаю однакъ, що мнѣ провидѣлось и я дѣйство чувствуюсь нынѣ не совершенно здоровымъ.«

Мы распращались и пустились въ двѣрь, щобы до нашего побыту уложитись.

* * *

Печеть полуденнее солнце на горахъ. Якъ ранокъ на Карпатахъ свѣжій, холодный, якъ передъ зорею на вершинѣ гѳрской здається чело-вѣку, що плынетъ горою надъ воздухомъ, такъ въ полуденній часъ спекота жарить, чувствуется тяжесть воздуха, застоѳ, а отдыхається пламенями. — На верхахъ гѳръ розпадаються ѳтъ горячи камни, на спадахъ вянетъ полонинская трава, а на поляхъ колышутся волнисто засѣвы якъ розогрѣтое море.

Коли мы переходили по при поля, зачули мы играющего лаутаря. Пѳдъ кущами орябины сидѣлъ мужикъ малого роста, набытого тѣлосложенія, котрый ѳтмѣнный былъ ѳтъ гуцулскихъ типѳвъ тымъ, що носилъ грубо-сѣраковыи гайдаверы, на головѣ круглую шапку, а на плечи кожухъ, башмакъ и то не съ волною въ спѳдъ, лишь цѣлый кудлами оберненными на верхъ. Той широкій и короткій башмакъ закиненъ былъ на рамена и лишь спятый пѳдъ шією. Изъ пѳдъ круглой шапки, кругомъ напушился волосъ его брунотно-желтый якъ у ѣжа. Его лице было

не иначе а птичье. Передняя щека поданна въ задъ, нѣсъ долгій а пѣдъ нимъ усь пѣдстриженный, котрый якбы стрѣхоу окрывалъ грубыи уста. Его лице было якбы изъ камня утолоченное, казалось, выдавай его и незнати на яку бурю а останеть всегда тоже темное, бороздистое. Его ходаки зазнали уже не одного лѣта, были отвѣчныи, на кѣнцахъ высоко въ гору загнены, а такоюжъ отвѣчноу здавалась быти и его лаутара, віоля, котору ѡнъ пѣдъ шіею держалъ и по которой затыгалъ смыкомъ, якбы кого сѣкъ або топоромъ рубалъ.

»Ану, чабарашку яку.« Крикнулъ Илія вынимаючи сакву.

Лаутаръ всталъ, исправилъ на плечехъ башмакъ, прижмурилъ око и почалъ выдобывати тоны скрипчивыи, но неспокоѣныи, уривистыи, подобныи до бѣгу дикого гарсамаря, котрый не бѣжитъ чваломъ, лишь рветъ землю копытами и сновъ пристаеть. Окѣнчивши, ѡнъ опустилъ лаутару и поглядаючи на насъ засмѣялся, словно клювъ отворилъ.

»Кобы жили лацманы!« говорилъ ѡнъ, зоскочивши и прилучившись до насъ »съ лацманами я знаю. То и люде. Добрыи и наши гуцуляки, але що паны, то паны! Шить... (ѡнъ сновъ

шепотливо засмѣялся) А у попа гарды дѣвы; эй Богу, гарды, и выбирати не треба. То ангелики, не дѣвы.»

Онъ ишолъ съ нами и вступалъ вже въ нашъ дѣмъ. На лиці Іліи мы видѣли улыбку. Коли мы остали самы, свернувся до насъ Ілія:

»Вы и незнаете, правда: той лаутаръ станетъ нашимъ ганимедомъ. Еще рано я знайшолъ его, якъ на камняхъ надъ рѣкою сидѣлъ и выгrywалъ на своей віолѣ. Онъ радо присталъ на мой призывъ. Не есть газдою. Не увѣрите, якъ долго я съ нимъ говорилъ. Онъ не маєтъ ни хаты, ни поля, ни якого нибудь имѣнья. А по чину есть лаутаремъ, игрокомъ на гуцулскихъ свадьбахъ и гулятикахъ. Онъ носить и лѣтомъ и зимою той кудлатый башмакъ, то его цѣлый добытокъ. А его цѣлымъ свѣтомъ здається быти его лаутара. Онъ сидѣлъ на каменнѣмъ берегу Черемоша, якъ якій демонъ, ничого не чулъ, лишъ свои тоны. Я пыталъ где дѣмъ его. Горы — кажетъ — и Черемошъ. И доволенъ, якбы полъ свѣта малъ пѣдъ собою. Его цѣла душа вылянна въ тонахъ той віолы; кажѣтъ, що хочете, проста то душа, а чогожъ затопленна такъ въ своихъ мелодіяхъ? Думаете, она почи-

ваетъ безмысленно тогды? Тоны достаточно указуютъ, що въ ней происходитъ.»

Я выйшолъ изъ комнаты. На оборѣ стоялъ нашъ лаутарь: птичья стать, не лишъ лице, а цѣла стать птичья. Башмакъ съ волною якъ туловъ пташій, ноги тонкіи съ дзюбастыми ходаками припоминали на птичіи щудла. Приблизившись до него, я замѣтилъ шрамъ на его лица. Я попыталъ, где его получилъ.

»То еще передъ лѣтами« кажетъ »давно: дѣвичью косу мы разъ ѡтбивали. Уже такіи у легинѡвъ обычай, дѣвичью косу боронити, хотъ бы и на топоры прійшло.»

Тутъ же изъ притыкающаго огорода запалалъ огонь. Но не звычайный огонь; то пламень молдавянки. Помежи листья деревъ я видѣлъ червоную дымку. Она мелькнула и въ коротцѣ показалась моя романичелька. Уже скажу: моя, такъ якъ я чулъ, що весь мѡй умъ лишъ нею занять... Она не мала теперъ кшптар, лишъ бѣлую цвѣтнонашиванную сорочку съ бюфками на рукавахъ; и мнѣ при ней ничѣмъ видѣлись бюфы модныхъ дамъ.

Но то еще ничо. За другимъ днемъ былъ храмовый день въ селѣ. Я взялъ мѡй крысатый капелюхъ и ѡтправился до церкви, на базаръ.

Горячій былъ день, солнце жгло. Гора пестрѣла
 ѡтъ барвныхъ уборѡвъ сѡйшовшогося народа.
 Межи нимъ розложено было въ полнѣ мѣсто:
 жида съ своими крамами, плячинтари съ своими
 малаями и олѣйными плячинтиллями, угорскіи
 торговщики съ анталками квасу и вина, коссов-
 скіи гончари, сафьянщики изъ Куть, ткачи зъ
 Коссова, олѣйники изъ Семиграда, рѣшетники
 изъ Лемкѡвщины, всѣ съ своими výroбами и
 плодами. А народа сама краса тутъ явилась:
 бойкіи гуцулы и зъ надъ Черемоша и зъ надъ
 Прута, думныи воинныи стати. Найкрасшое
 оружье блестѣло нынѣ за чересами.

Ты поймешь, що я межъ тымъ всѣмъ глядалъ
 ей... Я перейшолъ базаръ... Она стояла опер-
 та о балюстраду слаженну на часъ базару и
 держала за руку брата, осмилѣтняго хлопака.
 За нею, за балюстрадою стоялъ румунскій ле-
 гинъ и схилившись до ей лица велъ розговоръ.
 Теперъ изъ ней билъ восточный блескъ. Стать
 обнималъ чорный богато аграпованный горсетъ:
 вѣтеръ повѣвалъ лентами, которыи якъ огненныи
 языки до солнца миготѣли.

Я приближался до ней, якъ тая овладѣнная
 жертва въ объятія боы.

Въ тѡмъ замѣтилъ я, що легинъ ѡтойшолъ,

лишь романичелька стояла недвижимо. Я приступилъ на мѣстце легиня; тутъ же стануль я коло ней. Я чуль ей жаръ. Що за рѣсницы у очей... Ей тейнтъ на лицѣ былъ и нѣжный а прото огненный. На устахъ ей удерживали аморки вѣчный огонь...

»Онъ любить васъ?« пыталъ я, ставши такъ коло ней.

На мои слова она удивленна пѣднесла головку и поглянула на мене. Знаю уже той взоръ! Знаю уже той поглядъ, который ни на хвилю не спочинетъ въ жарѣ, хотъ гордо по временамъ стремится. Она по видимому не надѣялась такой замѣны. Она сновъ ѡтвернула тварь и спламенѣла; ей рука дрожала. Но въ той хвили позабыла она стати тою гордою дѣвою, якою была, коли я ишолъ съ нею за трумною.

»Кто ты?« отозвалась она въ кѣнци поглядаючи сновъ на мене. По мнѣ пройшолъ дрощъ. Тое »ты« обезъоружило мене; я не чуль еще того слово ѡтъ женьщины. Одно слово »ты«, а оно якъ якій хоръ звучало въ моей души. Ей голосъ не былъ мягкъ, не былъ грубъ, якъ голосъ лѣсной богини Вилы, звучалъ и просительно и смѣло, и дико и унимающе, якъ тонъ гобой, сладкостію напоенный и дикостію закрашенный.

»Артемонъ, смотри же на него« озвался за мною голосъ и я почувъ руку на рамени »кличу тебе, а ты на смерть заглушенъ. Ходиже они чекають.«

То былъ Илія, который потягнулъ мене за собою. Въ близи насъ роздался звонкій смѣхъ. Чійже то якъ не Ольги? Обѣ дамы розговаривали съ Кирилломъ, котрый выпряменный якъ струна перевысшалъ головою весь народъ. Я еще не вспѣлъ привитатись, а уже рамя Ольги почивало въ моимъ, Илія прилучился до Фавстины а Кириллъ якъ покровитель зъ высоты поглядаючи ступалъ за нами, словно журавель, ѿтъ часу до часу пѣдносячи свои крылатыи руки.

Мы проходили въ близи моего фантому, моей романичельки, котора кинула зъ укуса на насъ кѣлька поглядѣвъ. Послѣ она отвернулася и я видѣлъ, якъ она нервово угинала въ рудѣ сорванный цвѣтъ.

Я ишолъ майже безмысленно. Еще гомонѣлъ менѣ въ души той странный кольорить ей голосу и я первый разъ въ жизни почувъ, щѣ можетъ слово одно женьщины, а еще женьщины такой, якою была романичелька. Правдивое дитя природы, елевка страсти, красы, палающей крови, и гордой самосознательности, мрачной задум-

чивости и таинственного чару. Хоть въ ей очахъ горѣлъ огонь, а однакъ они оточены были ореолею неизглубимой меланхоліи а меланхолія дѣвичья есть тою вѣчною колыбелею, въ которой улюляется и сама бурливая человѣческая душа. Дѣвичья тужливость и задумчивость, есть даромъ природы, указующимъ на совершенство, которе выраждаетъ въ насъ неизъяснимое стѣсняющее чувство, а за котрымъ крыется у женыщины вся полнота женскихъ волненій и страсти тайно пламенѣющей, подѣбно якъ мрачная дикая краса природы вливаетъ въ насъ тойже неизъяснимый трепеть и волненіе, краса, котра що хвили грозитъ переходомъ въ блискавицы и бурю.

Не плѣняла тогды мене ни обчисленная поза модныхъ дамъ, ни ихъ повременная улыбка, ни по модной точности сдѣланный жаботъ, ни блестящій браслетъ. Я зналъ лишь красу и чувство. И съ ними попалъ я въ безпредѣльную любовь. Безуменъ былъ я. Но за будущность я не пыталъ, я лишь чулъ що она зажгла во мнѣ любовный жаръ, що я не выдобудусь изъ него, що онъ цѣло обѣялъ мою душу...

Мы зступали съ Ольгою дорогою до плебаніи.

Легкая вонь резеды, въ котрой уплывала Ольга, освѣжила мене. Надъ гущавиною березовою уносились дикіи голубы.

»Думаю, вамъ въ самъ часъ припало бы до души« говорила Ольга смѣючись своимъ свойственнымъ сложеніемъ устъ, »що въ васъ отвѣтное отозвалобысь чувство, которе якъ здается, не далеко ѿтъ васъ ѿтдѣленно, еслибъ примѣромъ самъ бѣлый снѣжный голубъ принесъ вамъ листокъ ѿтъ дамы,... подумайте листокъ вонный ѿтъ дамы... а! роза на вашѣмъ лицѣ, невозможно, повѣрити не хочется, первый разъ бачу, що и мужчины не лишъ дамы знаютъ краснѣти а щожъ доперва былобъ на видъ самого листка...«

»Жаль« отвѣтилъ я (чому я спламенѣлъ, не знаю; еще новикомъ былъ я въ любовныхъ дѣлахъ) »жаль но такіи голубъ еще не знайдется просто тому, що и дамы такой я въ жизни еще не знаю.«

Я учуль легкое дрожаніе ей руки.

Но вгдругъ она сновъ звонко засмѣялась.

»Очевидно не знаете« говорила она.

Очевидно? Чому она мала не иное лишъ то слово сказати? Щожъ очевидно? Зъ ѿтки очевидно?

»И здається не будете знати въ жизни« про-

должала она »бо дамы уже съ звѣздами не говорятъ: тожь и ѿ звѣздъ не довѣдаются.«

Такъ?

»Не предсказуйте уже такъ безмилосердно« молилъ я, »во мнѣ вже начинается повставати желаніе, щобы явился такій голубъ. Ябъ его съ сердцемъ привиталъ.«

»А еслибъ мѣсто голуба посланницею была дама?«

Я не понималъ ей.

»Тогда« кажу »кто знаетъ не привиталбы я сердечнѣйше саму посланницу чимъ листъ.«

»Не шутѣть: въ тѣй хвили я перемѣняюсь въ голуба, тутъ до васъ листокъ.«

Она дѣйстно подала мнѣ изъ за горсета листъ. Я удивленъ поглядалъ на ню. Она смѣялась. Въ тѣй хвили мы были уже на огородѣ. Она уволилась ѿ мого рамени и улетѣла въ плебанію.

Я розломилъ ковертъ. Начеркъ женскій. Дрожащая рука. Читаю: »Сполнѣть мое прошеніе. Якъ знаете, нынѣ у насъ праздничный вечеръ и звѣздъ сосѣдъ; вы останете у насъ. А мое прошеніе: не принимайте до полночи ѿ вашего друга Іліи ніякихъ предложеній, лишъ до полночи. Скажѣть на случай, що пріймете ихъ по полночи. — Фавстина.«

Я не зналъ, що означаетъ той листъ, переданный мнѣ отъ Фавстины черезъ Ольгу. Однакожъ я постановилъ исполнить высказанную въ немъ волю.

* * *

Начался вечеръ. Кажется преданіе народное, праздникъ Юрьевій золотыми ключами отмыкаетъ землю и пускаетъ росу на широкую Русь и на весь свѣтъ. — А тымъ-же суть и праздничныи всѣ дни для карпатскихъ душечекъ и сердецъ. На праздничныхъ звѣздахъ золотыми ключами отвираются любящіи сердца, отвирается новый весенній свѣтъ. — Тутъ подъ изъобильною росю поглядѣвъ плѣняющихъ дѣвичьихъ очей пробуждаются первыи зародыши безцѣльной мужеской розсѣянности а выступаютъ въ полнѣмъ уже развитію первыи вѣти женского самолюбія, женской самоувѣренной пустоты, которая подъ ніякимъ небомъ совершенно не хочетъ искорениться.

Если дама залюбленна въ своихъ очахъ любезничаютъ ими въ зеркалѣ на самотѣ, то на салѣ она згаряетъ жаждою, щобъ въ тыхъ очахъ якъ въ русальчинихъ объятіяхъ унывали отъ любезничанія сердца обожателей... Дама есть

тою горлицею, що неустанно бѣжить передъ огненною стрѣлою идола Провна а николи не останавляется въ бѣгу. Такъ и дама вѣчно стремить до овладѣнія сердець а овладѣвши сновъ начинается новый полонъ.

Думаючи еще о листѣ Фавстины вступилъ я по первѣмъ танцѣ на салю. На бочной козетцѣ сидѣла Фавстина съ якоюто другою дамою, а при ней Илія. Я замѣтилъ, що Илія своимъ живымъ способомъ розправлялъ, на що однакъ Фавстина отвѣчала небрежно, полсловомъ, взоръ въ неопредѣленное затапляючи и держачи всегда по лебединому свою бѣлую шію и красивую тварь. Сказатибъ она нѣмый, холодный мавзолей, а однакъ якъ и той мавзолей насуваєтъ много мыслей...

Я вернулъ въ мужескую комнату. Кирилль сидѣлъ съ продолженными ногами при столѣ, одну руку закинулъ за поручь кресла, а въ другой несогнутой долони держалъ межи пальцами сигаро. Въ клубакъ дыму выглядалъ онъ якъ астрономъ въ облакахъ. Я сѣлъ при тѣмъ же столѣ.

»А що?« пыталъ онъ хлипнувши носовыми крылами, якъ бѣгунъ, который щось вѣтрить.

»Якъ що?« кажу.

»А Ілія?«

»Не понимаю тебе.«

»Хе, хе!«

Кириллъ заложилъ еще и другую руку за поручь кресла и спустивши голову, розширивши уста, смѣялся такъ, що изъ очей покапали слезы. На то надѣйшолъ Ілія и сѣлъ такожъ при нашѣмъ столѣ.

»Добре що васъ снаходжу разомъ« началъ ѣмъ непостояннымъ голосомъ »власне маю вамъ мое намѣреніе предложить, на которе, якъ думаю и вы согласитесь.«

»Позволь« ѣтозвался я »уже прости, але середъ такого праздничного шалу намъ не запускаться въ якісь предложенія и мнѣнія. То не соглашается съ властивостію буршикозной ночи.«

»Вы не поняли мене; тутъ не дѣло о якую дебатую, не думай, що то якій спорный вопросъ, требующій науковой дискуссіи. Тутъ о що иного расходится. Отже...«

»А хотьбы и такъ. Видишь, отъ власне мали мы намѣреніе съ Кирилломъ начати на добре академичное кнейпованье, а ты якбы на докоръ внадился съ якимись мнѣніями... Отложи бодай до завтра, а положѣмъ уже до пѣлнчи...«

»Думаю, нема що чекати до пѣлночи. Все одно. И теперъ скажу.«

»Я не принимаюсь слухати я затыкаю уха и ѡтхожду.«

»Але щожъ?...« Илія выдивился на мене
»Артемонъ, я тебе не понимаю...«

Я здвигнулъ раменами.

»Зваживши« ѡтозвался теперъ Кириллъ, пѣднесшись и прибравши ораторскій жестъ »що время дорогое, що нѣчь уже высоко, а шафнеръ комерсовый далеко, все то зваживши думаю, що слѣдуетъ почтити нынѣшнюю нѣчь, якъ принадлежить, що наименьше однимъ оффиціознымъ саламандромъ, а дальше зваживши, що жизнь человѣка не повинна якъ орлье гнѣздо причепляться до скалъ, но якъ мева мягко плысти по волнахъ, думаю, що той саламандеръ достойно можемъ выпити на процвитаніе шваліэрской свободы.«

На такую со всею тонкостію произнесенную рѣчь Кирилла посыпались до окола громкіи рукоплесканія, за которыми слѣдовали безнаганныи удары нашихъ саламандровыхъ чашъ.

Мы узрѣли теперъ передъ собою Фавстину и ей подругу. Фавстина призывала именно Илію до начавшогося уже танцю. Теперъ на ей устахъ

игралъ любезно-шельмовскій усмѣхъ, а такій уже самоувѣренный, що поневолю брала охота скрушити, сломити его...

Но що! Зачимъ солнце выйдеть, роса очі выѣсть. Зачимъ приберешь ся по военнымъ маневрамъ за его скрушеніе а уже ты самъ бѣдняка въ оковахъ.

Я уже не дожидаль рана. Лишь помню, що я цѣлую нѣчь плясалъ на слѣпо, безъ остановленія, но и безъ — давной сласти. Я не старался шептати въ ушка дамскіи комплиментѣвъ, я не думалъ о предметѣ розговора, я не принималъ театральныхъ позъ, я не глядалъ за тетами и матерями, абы на облазы добратись до приклонности дѣвичой, я зналъ лишь танецъ яко хотьбы частное средство на мои давящіи чувства. — А такъ я лишь. иначе ужилъ плясбы, чимъ ей уживають нынѣшніи и старинныи плекатели. Що нынѣ танецъ? Спортъ лишь страстный, не той давный гармонѣйный складъ движеній, который малъ цѣль самъ въ собѣ, быти красно-сложнымъ для очей другихъ. Теперь розвязанны у него тіи узы уложенной красы и танецъ не стаеть уже зрѣлищемъ, лишь непосредственно ласкающимъ спортомъ, а посредственно поприщемъ супружескихъ связей. И еслибъ еще не народъ,

который бережетъ властивую цѣль и свойственность танцю яко отблеску народного типу, то онъ утратилъ бы совершенно свѣй искусственный урокъ и перейшолбы съ временемъ въ родъ упоивающаго средства въ родѣ морфины и наркоты. Изчезновеніе ванаальдеа, мирмена, гавотта, павана есть косвеннымъ предсказаніемъ изчезновенія народного типу. Поки существуетъ сарабанда, тарантелля, шпаньоль, доти существуетъ и порывъ свойственный народу и его жизнь. —

По полночи стрѣтилъ я снова Ілію.

»Нѣтъ« говорилъ онъ »я уже отступаю отъ моего предложенія, которе я намѣрялъ вамъ изъяснити. Уже отступаю, не хочу казати, какое оно было... На каждый случай было неумѣстне.«

Ілія при тыхъ словахъ былъ чрезмѣрно доволенъ.

* * *

Я опустилъ плебанію, коли вже зачалось пробивати ранное свѣтло. Природа будилась изъ сна мрачно, якъ дитя, котре по пробудженію на полъ спящо протираетъ очи. Таинственно синѣла Черно-Гора; первыи лучи солнца искрились въ ей мракахъ якъ золотый пылъ на стѣнахъ Ельдорадовыхъ. — На луцѣ качался въ

ранной росѣ лисѣ съ своими плутовскими малыми, въ гущавинѣ ѡтзывалась вдовиця сива зазуля, а ѡтѣ зруба звучалъ понурый звукъ дятеля, того лѣсного гробаря.

Я сближался до берега надѣ потокомъ. Нѣтъ, очи мене не заводятъ. То она, зѣ дали уже червонѣетъ ей уборъ. Головка романичельки почивала на камни. Она была умучена, якто, смотрѣла мрачно... А уже, странная была женьщина.

Она встала; темная бѣлость ей лица якъ мраморъ встрѣчалась съ лучами солнца. Вдругъ я почувся въ ей раменахъ... Странная была женьщина. Она была теперь тою оршидеою ваннилевымъ восточнымъ цвѣтомъ, що паразитно обнимаетъ деревныи колысы въ отвѣчныхъ лѣсахъ своими гирляндами и червоножолтыми пантеровыми цвѣтами. Совсемъ тая пантерова пестрость.

»Слухай« говорила она »ты любишь тую даму? тую, съ котрею ты вчера на базарѣ переходилъ... ты любишь тую ясноволосу? Не люби... а Етелька?«

Я не даромъ казалъ, на ей устахъ аморки пѡдержують вѣчный огонь. Мнѣ здавалось, що пламень, якій я прежде видѣлъ въ ней, цѣло теперь обнялъ мене.

Еще въ дитиннихъ моихъ лѣтахъ розсказывалъ старый вѣщунъ сказку таку.

Мраки розлиты по Карпатахъ; шумить середъ скалистыхъ береговъ вода, до воды сбройный боярынъ коня ведетъ, купаетъ въ пѣнистой водѣ. Шумить вода по бескидскимъ скаламъ, о береги розбрызгаеся, пѣною розливаеся, а зъ воды голосъ дѣвичій боярыну прилетаетъ, зоветъ взглянути; а въ водѣ дочь королева, очи черныя якъ теренъ любовью горять, лице росю кропистою умыванное, коса черна блискающа звенить, звономъ усыпляетъ колышетъ, рука изъ воды ловить узды шелковыя коня. — Рука боевая боярына сильна, за косу черную беретъ, товаришей кличетъ. »Не видали такой косы въ бескидскихъ горахъ, хорошого лица такого не цѣловали.« Шумить вода въ скалистыхъ берегахъ, пѣною ѡтбиваеся, боярынъ на дѣву смотритъ, не королева то, а русалка, чешуею русальною покрыта... Рветъ землю боевой конъ, въ лѣсѣ темный зеленый несетъ боярына, мраки бѣлыя облака розступаются а въ лѣсѣ на калиновыхъ марахъ дѣвичья краса... смертною блѣдостію покрыте лице. Нѣмо стоитъ боярынъ, не зветъ дружины, товаришей не кличетъ,... то дѣвичья краса, та сама, русальна, мертва.

Такъ и Етелька: она Русалка, неистовая Русалка, которая потопляетъ мене. Она дѣвичьими взорами погубляетъ мене. Я чулъ жаръ... Но вырвусь изъ него... Я освободился изъ тыхъ объятій, они были отчаянны...

Безнадежно гнался я по паровамъ и горамъ, не иначе, а безнадежно. Чувства толпились во мнѣ якъ атланты и боролись. Чогожь было мнѣ стрѣчати ей взоръ, чого любезничати видомъ ей женской красы, котру готовъ я былъ въ тихости обожати и подивляти, якъ тую дико-чарующу природу Карпатъ подивляю. А однакъ узрѣвши ю, я ишолъ непобѣдимо безсознательно въ моихъ чувствахъ. Я ѡтганялъ любовь, но лишъ якъ тѣнь: тѣнь не дастъ ѡтогнатись. Все она преслѣдуетъ...

Любовь, которая не есть выплывомъ долшого умственной сношенія съ женьщиною, но котра вспыхаетъ при первѣмъ взглядѣ, така любовь всегда майже безнадежна, шаленна. Она якъ той корабель попавшій нечаянно середъ скалы. Онъ або грянетъ въ бездню або на всегда недвижимъ останеть. И любовь такъ, або погинеть, утихнеть такъ-же скоро, або на всегда останеть...

Я долго не верталъ до нашего обиталища.

Я пѡйшолъ надъ Черемошъ. Тутъ плутари-

керманичи пушали бервени. Я сѣлъ на одно изъ чолень и поплылъ въ гору Черемошомъ. Я не жаловалъ силъ. Солнце давно вже жгло а я не пушалъ весла, сталъ добрымъ керманичемъ. И передъ Гуцуломъ не повстыдалбыся. Минали скалы и луги а я все пѣдбирался въ гору.

Въ кѣнци побачилъ я дымъ надъ берегомъ и догадывался, що то ѡвчарская ватра. Но не такъ было; то былъ огонь розложенъ косарями. При огни сидѣлъ мужикъ о сивѣмъ крученнѣмъ волосѣ, плечистой стати, въ котрой пѣзналъ я молдавского вакаря, отца Етельки. Ѳнъ запѣкалъ при угляхъ люльку; бездѣлно лежалъ при немъ осмилѣтній хлопакъ. Я прибилъ до берега и выйшолъ изъ чолна.

»Добре керманите« началъ старый до мене
»хоть руки бѣлыи не дуже и до весла.«

»О, челно то!« говорилъ мудренно хлопакъ
»що таке и за челно; такимъ чолномъ стыдно и ѣхати, просто якъ бы корыто.«

Старый засмѣялся.

»Уже то розбишака будетъ изъ него« кажетъ
»такій зъ него заведеяка. Хотѣлъ его дати въ Молдавію на плячинтаря, абы пріичился тамъ. Но ему не до плячинтъ. Не заходитись ему

коло печи, коло кочерги. Чолно поведеть хотъ якъ великое. Уже такій.»

Я пыталъ ихъ за ихъ польную роботу.

»Сѣнокосы якъ Дунай. Трава стелится. Лишь еще ждемо на Етельку: а то запропастилась гдесъ нынѣ, не приходитъ. Ану, малый, побѣгни, посмотри, чи идетъ.»

»Гай тамъ ей кштаръ« ѡткнулъ хлопакъ указуючи на гору.

И дѣйстно Етелька то была.

Она здавалась теперь якбы на духу сломанною. Не та уже давна думна Етелька; теперь якъ увядающій цвѣтокъ. Она таки добра была. Теперь видѣлъ я въ ней женскую несилю, женское ныдѣющее чувство; а звѣстно, женское безсиліе сильнѣйше еще, чимъ мужественность женска.

Она не поглядала на мене... не замѣчала мене. И не удивись, що она теперь мнѣ еще красившою здавалась. Я уже бѣльше спокѣйно, чимъ прежде, поглядалъ на ню, менѣ легче чогось ставало на души. Мы всѣ долго розговаривали. И она говорила спокѣйно, лишь очей не пѣдносила. Я началъ любити ю теперь по ей свойствамъ, началъ любити ю съ тихою приклонностію.

»Лацманинъ Артемонъ! Артемонъ!« почувль я въ тѣмъ голосъ изъ противного берега. Я поглянулъ; на горбку стоялъ нашъ лаутарь, ганимедъ и прикликовалъ до себе рукою. Въ другой руцѣ онъ держалъ кѣшъ; я уже зналъ, що то за кѣшъ. Той кѣшъ неразъ манилъ Кирилла на найвысшіи верхи; почивала въ немъ безнаганная пантарка и превкусный бундзъ полонинскій, присмакъ, якого я послѣ не снаходилъ и на альпейскихъ альмахъ.

Я переплылъ рѣку и выдрапался на противный берегъ, зарослый лѣсною гущавиною. Нашъ долгоногій Кириллъ съ небрежною роскошію лежалъ пѣдъ деревомъ. Илія приспособлялъ ватру.

»Куда ты не толчешся, человѣче божій« говорилъ до мене Илія »ты скитаешь ся до того степени, що намъ ледво плутари указали дорогу до тебе въ лабиринтъ твоихъ нынѣшнихъ серпентинъ. Будемъ мати малый бивакъ.«

Я узналъ, що кромѣ пантарки былъ въ коши еще надѣванный заяцъ и фаршированный индикъ. До ихъ товариства приданы были смаженныи карпы. Мы засѣли до того скромного пѣдкрѣпленія, абы уже яко-такъ можна было человѣку вегетовати. Мы уже молчки перейшли до дневной очереди надъ тымъ, що припасы на-

ши были улетливы, якъ пѣна и еслибъ еще не здоровенный воздухъ карпатскій, то человѣкъ не малбы и атомовъ до поживленія крови.

Уже для гуманныхъ цѣлей не могли мы, хотьбы лишь однимъ ликомъ, не попробовати, доброе ли Маршецкое вино и чи надается оно до лѣчебныхъ цѣлей; потомъ десятку такихъ бутылокъ порожныхъ мы кинули въ волны Черемоша, для Рахмановъ, признавши Маршецкое такимъ виномъ, которого смаку не допьется и за десятымъ ликомъ. И поплыли бутылки до Рахмановъ: такъ плынетъ и доля народу. Народъ не даромъ высылаетъ крашаночныи шкаралупы въ рахманскій свѣтъ. Такъ якъ тѣи шкаралупы не дойдутъ до Рахмановъ, такъ и долъ народу не добратись до цѣли!

Коли мы побачили, що нашъ кошовый напарстникъ уже былъ безъ содержанія, мы отправились горою въ село. Илія взялъ мене пѣдъ рамя.

»Артемонтъ« началъ онъ »я бьюсь съ мыслями, а я передъ тымъ не звыкъ былъ на щось подѣбного. Обавляюсь, не есть ли то впечатлѣніе дамы?«

»Конечно« примѣтилъ Кирилль розкладаючи обѣ долони, »Ольга есть собою ничого дама.«

»Якъ Ольга?« пыталъ Илія.

»Не думаю-же ніякъ, абы Фавстина...«

»Не думаешь? Длячого бысь не малъ думати?«

»Ай? дѣйстно?«

»Щожъ такъ дивного?«

»По твоимъ словамъ я не надѣялся.«

»По... по... моимъ« ѡтказовался Илія »по
якимъ моимъ?«

»Первого рана ты рѣшительно сказаъ, що
Фавстина тобѣ не подобается.«

»Я? Вѣроятно я того не сказалъ.«

»А!« Тутъ Кириллъ сплеснулъ руками, якъ
когутъ крылами и розсмѣялся на ширину устъ
и ѡтъ полной груди.

»Признати« говорилъ Илія »мене Фавстина
плѣнила.«

»Якъ? тая зимна, марморна? Подумай, жень-
щина безжизненна, есть по твоимъ словамъ
явленіемъ неприроднымъ.«

»Ктобы сновъ схотѣлъ такое мнѣніе голосити.
То былбы уже не меньше якъ парадоксъ.
Ольга быти можетъ и добрая женьщина, но она
не представляетъ собою далековидности. Оль-
гу пѡзналъ я въ кѡлькохъ первыхъ хвиляхъ и
по кѡлькохъ словахъ. И тымъ скѡнчилась пре-
лестъ. Она якъ той пейзажъ, въ котрѡмъ изъо-

браженъ въ цѣлости одинъ предметъ, познаваемый нами за однимъ поглядомъ. Съ пѣзнаніемъ того предмету кѣнчится и интересность пейзажа. Нема въ немъ увлекающей перспективы. Противно Фавстина; я признаюсь, не надѣялся, щобъ дама того рода мене коли плѣнила. Я любилъ дамъ шальныхъ, веселыхъ, живыхъ, значить не любилъ ихъ любовью, я лишь съ пріятностею съ ними сообщался въ розговорахъ, однакъ безъ закраски якого чувства. Розставшись съ ними, я уже забывалъ за нихъ. — Первая Фавстина произвела на мнѣ родъ розмысленій. Она есть красою повольною; красою, въ котрой що хвиля открываемъ новую мысль, при котрой приневолены мы пріостановитись и думати о ней. Фавстина есть дама, котру я поняти не можу. И я мало сновъ не ношусь съ мыслею, щобъ изъявити вамъ теперь мое предложеніе, которе я по пѣлночи ѣткликалъ.»

»Чи не сталъ ты уже случайно предателемъ шваліэрской свободы?« пыталъ Кириллъ взявшись по пѣдъ боки и заступивши Іліи дорогу.

»Статись еще не сталъ« продолжалъ тойже »но обавляюсь абы то не наступило, а сновъ и желалбымъ наконецъ того. Лишь опору Артемона принадлежитъ вина, що я еще нынѣ та-

скаюсь по дебрахъ Черно-Горы. Еслибъ онъ не ѡтказовался выслухати моего предложенія, то я, а може и мы былибы уже далеко за горами где на дальшой пути. А всему ключокъ — Фавстина. Я и не сказалъ вамъ еще, якъ я съ нею запѡзнался...

»Знаете уже, я первого рана, коли мы у пароха ночовали, выйшолъ чимъ свѣтъ на горы... Вертаючи изъ хаты Данка Крецуля я поступилъ на дорогу... А еще передъ тымъ въ однѡмъ зрубѣ я урвалъ незвычайной величины цвѣтъ бодака, карпатского кактуса. Выйшовши на дорогу я почулъ туркотъ воза. Въ кѡнци отъ и самъ вѡзъ... То была родинная брычка, широка достаточно, абы помѣстити гиперболичныи кринолины. А сидѣло въ ней три дамы. Парохова и дочь ей Фавстина а противъ нихъ Ольга.

»Они всѣ дрѣмали. Въ тѡмъ замѣтилъ я, що великая пака причепленна зъ зады до брычки ѡторвалась и пала на дорогу. ,Гей ты якій тамъ джокей‘ кличу ,задержи конѣ, отъ, смотри, погубилъ щото изъ брычки‘. Джокей задержалъ конѣ и удалился за згубою. Парохова пѡзнавши, въ чемъ дѣло, не могла знайти слѡвъ подяки. ,Ахъ вы мѡй благодѣтель‘ говорила она, ,не малую рѣчь спасли: три кринолины тамъ

почиваютъ, фишютки, нешки и жаботки'. Яко такий благодѣтель я принужденъ былъ усѣсти съ ними на брычцѣ, тымъ бѣльше коли показалось, кто мы и що мы и що съ плебанією и медомъ я уже ознакомленъ.

»Я сѣлъ при Олѣ противъ Фавстины. Но та полѣдня еще не пробудилась; по цѣлоночныхъ танцахъ она дрѣмала. Сонъ дамы по балевой ночи есть глубиною нѣмыхъ а прото разныхъ выраженій. На спящѣмъ лицѣ видный весь хаосъ вальсовыхъ, кадриловыхъ, коломыйковыхъ мотивѣвъ и воспоминаній, ѣтзначенъ весь смѣстъ лестныхъ слѣвъ полученныхъ ѣтъ обожателей а мечты николи такъ буйно не лѣтають якъ по волнахъ воспоминаній изъ проминувшей ночи. Треба признати, ей масочка — не иначе назову ей хорошее личко, якъ масочка — заняла мене ѣтъ первой хвили. Она небрежно почивала на тапетахъ брычки. Небрежность ѣтсланяетъ всегда правдивый, природный не прибранный образъ. Тому тогды на ей лицѣ не было той гордой примѣшки, котра впрочемъ такъ мантильно миготитъ на ей чертахъ.

»Ей усточка были на пѣлъ отверты; тейнтъ лица блѣдо прозрачный, щечинки тонули въ мягкой коронковой крызѣ, окружающей шію.

Отъ звонкого голосу Ольги она въ кѣнці пробу-
дилась. А же сидѣла противъ мене, тожь ей
взоръ палъ очевидно на мою особу. Такого
тетъ-а-тетъ она не надѣялась; не могла изъяс-
нити собѣ всего. Отворотною стороною долони
она протирала очи. По мнѣ розлился бальзамъ,
а разомъ и смѣшно стало немного отъ ей не-
розборчивости.

»Но то не долго тревало. Уже Ольга вы-
сказала ей, що случилось и що я за такая то
птиця!

»Фавстина всегда еще смотрѣла съ хмаркою
на челѣ. Щобы такую дитинку очутити, я пѣд-
несъ ей въ дарѣ мѣй букетъ, состоящій изъ
извѣстнаго бодака. Она взяла его и съ дитин-
нимъ гнѣвомъ кинула прочь; на ей пальчикахъ
замѣтилъ я капли крови. Ей взоръ былъ тогда
стрѣлою громовою, але для мене мягкою, солод-
кою.

»Потомъ велъ я лишь съ Ольгою разговоръ,
нескѣнченный, бо съ нею не доберешся въ роз-
говорѣ до кѣнця. А однакъ мене влекло щось
до Фавстины.

»Коли мы вже были на плебаніи въ огородѣ,
она сказала до мене кѣлька слѣвъ нѣжно и при-
клонно, но незадолго сновъ стала зимною, от-

даляющею. Ехъ! що за дама! Теперь така, за минуту ина, а въ третой минутѣ еще бѣльше непонятна. — Въ дальшихъ дняхъ я щоразъ новыи свойства въ ней ѡткрывалъ; ей приклоннѣсть до мене хиталась: то зникала, то сновъ вырынала.

»Но уже въ день храмовый она была чрезмѣрно зимна; заледво отвѣчала, а о поглядѣ и не думай. То дразнило мене и тогда вспыхнула во мнѣ мысль выѣзда... Не знаю, чому, но мнѣ здавалось, що я не освободжусь иначе, якъ выѣздомъ. Я рѣшилъ лишити все, выѣхати дальше и тое намѣреніе я высказалъ и Фавстинѣ. Значилось, отѣдемъ, лишь очевидно за согласіемъ моихъ товаришей. Началась праздничная нѣчь; Фавстина все тая безчувствительна. Я усилился въ моимъ намѣренію и прійшолъ въ другу комнату до васъ, абы уложити выѣздъ.

»Но вы не хотѣли слухати ніякого предложенія. На диво я не пѣзналъ теперь Фавстины. Зникъ ей холодъ; она стала любезною до избытка. Я и не зналъ, що у ней суть и кокетныи знанія; говорила майже бѣльше якъ я, стала теплою, довѣрчивою. При токой змѣнѣ я покинулъ намѣреніе выѣзда.

»Но щожъ? Надъ раномъ она таяже давна,

молчалива, холодна, бѣльше еще задумчива, въ словахъ часомъ и саркастична. Однимъ словомъ — я не понимаю ей.»

Товаришъ Илія скѣнчилъ. Преданіе кажетъ, що до любви провадятъ перловыи мосты. У Іліи тїи мосты уже нїякъ не были перловыи, они были изъ паутинной сѣти. Его душа переткана была слабою сѣтью; она угибалась пѣдъ вліянїемъ каждого новаго явленїя; малая частьна якого счастья была для него уже раемъ. За то и хмарочка на челѣ улюбленной ставалась для него убивающею. Терпѣніе, быти можетъ, получено тѣсно съ тонкостїю чувствъ, но оно въ чувствительнѣмъ сердци непостоянне, якъ и тое чувство, якъ паутинна сѣть.

Коли мы переходили коло бракленовой гушавины, дался чути голосъ плачливый кани.

»Не голосилабы!« говорилъ ступавшїй за нами лаутаръ Кропченко »въ злую годину мы зайшли тутъ: на то, абы на такую птицу наступати. А то не добре. Зоветъ каня въ бракленовыхъ корчахъ, то смерть комусь очи замкнетъ. Не голосилабы!« —

* * *

Вечеръ на Черно-Горѣ. Станный вечеръ на Карпатахъ. Вонъ спаленного на угляхъ су-

хого зѣлля, розмарину, чернокленку росхѣднику, чомберу и ямину розлягается съ дымомъ надъ курными хатами села. Тишина. Лишь зъ лѣса доходятъ ѡтгомона топорѣвъ. Хвилями залѣтаетъ изъ гортанѣвъ щеканье ѡвчарскихъ псѣвъ, або дрожащій голосъ тримбиты.

Я сидѣлъ въ нашѣмъ огородѣ, цѣлый затопленъ въ тонахъ. То тоны гобои, дикостію напоенной и солодкостію покрашенной. То голосъ Етельки, а мелодія Чардашова. Чимъ же есть пѣснь не плывуща изъ души? По уставу улѣпленная арія есть вялымъ произведеніемъ не вникающимъ въ жизнь. Но пѣснь, которая якъ увязненный плѣнникъ вырывается изъ цѣповъ и полно плынетъ изъ души, такая пѣснь то правдива перла, которою любезничаютъ природа яко своимъ дитятемъ.

Каждого вечера слухалъ я той мелодіи... Кѣлька дней уже минуло; Етелька змѣнилась совершенно. Она стала отталкивающою, уклончивою. Ей взора я не встрѣчалъ часто. Тымъ бѣльше я познавалъ теперь, що щоразъ глубше попадаю въ любовь... Я згарялъ непевностію, а непевнѣсть всегда наибѣльше мучительною.

Но того памятного вечера случилось що-то, що не было безъ послѣдствій на всю мою жизнь.

Мелодія чардашу щоразъ утихала и я видѣлъ, якъ Етелька ступала полемъ за гору.

Тутъ же коло мене пѣдъ деревомъ сидѣлъ Кропченко лаутарь. Онъ опершись однимъ раменемъ о землю, въ другой руцѣ оберталъ свѣй блестящій топѣръ. На его лицѣ владѣла безграничная грусть и сумъ.

»Ей, топоре, топоре« говорилъ онъ, любующись его блескомъ »заржавѣлъ ты небоже; не приходилось тобѣ давно уже пѣддержати гуцулскую славу. Ржавѣешь дармо, а то часъ бы тобѣ где чахати уже и повеселити гуцулскую душу.«

»За юнацкимъ житьемъ жаль?« пытаю его.

»Жаль, та жаль. Еще на Черемошу, тамъ ѡтойдетъ туга. А начнешь такъ скитатись, то бануешь и бануешь безъ кѣнця!«

»Часъ былъ бы« кажу »поставити где хату, завести загороду.«

»Хату? Що зъ хаты. Посидѣлбы день въ ней а такъ и лишилбы.«

Онъ махнувши рукою всталъ и поплентался въ село.

Любо ступати чарующимъ вечеромъ по горахъ, и я пустился въ сторону, въ котору уйшла Етелька. Я перейшолъ верхи и вступалъ въ бракленовую гущавину.

Еще лишь я зачалъ пробиратись черезъ ню, коли мелькнулъ червоный киптаръ. Етелька ишла противъ мене.

Но такою я еще не видѣлъ Етельку.

Она дрожала... Ей очи блудили ѿтъ переляку...

»Етелька« кажу »що съ тобою?«

Она схоронилась въ мои рамена и оглядалась въ гущавину.

»То ѿнъ, таки ѿнъ!« говорила она тревожно.

»Кто ѿнъ?«

»Ничо. Менѣ привидѣлось. Но нѣтъ, той самъ, все переслѣдуетъ мене...«

»Той, котрого ты любишь?«

»Нѣтъ, я не любила...«

Я не мѡгъ не сложити на ей щечинкахъ поцѣлуя. Чого тѣи щечинки такъ страдающіи?... Она предалась безсильно. Но поцѣлуй той былъ спокойный, правдиво любовный. Лишь той пламень, що палалъ прежде ѿтъ ней, угасалъ вже.

И не долго упивался я красою ей лица.

Етелька сновъ задрожала... Я оглянулся.

Передъ нами стоялъ мужчина рослый, статный, въ которѡмъ гуцульская дума получилась съ юношеско-мужескою свѣжостію, силою и красою.

Его чорная борода спадала на широкую грудь. За чересомъ блестѣло оружье. На его плечи закинена была долга румунска бурка.

Я ни хвилѣ не сомнѣвался, кто передъ нами стоитъ. Такимъ на Черно-Горѣ лишь Данко Крецуль мѡгъ быти.

»Етелька!« сказалъ онъ молящимъ голосомъ. Его очи были замрачены. И Етелька смотрѣла на него, якбы не могла зъ пѡдъ его взора освободитись. Я не видѣлъ еще, щобы женьщина овладѣнна была такъ чужою силою. А однакъ то послѣдованіе ей было безсознательне, не выпливъ чувства любовного, но родъ якогото безусловного подданчества...

Кажуть, злоба и зависть объявляются лишь горестною улыбкою. И таку-жь улыбку видѣлъ я на лицѣ Крецуля; онъ еще разъ поглянувши на Етельку, ѡтвернулся и уйшолъ. Етелька совершенно безсильно почивала на моихъ рукахъ. Она бредила уже въ горячцѣ, говорила непонятныи слова.

Вечеръ уже былъ поздный. На Черно-Горѣ затемнѣло.

Я розпѡзналъ, що иначе не доберусь съ Етелькою до села, якъ лишь Черемошомъ. Тожъ мы спустились изъ верха на берегъ и въ коротцѣ

мы находились на однѣмъ изъ чоленъ. Етелька попала въ нервовый говоръ; я видѣлъ, що ей горячъ взмагается.

Чолно наше плыло на дѣль Черемошомъ. Мы были уже въ близи села, коли почулъ я на березѣ гаморъ. Скрозъ темноту розпѣзналъ я толпу гуцулѣвъ; поодинокіи крики доходили до мене. Оть хвиевого свѣтла мѣсячного, блестяли межи ними гладкіи топоры; на передѣ толпы я розпѣзналъ Крецуля.

»До берега прибивай; юнакѣвъ воля така. А нѣтъ то топорами косу дѣвичью ѣтобьемъ!«

Такъ говорилъ голосъ изъ берега . . . Той голосъ мнѣ знакомый, шепотливый. Я въ хвили не зналъ, що дѣлати, прибити до берега и ѣтдатись толпѣ въ руки, чи поплысти дальше. И я рѣшился на другое; я плылъ дальше.

»Не прибиваешь?« повтарялъ голосъ.

Я молчалъ.

Въ тѣмъ я опустилъ весло. Кровь облила мене. Топѣръ, котрый киненный изъ берега достигнулъ мене, упалъ на дно челна. Гуцула топѣръ николи не заведеть: его топѣръ всегда дойдетъ до меты.

Я чулъ якъ силы опускали мене; кровь ли-

лась. Передъ мною пересувались якіи то тѣни, въ кѣнці мнѣ затемнѣло совершенно въ очахъ.

* * *

Если коли и теперь вспомню о Черно-Горѣ, то не вижу такъ ей складу, якъ тую толпу мужикѣвъ. Она вплялась въ мою память; вижу черезъ тьму ихъ постати, то жолтыи лица съ брытymi, тощими щеками, въ окопѣлыхъ бурыхъ одеждахъ, — то чобаны; то высокіи, воинныи стати въ обширныхъ шараварахъ, въ темно-кармазиновыхъ лейбикахъ — то легини; дальше сивыи, погорбленныи съ брунатыми тварями и одетѣванныи платьемъ, то старыи плутари.

А у всѣхъ неотступныи топоры. —

Коли я изъ мого долгого сна пробудился, почуль я въ близи себе легкую вонь резеды. Я поглянулъ наоколо; я былъ въ нашей комнатѣ; коло мого ложа сидѣли, Илія, парохъ и — Ольга. Напрасно глядалъ я за образомъ Етельки, за червонымъ киптаремъ, за чорною косою. У дверей сидѣлъ потупивши голову Кропченко, лаутарь.

»Артемонъ!« ѣтозвался до мене Илія.

»То ты Илія?«

»Ай, на Бога, говорижь: пройшла немного болѣзнь? лучше уже? Бачу по тобѣ, що лучше.«

Такого друга якъ Ілія я въ жизни не малъ. То была душа!

И парохъ увѣрялъ тоже, що моя болѣзнь уже переселилась, що все клонится до лучшого. При ѡтходѣ пароха и Ольги опустилъ комнату и Ілія. Я началъ свободнѣйше ѡтдыхати, началъ пригадовати собѣ, що со мною сбылось; коли я такъ розмышлялъ, Кропченко, котрый до теперъ нѣмо сидѣлъ у дверей, хитающимся крокомъ приступилъ и передъ ложемъ упалъ на колѣна.

»Паночку« молилъ ѡнъ со слезами »ніякъ менѣ не жити, ніякъ...«

Я пѡднялъ его.

»А щожь?« пытаю.

»То мѡй топѡръ былъ, паночку, мѡй топорецъ, я кинулъ его, коль выплыли въ чолнѣ... На мого паночка топоромъ кинулъ, но кто и зналъ, що то вы въ чолнѣ... Каня не даромъ въ бракленахъ голосила. Хоть простѣтъ чоловіку, а то и жити уже ніякъ...«

Я успокоилъ его и довѣдался ѡтъ него о прочемъ. Въ памятный вечеръ явился середъ юнакѡвъ Крецуль; значилось, неизгладимый

явился. Онъ вѣйшовши mezi нихъ завоzwалъ ихъ не завстыдати гуцулскаго юнацтва а ѳтбивати дѣвичью косу, а еще яку косу! якою жадна гуцулка не повеличается.

То для юнаковъ вода на ихъ млынъ; они пустились на Черемошъ, съ ними и Кропченко. Его и тягнуло до того, бо и такъ топорецъ даромъ ржавѣлъ. И той самъ Кропченко, що передъ лѣтами ѳтъ Крецуля получилъ шрамъ на лицѣ, стануль съ нимъ теперь разомъ. Но никто кромѣ Данка не зналъ, кто плыль на челнѣ. Голосъ изъ берега былъ мнѣ знакомъ, бо то былъ голосъ Кропченка. Увидѣвши, що челно плынетъ дальше, не прибываетъ до берега, онъ по гуцулскому обычаю кинуль топоромъ.

Мене обезъоружило теперь его смущеніе и менѣ жалъ стало его, такъ якъ я видѣлъ его щирость. Онъ потупилъ голову. Сумота, котра и такъ неразъ находила на него, теперь была уже въ своей крайности. И якій же, думаю, у него быть? Цѣлую жизнь долѣ не зазналъ ни счастья; живетъ безъ мирного угла, и хотъ ничего не бажаетъ, а однакъ бѣдна душа.

Но я въ первыхъ пыталъ за Етельку. Мнѣ сказано, що она попала въ полную горячковую не-

притомность, що она щоразъ бôльше ныдѣть, и що всѣ опасаются о ей жизнь.

Отъ убытка крови долго не мôгъ я пôднестись изъ ложа. Минали дни понурыи, темныи, надъ горами уносились мраки, а солнце не веселило уже гôръ. Ничо такъ давящего, якъ мрачное время на селѣ середъ сторчащихъ гôръ. Буря ласкаеть, але мрака, оловянныи облаки давятъ якъ альпъ.

Лишь еще мои товариши пôддерживали мого сломенного духа. Отъ Илии я узналъ, що у пароха (особенно Ольга) старательно выпытываются о моимъ здоровьи. Но то мнѣ было ничѣмъ. За Етельку що разъ гôршіи приходили вѣсти; всѣ потеряли надежду на ей жизнь. Она бредила въ снѣ, говорила безъ связи.

Одного дня я уже пôднесся и мôгъ усѣсти при ôкнѣ. Сумными показались мнѣ горы; безбарвный свѣтъ. Ничъ не плѣняло мого ока, ничъ не веселило души. Все стало вялымъ для мене.

Изъ горы церковной долетѣлъ голосъ звона... Чого такій прошибающій. То конечно гробовый звôнъ...

И я не ошибался, такъ якъ той звôнъ вѣстилъ смерть. Смерть мого цѣлого счастья,

мого життя. То гробова нута надъ душою Етельки.

И я принужденъ еще былъ якъ прикованный оставати въ моей комнатѣ! Не мѡгъ я знайти улегченія бодай въ шаленнѡмъ тулацтвѣ, я мусѣлъ предатись мукамъ.

На другій день собрался похоронный походъ передъ хатою вакаря. Уже не буду тобѣ о немъ вспоминати. Подумай лишь. Черезъ ѡкно вижу: тойже жебрачій хлопецъ несетъ похоронный крестъ, за нимъ похѡдъ, а тамъ гробарь ведетъ волю. Тамъ Етелька, романичелька, моя чистая любовь. А за нею плачки: тойже странный гробовый напѣвъ.

А я безнадежный самъ осталь, на безцѣльной пути, одинокъ середъ зимного свѣта...

Я ничого не желалъ уже, лишь скоро прійти до силъ, лишити то мѣстце и кинутись въ свѣтъ, абы притлумити чувство.

* * *

Илія получилъ письма завзывающіи его въ родину, Кирилль и я тоже бажалисьмо уѣхати и мы рѣшили разъ еще попрощати плебанію а слѣдующого дня опустити Черно-Гору.

Мы прійшли въ дѣмъ пароха. Слѣпецъ былъ я тогда; счастье таки зъ рукъ опустилъ. Оно цвѣло для мене въ щиромъ сердци Ольги.

Фавстина ни однимъ словомъ не вспомнула о состояніи моего здоровья. Она была дѣйстно мраморный мавзолей. Мы хотѣли уже розпра- щатись, но парохъ задержалъ насъ.

»Нѣтъ« кажетъ »уже що, а на прашаніе пѣй- деть хоть одна бутылка.«

И полился медъ старинный.

Мы встали всѣ. Илія пѣднесъ стаканъ.

»Не можемъ не выпити по старому обычаю. Росходимся въ розличныи стороны. Богъ зна- етъ, коли сойдемся. Отже на наше свиданіе!«

И былъ то уже нашъ послѣдній тоастъ, а мой послѣдній дружескій припой. Менѣ стало невыносимо уже тоскно. И съ послѣднимъ мож- ливымъ утѣшеніемъ, съ моимъ другомъ прійшло розстатись, на то, абы немати вже ніякой те- плой души, абы заkostenѣти совершенно.

При розстаніи я видѣлъ въ очахъ Ольги перлу слезу. Щобъ далъ бы я теперь за тую перлу. Женская слеза то сокровище, которе выше стоитъ всѣхъ увѣреній. Я же безумный не глядалъ ни увѣреній, ни слезъ, лишъ теперь уже машинально войшолъ въ стереотипную жизнь.

Мы опустили плебанію въ молчаніи. Никто изъ насъ не говорилъ, но всѣ однаково думали. Попращати еще и Черно-Гору, еще разъ стати на ей вершину. Далеко розложились пѣдъ нами горганы, стрешоры, кичары, незначительно низнутъ кранцы пейзажа въ мрацѣ далекой. Вьетса лентою быстрою Черемошъ, бѣлѣють поселенія въ долинахъ, краса розкинена по Карпатахъ. А въ лѣсѣ шумъ таинственный: до него я льну, той бѣльше ласкаетъ мою спаленную душу. —

Мы спускались изъ скалъ по при Черемошъ; на камняхъ мы узрѣли нашего лаутаря. Онъ спалъ; вернулъ сновъ на свои каменистыи береги, на свѣй Черемошъ. Віоля коло него.

Признати, я на видъ того челоуѣка терялъ всегда всю надежду, всю силу до жизни. Его нужденность, бѣдствіе а притѣмъ глубоко-чувствующая душа обезъоружали мене совершенно.

* * *

И щожъ скажу тобѣ еще? По выѣздѣ изъ Черно-Горы уже и воспоминаній прелестныхъ у мене нѣтъ. Сама пустинная даль.

Съ товаришами мы розѣйшлись. Я хотѣлъ въ книжнѣмъ трудѣ знайти спокѣй, но то не тревало долго. Хаосъ моихъ мыслей не мѣгъ

уложитись; я позналъ, що время хочетъ, абы его заполнить чимъ, иначе оно насъ подкопываетъ. И я убивалъ его тымъ, що пустился странствовать, значить, выдвигнулъ лишь мою давнюю страсть.

И сновъ драпался я и спинался по чемъ тамъ уже не прійшлось; но вже не съ тымъ розовымъ любопытствомъ, которе такъ усчащливляетъ первенцевъ путешествованія, лишь бôльше для излѣченія. На такую болѣзнь, на яку я страдалъ, лишь одно средство было — природа. Природа всегда остается вѣрною человѣку. И хоть мой бôль уступилъ но воспоминанія остались, а воспоминанія якъ суть часто единственною роскошію, такъ часомъ преслѣдующимъ фантомомъ.

Прежде я думалъ, що въ шалѣ найду счастье; тымчасомъ шаленное счастье есть лишь сильно дѣлающею наркозою, котрой гôрькіи послѣдствія всегда ôтчуваемъ. Правдивое счастье есть всегда тихимъ, мирнымъ.

Чулъ я розсказъ, що есть пôдъ землею свѣтъ, въ которôмъ падаютъ дрожащія снѣжныя платочки. Тіи платочки засыпують и усыпляють умученныхъ путникôвъ, котры ôтродившись идутъ дальше съ новыми силами. — Еслибъ хоть

разъ можно пѣтъ тѣ платочки попасть. Вѣчно стремлю, а нигде не угасаетъ мое стремленіе.»

III.

Мѣй спутникъ Артемонъ окѣчилъ. Онъ похилилъ голову. Пратерская Чарда, въ которой мы сидѣли, наполнилась гѣстями; цѣла тераса спѣвала за оркестромъ чардаша. — Кто идетъ въ Чарду, тому поневоле вырывается изъ груди тая мелодія.

Народъ одушевляется нею и онъ такъ долго еще правый народъ, пока имеетъ чимъ одушевляться. У каждого народа есть отгомѣнъ который колисъ задрожитъ, до котораго знайдется отвѣтный мотивъ, не лишъ спѣвннй, но якій-либо иннй. Народъ безъ своего свойственнаго мотива есть пропащій; если же еще имеетъ свѣй мотивъ, то послѣднй одушевляетъ не лишъ нисшіи но и высшіи версты того народа. Хотя тѣ высшіи версты лишъ скользачи пють изъ него солодичъ, то все же онъ пѣддерживаетъ взаимную связь. А скользачи одушевляются нимъ если уже кто то женщины, властивѣйше сказати — дамы. Они и такъ все скользятъ. Такъ скользачи любезничаетъ Испанка борьбою

матадорѣвъ, еспадъ и пикадорѣвъ, ангелька спортомъ и ловлею, Нѣмка плывущимъ вальсомъ, Мадярка чардашомъ, а Славянка пѣснью, тужною мелянхоличною пѣснью...

Долго сидѣли мы уже въ Чардѣ. Артемонъ всталъ и мы забрали ся до ѡтходу. Мы пустились при свѣтлѣ мѣсяця въ головную алеу Пратеру.

»А неизгладимый? А Черно-Гора?« пыталъ я перерываючи молчаніе.

»Неизгладимый? Правда, былъ я еще разъ въ жизни на Черно-Горѣ, но то уже въ послѣднихъ лѣтахъ.

По похоронѣ Етельки запала вѣсть о Крецулю; той гдето зникъ. Въ селѣ его не было.

Я правду сказать, не малъ уже намѣренія вертати колинибудъ на Черно-Гору, тымъ бѣльше, що по якихъ десять лѣтахъ ѡтъ нашего розстанія я малъ случайнѣсть сѣйтись съ моими товаришами и съ черногорскими дамами дочками Аксентія.

Одного лѣта переѣзжалъ я до Угоръ черезъ Карпаты. Въ однѣмъ селѣ я пристанулъ, а то умышленно; я зналъ, що тутъ живетъ Илія, который давно мене извѣстилъ о своей свадьбѣ съ Фавстиною. — Въ селѣ гѣрскѣмъ, ко-

торе якбы ôтрѣзанное мурами ôтъ прочого свѣта, есть приѣздъ чужинця незвыклымъ явленіемъ. Тому я и не удивлялся, коли при вѣздѣ моей брычки въ обору, Илія стоявшій на верандѣ приложилъ долонь до очей и вдивлялся въ заѣзжающій оказъ.

Онъ пôзнавши мене, привиталъ мене по старой товаришеской вервѣ. Душа была! И счастливецъ. На затишнôмъ уголку карпатскôмъ, где лишь видно скалы и кусъ неба, приѣздъ якого тамъ скиталця утѣшаетъ его!

Илія мало потерялъ изъ своей буршикозности. Его ясная борода стала теперь полнѣйшою, на челѣ прорѣдился волосъ, но я на первый взглядъ видѣлъ, що онъ и теперь якъ коза драпалбыся непревысшимо по скалахъ и вертепахъ. Лишь сельская жизнь ôтпечаталась на немъ; волосъ не былъ утятый, припоминалъ на моцартовую перуку, лице опалено было лѣтнимъ солнцемъ. — Коло него игралъ хлопчикъ. Ктобы непôзналъ! Той выразъ стисненныхъ устъ и тое гордое чело лишь у Фавстины.

Я войшолъ въ комнату. Що такъ принадного, милого, вѣтъ изъ сельскихъ комнатъ? изъ того тихого прибѣжища? Тутъ здається весь міръ въ мініатурѣ. Фотель споловѣлый тутъ

больше манить, чимъ променадовая каросса; на стѣнахъ въ рамахъ стародавный кводлибетъ блисшимъ выдается чоловѣку якъ бельведерскій Кореджіо. А всюда видно слѣды женской руки. Женьщина есть душою въ нашей жизни.

Фавстина стала полною дамою; ей ходъ былъ еще величнѣйшій при полной таліи. Она привитала мене зъ начала дружественно, но потѣмъ явился на ей устахъ знакомый мнѣ, шельмовскій усмѣхъ. Чого она улыбалась? Уже та женьщина!... Я не мѣгъ дозрѣти причины ей улыбки. Еслибъ я, положѣмъ, былъ на мѣстци Іліи, ябъ конечно той шельмовскій усмѣхъ согнулъ, скрушилъ, сломалъ, упокорилъ...

И они, здавалось мнѣ, счастливы; чому бы нѣтъ. А любовь? Они быти можетъ и не думали о тѣмъ, що случены любовью, а любились. Не сознательна то любовь, а однакъ солодка. —

Въ два лѣта потѣмъ былъ я во Львовѣ. Очевидно, въ ресторанъ спѣши, коли свого гнѣзда не маешь. При другѣмъ столѣ въ ресторанѣ сидѣлъ мужчина, убранный бюрократски, съ чорными но уже шпаковато перезырающими бакенбардами, орлинымъ носомъ, съ высокимъ бѣлымъ колнѣромъ пѣдъ шією. По его вытягненнымъ ногамъ я вносилъ на его безукоризненную

высоту. Передъ нимъ стоялъ бифштикъ и котелетъ и дичина, и каплонъ и омелетъ; въ дымящійся паръ онъ не чимъ инымъ былъ лишь астрономомъ въ облакахъ. Съ стойчимъ спокойствіемъ прибирался онъ отъ одного припаса до другого. Еслибъ не крыла, порушающіися постоянно у его носа и не причесокъ, закрывающій правильно полъ чола, я може и не позналъ бы Кирилла. За каждымъ сникновеніемъ дымящогося котелета и бифштика повтарялись охолоджающіи привѣвы баганчею, медвежою долонью.

»А уже таки взглянулбьсь разъ, хоть для любопытности, що такій за сосѣдъ сидитъ коло тебе« сказалъ я до него, коли мнѣ вже его повольность стала досадною.

Онъ поглянулъ на мене.

»Зваживши, що голосъ остаетъ однимъ изъ неизмѣнчивыхъ... и такъ дальше, але правда, гдежъ жена твоя?« пыталъ Кириллъ.

»Жена?!« Я здвигнулъ раменами.

»Овъ!«

»Такъ.«

»А Ольга?« удивлялся Кириллъ.

»Що пѣдъ тымъ розумѣешь?«

»Ты не женился съ Ольгою?«

»И не думалъ о тѣмъ.«

»Уже зъ тебе чоловѣкъ! А любовь же?«

»Прости уже, но я ей не любилъ.«

»Атъ! Чому не сказалъ ты мнѣ того скорше« говорилъ Кириллъ найспокоѣйнѣйшимъ въ свѣтѣ тономъ обрабляючи удочку каплоне »еслибъ я о тѣмъ зналъ, я былбы може и оженился съ Ольгою. Бо признати она была ничего дама. Добрая дѣвочка. Вспоминка за Фавстину есть тымъ для мене, чимъ нечаянный ликъ квасного оцту мѣсто вина. А Ольга была правдивое ,bon enfant'. — Дама дамою. Дама безъ теплого сочувствія есть выродкомъ изъ своего рода.«

Я стягнулъ лице.

• »А тыжь зазналъ того сочувствія?« пытаю.

»Етъ!«

»Шваліэ?«

»Такъ.«

»Овъ?«

»Га!« закончилъ Кириллъ, »есть сочувствіе, добре, а нема, ктобы за нимъ убивался.«

Пѣзднѣйше я видѣлъ его часто проходжающогося по парковыхъ алеахъ съ заложеными руками, съ выразомъ удовольствія, ступающого

помежь людьми якбы журавель помежь посмѣ-
тюшками. —

А я? Чому та Ольга сказала тогды ,очевидно? О-че-вид-но! Не прилеталъ голубъ съ воннымъ листкомъ, а мнѣ всю жизнь послѣ миготѣлъ передъ очима образъ Ольги, нѣжной блондинки. Въ тѣмъ и дѣло, що она была блондинка. Еслибъ такъ Ольга брюнеткою явилась, ябъ непременно попалъ въ безконечную любовь. А до того чорныи карыи, а вже и пивныи очи я адмировалбы въ безмятежнѣмъ наслажденію. Но впечатлѣніе синихъ очей улетливое непостоянное.

Долго я еще потомъ перешвендалъ ся на дорожахъ. Гдѣ приѣду — старый шлендріанъ, кажутъ, заѣхалъ. Бо и по кѣлька разѣвъ вертаю въ то само гдѣ мѣстце. — Тутъ въ Чарду пратерску иду всегда съ удовольствіемъ, бо тѣи мелодіи чардашовыи припоминають мнѣ мою Етельку. Лишь то уже не тонъ гобои съ тымъ страннымъ кольоритомъ; то оркестровый хаосъ, котрый якъ буря ласкаетъ душу.

Пѣдъ конецъ однакъ моихъ лѣтъ не мѣгъ я притлумити вспыхающей мысли о отвиданію Черно-Горы. Еще разъ хотѣлъ я видѣти ю передъ смертью. И я поѣхалъ тамъ. На березѣ

Черемоша писалъ я тую записку коротку, котру ты найшоль. Любезна и теперь Черно-Гора; но звѣстно, любезность есть для старика, стоящего надъ гробомъ, прикростию. Въ селѣ змѣнилось не много. Нашого давного обиталища не было уже.

Я поспѣшилъ до давной хаты Крецуля. И слѣду изъ ней нема; певно и онъ въ гробѣ.

Но нѣтъ. Не даромъ казали люде: неизгладимый. Я попыталъ въ селѣ за него и мнѣ указали его новую хату середъ села; я пустилъ ся тамъ.

При плотѣ опертый стоялъ онъ — Данко Крецуль, сивый якъ и я теперь, чело пооране... Мы пѣзнали себе.

»Слава Исусу« кажу.

»На вѣки слава.«

»Данко вы Крецуль?«

»Той самъ. Памятаю и я, кого а васъ памятаю. Вы украли мнѣ поцѣлуй первый у той, котру я лишъ одну любилъ въ моимъ житью.«

Мене поразили тѣ слова; я поглянулъ на его загороду.

»Вы газдою стали?«

»Газдою. Та уже и не на долго; отъ вѣй-
шолъ я на свѣтъ божій и чекаю смерти.«

»Якъ, смерти?«

»А смерти. Но.«

»Тажъ вы здоровы.«

»Здоровъ? Ну и що? Иначе бы менѣ хѣба не умерти. Я въ житію моимъ не зазналъ недуги, а теперъ уже такъ чую въ собѣ, що леда хвиля умру. Тому и въ хатѣ не сижу лишъ тутъ. Легше якось на божьимъ свѣтѣ умирати чимъ въ хатѣ. Смерть уже приходитъ. Думаете и вы, що я таки неизгладимый.«

»Не то« кажу »а все таки дивно. Вы еще и теперъ до топора, якъ тогды... Кажѣтъ, вы любили Етельку?«

— »Чи любилъ? Колись ставалъ я противъ васъ съ топоромъ, но теперъ чоловѣкъ уже надъ гробомъ. Хоть вы и перервали мое счастье, але передъ смертію не жалѣти мнѣ уже за нимъ. Розскажу вамъ все... Мене зовутъ неизгладимымъ. А то що иного! Кажете, я еще теперъ до оружья. Гуцуль кождый не розстаєсь съ нимъ до гробовой дошки; а всежь, якъ я еще юнакомъ былъ, оружье въ моихъ рукахъ счастливѣйше было, чимъ у другихъ. А и на дѣвочую приклонность не былъ я каменный. То выро-

дило зависть у товаришей и они разъ стали съ оружьемъ противъ мене. Я ѿтбивался, но одинъ изъ нихъ, Кропченко заглушилъ мене топоромъ, такъ що я упалъ.

— »По якѡмсь часѣ я очутился. Я видѣлъ, що въ селѣ менѣ не быти; не убили теперь, убьютъ послѣ. Тожъ я лишилъ село и пѡйшолъ въ свѣтъ. Куда я толкся, не буду говорити; всегда плыла во мнѣ заведеяцка кровь, всюда вводили мене красы дѣвичіи. Але любви я не зналъ. Ажъ разъ на семиградскихъ горахъ подыбалъ я дѣву, таку, якої я не стрѣчалъ еще. Я почувъ до ней любовь. То была Етелька... Но щожь? Она оставала все зимною, гордою. Перва то была дѣва, котра уклонилась ѡтъ мого чувства. То еще бѡльше возбуждало во мнѣ любовь.

— »А уже ничого такъ не обожалъ я, якъ ей косу. Що за дѣвичья коса!... Якъ жію, я такой не видѣлъ, а право сказати, я лишъ въ той косѣ влюбился. Коса и коса, всегда на думцѣ, всегда передъ очима. Но она не отвѣчала на мои слова. Я покинулъ заведеяцку жизнь... думалъ лишъ о ней.

— »За якійсь часъ ей отецъ вакаръ переселился изъ семиградскихъ гѡръ въ наше село. И

я за ними потягнулъ. Но теперь не даромъ не познали люде мене въ моимъ житю. На гулятики я не ходилъ, красы дѣвичіи не цѣловалъ... я лишь одно зналъ, Етельку и ей упоръ. И еще що! Коли лишь она узрѣла мене, падала въ незвычайный дрощъ, якбы въ лихорадку. То не былъ дрощъ любовный. У иныхъ дѣвъ была може и любовь, а у ней былъ то дрощъ ѿтого страху, котрый она передомною чувствовала. Она словно тратила присутствіе, коли я явился... уникала, жахалась мене.

— »Люде розлично почали говорити о мнѣ. До мене дошли ихъ слова; они казали, що духи погребали мою грѣшную жизнь... А я лишь думалъ о Етельцѣ. Наконецъ не могло уже долше такъ остати; я рѣшилъ, якнибудъ освободитись ѿтой любви. И я пѣйшолъ за суевѣріемъ народа. Коли духи смогли погребати мою грѣшную жизнь, може смогутъ и мою любовь погребати. И я будьто умеръ, значить хотѣлъ стати умершимъ для ней, для громады, для себе, а самъ сновъ пѣйти въ свѣтъ. Похоронила громада будьто Крецуля, а я переконался, що духи не смогли погребати любви. Погре-

бали мою трумну и я хотѣлъ не явитись уже въ селѣ. Но не мѡгъ. Съ Етелькою я не мѡгъ на всегда розстатись. Я скитался по полонинахъ и лѣсахъ...

— »Разъ подыбалъ я вечеромъ Етельку въ бракленовой гущавинѣ. Она зъ начала вдивилась въ мене — и не диво. Они всѣ мали мене за погребанного; потомъ же попала сновъ въ той дрощъ. Я поспѣшилъ за нею... И що еще! Я видѣлъ поцѣлуй... Вашъ поцѣлуй. Онъ былъ первый на ей устахъ, той поцѣлуй. Я не мѡгъ вздержати зависти. Я пѡйшолъ въ село, показался явно юнакамъ и позвалъ ихъ ѡтбивати хоронити косу дѣвичью.

— »Етелька умерла. А я сновъ скитался по свѣту. Наконецъ вернулъ въ село и сталъ газдою, на новой загородѣ. Люде говорили по моимъ явленію: звѣстно, неизгладимый.

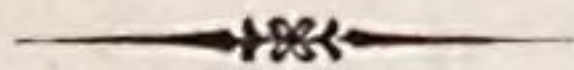
— »А то, я кажу, не я неизгладимый, но любовь моя, первая любовь неизгладима. Хотѣлъ ю погребати, но не возможно.«

— — — — —

На другій день Крецуль пѡдъ небомъ опертый о плѡтъ умеръ... Сновъ знакомый мнѣ гробовый звонъ.

»А менѣ осталось въ памяти его слово: первая любовь неизгладима; то я и на собѣ чувствую.

»То была моя другая и послѣдняя уже по-дорожь на Черно-Гору.«

Лѣсный Кобольдъ.

Новелля.

I.

Кто лишь разъ проѣдетъ черезъ безконечное, однообразное Подолье, оно врыется странно въ его память. На мочарахъ розложились тяжкіи оловянные мраки; бездна тамъ непроходима, пѣдъ сѣтовъемъ тонъ глубокая, ни то водный заливъ, ни земельная сушь, лишь угинающаяся смѣсь отвѣчна, въ котрой кишать трясавичныи стихіи. Нога человѣка тамъ не ступала, лишь змѣи мочарныи чешуею поблѣскають помежъ сѣтовья, а въ дали шарѣтъ шія чапли и журавля, або бѣлѣтъ крыло подольского левіатана, аиста.

И поневолю думаешь, народъ въ преданію своимъ правъ. Въ тыхъ оловянныхъ мракахъ розстеленныхъ надъ мочарами бенкетуетъ адская сволочь; тутъ мѣстце для плясбъ и бакханалій

пѣдземныхъ силъ. Послѣдніи и создали на тую цѣль мочары: человѣкъ не ступитъ туда а сѣтовья укрываютъ длинныи чорныи стати. —

Въ лѣтній полдень дышетъ село горячю. Душное подольское солнце въ полдень; спокойное но тымъ и зрадливое; кажется, своимъ пекущимъ спокоемъ заставить землю песчатую розпадатись.

Но ничо уже не остается такъ нероздѣльнымъ съ воспоминаніемъ якъ подольскій вечеръ. Изъ низкихъ, курныхъ хатъ, плетенныхъ лѣбянокъ розлягается по селу соломяный дымъ. Вонь спаленной соломы и анижу надаетъ селамъ галицкого Подолья особую закраску.

Такій одинъ вечеръ тымъ еще бѣльше помнимъ, що ѡнъ полученъ былъ съ розказомъ нашего товариша лѣкаря.

Мы плыли Днѣстромъ. Но не была то плавба на челнахъ. Мы плыли на части Днѣстра, надъ которою ни селъ нѣтъ, ни якихъ будь осадъ, лишь сѣтовья а на берегахъ пѣски. Лодка тамъ не попадется. Мы мали добрую дорогу еще перебыти до ассесора, который взывалъ насъ на свадьбу дочери. Намъ приходилось трястись еще не мало по трясавичныхъ дорогахъ, кото-

рыхъ солодичи не хотѣлось намъ уже бѣльше зазнавати.

Тымъ мы и согласились всѣ на то, абы покинути дорожную путь а всѣсти на бревенную плотъ, котору мы застали почивающую въ одномъ Днѣстровомъ заливѣ. Тамъ пріостановились именно подоляки, котрыи сплавляли по Днѣстру бревна. Ширина Днѣстра при впадѣ Быстрицы становится уже значительною. Повольно росточутся волны. Таласы тутъ не вспылчивыи, лишь по мѣстцямъ выклубляется волна нерозвита еще въ полнѣ, якбы зародышъ бурной фали. И легко ласкаетъ она бережныи сѣтовья и травныи листистыи гущавины, по котрыхъ убѣгають на своихъ высокихъ циноброво-червоныхъ ногахъ пантерово пасистыи кулики съ лыскущими желѣзно-зелеными крыльми и съ долгими желтыми клювами.

Надъ берегомъ было кѣлька ѡтособненныхъ хатинъ, становящихъ жилище побережныхъ плугаторѣвъ. Ѳтъ тыхъ хатинъ долго въ долъ Днѣстра не было нѣякихъ осадбъ. Тамъ мы сѣйшли, абы переправитись на плотъ. То не постоянная плотъ. То самъ-же деревенный матерьялъ. Бревна позбиваныи въ одно на значительну ширину, черезъ що тратва та стано-

вится бордомъ выгоднымъ, надающимъ до росложенія и бѣльшого шатра и до помѣщенія бѣльшого числа людей.

Уже былъ глубокій вечеръ. Небо было чисто. Изъ близкихъ мочаръ доходилъ насъ хоръ лягушекъ, той хоръ, который такъ довѣрчиво дѣлаетъ родиму загороду а котрый вливаетъ въ насъ поневоли настроеніе спокойствія, выплывъ сельской глуши и осамотнѣнія. Дымъ изъ паленной по печамъ соломы и вонь анижу доходила и на нашу плоть.

Тутъ же было кѣлька мужикѣвъ и женьщинъ. На серединѣ розтягнуено было полотняное шатро, достаточная каюта для схороненія ѡтъ дожджевой уливы и для замѣщенія припасѣвъ для сплавчикѣвъ.

На однѣмъ кѣнци плоти горѣлъ огонь и мы видѣли зъ дали, що коло него сидѣли якїи-то два лица. — Блескъ огня озарялъ ихъ немного. Мужикъ съ вялымъ лицомъ середняго вѣка справлялъ рукою угольный жаръ. На полъ лежачи небрежно почивала оперта на ниской рампѣ женьщина по виду молода съ шарлатною хустою на головѣ, въ подольской синой дымцѣ; зъ рамень спадалъ жупаникъ пѣдшитый овечью волною. Мы не много и заботились о тую, по всей

вѣроятности любящуюся пару, но до насъ доходили слабыи тихіи трели той женьщины. Она не пѣла а лишь полуголосомъ розвивала урывчивыи мелодіи, не кѣнчила и сновъ переливалась въ другіи тоны. Изъ дали казалось, то уточка плоскотить по тихихъ волнахъ, крыльми срѣбрныи стрепаетъ.

Мы взялись за сготовленіе ватры на другѣмъ кѣнци плоти, щобы такъ переломити доглое время. Що огонь? Разореніе, а оно — плѣняетъ насъ. Трѣскающій огонь есть сюжетомъ заполняющимъ наши мысли. За жарѣющимъ коминкомъ години стають хвилями. И сказатибъ, причина того въ тѣмъ, що огонь стихія а борьба стихіи увлекаетъ умъ человѣка. Такъ и при водныхъ таласахъ, катающихся волнахъ, просѣдишь день всмотриваючись въ вѣчно одну и туюже самую бурливость. Но тутъ не то. Огонь ласкаетъ насъ по своей разорительной свойственности. Самолюбіе наше тутъ озадачено. Человѣкъ ничѣмъ такъ не любезничаютъ якъ видомъ уничтоженія. Тогда въ немъ выдобываются самы вѣрнѣйшіи зародыши человѣческой природы и зъ уккрытья проколюются налюбоватись своимъ пригрѣвающимъ свѣтилищемъ.

Поки мы засѣли въ кружку, (а вже изъ бас-

сейна вызырали коло насъ бѣлыи головки рыбъ, которыи страннымъ случаемъ припоминали собою, а таки чи не были уже бѣлыми корковыми етикетами на бутылкахъ), поки мы уладились, ескуляпъ нашъ прямо пѣдойшолъ до той уныло головою покачивающей женьщины и мы видѣли, якъ онъ обмѣнялся съ нею кѣлькама словами.

»Странная встрѣча« говорилъ онъ вернувши до насъ »я ѣтъ первого взгляда пѣзналъ тѣи черты лица. Та женьщина пригадуеть мнѣ на первый годъ моей лѣкарской жизни, особенно же на мого первого паціента.«

»Навѣрно тымъ была якая красивая и плѣняющая дама?« докинули мы.

»Дама нѣтъ. Мѣй первый паціентъ былъ особого рода. И правду сказати, онъ осталъ излѣченъ, но тое излѣченіе привело его нечаянно въ страсть иного рода, изъ которой выхода уже не было. Отъ, якій былъ мой первый паціентъ и первый годъ ескуляпной службы.«

Въ той службѣ есмъ уже двѣ десятки лѣтъ — говорилъ лѣкаръ, коли наша плоть двинулась уже по Днѣстру, — значить, время, въ котрѣмъ я съ лѣкарскимъ уполномочненіемъ якъ продырнувшійся тѣлько-що изъ шкаралупы кручокъ,

убѣжалъ попрыгиваючи изъ столичного шума въ сельскую глушь для отдыха, що время то припадало въ памятный годъ 1863, въ котрѣмъ организація Червоныхъ пѣдъ прапоромъ польского орла старалась идеи европейского революціонисты Мациного осуществлити и начала сбирати повстанскіи силы въ литовскихъ лѣсахъ. И въ Галичинѣ по уступленію диктатуры Баха и введенію новой конституційной системы розгорячились умы Полякѣвъ, котрыи спѣшили за границу и ставали въ легіоны Домбровского, Потемни, Падлевского и прочихъ вождѣвъ, а которы по неудачной акціи такъ же массами утѣкали въ Галичину.

Генералъ Манюкинъ побилъ уже подлѣскихъ повстанцевъ, Шульднеръ розтрѣпалъ кадры революційныи Мѣрославского зъ Парижа, диктатуры упали одна за другою, а вѣсть о утечѣ тайной Лянгевича до Галичины розсыпала и обозъ Рошбрюна. И той послѣдній по неудачной кандидатурѣ на диктатора опустилъ свои баталіоны, котрыи въ пополоху кинулись утѣкати за австрійскую границу. Епидемія уцѣкинерства завладѣла во всѣхъ обозахъ. Обдертыи охотники революціи повертали позвонюючи ѳтъ зимна

и холода зубами и перетягали бездѣльно Подолье и горы. —

Мы сидѣли съ моимъ другомъ Антипомъ въ одной изъ ѳтдаленныхъ кавярнь на тѣсномъ заулку Львова и попивали пончъ. Послѣдній разъ мы уже зайшли тутъ, такъ якъ на слѣдующій день мы мали ѳѣзжати на село. Именно въ домъ Антипа.

Антипъ одѣдичилъ значительное имѣнье и уже ѳтъ кѳлькохъ лѣтъ перебивалъ на своихъ добрахъ въ однѳмъ изъ подольскихъ селъ. Узнавши, що я намѣриваю для отдыха усунутись на якійсь часть где въ затишье, ѳнъ безъ допросѳвъ прибылъ во Львовъ и увѣрялъ, що у него сельскую глушь перерываетъ лишь ночью сова на куполи церковной а въ денній часть жужчаніе комарѳвъ а по часамъ глухій ѳзывъ болотной птицы, боевика.

Стало на тѳмъ, ѣду съ нимъ. А счастливо сложилось еще и то, що ѳнъ не былъ женатъ. Тайкомъ признати, дамы стають съ временемъ остаточно ненаручныи. Сойдешся съ ними, нушь нѣкъ не называтибъ уже тебе челѳвомъ. Стаешь чимъ-то издѣланнымъ. Контролеры? Щожъ за такіи и контролеры суть тѣи дамы? Не угодишь дамскому вкусу, ни если и прямо стоишь, ни

если пріймешь и свободныи маньеры. Сядешь, положѣмъ, для освобожденія ѿтъ дамской щетливости на бочной козетцѣ, значится, зъ тебе Гамлетъ тамъ якій, несчастливо влюбленъ; а приберешься за блискій фотель, ба! дерзость не до прощенія, ану можебъ такъ хотѣлъ вдеретись и на первое мѣстце дамского сердца?

Въ томъ сердци и ключка. Пѣдговоришь же кѣлька словечокъ и любезностей той и другой дамѣ, уже зъ тебе не тая птиця. Стоишь прямо, характеръ въ тобѣ прямой, на слѣпо уже холеричный, твердый, а такимъ и слѣдуетъ быти каждому жениху. А сновъ свободный маньеръ то означеніе принадлежности до общественного крема. Щожъ и дивного, если такіи членъ крему сядетъ на убочи: видно, ѡнъ немного мечтателенъ, до того полный любви и чувства, словомъ, золотый человѣкъ.

Пѣдъ такими контролерами ты готовъ пасти еще въ якую сѣть; случайно кинешь где въ какое ушко незначительное но солодкое слово, стаешься правда, образцемъ жентлемена, но тутъ и ухвачиваютъ твое слово а ты загрязъ безнадежно. Або свѣтъ собѣ завязуй а нѣтъ, то уже признай, що зъ тебе за человѣкъ, обольститель и уводитель.

Счастливецъ же той, котрый не влюбляется въ женщинъ. Иначе было съ моимъ другомъ Антипомъ. Узритъ женскій ласкающій поглядъ, таетъ уже, словно воскъ. Каждую женщину, котору первый разъ узрѣлъ, любитъ, по его словамъ, надъ жизнь, до гробовой доски. Идетъ послѣ того паркомъ, стрѣтитъ нечаянно блондинку о мечтательныхъ очахъ, уже жизнь безъ ней ничѣмъ для него. »Повѣрь« говорилъ онъ по кѣлькохъ дняхъ, »я зъ ума сойду, если не отнайду брюнетки, о черныхъ бровахъ, котору я на корсѣ нынѣ подыбалъ.« И вдругъ слѣдовала любовная пѣснь для зникшей брюнетки.

Коли онъ теперь пріихалъ въ Львовъ, я замѣтилъ въ немъ малую смѣну. Онъ сталъ уже полнымъ мужчиною, въ уборѣ покинулъ дандисовскую точнѣсть а мало припаленный тейнтъ лица знаменовалъ свѣжость и полноту жизни. Ясны кучеры, долгій ясный усъ, продолжистая тварь и усталый взоръ сложились въ лице, которе черезъ складъ устъ прибирало всегда на полъ строгій, на полъ мягкій видъ. Онъ говорилъ съ важностію а лишъ его очи тогды впи-вались въ свою жертву. Мнѣ говорили многіи дамы, що его взора женщина не выдержала. И дама, котора неразъ была самою изъученою

въ сообщенію и всегда рѣзко вела рѣчь, при его поглядѣ въ послѣдствіи мѣшалась, въ ей усточкахъ неставало словъ, а то именно отъ того, що его поглядъ здавался дамамъ быти неумолимымъ хотъ молчащимъ судією ихъ слѣвъ. Черезъ то дама попадала въ попитку, выглядывати слѣвъ до своей рѣчи, а слово вынайденное всегда майже дѣлаеть розговоръ неприроднымъ а тымъ и смѣшнымъ.

Антипъ носилъ еще уборъ изъ временъ диктатуры Баха. Шелковая бѣлая хустка увязанна плотно пѣдъ шією, сюртукъ долшій съ талією и лямпасовыи панталоны дѣлали его стать немного штивною и напряженною.

Вступивши въ кавярню мы розпѣзнали, що въ первой салѣ не было намъ знайти мѣстця и перейшли въ другую червонотаетованную комнату, котру освѣчалъ лишь малый каганецъ. Дымъ цигаретный наполнялъ салю, а зъ поза его клубѣвъ вызырали въ другѣмъ углѣ комнаты мрачныи стати. По ихъ лохмотьямъ и складанымъ уборамъ а при тѣмъ унятыхъ карабеляхъ, мы пѣзнали уцѣкинерѣвъ. Одніи изъ нихъ хропѣли на лавахъ, другіи сидѣли при столѣ за стаканами.

»И Нарбутъ ничего не сдѣлалъ?« пыталъ одинъ изъ уцѣкинерѣвъ въ рудомъ жакетѣ, си-

нихъ гайдаверахъ и военной шапочкѣ товариша, отъ котораго выхуханнаго лица странно отбивалъ мазурскій сельскій кафтанъ и зеленый камизоль.

»Нарбутъ?« отвѣчалъ послѣдній »и той вже погибъ въ гродской пущи. Ужасно. Мы погибли. Однакожь скажѣтъ уже, чимъ вы проживаете теперь?«

»Впередъ отвѣти ты намъ, чи гладко высмыкнулся изъ обоза?«

»Мало не попалъ въ руки жандарма-вѣшателя изъ нашей легіи.«

»То и есть: вѣшателя. Ты присмотрѣлся, якъ вѣшаютъ?«

Молодой уцѣкинеръ на той вопросъ удивленъ поглянулъ на товариша.

»Рѣчь проста« толковалъ первый въ рудомъ жакетѣ: »ты долженъ былъ привыкнуги до такого зрѣлища. Иначе въ наше ремесло не вступай.«

Въ той хвилѣ вступилъ въ комнату мужчина въ долгомъ обдертомъ плащи и въ затисненномъ каскетѣ и намъ лишь разъ припало узрѣти его профиль съ стисненными устами, голенымъ подбородкомъ и шпакватыми бакенбардами. На

его приглашеніе по́днялись мрачныи стати и всѣ въ молчаніи опустили комнату.

* * *

На другій день мы далеко уже были за Львовомъ. Найтичанка везла насъ по унылымъ однообразнымъ дорогамъ Подолья. Минали болонья съ красистою марженою и гуляющими гарса-марями, и зеленѣющіи луги а дальше песчатыи рѣвнины и мы сближались до мѣстца, где густѣйшою уже водная сѣть и где починаются озера и болота.

Проѣхавши черезъ березовый лѣсъ, мы поражены остались видомъ, котрый теперь въ дали розстелялся. Передъ нами не была рѣвнина, но море. Далеко и широко одна маса воды. Въ весенній и осенній часъ на Подолью выступаютъ воды изъ береговъ рѣкъ и озеръ и рѣвнина становится однимъ воднымъ розливомъ, покрывающимъ своими таласами урожайныи поля, зеленныи луги и песчатыи угоры. Лишь по возвышеннымъ мѣстцамъ творились острова, изъ котрыхъ шибали по сторонамъ лодки и бревенныи тратвы.

Въ воздухѣ уносились тяжкіи оловяныи мраки и признати, на мнѣ якто оловомъ тяжилъ

цѣлый пейзажъ. До того вѣтеръ хлосталъ немилосердно и подносилъ волны, въ которыхъ мѣстцами выставалъ понурый аистъ або журавель прибравши безнадежный жестъ въ сложеніи шіи и клюва.

»Уже прости« кажу я до Антипа. »но що то у тебе за такая сторона? Тутъ унылый вертепъ давящій своимъ сумомъ. Положѣмъ, жилбысь тутъ день, два, то то само, що съ жизнью росспростись.«

Антипъ на то улыбнулся и то такъ, якъ улыбается знатокъ на недопеченное примѣчаніе новика.

Я не вспѣлъ еще попытати, куда мы передъ тымъ озеромъ спрятаемся, коли вже наша найтичанка точилась въ водѣ а конѣ брели въ волнахъ розсыпуючи ихъ стопами въ кропистый дощъ.

»Добирайсь до австеріи, а тамъ пересядемъ на челна« сказалъ Антипъ до кучера, котрый на своей высотѣ выдался мнѣ теперь Нептуномъ плывающимъ на конхахъ. Не далеко передъ нами тягнулся такъ же якійто мужикъ, котрого волю потягающіи телѣгу продирались черезъ таласы якъ бѣлыи сфинксы. Лишь два ряды то-

поль и браклєну указовали, що мы їдемъ въ направленію рїзанной дороги.

Въ кѣнци мы добрались до особякомъ стоящей корчмы на незначительномъ возвышенію, въ котрой сїняхъ схоронились уже численнии возы и фурманки, ожидающіи спаду воды. Пѣдъ обдертыми ей камїнными и на поль цегольними стїнами лежала семья цыганска а при телїгахъ крутились еврейскіи козы.

Коли конї наши рвались уже на сухую землю, мужикъ їхавшій передъ нами пристанулъ передъ вїїздомъ австеріи и сойшовши изъ воза приступилъ съ другимъ еще Подолякомъ до нашихъ коней, котры запїнились ѡтъ умученья и глубоко ѡтдыхали.

»Ехъ, конята« началъ ѡнъ покуриваючи люльку, »нашъ властелинъ лишъ то, що и конята держать. Що за маржена то кѣнь? Погребетъ разъ два стопами, и уже мало чи не послїдній разъ ѡтдыхнетъ. Отъ, былабъ еще зъ четвертина милї, думаете потягнулибы? Ану, Максиме, скажїтъ, чи потягнулибъ еще зъ чверть мильки тїи конята?«

»Якъ бы и потягнули!« отвїчалъ другій мужикъ Максимъ заложивши руки въ задъ своего жупана.

»Право не поїшлибы. Нема якъ волики. Сивьи волики або ще и барнистыи то золото. Алежь сиваками не їздити мѣстовымъ. Сказалибъ, поки дотягнемъ, умремъ. Ба! Припни еще и крыла, а за мало будетъ. Отъ примѣромъ такій панокъ якъ той (ѡнъ указалъ на мене), бачъ якій полетливый, ади, якій стрепетливый, мовъ коршунъ якій.«

»Коршунъ, не коршунъ, а всежь що се за такая птиця.«

Они совсемъ не вязались нашимъ присутствіемъ въ розговорѣ, которого дальшихъ слѣвъ мы уже вступивши въ австерію не зачули.

»Не удивляйсь« свернулся до мене Антипъ »той мужикъ уже такій; ѡнъ якъ той хортъ исперва пощекиваетъ на чужинця а послѣ и не ѡтступаетъ ѡтъ него. Ѣнъ изъ нашего села плугаторъ на зарѣчью, Валько.«

Жидъ запровадилъ насъ до своей альковы, где мы хотѣли переглянути подорожный тломакъ, не снаходится ли въ немъ якая тамъ книга або журналикъ, щобы нею по долгой уже страпаціи дорожной подсытити немного духа. Мы мало таки не пролили крокодильнихъ слезъ надъ тымъ, що на голову позабыли вложить тамъ якую ни-будь улетливую лектуру, и съ отчаяніемъ взялись

за попавшіи случайно въ тломакъ салями, хрупотливыи рыбніи пирожки и насувающійся дерзко кавьяръ. Въ пору, где человѣкъ дознаеть заводу въ своихъ надеждахъ, чепається онъ на-конецъ и послѣдняго якого средства.

Но нашъ деженъ прорванный былъ мало не зъ начала еще. Въ однѣмъ углѣ сидѣлъ розпростертый на еврейскѣмъ бамбетлю оборванецъ. Его накрывалъ полатанный плащъ и мы по профилю узнали, що то тойже самъ уцѣкинеръ, который во львовской кавярни такъ по видимому владѣлъ межи своими товаришами. Теперь его особа стала намъ знакомою. То былъ зруйнованный былый дѣдичъ цѣлого ключа селъ, домены самой лучшей, а теперь пролетаръ и бѣгшій по неудачи партизантки въ литовскихъ лѣсахъ инсургентъ.

Изъ шолковъ сойшолъ онъ на споловѣлый плащъ, пѣдъ которымъ червонѣлъ чорнымъ штофомъ пасованный жилетъ, якій носилъ вождъ полѣской кадры Рошбрюнъ. Изъ лякерованныхъ мештѣвъ остался самъ грубый дѣгтованный юхтъ: на рукавахъ вызырали бѣлыи передѣлы, а стряпы висѣли изъ плечъ и колѣнъ. Голову покрывалъ столоченный каскетъ а въ рукахъ одно прадѣдское паслѣдіе, нагайка, припоминающая

чорныи дѣла предкѣвъ и егоже самого. Изъ подѣ чола якѣ зѣ подѣ чорной яруги смотрѣли кровожадныи очи, уста спалены, лице стягнуто, а на немѣ якѣбы немезисѣ тѣсно учепилася лякаючися пустити изъ тѣла чорную душу, абы не утѣкла передѣ свѣтомѣ, но якѣ мара пересувалася съ назначеніемѣ чорныхъ дѣлъ. — Бакенбарды одушевлявшіи може коли-то дамскіи душечки протрапились, а рука, що стискала прежде съ горячю палычки дамскіи, що потомѣ въ Жуавахѣ вывивала косою межи Гарибальдистами, що рѣзала пѣдѣ генераломѣ Бонжеромѣ а въ Франціи пѣдѣ вождомѣ Жоре, а въ кѣнци змахалася неудачно въ литовскихъ лѣсахѣ, держала теперь нагайку выкручючи нею въ воздухѣ.

»Жиде« говорилѣ Ковшевичѣ не пѣднимаючися, »давай пити, давай а нѣтъ, то чашку розвалю.«

»Прочѣ изъ комнаты« ѣткинулѣ жидѣ »гости маю: уже и такѣ за вино не платишь.«

»Платити?« розреготался дѣдичѣ »давай и конецѣ. Пожди, вражій сыну, ты; пити давай. Грошей роздобуду еще.«

»Иди не видишь, паны прійшли.«

»Паны?« Пролетарѣ пѣднесся и сѣлъ оперши на столѣ обдертыми локтями голову. »Еге! а но паны! посмотриѣмже, якіи; Антипѣ, братчика того

знаемъ; шею затыгнулъ шолкомъ. Емубъ по̀слати ворожку Ленорманъ, скажетъ ему якъ Робеспієрови, щобы шмизетки казалъ собѣ изготовляти безъ штивныхъ колнѣровъ, а то легче войдетъ стрычокъ на шею. А що? кровь выступаетъ тобѣ на лице? Звѣстно панъ, пещенное дитячко. Браво, братчику, напіймось разомъ и я коли-то ходилъ въ шелковомъ шапо-ба. Не хочешъ? пій, а нѣтъ то —«

Антипъ успокоившись на лицѣ, сѣгнулъ по сакву и вынимаючи зъ него срѣбрного, подалъ его пролетару.

»На кусникъ хлѣба придастся« сказалъ Антипъ обыкновеннымъ своимъ важнымъ голосомъ.

»На кусникъ хлѣба?« Ковшевичъ божевольно поглядалъ и важилъ въ руцѣ грошъ. »Жебракъ? Я жебракъ?«

Онъ засмѣялся якъ лошакъ ржущій; его щеки дрожали.

»Жебракъ? Сойдемся еще оба, голубчику, солодко сойдемся; расправимся съ собою.«

И пролетаръ отчаянно затиснувши каскетъ выйшолъ изъ комнаты и мы видѣли, якъ въ австеріи люде розступовались и крестились за слѣдомъ бывшего своего тирана, що пустился теперь дальше въ свѣтъ бродити за заклятіе. У быв-

шого дѣдича выкололась обидженная гербовая дума а въ безсиліи она еще бѣльше росла.

Передъ ѡкномъ изъ двора показалась стать: на грудехъ червоно и черно пасованный жилетъ, лахатыи гайдаверы и такіѣже плащъ. — Ѳнъ затиснулъ руку и поднесъ въ гору а зъ его очей сыпались мстительныи искры. »Стрѣтимся еще« повтарялъ Ѳнъ и стать зникла наконецъ изъ передъ ѡкна.

Кажетъ народъ, изъ Карпатъ долетаетъ погробовый стонъ. Вѣчно той стонъ розлягается по горахъ и низовью. То стонъ упавшой за грѣхи силы, стонъ ворогѡвъ и деспотъ покутующихъ, що вѣками придавляли народъ и мучили. Въ вовчой кожѣ не звѣрина жіетъ, но укрытый катъ покутуетъ. Пѡдъ крыльми ворона, крука и орла заклѣтыи наслѣдники великихъ родинъ укрывають великіи имена и старыи гербы; трубныи сигнали покутующихъ охотникѡвъ розстеляются по скалахъ и провалинахъ Карпатъ а ихъ ехо далеко доходитъ въ народъ, що вѣки прожилъ въ оковахъ. —

»Мусимъ спѣшити« говорилъ теперъ Антипъ »до вечера уже недалеко, а мы ледво за дня доберемся до нашої осадьбы; о найтичанцѣ и рѣ-

чи нѣтъ, мусимъ взять лодку и такъ плывучи
впростъ станемъ еще дома передъ змеркомъ.»

Онъ выйшолъ.

Я станулъ въ дверехъ и поглядалъ на людей
собранныхъ въ корчмѣ. Въ нихъ казалось жизни
нѣтъ. Не звучала тутъ рубающая пѣснь кар-
патска, не розлягалась тужная мелодія гѣрскихъ
сынѣвъ; тутъ вялость, повольность и унылость
розлита была по лицахъ. На печи лежали об-
моклыи мужики въ сѣрыхъ полотнянкахъ, съ
олѣйными лицами, въ бѣлыхъ низкихъ кучмахъ
и въ широкихъ чоботахъ. Съ ними кокетничала
еврейка, котора справляла при коминку шаба-
совое креесъ. Лишь тое кокетничаніе было ино-
го рода, якъ у модныхъ дамъ. Но женьщина
кокетничаетъ, абы до якоѣлибо корыстной цѣли
дойти. За то тайнымъ манителемъ здавался
быти недвижимо люльку покуривающій старый
сивый еврей; въ немъ якбы переваривались со-
ломоновыи мудрости. И онъ не даромъ такъ
выглядывалъ.

Коли я еще не мѣгъ дозрѣти спящихъ на
лавахъ статей, въ котрыхъ мнѣ припомнился ма-
зурскій кафтанъ и камизоль и рудый жакетъ,
подойшолъ въ мою комнату Валько. Онъ малъ
важный видъ. Теперъ я мѣгъ вполнѣ на него

поглянути. Еслибъ кто схотѣлъ подвигнути его зъ мѣстця, то ошибнулбыся; казалось корпусомъ угинай на всѣ стороны, а ноги на силу прикованы до земли. Такими были его чоботы. Они величиною безсомнѣнія перевысшали всѣ другіи а холявы широкіи и фалдистыи здавались слоньими ногами. До того жолтыи шаравары были вѣрнымъ образцемъ давныхъ плюдерныхъ панталонъ.

Его тѣлосложеніе однакъ было исхудалое. Изъ широкого колнѣра у сѣраковаго башмака вызырало на журавельной шіи фавновое, олѣйно-темное, скуластое лице, на котрѣмъ при всей унылости и вялости былъ замѣтный якійто мерцающій лучъ утаенного подольского гумора, скрывающогося пѣдъ задумчивостію, якъ молнія захмарами. Одно: такой пекущей улыбки, яка на его устахъ играла, я не встрѣчалъ. Казалось, слово еще не сказалъ, а уже по сердци утялъ. Но та улыбка якто и ласкала, она была тымъ свѣтилкомъ, що дѣлало его шереховатую тварь по хвили уже бѣльше привлекательною.

»Дѣло есть,« сказалъ онъ и моргнулъ бровою; а еще видѣлась у него охота щелкнути; но онъ мѣсто того лишь розстряпалъ пальцы а послѣ

сновь звинулъ. Значилось, добре, що придыбалъ, прихопилъ.

»А що?« пытаю.

»Уже не бѣйтесь, Бѣгъ дастъ, будетъ що.«

Валько добылъ изъ за колѣбра люльку и началъ накладывать угорское чумово.

»Волами вамъ недобраться на зарѣчье« кажу, »сядемъ разомъ въ лодку.«

»Не добраться?« (Онъ засмѣялся на ширину устъ и лучше еще осадовился на своихъ чоботахъ.) »Якъ маешь съ собою свои сиваки, то тогда еще ты не погибъ. Золотая то маржена тѣи волики, Божіи та мои. Душа радуется, якъ лишь поглянути на нихъ. Уже Протасъ якій а ними любитъ. Отъ и дѣло съ тымъ Протасомъ. Излѣчитибъ его. Уже вамъ зъ очей бьетъ такъ, що вы лѣкарь. Такъ я исперва думалъ уже, поки не почулъ, кто вы. Значить, завтра поведу васъ.«

»Излѣчити? Якій же онъ, старый? молодой?«

»Старому не радѣсть а молодому журба.«

»Сильно больной?«

»Ба!«

»Въ чомъ же особенно?«

»Право сказать, въ ничомъ.«

»Изнеможенъ може?«

»Сильный якъ дубъ.«

»Такъ щожь?«

»Ну, уже завтра: узримъ. Конечно бы излѣчити, и чому бы нѣтъ. Звѣстно, лѣкарь, еще разъ лѣ-карррь...«

Онъ съ притискомъ повторилъ послѣднее слово, и по́днявши изъ земли кресаню, которая по своей давнинѣ и пройшовшимъ ю стихіамъ, была безсомнѣтельно не малого вѣса, двигнулъ свои бурлескныи чоботы и вмѣшался сновъ въ австерійную толпу.

На выколовшемся круку почали показываться уже крыла. И въ собѣ чулъ я якіи-то крылочныи выдвиги. Коротко: первый паціентъ. Всегдажь то ласкаетъ самолюбіе кручое, если подыметъ первый вылетъ на собственный жиръ. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ слѣдующаго дня. А нетерпѣніе гигантно побольшаетъ долготу времени и мы тогда лишь убѣждаемся, якъ неумолимымъ и постояннымъ есть время.

Уже положѣмъ быlobъ такъ, стерпѣлбы чловѣкъ, но зачепишь дѣло о дамахъ уже иначе. Хитренныи еввины дочери подхватили тую дѣйствительность. Думалбы кто, дамы непостоянны тогда, коли по ихъ сердци розольется новый любовный бальзамъ, сильнѣйшій ѳтъ первого, ко-

ли правдивая любовь слѣдуетъ въ мѣсто прошлой мнимой не состоявшей въ своимъ началѣ на дѣйствительныхъ чувствахъ. А то все ничо иного-лишь планъ. Дама знаетъ, що еслибъ постоянною была, она не выкликалабъ въ обожателю нетерпимости. А задачею каждой женьщины есть впровадити обожателя въ мучительныи око-вы. Дама згаряетъ любезничаніемъ на видѣ плѣнника, но въ тойже минутѣ вспыхаетъ въ ней жажда нового полона.

Кажетъ преданіе народное, въ подземной державѣ жилъ могучій владѣтель, котрый страстью палалъ, чимъ разъ бѣльше умножати число своихъ плѣнникѣвъ; но чимъ оно убѣльшалось, тымъ онъ попадалъ въ бѣольшую скуку, послѣ въ невыносимое неудовольствіе, наконецъ же ему захотѣлось быти самому плѣнникомъ и ставшисъ тымъ, онъ называлъ себе счастливымъ и доволеннымъ. — Не сказатибъ, що дамы суть тымъ пѣдземнымъ владѣтелемъ а однакъ, скрывшисъ ѣтъ дамского слуха намъ не иначе пришлобъ сказати, якъ лишь опредѣлити, що въ жизни каждой дамы ѣтнайшолбысь где-то тую свѣтлую хвилю, коли она по долгѣмъ владѣнію идетъ добровольно въ плѣнь, хотяй цѣпи въ той плѣ-

ни миртовьи а оковы состоящи изъ любовныхъ поцѣлуевъ...

Мы пѣдъ вечеръ добрались на лодцѣ до осады-бы Антипа. Всегда хлосталъ той самъ докучливый вѣтеръ, всегда шибали по кругозорѣ тѣже оловянные хмары а лишъ въ дали видныи были ряды соломяныхъ стрѣхъ, керничныи столбы, кощавыи вербы и браклены.

Коли мы вошли уже во спальню Антипа и попивали чай, замѣтилъ я на стѣнѣ портретъ, котрый поразилъ мене необыкновенными чертами лица особенно же палающими очима. Если тѣи очи на дѣлѣ такъ чарующи, то женьщина та первостепенною красою. Восточныи черты дополнены были богатыми пуклами чорныхъ льоконѣвъ. Лишъ модная фишютка пѣдъ ей шіею и атласный горсетъ якто чужими здавались быти для того лица.

»Актриса то яка?« пыталъ я Антипа, котрый слѣдилъ жесты на моей твари.

»Жаль но она не актриса.«

»Нѣтъ? Отже твоѣ идеалъ?«

»Идолъ не идеалъ.«

»Ты обожаешь ю?«

»И обожати буду до гробовой доски.«

Я зналъ тую фразу. Я чулъ ю не одинъ разъ ѿ Антипа.

»Друже« продолжалъ ѡнъ »женщину никому я не любилъ еще такъ якъ тую. Ты улыбаешься? Свободно. Но всѣ дамы, котрыхъ я прежде видѣлъ, суть ничѣмъ противъ ней. Еслибъ ты бачилъ ю, тыбъ призналъ. Що за женщина! Якая любовь вспыхнула во мнѣ, коли я ю побачилъ. Не стинай же такъ насмѣшливо бровъ. Я и самъ чувства моего объяснить собѣ не могу. Хотѣлбымъ освободиться ѿ него, но не возможно. Я такъ люблю Ельвиру...«

Ѳнъ покачивалъ мечтательно своею блондъясною головою опертою на руцѣ и всматривался въ портретъ. Вдругъ ѡнъ принялъ давный немного строгій видъ и допилъ чай.

»Скажи« свернулся ѡнъ до мене »цыганки правду предсказуютъ, чи все то болтовня?«

»Отъ, еще ты може и въ цыганочку яку влюбился?« кажу.

»Нѣтъ, не влюбился. Но послухай. Такую цыганочку встрѣтилъ а радше она сама нахилила свои личика до мене, що дѣйстно мысль приходила и въ ней влюбиться. Изобрази: вѣрно и цыганка Наполеона въ Москвѣ не была такою, и

цыганка, що побѣдила спѣвомъ своимъ пѣвицю Каталани не была такою. Коротко: волшебная. Она взяла руку мою и зъ долони предсказовала.»

»Вѣришь, якъ вижу, въ каббалу Зороастра и тезы Дебаролля?»

»Вѣрити не вѣрю, а всежь насувается на думку. Не ѡтчепись ѡтъ той мысли. Она сказала: грозить вамъ взоръ одинъ и мертвое личико.»

»Гамлетъ изъ тебе, надъ трупною чашкою такъ и заспишь.»

»Не шути« говорилъ Антипъ »слова тѣи вѣчно мене переслѣдуютъ.»

»Ну, дѣло ясное; взоръ той дамы, твоего идола, и опасный то поглядъ. Очей такихъ не встрѣчается.»

»Нѣтъ, не тѣи очи. Ельвиру знаю уже ѡтъ долшого времени а дѣло съ цыганкою было прошлого лѣта. Ты еще не знаешь Ельвиры? И жаль, що може и не пѡзнаешь ей; она въ Карпатахъ далеко. Послухай же. Прошлого лѣта былъ я въ Карпатахъ на праздничнѡмъ вечерѣ у одного пароха. И я умышенно тамъ заѣхалъ, такъ якъ я зналъ, що тамъ будетъ моя обожаемая Ельвира. — Ельвира дочь польского помѣщика въ карпатскихъ горахъ. Ей отецъ

старый уже немощный. Колись былъ онъ бѣльшимъ властителемъ, но протративши все, осталъ съ однимъ лишь дворомъ.

»Его дочь необыкновенной красы. Лишь то удивительно, що она въ ничемъ не подобаетъ на Польку. Нѣтъ у ней той живой природы, рострепанности и прибранной кокетеріи. Лишь воля у ней несломима. То сильна волею женьщина. И признати, тая сила ей воли мене особенно плѣняетъ. Она молчалива, таинственна, но видно въ ней внутренній жаръ. И ей тейнтъ лица не той блѣдный, но мало темный; черты ей отмѣтныи, пукли волосовъ черныи и що еще, кажутъ, у ней очи необыкновенны. Я примѣчаю, кажутъ, такъ якъ я самъ не видѣлъ еще ей погляда. Странно, но не видѣлъ. Она до того степени ѳтдаливающа, що еще не поглянула на мене полно. А поглядъ частный не даетъ своего полного образа. Она преимущественно образованна женьщина а ей цѣлымъ раемъ суть книжки а во вторыхъ горы и лѣсы. Розговоръ съ нею стаетъ ѳтъ первой хвили свѣжій, яркій, но разомъ и острый и значительный. Ей слова якто урывистыи здается, въ ней палаеть огонь, то вспыхаючи, то угасаючи.

»Такая женьщина и такая краса лица плѣнили

мене уже совершенно. Я узрѣвши ю, подумалъ: то она, женьщина, которая не уступитъ изъ моего сердца. Лишь одно: очей ей не бачилъ. О тыхъ очахъ Ельвиры много говоритъ народъ. Еи очи то звѣзда, котору изъ неба божокъ Соварогъ скинулъ и которая упала въ ей душу. Изъ падшихъ въ душу звѣздъ становится необыкновенная краса, которая убиваетъ своимъ взоромъ своего возлюбленного. — Но она не поднимала на мене полного взора: такъ была упорною. И щожь мнѣ дамскій поглядъ? Много очей я уже встрѣчалъ. Карьи очка Леонтины, бархатный взоръ Евляліи, кокетный Богеміи, меланхолическій Ольги, все то поникло, пересунулось и пропало.

»Я былъ на праздничномъ вечерѣ; еще помню, я сидѣлъ при Ельвирѣ. Чорный аксамитный корсетъ обнималъ ей талію; въ изумительной красы локонахъ лишь одинъ цвѣтъ цинія. И она правдивый образъ циніи; ей нѣжныи, цвѣтущіи усточка были сжаты, она отвѣчала коротко, комплиментовъ не сносила и была всегда мечтательною. Но то не были изученныи мечты, она о нихъ и не знала; словомъ, въ ей души замѣтный былъ якійто особый свѣтъ.

»Я удалился въ дальшую комнату и погру-

зился въ задуму. Музыка цыганска перестала въ игрѣ и коли я поднесъ голову, побачилъ я передъ собою цыганку, которая держала грошевую тарелку. За чардаша варто и срѣбрного дати, тожъ я и кинулъ его моей Преціозѣ. Цыганка шельмовски улыбалась; а была она не мало красива; ей ножка готова была и до сарабанды. Она схилила головку надъ моимъ лицомъ. Щожъ дивного, если я сказалъ: „Женьщино, якъ ты хороша.“ — „Я умѣю еще краснѣйше предсказати“ отвѣтила она. „Предскажуй уже, ты волшебная!“ Она взяла мою руку и вдивилась. „Стережѣтся“ кажетъ „очи и смертное лице вамъ угрожаютъ.“ Съ тымъ она улетѣла.

»Отъ той памятной ночи я не былъ уже въ Карпатахъ и не видѣлъ Ельвиры. Лишь одно не знаю: знайшолъ ли я отвѣтъ въ моей любви. Смотри же на портретъ; кто-бъ не любилъ еи? Ельвира!«

Антипъ вглубился въ образъ; я вѣрилъ уже, що его любовь теперь не молодецкій шаль, не юношеская пустота. Юношескіи лѣта пролетѣли беззамѣтно, скользячи по солодичахъ улетливыхъ, одушевляючись для шальныхъ дамъ, для блестящей козеріи, для перфюмованныхъ листковъ и составляючи собою лишь пестрый калейдоскопъ,

въ которѣмъ ѣтражаються нашѣ юношескіе шалости а разомъ и подаются солодкіе воспоминанія.

Мы уложились до сну; еще билъ о шибѣ вѣтеръ, долѣталъ плескъ воды, въ кѣнци все утихло, сонъ надоспѣлъ.

* * *

Мнѣ однакъ не толпились воспоминанія. Если коли женьщина мнѣ являлась, то иначе. Хотя и она была мелюзиною и смотрѣла пристально, но поневоле пригадовался властивый источникъ женскихъ ласкъ. — Дамская ласка, то масочка на безконечныи женскіе гримасы, дамскій устискъ то предсказаніе предательства въ любви, дамскій усталый поглядъ, то предтеча просьбы финансовой, а поцѣлуй означаетъ, що за хвилю ѣнъ другому дѣстанется.

На другій день рано мы засѣли за каву; на свѣтъ я еще не поглядалъ. И що мнѣ тамъ вертепъ такіе! Темный и сумовитый до крайности.

»А що, еще любишь Ельвиру?« пыталъ я Антипа, въ увѣренію, що ѣнъ таки може при ранной зорѣ далекій ѣтъ всѣхъ чувствительныхъ выражений а лишь въ мрачныхъ вечернихъ годинахъ въ сельскѣмъ уединенію видитъ митичныи красы. — Но я и не ожидалъ отвѣта. Мѣй

взѣръ палъ черезъ отвертую дверь въ другую комнату.

»Извини друже такіи вопросъ« кажу »но що у тебе за такіи то хорошіи женьщины.«

Въ другой комнатѣ сближалась цыганка съ письмомъ въ рукахъ; она ступала майже такъ, якъ ступаетъ танечница въ сарабандѣ або тарантеллѣ. Антипъ поглянулъ на вступающую и удивился немного. Цыганка же плутовски смѣючись вывивала въ руцѣ ковертою якъ роскошная сифида, которая сыплетъ упоивающіи зѣлья на свою жертву.

Въ той хвили почувлись мужескіи кроки.

»Наконецъ!« говорилъ альтовый голосъ и въ салью съ шумомъ войшолъ стрѣлецки одѣтый мужчина высокого роста о гнучкихъ движеніяхъ, въ ширококрысомъ бѣломъ капелюсѣ, въ нанкиновой ясной куртцѣ, кратистыхъ шкотскихъ панталонахъ, входящихъ ѡтъ колѣнъ въ плотно пристающіи кожаныи камаши. Онъ ступалъ мало не скользячи якбы земля подъ нимъ угидалась; не иначе а по узвычаенію паркетнѡмъ небрежно пѡдносилъ ногу, ставляючи ю послѣ съ якою-то ловкою рѣшительностію. Руками творилъ онъ отъ рамена полукругъ, значилось, непринужденно владѣеть движеніями. Лишь изъ пѡдъ рукава

надоѣдалъ упорный маншетъ и его приходилось постоянно прятати пѣдъ рампасъ рукавный. На рамени перевѣшена была стрѣлецкая торба изъ борсуковой кожи а въ руцѣ держалъ онъ стволъ ручницы.

»Наконецъ знаете и вы уже?« трепеталъ онъ, »ахъ, я восхищенъ. Подумайте якая сласть, якая роскошь; такого делиціумъ не было еще. На полонинахъ! То щось очаровательного; я то знаю. Еще якъ я въ гонведахъ былъ... А про-по, гость. Я правдиво восхищенъ, певно...«

Онъ заклубленно подалъ мнѣ свою изнѣженную руку прятаючи маншетъ, самъ же угибался въ серпентину, при чемъ его чупрына хиталась якъ челнокъ, который прибавши до берега укладысуется до спочинку. Антипъ запозналъ насъ. Значилось Харитонъ Хоревичъ, былый офицеръ при гонведахъ, побывавшій въ свѣтѣ, боровшійся въ памятномъ 48 роцѣ а теперь уживающій свѣта божого.

»Лѣкаръ? Браво« говорилъ онъ сѣдаючи елястично на фотель »я восхищенъ. И вы выправляетесь съ нами? Очевидно, наконецъ (того слова онъ не пущался) есть порядочное дѣло. Такая почта тысячи вартаеть, а еще до того такая почтиліонка, такая цыганочка, такое издѣліе

природы, майже игра аподидраши въ составленію красы, майже прелесть изъ сказокъ Шегересады. Наконецъ лишь до любезничанія.»

И онъ улыбаючись приступилъ до цыганки и прибралъ серьезный жестъ.

»А що?« пыталъ онъ »сновь дальше отпра- витесь, вѣчно по свѣту? Наконецъ! За такую вѣстку якъ ты принесла, еще одного срѣбрного дается (онъ добылъ портмоне) еще, очевидно еще одинъ. Но при томъ уже и поцѣлуй; еще якъ я въ гонведахъ былъ...«

Тутъ роздался маленькій лоскотъ. Бывшій гонведъ, который нахилился до цыганочки съ намѣреніемъ поцѣлуя отскочилъ нечаянно а цыганка середъ своего шельмовского смѣху опустила комнату всегда еще утѣшаючись видомъ отправленного Дон-Жуана.

Но послѣдній ніякъ не признавался до полученной отправки, до того лоскота, котрый слѣдуетъ при неожиданнѣмъ сходствѣ руки съ лицомъ; онъ пригладилъ обома руками по бокахъ головы на чело причесанный волосъ и опустился сновь на фотель.

»Щось пикантного« продолжалъ онъ »такая цыганочка. Еще якъ я стоялъ въ гонведахъ, зналось не одну; дѣйстная роскошь. Якъ то

природа есть неизъяснимою, неизглубимою, а при тѣмъ шутливою. И ‚зубъ часу‘ такую красу не понищить. Вглубившись, думалбысь природа дѣйственною мачохою. Кажу, ма-чо-хою. А пропѣ, еще якъ былъ я въ гонведахъ, иду, смотрю, краса, диво не женъщина, плѣняющая цыганка. Но щожъ? Толпа цыганѣвъ заступаеъ ю. Вражїи сыны, я добываю кинджалъ, чахъ чахъ то саблюю то кинджаломъ, одному цыганови чашку розрубалъ, другому голову ѣтталъ, третьому лице расплаталъ, наконецъ, по цѣлой горѣ трупѣвъ до моей дульчинеи. Но, (сновь важный видъ) тїи времена минули. Щожъ але не минаеъ? Роздумавши добре, кажется, що тая тонь неизглубимая, въ котрой планеты и трабанты... ахъ! и забылбы, отъ смотрѣтъ.»

Ѣнъ указалъ на свои стопы. Мы узрѣли теперь, що изъ пѣдъ камашей вызырали ходачки, ново издѣланныи на гѣрскїй крѣй.

»А що? Фамозно, неправда? Я восхищенъ. Умышленно заказалъ собѣ такіи скарпачїя, якъ звучно зоветъ италїянинъ такіи сандалки, не иначе а скарпачїа. Никто не увѣрилбы, якъ легко въ нихъ ступается. А пропѣ розливу нашихъ водъ. Въ отчаянїи былъ чоловѣкъ. На ловлю и не выйти, одна надѣя еще въ журна-

лахъ. Песика нового маю, власне по анонсамъ газетнымъ роздобылъ его. Цацко не песикъ. Якъ упосажила его природа, то дасть заставляться, а що уже за душечка зъ него, то кажу правдивую сладость житъя становить. Но щожъ наконецъ солодичъ жизни? Бьемся якъ волны о скалы, жизнь наша то капризъ природы. Ахъ я засидѣлся у васъ; но чоловѣкъ и въ огонь пѣйшолбы съ такими жуирами якъ вы мессіеры. Время на бекасы. А що? полъ девятого?»

Онъ сровнивалъ свѣй ремонтаръ, при чемъ око одно прижмурилъ а уста твердо прикусилъ.

»Время летить, въ бездну падаетъ одна хвиля за другою. Но мало не позабылъ розсказати вамъ мою послѣднюю редуту. То было передъ днями; одушевленіе до крайности охватывало человѣкомъ. Щось подѣбного не случалось мнѣ лишь еще якъ я въ гонведахъ стоялъ. Отже выправа на драхвы. Що за птиця! Капризъ природы. Стрѣльця и ручницю пѣзнаетъ она зъ дали. Лишь мужика не лякается. Длятого на способы берись, надѣвай мужицкій стрѣй. Любезныи мессіеры представте собѣ наконецъ мене въ мужицкомъ строю. Истный маскарадъ; полотнянка, гайдаверы, чоботы о нескѣнченной глубинѣ и соломьянка. Теперъ иди межи ко-

нопи и просо, а тутъ уже то само, якбы Кре-
зусъ сидѣлъ на стогахъ золота. Въ лѣво, въ
право, на впрость всюда наступаю на драхвы.
Тарахъ, тарахъ, пташня падаетъ якъ воробцы.
,Гей ты тамъ' кличу на мужика, що ѣхалъ съ
возомъ ,пожди, заѣзжай тутъ'. Драхвы убитыи
ледво помѣстились на возѣ. — Еще одно: що
думаете о тѣмъ фильсѣ на моимъ капелюсѣ?
Первостепенный, неправдажъ? Теперъ иду. Отже
за двѣ недѣли въ горахъ до свиданія.»

Онъ поспѣшно, выгнувшись въ лѣво выйшолъ
изъ комнаты и затрѣснулъ за собою дверь.

Въ первый разъ мы могли теперъ прійти до
слова.

»Узримъ, що то за такіи листъ« говорилъ
Антипъ отвираючи ковертъ. ,За двѣ недѣли
тутъ на полонинахъ облава на дичину. Всѣ се-
ла окружныи возьмутъ участь; на нагонку бу-
детъ що наименьше три тысячки людей. При-
ѣзжайте. Давныи знакомыи.»

»То изъ того села« началъ Антипъ »о кото-
ромъ я говорилъ тобѣ, где я былъ на праздни-
чѣмъ вечерѣ. Поѣдемъ, въ Карпаты люблю за-
витати. Банда цыганска тягнетъ видно зъ гѣръ
теперъ, здається и гонведъ получилъ такое письмо,
и онъ бывалъ въ тыхъ сторонахъ. То загадочна

особа той гонведъ; онъ утверждаетъ, що былъ гонведомъ и отправилъ кампанію 48го року. Но онъ на такого не подобаетъ, за молодой еще. Онъ бездѣльно жіетъ, лишь на ловы ходитъ, но звычайно ни одной птицы не говорити уже о дичинѣ, не принесетъ. Здается съ ручницею и дѣла добре не знаетъ.»

Антипъ отдалился въ свои господарскіи занятія а я взявши мой костуръ выйшолъ на поля.

* * *

Свѣтъ якбы не той. Вода черезъ нѣчь опала, а золотистое солнце блескотѣло въ капляхъ ночной еще росы. Выдвигнувшійся солнечный кругъ на далекомъ подольскомъ горизонтѣ здавался быти митичнымъ божищемъ, що побѣждаетъ змію и вырынаетъ якъ свѣтлый рыцарь. Вацерадъ, водный бурливый идолъ уколывался въ усыпленію а по широкомъ низовью розвѣяла свое платье колосыстая Лада, разлилась давняя зеленая красота, а свѣжость розсыпанна ласкающимъ вѣтреннымъ Стрибогомъ наполнила подольскую землю. Теперь збожовое море волнами раскачивалось по поляхъ, на небасводѣ не было ни одной хмарочки, а межи полями вѣется тихо рѣка, якъ усмиренное по бурѣ дитя. На

сѣтовьяхъ дикіи утки трепещуть крыльми, надъ озеромъ уносится стадо журавлей, въ борѣ за- зуля вѣститъ ранній свѣтъ. Цвѣты льютъ своѣй ароматъ, луги дышатъ роскошію, въ нихъ же особое царство спѣвное, жужчаніе неизчислимыхъ мошекъ и польныхъ стрекозъ. —

Я зайшолъ на зарѣчье; изъ дали узрѣлъ я уже Валька, котрый заходилъ коло своихъ воликѣвъ. Мене тягнулъ тутъ мѣй первый паціентъ.

»А що? где онъ« пытаю »лежить?«

»Селомъ потягнулъ« кажетъ Валько.

»Якъ? Слабый а шастается.«

»То и бѣда, що онъ або лежитъ якъ прикованный або шастается якъ бродяга. Пождѣтъ, добре що прійшли, пойдѣмъ оба съ ручницами на сѣтовья. Мои волики тѣлько-що за жолобъ веду; убьемъ може що, то и гараздъ будетъ. Отъ гараздъ! Кто маеть гараздъ? Все еще ничо, лишь абы на передновокъ марженѣ паши стало. Люде кажутъ, есть здоровье, хлѣбъ и паша то и гараздъ будетъ, а то, якъ хлѣба не станеть, то не така еще бѣда. Человѣкъ перетреться якось помежъ людей, а нестанеть паши — загибай! Маржены нигде подѣти. Але пойдѣмъ уже.«

Онъ запровадилъ волю, взялъ ручницу и мы

пустились оба по низовью. Пôдъ его широкими стопами трава стелилась якъ пôдъ косою. Идучи ôнъ головою выгиналъ на сухой шii якбы всегда вѣтрилъ птицу.

»Ніякъ уже рады дати съ Протасомъ« началъ ôнъ, »подумайте, що съ нимъ за дѣло, дивный такій изъ него человѣкъ. Знаете, самому съ ручницею ходити на ловы не припало. И що ни упросился я его абы со мною ишолъ, — не хочетъ. Излѣчѣтъ, ôнъ такій упорный, ніякій изъ него стрѣлецъ, не хочетъ на ловлю ити. День цѣлый пролежитъ молчки, послѣ таскается по селамъ а вернувши, сновъ тойже затопленный идетъ на сѣно. А человѣку жалостно стаеть, пойшолбы въ двôйку на ловлю, былобъ иначе, тогды и птицу лучше бьется. Но его не упросишь ніякъ.«

»На ловлю не хочетъ ити?« пыталъ я.

»Не хочетъ. Излѣчитибъ его.«

Мене не мало озадачилъ такій паціентъ. Былабъ, положѣмъ, дама, у котрой нѣтъ уже бôльше розовой юности, свѣтъ вынайшолбы уже якій-тамъ благотворительный снѣжокъ русальчиный; былбы банкиръ, у которого недостаетъ звонкого предмета до новой ставки въ рулетѣ, жачку або фараонѣ, то любезныи люде досмотрѣлибъ еще метталическіи поклады если не въ текахъ

пейсатыхъ и халатовыхъ археологѣвъ и консерваторѣвъ, то певно въ сочиненіяхъ биржевыхъ антропологѣвъ; и еслибъ дальше предстала дама, которая ужаляется на недостатокъ сюжета до милыхъ сплетничаній за кофейнымъ столомъ, то комитетъ на добродѣйныи цѣли розвинулбы въ тѣмъ направленію безукоризненную дѣятельность; а сожалѣлбы сновъ бѣдняжка мужъ, що женочцѣ его не возможно знайти метра на изученіе общесвѣтового язычка, то онъ въ первыхъ уже мѣсяцахъ по одруженію, удивилбыся, якійто у его женочки обрѣтається вправный европейскій язычокъ. Словомъ: при всѣхъ тыхъ случаяхъ добрый человекъ не былбы въ затрудненію.

Но, подумайте, отсутствіе страсти стрѣльничой попало свѣжо изъ первой руки подъ клювъ вылетѣвшаго изъ гнѣзда крука. Я началъ сомнѣватись о медицинскихъ силахъ. Еслибъ еще тогда жилъ Пастеръ, дѣло былобъ иное. Человекъ не роздумываючи зацепилъ бы разъ, другій и третій страсть охотничю, кому ей не доставало и дѣло кончено.

Но иначе думати я началъ, коли побачилъ Протаса.

»Отъ и онъ« сказалъ Валько указуючи на поблизкій берегъ.

Надъ берегомъ сидѣлъ старикъ; его долгій сивѣющій волосъ змѣнился вже въ колдуны. На поморщеннѣмъ лицѣ была видна безграничная грусть, томительная туга; пятно задумы рисовалось въ очахъ. На первый взглядъ казалось оно быти ничѣмъ инымъ, якъ вялостію подольскихъ плугаторѣвъ. Но вялость та у другихъ была що наибѣльше скучною, на каждый случай бѣльше попадала въ безпечность чимъ въ тугу и задумчивость. У старика же печальная тоска и унылость особенно зазначились. По движеніяхъ его познати было, що въ немъ бѣольшая сила. Якійто родъ кожуха спадавшего по колѣна, былъ перепасанъ а въ долѣ висѣлъ стряпами. Въ своемъ явленію онъ малъ що-то заставляющаго уважати его, былъ якъ зарытый таинственный кладъ.

»Въ тростники пѣйдемъ, убьемъ що,« отозвался до него Валько, коли мы пристанули.

»Якая тамъ ловля въ тростникахъ. Смѣхъ просто,« отвѣтилъ Протасъ недвигаючись, немного охриплымъ голосомъ.

»Ну, уже ты! а то може и ручницы ѣтъ дитины въ рукахъ не малъ.«

»Не малъ? Мое дѣло.«

Онъ поглянулъ страшно. Въ немъ що-то

кипѣло, но за хвилю вернулъ сновъ унылый взглядъ. Мене его мрачность ввела въ любопытность такъ якъ я видѣлъ, що въ немъ собраны якѣнто внутренніи чувства, которыи толпятся и давятъ его душу. Сила его, которая обнаружалась въ каждомъ его движенію надавала его стати родъ величія а взоръ его при всей своей мрачности выраждалъ мимовольно приклонность.

Мы оставили его а самы поступили въ гущавину.

»На кокошки якъ разъ нынѣ день,« говорилъ Валько, »абы лишь подойти.«

Кокошки водныи суть чрезвычайно улюбленною птицею у охотникѣвъ. За ними ѣтъбывается на мочарахъ особая ловля. Кокошки ѣтъзначаються межи коростелями малою лысиною на челѣ, зелеными ногами, при помочи которыхъ они скоро убѣгають по рослинахъ розстелившихъ свои листья на водныхъ уровняхъ. Пѣдъ осень они тыють и стають тогда особенно вкусными.

»Лише за мною идѣть, а нѣтъ то погрянете въ глубинѣ« говорилъ Валько ступаючи по межахъ. Мы майже скрылись въ сѣтовью. Валько, котрый то приставалъ, то пѣдслуховалъ, то въ сѣтовья заглядалъ, убилъ уже пару переднихъ. А переднимъ есть коростель бѣльшій, ко-

трый сливетъ яко перепельный король, по той причинѣ, що онъ за жнивами улетаєть разомъ съ перепелками а на весну вертаєть такъ же яко ихъ проводитель.

Наразъ Валько раскрылъ сновъ тростники и пристанулъ; его лице змінилось. Въ полузабытїи, раскрывши мало уста стоялъ онъ підслухуючи. Изъ дали роздавался спѣвный голосъ. Той голосъ колысаясь; мелодїи были плывающіи, короткіи замирающіи. Они утихали а послѣ сновъ тужливо роздавались; была то печальная пѣснь, несконченна, якъ подольское низовье. Голосъ былъ женскій; еще разъ повторился тоскный мотивъ и пѣснь замолкла.

Валько встрепенулся.

»Ковалась, ковалась, сива зазуленько...« онъ подспѣвовалъ тую извѣстную любимую народну пѣснь и поглядалъ въ сторону, отъ которой роздавались прежніи тоны.

»То кто?« пытаю.

»Бѣдолашна; она выплакуєть свое горе по свѣту. Красажь, она, краса!«

»Дѣва яка?«

»Вдовиця. Она то само що зазуля. Послушайте. Жила разъ дѣвица красавиця якъ бѣлый чистый калиновый цвѣтъ; якъ пшениця рясна,

якъ княгиня красна. Пойшла разъ на вечерницы. А на вечерницахъ бойкіи молодцы въ танецъ берутъ, красавиця якъ королева блестить. Зайшолъ ажъ чужинець якійто; сандалы у него сафяновыи, за чересомъ золотый топѣръ, уборъ ѡтъ головы до нѣгъ самыми сребрными монетами покрытъ, лишь лице скрывлено и темно. — Той чужинець дѣвицю въ танецъ беретъ, за танцемъ цѣлуетъ а за часъ якійсь сватовъ шлетъ. Батько и слухати не хочетъ: „Доню легиневи дамъ а не пройдисвѣту“. Но любвь не розлучитись уже; полюбились и побрались обое въ церкви, а побравшись до своего дѣда хоронятся ѡтъ гнѣву батька. Идутъ въ другое село до дѣда. Прійшли надъ рвущу рѣку; якъ и перебыти таку волнисту? „Небойсь“ кажетъ любчикъ, ты змѣнись въ птицю и перелети а я змѣнюсь въ змію и переплыну.“ И такъ сбылось; перебыли рѣку, стали сновъ людьми и приходятъ до дѣда; а дѣдъ старый старенный. Лягали спати. „Що у тебе за чловѣкъ?“ пытаетъ дѣдъ молодицю. — „Отъ якій, мене змѣнилъ въ птицу а себе въ змію.“ — „Бачь, пропаща ты, то колдунъ.“ И дѣдъ взялъ нѣжъ должезный, поострилъ на камни и колдуна закололъ. Но отъ: прокололъ а то воздухъ; звѣстно колдунъ. Рано

засіяло; молодиця мужа глядить а дѣдъ лишъ на нѣжъ указуетъ. Плачетъ оставленна молодиця красавиця; въ воздусѣ же пѣдземный чарѣвникъ является и кажетъ: „Идижь по свѣту, за зулею будь, глядай вѣчно любчика-мужа, лѣтай по дубровахъ и гущавинахъ.“ И ѣтъ тогда зазуля лѣтаетъ, голосить тужно, лишенна, одна, пѣснь тужну поетъ. — Такъ и тая Марта; сама одна на свѣту. Ей мужъ былъ якійто угорскій купчикъ тутъ зайшовшій. Она красива лишъ упорна, ѣтъ що, а упорна.»

Тѣи слова послѣдніи сказаль ѣтъ съ огорченіемъ, якбы ему самому упорность та надоѣла. Ѧтъ убилъ сновъ коростеля; у него была правдиво стрѣльничая страсть. Каждая страсть переходитъ розличныи степени развитія и розлично она у поодинокихъ людей является. Такъ же ѣтъ розпредѣлена и охотничая страсть. У Валька видѣлъ я повседневную подольскую страсть до ловлѣ. На Подолью, где монотонность и спокѣй овладѣваетъ всѣми существами, становится и ловля стереотипною, подобающею на обыкновенную привычку, о которой мужикъ и не роздумываетъ. Она естъ тымъ лѣкомъ морфиновымъ, котрый назначень на то, абы унылому плугатору розгорячити немного кровь а

впрочемъ подати ему вкусное жареное изъ дикой утки, драхвы, бекаса и заставить сновъ поглажовати на поляхъ своего гнѣдого коня або любоватись видомъ пышныхъ угорскихъ волѣвъ.

А однакъ мнѣ послѣ случилось видѣти страсть стрѣльничу въ такомъ развитію, где она перестаетъ быти сознательною а переходитъ въ нервовый неизцѣлимый дрощъ. И не былъ то спортъ ласкающій неврагличныи тонкіи нервы дамъ, которыи изъ скуки ѣдутъ на ловлю въ лѣсъ, а ѣдвалившись въ немъ ловлять если не уздечку то комплименты своего атташеа и закусываютъ наконецъ спортменскій долгъ толоченнымъ бифштикомъ. У современныхъ Нимродѣвъ ловля становится новиціатомъ, изъ которого выйшовши они занимають въ обществѣ посты интересныхъ людей. У дамъ же есть ловля ничѣмъ инымъ, якъ однимъ изъ средствъ кокетничанія.

Если дама въ салонѣ есть на пѣль развитымъ розовымъ цвѣтомъ приманьчиво хотъ несмѣло вызырающимъ изъ пѣдъ листковъ або и полною розою о блѣдой красцѣ, то въ амазонскѣмъ уборѣ дама есть пламенѣющею пивоніею, роскошною центифоліею, котра уже не стѣсняется въ своей прелести ничѣмъ. Кокетничанье стаетъ тутъ у дамы бѣльше природнымъ а тымъ и бѣльше

опаснымъ для жертвы. Бѣльше стрѣлъ высы-
 лаетъ тогда розгульный купидонъ, чимъ нѣжная
 дамская рученка. И женскій поглядъ тогда не
 такъ похожій на взоръ лѣсной Діаны, якъ жаж-
 дущей любви Аспасіи. Тогда дама бѣльше чимъ
 коли пѣзнаетъ, що она женьщина. Въ салонѣ
 считаетъ себе дама владѣтельницею, котрой всѣ
 должны пѣдчинитись, въ будоарѣ героинею, за
 для котрой шаленыи дуелюются, въ театральнѣй-
 лѣожѣ звѣздою, на котру всѣ возможныи теле-
 скопы свернены, въ обществѣ свѣтилкомъ побѣд-
 жающимъ всѣ прочіи женскіи огненныи язычки,
 въ розговорѣ наконецъ разъ ѡтталкивающимъ а
 разъ приманивающимъ магнетизмомъ. Въ уеди-
 неннѣй сторонѣ же лѣса пѣзнаетъ дама себе сла-
 бою женьщиною, зашедшею не въ свѣй ревірѣ,
 потребующею покровѣ. Тожъ и не диво если
 послѣ партіи они прибѣгають пѣдъ той покровѣ,
 котрый яким-то страннымъ случаемъ состоитъ
 въ поцѣлуяхъ.

Для дамъ свѣтъ одно лишъ еще маеть ска-
 зати, именно, що они женьщинами. Если тѣе
 столѣтіе принесло съ собою академіи дамскихъ
 курсѣвъ, то слѣдующее быти можетъ основаеть
 академіи, въ котрыхъ будутъ преподаватись дамамъ
 лекціи ѡ ихъ принадлежности до свѣта женского.

Въ юныхъ лѣтахъ любилъ я друга одного, который одушевлялся для дамъ затапливающихся въ книжной тони. Женьщина така, говорилъ другъ, то дѣйстно надземское существо, которое при всей своей красѣ и пышности душею живетъ въ особомъ идеальномъ мірѣ. Смотри и очи у ней не тїи, якъ блестятъ они полнотою мыслей, якъ на красивомъ челѣ садовится высшій полетъ, задумчивая хмарочка, якъ каждое слово такой дамы ласкаетъ твоѣй умъ. Она овѣяна якимто нимбомъ а въ очахъ странная ореоля. Съ роскошію ты глядишь на ей униженный и полный взглядъ, на ей классичныи черты и движенія; съ роскошію пьешь нектаръ изъ ей мечтательной души, которая въ уединенію для тебе правдивымъ сокровищемъ.

Друга того одушевлявшогося такими дамами я страстно любилъ...

Вертаючи до страсти примѣтити слѣдуетъ, що и во мнѣ такѣмъ профанѣ въ дѣлахъ охотничихъ начала подростати страсть до ловлѣ.

Мы таскались уже цѣлый полдень и не задумали о тѣмъ, абы где пріостановитись, не то уже вертати въ село. По низовью грѣло пекучо солнце холодженне влажнымъ сѣтовьемъ, чайки шибали по воздуху а по часамъ роздавался ро-

коть стрѣль. Такъ мы и не оглянулись якъ зайшли въ далекую гущавину. Коли мы вступали вже въ лѣсокъ я пристануль. Що? Добре чую? Не ошибаюсь. Слова: адуть, трѣйка, валять, толлитроа повтарялись за гущавиною и то рѣзко не на шутку. Якїи птицы тамъ изучены такихъ слѣвъ? И що тамъ за свѣтъ такїй отмѣнный, словно островъ Монте-Карло, Монако.

Подобрался я нищечкомъ черезъ гущавину, смотрю а тамъ стрѣлецка компанїйка перекладаеть изучаючи строго галерїйныи и Бельведеровыи картины. Въ пестрѣмъ смѣшенїю наступали по собѣ то Рембрандта славетный орелъ въ видѣ дватсятки съ двѣйкою, ухвачивающїй Ганимеда, единицу якъ билину скитающуюся помежъ тугѣвъ; то дальше портреты четырехъ послѣднихъ изъ могиканѣвъ, то (въ предварительной копїи) Верещагина потапающїй въ снѣгахъ стойковый съ числомъ дватсятки съ единицею, то Макарта побѣдительный въѣздъ и Матейки програнный бой, словомъ сложенїе ишло цѣло по методѣ.

Если за докучливой зимы, на часъ метѣльницы въ Подолью подобный пересмотръ картинъ ѣтбывается за теплымъ коминкомъ въ приманчивой комнатѣ, то въ лѣтѣ несрѣвноанно бѣльше

зыскають ходужественныи картины що до колорита и перспективы на свѣжѣмъ воздусѣ, тымъ бѣльше по долгѣмъ шастанью и ловлѣ. Особенно бравурность въ киненномъ черезъ артисту сюжетѣ выступаетъ ярко при яснѣмъ воздусѣ на явѣ. Въ зимѣ надається на Подолью пѣдъ студіюмъ картинное особенно Ночь Кореджія, лѣтомъ же апотеоза Дня Макартового.

»Синьоръ лѣкаръ« говорилъ гонведъ »витайте, я восхищенъ.«

»Видно« кажу »драхвъ много убили.«

»Наконецъ человѣкъ пройдетъ мимо и не стрѣляючи.«

Были еще другіи два, самыи старыи лисы, котрыи право уже охотничую кожу вдѣли на себе, мало и розставались съ ручницею, цѣлыи якбы пустковымъ мохомъ припали и снѣтью припалились.

Я пѣдкрѣпился, присталъ до нихъ. Но облаки часами плутами стають. Заледво перекинулось що важнѣйше изъ гладка, коли началъ кропити грубый дощъ; хмары затягнулись, въ дали почулся громъ. Мы узрѣли, що передъ уливою намъ нѣякъ скрытись, зайшли далеко ѡтъ села.

»Есть хатина тутъ одна« отозвался Валько, »тамъ ѡтъ уливы схоронимся.«

Мы поѣшли за нимъ; дощъ розолялся. Въ кѣнци показался намъ въ дали хуторъ, удалый, опрятный, обведенъ плотомъ, за котрымъ желтѣли солнешники.

»Кукалась, ковалась, сива зазуленько...« подспѣвовалъ покуриваючи люльку Валько.

»Не домъ ли то той зазули-вдовицы?« пыталъ я догадуючись.

»Она. Смотрѣтъ якій хуторецъ, то тобъ жена была!«

»Добра?«

»Яка еще!«

»Знаете ю скрозь.«

»Знати? Добра, значить, господарна якої нема; чи копати, чи прѣсти, на яри чи въ жнива робѣтниця, що ся называеть.«

»А еслибъ такъ вы...«

»То и есть. Изъ давна тамъ захожду але даромъ. Оѣказуеть. И не дивота; человѣку съ ей хуторомъ не рѣвнатись. Маленько-бъ я лише бажалъ. Кобы мнѣ, отъ такъ лишь зо двѣ пары сивакѣвъ, десятину ѣвчатъ якихъ, гарсамакѣвъ пару и банкнотѣвъ звиточокъ, тогды уже на смѣло ишолбы до ней въ сваты.«

»Значить, вы любите ю.«

»Любити? Знайдеться. Жену и люльку будетъ

любити хотъ якій якъ не нынѣ то завтра, если уже на Рахманскій Великдень не ѡтложитъ.»

Но отъ и зазуля вдовиця молода тоскующа.

Высока, смукла, очи запалыи, щечинки бѣло-прозрачныи; волосъ желтый словно ленъ низовый. Ступала безжизненно якбы ошоломленна чимъ; нашимъ явленіемъ она не удивилась. уважала насъ за неприсутствующихъ, треловала продолжисто свои мелодіи.

Мелодіи тѣи мелянхоличныи, якіи лишь на Руси роздаются, они вѣчно тоскуютъ, за прошлымъ тужатъ. Пѣснь того народа безпрерывный жаль, плачь скрозь слезы; тоска и сумъ заявляются у него и тогды, коли смѣется. Горестный смѣхъ народа, хотяи шальный. И веселость его сумомъ якбы таинственнымъ чорнымъ платьемъ овѣяна. Пѣснь народа на Руси не иначе а мелодійный плачь; вѣсковый гнетъ не даль дерзкимъ напѣвамъ розвинутись. И той народъ, котрый, здается, такъ повседневно на вершинахъ Карпатъ ступаетъ за чередою овецъ, стинаетъ отвѣчныи деревья по лѣсахъ, плываетъ молчаливо по рвучимъ рѣкамъ и озерамъ або ступаетъ однообразно за плугомъ, той самъ народъ жіетъ пѣснею своею въ ѡтдѣльномъ мірѣ, изливаючи въ ней всю свою горечь и печаль и

весь своѣй тоскою закрашенный веселый шаль. Пѣснь есть для народа единственнымъ прибѣжищемъ наполняющимъ солодичею его душу, единственнымъ вѣрнымъ другомъ, котораго щирость растетъ въ темныхъ хвиляхъ.

Марта пѣла пѣснь родову. Еще въ колыбели матери ей спѣвала той дѣвичій напѣвъ; изъ рода въ родъ переходитъ онъ не унываячи въ своей красотѣ. Свадебною нотою въ колыбели уколывала матери свою дочь, снила о сарафанѣ червономъ будущей молодежи, о хвили, коли косу дочерину на двѣ расплѣтати и убирати лентою стануть. Розпрачатись прійдетъ съ дѣвичею волею золотою, прійдется русую косу покрыти шелковою фатою, щобъ не веселила уже очей молодецкихъ. Но дочь тоскующая за волею дѣвичею еще нерозсудное дитятко; вѣдь ей не вѣкъ, умоляетъ матери, пташечкою звонко розспѣвати, гуляти легкокрылою бабочкою по цвѣтамъ; на щечинкахъ заблекнуть маковыи цвѣты, прискучать увеселенія, стоскуется дѣва, а матери не радоватись на старости; вѣдь и она въ молодетенскихъ лѣтахъ такою была, такую-жь пѣснь за волею дѣвичью пѣла!

И заблекнули на щечинкахъ маковыи цвѣты;

минула воля дѣвичья а коли-то маленькая дочь теперь сама-же розспѣваетъ тую свадебную пѣснь.

Въ ей хорошихъ чертахъ пробивающихъ скрозь терпѣнье видно было любовное задумье; она любезничала съ малымъ дитятемъ своею дочерью, у которой очи тѣже синіи глибокіи, полныи що у матери. Въ уединенію на широкомъ низовью въ дали ѿ свѣта нидѣла ей краса. Мнѣ не лишъ ей краса, но бѣльше еще ей трели остались неизгладимо въ памяти.

Въ дали раздавался рокоть грома, но уже утихающій. Дождь перейшолъ; уже вечеръ сближался, коли мы могли пуститись въ село. Небо розъяснилось и холодъ завладѣлъ; при змерку уже ступали мы по при лѣсѣ. Черезъ поля сближалась въ гущавину лѣсную якаю статью, велична съ рубищами на одежи, съ долгимъ волосомъ. Въ концѣ она зникла въ лѣсѣ.

»Не Протасъ ли то?« пытаю Валька.

»Онъ. Ночовати идетъ.«

»Ночовати? Гдежь?«

»Въ лѣсѣ.«

»Якъ въ лѣсѣ?«

»Уже такіи. Лишь въ лѣсѣ ночуетъ. Чи луна, чи хмары, чи громы, не лишить лѣса. За ничо въ свѣтѣ пѣдъ крышею не спалбы; ка-

жетъ, прійшлѡбъ умирати, тѣсно пѡдъ крышею: лишь въ лѣсѣ, тамъ и умирается иначе. Тому ѡнъ ни хатины ни хотьбы якої колибы не маеть. Днемъ шастается, поки не зайдетъ до мене, а заходитъ часто. Человѣкъ изъ него добрый, лишь то, що на ловлю не идетъ. Ночею же спѣшитъ въ лѣсѣ.»

Я рѣшилъ на всякій случай стрѣтитись слѣдующаго дня съ тымъ необыкновеннымъ старикомъ. Мы розстались всѣ и я въ коротцѣ стануль въ домѣ Антипа.

* * *

Кажуть другъ женщинъ не маеть друзей мужчинъ. А тутъ поневолю насувается челѡвѣку рѣшеніе ставатись чимъ разъ бѡльше вторымъ, именно другомъ мужчинъ. Хотьбы уже кто былъ и Геркулемъ на розстайной дорогѣ и не зналъ, во котру изъ дружественныхъ дорогъ спрятатись, то правдивое вдохновеніе наказывало бы чахнути на прямую, на дружество мужчинъ. Не сказати, абы кто ѡтталкивался ѡтъ противнаго дорогосказу, алежь кому спріяеть божескій Олимпъ, того ѡнъ поведеть и безъ того на правую путь.

Будь чимъ другомъ, не по дѣлу уже съ нимъ

спорити. Будь другомъ женъщинъ, то и залиши надежду на споръ съ ними. А споръ съ женъщиною, то ласкающій бальзамъ. То якъ тѣмъ маневры передъ войною, въ которыхъ съ другимъ полкомъ рѣднымъ начинаешь борьбу, любишь его а однакъ врага побѣдѣти жаждешь и ликуешь, если врагъ той любезный ретируется. За то послѣ того при банкетѣ и обѣмешь его сердечнѣйше.

Ничого нѣтъ увлекательнѣйшаго, якъ споръ съ хорошою дамою. Лишь въ нынѣшнее время тая прелесть спора немного блѣднѣетъ; хорони Боже ѿтъ домысла, якобы хорошихъ женъщинъ ѿтнати съ трудомъ приходило, лишь то, що краса дамъ въ нынѣшнее время укрыта бережно пѣдъ тымъ русальчинымъ снѣжкомъ. И то справедливо. Вѣдъ каждое сокровище обыкновенно укрыто, и то чимъ бѣльше укрыто, тымъ бѣльше возбуждаетъ интересъ. Если же оно чрезмѣрно доступное и видное, тогда теряетъ свою интересность; люде пройдутъ мимо и не поглянувши.

Я войшолъ того же вечера въ комнату Ан-типа. Ай! Вижу два дамскіи пальта. Не гости ли?

Законъ въ Индіяхъ запрещаетъ женъщинамъ смѣяться безъ заслоны, закрывающей лице. Въ ихъ смѣху опаснѣсть и вся прелесть. И чую зъ

дали уже въ другой комнатѣ дамскій смѣхъ. Своимъ путемъ. Тымъ и лучшее будетъ удовольствіе, поскромити той гримасный смѣшокъ.

То былъ парохъ изъ сосѣднаго села Пантелеймонъ. Одна дама то его молода дочь а вторая ей тета. И ктобы не пѣзналъ, що то тета. Що до молоденькой дочери, то тая здається быти красивою. Она называется Евлялія. Окончательно, щожъ мнѣ ей имя? Вы може скажете, що я въ духу розмышлялъ надъ звучностею того имени, що повтарялъ собѣ непрестанно: Евлялія. Позвольте, вамъ може прійдетъ странная мысль, що я наконецъ лишь ю бачилъ и съ нею говорилъ.

Складъ у ней плѣняющій: кринолина изъ самого первостепенного фуляру краски Офелія-блье съ полосами морско-зеленого и пѣскового цвѣта, на котрой выжная паніерка угарнирована рижками изъ тоаль-д'-Еспань. Въ тѣи бюфки входилъ втятый корсетъ увидатняющій стать, издѣланъ на крой розкрытой козачки а-ля-Люи изъ черного атласа, изъ пѣдъ которого вызирала фишютка изъ шамоваго муля и коронковая шмизетка. На раменахъ модныи еполетки, рукавы мало складистыи. Шю волнисто обвила криса широка изъ пушистого муслину, въ котрой личико словно тонуло. А было оно нѣж-

ное, красивое. Кончастый носикъ, плутовская бородка, очи темнозелены, а волосъ мало не въ темный чиноберъ впадающій, бôльше темный чимъ чинобровый. Якъ херувимокъ въ облакахъ такъ здавалась ей головка плывати въ льоконахъ. Коафюра а-ля-Антоанеттъ якбы умышленно для ей личика сотворена. Ôтъ чела одинъ рядъ льокôвъ, пôдъ нимъ второй по шію а третій рядъ спадающій по рамена: все то обведено чорною аксамиткою и завершено бзовымъ цвѣтомъ.

Она говорила не много. И тамъ положительно ніякое существо не могло прійти до слова; всѣ словныи билеты заамвонованы были черезъ ей тету Гликерію другого имени Нимфодору. Жаль, Аріость не былбы воспѣвалъ ей красы, такъ якъ послѣдняя была пôдъ русальчинымъ снѣжкомъ укрыта. Дѣвиця Гликерія не была хорони Боже ани пристаренька ани подвѣковая, на языкъ сунется не иначе якъ: дѣва въ полномъ дѣвичьемъ розцвѣтѣ. Ей кринолина была изъ кратистого шкотского тартану; широкіи червоныи и синіи полосы кратовались черезъ той тартанъ. Станикъ уже иначе. Тутъ дѣвичья нѣжность ôтобразена, то штофъ гранулье выбиванный бѣло и лиля, незабудьки и браточки.

Станикъ той уложенъ былъ изъ самыхъ контра-фалдôвъ, кокардъ же представилась могучественная сила. На ветманѣ самыи бôльшіи кокарды выскакивающіи въ бокъ, на раменахъ тоже въ бокъ, пôдъ шією якъ вѣтракъ, а на высокой помпадуровой коафюрѣ сновъ кокарда на два концы.

Въ якой порѣ жизни была Гликерія другого имени Нимфодора, опредѣлити быlobъ дѣломъ не мало озадачающимъ. У дамъ именно есть о одну пору жизни меньше чимъ у мужчинъ. У дамъ нѣтъ осени. Они всегда перебиваютъ въ веснѣ або въ надежномъ лѣтѣ, а если уже поступаютъ то просто изъ лѣта въ зиму. И Гликерія была въ той порѣ, котрой властиво нѣтъ у дамъ. Но миртовый вѣнецъ всегда еще не такъ неможливый. Галицкіи раввины говорятъ, що ôтстояніе времени межи бытомъ а перестаніемъ быта не долшое, якъ его потребуется до пригото-вленія шолета або квасной рыбы. Быти безъ вѣнца а быти уже съ вѣнцемъ дѣло судьбы короткой. И если Гликерія носила на корсетѣ таинственный цвѣтъ хризантины, то Гименъ хотъ до теперъ спюшокъ а всежъ въ опасности пробуженія.

Я не такъ восхитился всѣмъ тымъ, якъ са-

мымъ же парохомъ особенно его обѣемистостію. Що за любезна обѣемистость; а однакъ коли почувъ я ѿтъ Антипа, що то деканъ, мнѣ выдалась тая обѣемистость за малою. Якій мнѣ то и деканъ, словно безъ званія. И я мало не прошатнулся, уже хотѣлъ я обоймити декана и сказати: »Ахъ, я надѣялся васъ яко декана застати толстѣйшимъ.« И ѿнъ якбы предчувствовалъ мѣй такій зазывъ, такъ якъ непрестанно на ширину устъ усмѣхался, при чемъ его малыи очи заходили слезами. ѿнъ выдавался при тѣмъ всегда якто заклопотанымъ якбы хотѣлъ только-що выложити свои тренны; скѣнчилось всегда на тѣмъ, що лишь востхнулъ, по чемъ послѣдовалъ скрыпъ табатіеры. ѿнъ смотрѣлъ изъ подъ лба, (казалось впередъ сондуеть терень) и долгій часъ молчалъ.

Коли я войшолъ въ комнату, Евлялія покраснѣла, дѣвиця хорони Боже не пристаренька Гликерія якъ Зевесъ смѣрила мене строго ѿтъ головы до нѣгъ, послѣ же покрутила мудренно головою и впяла взоръ въ якуто неопредѣленную точку. Значилось: небойсь, не на своихъ попалъ. Деканъ розширилъ уста, поднялъ голову якбы хотѣлъ видѣти за мною мою тѣнь. Но заледво пѣйшли первыи слова, все якбы утялъ, смѣнилось.

Деканъ смотрѣлъ сновъ изъ подъ лба, Евлялія стала бѣлѣйшою якъ ей фишютка а хорони Боже не пристаренька дѣвица Гликерія розщебеталась не на шутку.

Подобно якъ скоро-поспѣшная пресса въ типографіи сыплеть минутно тысячи слѣвъ, такъ и тая дѣва не уставала въ словахъ, казалбысь то або дѣвицы поють на Дунаю, або Кошевы чашки бисурманскіи саблею на землю кладеть покладаеть.

И вижу, она не говоритъ абы якъ. Въ дебатѣ идетъ. Долонью протягнутою доказываетъ все якъ изъ платка. Знаеть о томъ, що на свѣтѣ существуетъ уже первый дамскій докторъ Миссъ Бляквель, що хотъ она не вышла за мужемъ а однакъ Англія надала ей вмѣсто дѣвичього названія Миссъ титулъ дамы: Леди. Дальше у ней цѣлый кладъ поступа. Знаеть и о роялѣ. Ба! и играетъ наветъ. И то переборчиво; первого лучшего композитора не возьметъ. Входитъ въ его свойственности; Бетовена не беретъ, такъ якъ женьщина почитающая Бетовега стаеть своенравною; Вагнеръ дѣлаеть женьщину упрямою, Мозартъ честолубивою, лишь любимецъ Верди, онъ настраиваетъ до сентиментализму. Кажѣтъ що нибудь а Гликерія была чувствительною, словно нѣжною якъ незабудька.

Одно: еще одно обнимало цѣлу ей душу. То было время, коли владѣющая планета принесла духамъ возможность сообщатись съ людьми. Было то практичное подготовленіе до теоретичного спиритизму. Собралось гденибудь особъ три, четыре и бѣльше, на дневной очереди было уже катаніе столѣвъ, столиковъ, пультѣвъ, коротко одеревѣлыхъ духѣвъ, которыи знали общесвѣтовый воляпикъ и отвѣчали на всѣ вопросы. Тому и каждый претидигіаторъ былъ тогды нищій. Послѣ иначе стало; спиритисты стали единицами въ свѣтѣ, прочіи же люде нулями и такъ сложились тысячки у стѣпъ тыхъ единицъ.

Въ тоже само время, коли выкололся и розлягался по свѣту дарвинисмъ, ишолъ изъ Нью-Йорка духъ таинственного спиритисма и весь свѣтъ примкнулъ до него страстно. Не лишъ страстно, но эпидемично. Епидемія фокусничества, состоящая преимущественно въ движенію столѣвъ и прочой мебели, перейшла и въ наименьшіи уголки, словно съ воздухомъ ишла овладѣваячи всѣ слои общества; весь свѣтъ сообщался съ духами, вызывалъ, называлъ ихъ по имени, вопрошалъ а отвѣтъ записовалъ на пропамятной таблицѣ.

И Гликерія была пристрастною поклонницею тыхъ духовыхъ сеансовъ, былабъ жизнь дала за

неподдѣльность въ катанію столѣвъ и я подивлялъ лишь послѣ женское предчувствіе, которое якбы приказовало ей для рѣшенія своей судьбы быть такою поклонницею духѣвъ. Быти можетъ еще тогда, коли она дитятемъ бѣгала якъ мотылекъ по пахучимъ лугамъ, улелѣялъ ей аморъ вдохновенія, абы въ послѣдствію жизни стала миссіонеркою котившогося изъ за Атланта спиритизма въ пѣдкарпатской глуши, абы наконецъ тымъ миссіонерствомъ рѣшити свою долю. Судьба человѣка есть неизъяснима. Пѣдложить гдѣ такій зародышъ, изъ которого и не знаешь, що послѣ выколется. Судьба ничъ иного лишь той славянскій идолъ, которого тека обнимаетъ дѣло метаморфозъ. Здѣлаетъ той идолъ своевольно изъ любящей дѣвы калину а зъ козака бѣлый камень, зъ невѣсты тополю а зъ коня козацкого любовный мѣстъ, то шастаючись по божомъ свѣтѣ и не оглянешся, якъ изъ храни Господи не пристаренькой дѣвицы станетъ достойно по уставу не за молодая женаобручница.

Однакъ въ то время дѣйствіе засвѣтовыхъ духѣвъ было уже на склонѣ. Уже планета спиритична почала немного темнѣти, ей жаръ угасалъ а духи видно умучены общеніемъ съ людьми, чи то пѣддаючись имъ яко побѣджены, чи то не

могучи знайти въ людехъ того, що имъ подаєть названіє духа, чи наконецъ розбивши свою арфу о муръ по причинѣ небладарности медіумовъ, — почали прятатись одинъ за другимъ въ свою заземную державу. Столы чимъ разъ ставали упорнѣйшими, не хотѣли и при строгихъ сеансахъ и связыванію рукъ на платформѣ двигатись ножки столовыи не хотѣли уже писати предсказаній, общесвѣтовый языкъ духовъ ослабъ въ своей непогрѣшности, и такъ настала по свѣту печаль и туга за духами а неменьше и удивленіє, щó дѣлается съ сникающими явленіями, где ихъ глядати и чимъ прогнѣвалъ ихъ человѣческій родъ.

Не было еще тонкихъ ученій о медіахъ, о проелементѣ, о периспритѣ и никто еще не брался глубоко розбирати дѣло. О судьбу пытай, за столъ ставай, руки съ сосѣдомъ лучи и читай отвѣтъ, то было всѣмъ. Но якъ всегда розмышленія о предметѣ слѣдуютъ доперва тогды, коли мы съ нимъ розстанемся, такъ и въ тѣмъ спиритизмѣ по уступленію духовъ начались безконечныи толки. И творились уже партіи о противныхъ мнѣніяхъ, два обозы, изъ котрыхъ никоторый не хотѣлъ уступить побѣдженъ. Одни стали сомнѣватись о неподдѣльности духовъ и ихъ изреченій, другіи же ломали копіє за разъ принятое ученіє.

Тожь и тутъ, коли я войшолъ въ комнату, замѣтилъ я, що тутъ ѡтбылся уже спиритичный сеансъ, такъ якъ середъ сали стоялъ круглый столъ, котрый якъ бы на то сотворенъ былъ, абы розвиватись, роставатись въ гиперболяхъ то въ серпентинахъ, потагаючи за собою всѣхъ смертельныхъ людей надъ нимъ стоящихъ.

И Гликерія хотѣла зачати тую тему, но еще не все было высказано, що остроумная дама для зачертанія своего становиска высказати маеть. Отже сладившись съ Миссъ Блэквелъ и съ Бетовеномъ уже намѣряла сказати величественное слово, коли замѣтно стало, що деканъ затопился гдетамъ въ ѡкно на поля, Антипъ занятъ былъ Евляліею а — мы остави самы тетъ-а-тетъ, око въ око съ Гликеріею.

Замѣтивши то, она смѣнила жестъ, поглядъ ей сталъ сантиментальный, мало не въ голубочку бѣлокрылую передѣлалась. Нашъ розговоръ не былъ уже слышный для прочихъ.

»А що? Якъ много лѣтъ менѣ кладете?« пытала она выжидаючи отвѣта.

Я, признати, на такіи вопросъ не былъ приготовленъ. Я и не думалъ коли либо о тѣмъ, щобъ женскій вѣкъ опредѣляти; до того въ тѣмъ дѣлѣ совершенно не ознакомленъ, просто про-

фанъ стоялъ я передъ моею менторкою якъ нечаянно закликанный школяръ. Но все я таки якто отвѣтилъ. Быти можетъ, она добродушное существо, довѣрчивою хочетъ стати, а быти и можетъ ану лишь хитренно человѣка подходить.

»Вы дѣйстно чимъ разъ молодшіи« звучали мои слова.

»Такъ? то вы знали мене прежде уже?«

Ай! Я загрязъ словно безнадежно, но звѣзда, пѣдъ котрою родился, помогла. Въ тую хвилю сталъ розговоръ сновъ общимъ и Гликерія знайшлась въ своимъ элементѣ.

»Представити собѣ« начала она »що мається сестрѣницю, котора мимо всѣхъ усилій теты, не пѣдходить въ вѣру о духахъ, якою есть примѣромъ мадамъ Евлялія, то жаль стаеть. Такъ положительную правду опровергати! Розводѣтся розличнымъ путемъ строго надъ тымъ явленіемъ а фактѣвъ нигде подѣти. Былбы человѣкъ одинъ, два, которыи выкорыстуютъ довѣріе легкодухѣвъ, можнобъ сказати, они обманивають, но тутъ дѣло съ свойствомъ, которе безъ всякого труда пріобрѣтаеть каждый человѣкъ якого нибудь сословія, каждое общество, хотяйбы оно было сложено и зъ мыслящихъ и зъ повседневно-беззаботныхъ людей. Всегда они выкличутъ духа. Столъ

непремѣнно начинаетъ двигатись, и то силою такою, що влечетъ всѣхъ за собою. Обманъ невозможный тутъ; были уже кружки, которы строго стерегли всякого поддѣлія и они не могли не признати, що столъ, якъ лишь на немъ получились руки, пѣднимался а на случай давалъ отвѣты. Одно конечно сказати слѣдуетъ, що обмана тутъ подозрѣвати не можно. Обманъ такій громадный, въ кождѣмъ семействѣ, въ кождѣмъ собранію, въ кождѣмъ дому и обществѣ есть немыслимый.»

»Положѣмъ немыслимый, но по какой причинѣ столы не двигались прежде и по чому особенно теперь уже міръ заводится на столахъ?« ѣткинула Евлялія.

»Прежде свѣтъ не занимался тымъ, а явленіе, що теперь уже не всегда хочетъ столъ двигатись состоятъ въ тѣмъ, що не исполняется докладно всѣхъ условій.»

»Странно, що давнѣйше хотѣй и не точно и не строго исполнялись тѣ условія, котрыхъ опредѣленіе впрочемъ якбы зависимо было ѣтъ каприса духѣвъ, що прежде въ нѣякѣмъ случаю столъ не ѣтказалъ своего послуха, теперь же и умышленно смотрится на строгое исполненіе условій а послѣдствій нѣтъ.»

»Одинъ пезначительный недостатокъ а сеансъ можетъ не повестись.«

»Значить« противилась Евлалія »будуть условія исполнены, такъ духи непременно повижутся?«

»Непремѣнно.«

»Условіе есть: нерозорванная цѣпь рукъ. Совершимъ то теперь а однакъ столъ не двигается.«

»Будетъ особа неспособна до того, то цѣпь якбы прорвана.«

»Для чего лишь въ минувшіи лѣта всѣ были способными, теперь же тѣ самыи уже якто не даются? Доказательство на тѣмъ столѣ. Прошлого года, были тѣ самыи особы, столъ двигался, нынѣ нѣтъ.«

»То и есть, що прошлого года двигался. Скажи, былъ тогды межи нами обманщикъ? Положительно дѣло духѣвъ.« закончила Гликерія.

И уже быlobъ ученіе Фокса изъ Нью-Йоркского Гайдесвиля вышло побѣдительно, коли съ послѣднимъ словомъ Гликерія встревожено поглянула на отворившуюся дверь.

»Наконецъ, я восхищенъ, то не дѣло духѣвъ, донна Гликерія (гонведъ говорилъ не иначе лишь ,донна'). Весь кремъ общества начинаетъ ста-

вати по нашей сторонѣ, борьба противъ духо́въ начинается прибирати поважныи розмѣры; правдивое одушевленіе.»

Вступившій въ салю гонведъ розмахивалъ руками угинаючись на своихъ скарпачіяхъ и пригладиваючи бочною прическу.

»Хотяй затіи начаты, но не поведутся« сказала Гликерія важно, встала и крокомъ лансіера здѣлала передъ гонведомъ паркетный уклонъ.

»Наконецъ таки мы побѣдимъ« отвѣчалъ гонведъ Харитонъ такъ же вставши и здѣлавши крокъ менюета.

Дамы попрыгиваючи опустили салю а въ переходѣ шепнулъ мнѣ Антипъ:

»Гонведъ то новый Савонаролля, всюда промульгуетъ свои засады, то противникъ дамского спиритизма. Гликерія и Харитонъ то представители двухъ нынѣшнихъ стремленій занимающихъ наше общество.»

Я видѣлъ на лицѣ Гликеріи опасное рѣшеніе, которе могло на случай стати немаловажнымъ.

И поклонница Фокса и новый Савонаролля всѣ уйшли зъ комнаты, я же осталъ лишь съ любезнымъ объемистымъ деканомъ. Его голосу я до теперъ не чулъ, такъ якъ онъ не ѳтзывался; но теперъ его лице розъяснилось.

»А що? маєте уже що?« были его первыи слова до мене сказаны.

»То есть?...« пыталъ я »не понимаю...«

»Значить, чи уже що напятого маєте? Вѣдь время вамъ до женитьбы; безсомнѣтельно уже плѣнила васъ якая-то хорошая женьщина, безсомнѣтельно она любить васъ а вы обожаете ю. А! такіи женихъ! Однакъ и не безъ того, уважаете, абы где и у насъ на Подолью не было красивыхъ дѣвиць. Уважаете, женитьба то не игра; осторожно, и сякъ и такъ передумати треба. Предовсемъ влеченіе сердца, а потомъ въ нынѣшнихъ часахъ, вы мои дорогіи, пѣдставою всего монета. А власне, позвольте, добре, що собѣ пригадалъ; именно коссутовскую монету хотѣлъ я вамъ показати, банкнотъ прославленнаго Коссута, за революціи нимъ изданный а теперъ становящій нумисматичную рѣдкость. (Онъ добылъ грубый банкнотовый портфейль и началъ въ немъ глядати, при чемъ будто поневольно, показались многіи соточки и пятидесятки современии.) Заподѣлся гдето той банкнотъ, бо то уважаете, моя Евлялія запрятаеть его где межити паперы и не ѡтнайдешъ. А быти можетъ той банкнотъ въ ей пультѣ, такъ сказавши въ ей касѣ, (онъ моргнулъ бровою), бо она вже така

дитинка, що свою касу маєть. И ктожбы ей не ѿступилъ. Дѣвча такъ доброе, що ты и не ѿпросишся; а уже то необыкновенная дитина моя Евлялія. Еще якъ въ первѣмъ роцѣ ю купали, говорила старая плекательница: тобѣ свѣтитсѣ лучшій свадебный женихъ, отличный человекъ. Вправдѣ то домовая тайна, но ктожбы передъ такимъ человекомъ якъ вы, що скрывалъ. Просто, мнѣ на видѣ вашей особы припоминаются тѣи слова плекательницы. Она казала, отличный человекъ.»

Онъ ударилъ о табатіеру и прибралъ заклопотанный видъ.

»То уважаете иное дѣло, борьба о жизнь; не маешь пѣдставы до той борьбы, то ты погибъ. Но то якто сложится; уже якбымъ на слѣпо бачилъ, що вы въ нашихъ сторонахъ застрянете. Дѣвиць тутъ есть бѣльше красивыхъ. То меньше, но на всякій случай надѣюсь, що вы звижаючи нашъ край, заглянете тамъ въ кѣнци и до нашей досыть впрочемъ интересной осадбы. Сухота, сухота вправдѣ, но все еще якотакъ латается. Подолье, видите вже не то славне, где то хлѣбъ на кѣлью а салямиами плоты городять: здається наша земля чи не остигаєть? Щось такъ астрономы баснословять; климатъ

унижается, зъ земли тяжко якій плодъ добыти. Еще якъ пребенду добру получишь, но то пѣль бѣды; найдутся тогды, не казати уже якъ у мене, и расы добрыи, здается швайцарска будетъ если не голендерска и стодолы тогды полныи; гривачъ теперь новомодною пашею, компания мало уже рентуетъ, за то тимотка здается станеть у насъ головою форсою; жито ѡтъ давна уже ненамолотне. Справы пребенды пѣдупадають правда, але кто маеть видите, капиталикъ, то иное дѣло.»

»Мѣсяць только-що указался. Самъ часъ для насъ отъѣзжати,« заголосила на то вступивши въ комнату Гликерія и взялась надѣвати пальто.

При прашанію она еще разъ свернулась до гонведа.

»Думаю, за двѣ недѣли будете и вы въ Карпатахъ у пароха Варлама? Онъ передъ облавою даетъ праздничный вечеръ.»

»Будемъ.»

»Отлично« докинула полуголосомъ Гликерія, закладаячи капузу изъ тафты и попелину.

»Виста тамъ утнемъ, а то человѣкъ забылъ на голову, якъ и выглядитъ зеленый столикъ« затиралъ руки мѡй любезный деканъ и въ кѡнці

цѣла калвакада гордо понеслась на найтичанцѣ по вьющихся песчатыхъ дорогахъ Подолья.

* * *

»Спати не можешь? Возьмѣмъ шахбретъ, одну шахматную партію утнемъ, що?»

Такъ говорилъ до мене Антипъ, коли мы оставши самы, не знали що съ собою почати. Женьщина по ѡтъѣздѣ гостей думаетъ о реви-зитахъ, а остануть такіи перебенди якъ мы, то дѣлается имъ якто немудро. Ни то въ говоръ пущайся, ни по комнатѣ кроками ступай, ни въ сонъ забирайся, словомъ умъ отнять.

И мы взяли шахбретъ.

Ворога побѣдити, улегчаетъ душѣ; вражій же бѣлый цвѣтъ шахматный. Побью его на дребезги. На тѣмъ а тѣмъ квадратѣ шахъ-матъ будетъ данъ. Лишь не проявити пляну; ввести противника въ сѣть. Сперва маленькая зачепна, послѣ долшая отпорна а окончательно зъ засѣка нападай на вражую голову и побивай якъ Туркмена, Татарина.

»Прости уже« ѡтозвался до мене Антипъ »но що у тебе за такіи правила конгресовыи. Конемъ тягнешь якъ вежею, везиромъ бьешь якъ конемъ. Не выйшолъ ли ты ѡтъ нынѣ изъ новой школы дамъ?»

Еслибъ еще того слова »дамы« не сказалъ, а то и програнна шахматная не по́дойшла бы чело-вѣка такъ глубоко. Онъ хочетъ вмовити въ мене, що межи моими очима а шахбретомъ мигаєть личико Евляліи, що коли беру за гриву шахматного коня, засланяють мнѣ ей розовыи щечинки и я беру за голову везира. Антипъ хочетъ то въ мене вмовити, такій уже у мого друга обычай, вмавляти любовь. Въ кѣнци онъ готовъ еще сказати, що я уже якъ Ромео по шію влюбленъ, що я затопленъ въ дамскѣмъ сердци, що я переполненъ чувствами, що способный мало не написати яку оду до Евляліи.

Поволи, мѣй почитаемый друже Антипе, не будь загонистый, не лови рыбъ въ порывистой водѣ, ихъ тамъ не знайдешь, не вводи въ леды оранжей, они тамъ не пріймутся. — Що? Онъ начинаетъ восхваляти Евлялію? Начинаетъ величати ей добрыи свойства? Лишь попробуй, небоже. Скажешь, она не кокетна, природна. Власне то и дѣло що она така, хитренна дѣвочка. Дамы часто кокетничаютъ отсутствіемъ кокетства; то одинъ изъ опаснѣйшихъ способѣвъ, задатись, що авоть, у мене нѣтъ кокетеріи. Скажешь дальше, она по часамъ елегична; алежь елегичныи дамы не суть добросердечными. Еще подожди, а въ

слезы попадутъ, слезы же дамскіи звѣстно, чимъ суть. Если дама смѣется, коли можетъ, то она плачетъ, коли захочетъ.

Въ давныи времена плачъ женьщинъ былъ не тымъ що теперь. Ярославна на Путивлѣ рыдала, плакала, она Игоря своего героя воинного выжидала, вѣтру молила щобъ стрѣлы на вражіи полки поносилъ, съ Днѣпромъ-Словутицею слово говорила, ластѣвкою злетала до милого, звѣздою поцѣлуй посылала. Плачетъ Ярославна на Путивлѣ а надъ Каялою зъ заранья до вечера, зъ вечера до свѣта летятъ стрѣлы, гремлютъ сабли о шелома, трещатъ копія харалужныи. Чорная земля пѣдъ копытами костьми засѣвается а кровью поливается.

А теперь — слезы дамскіи искусственное сложеніе фосфорной извести въ полученію съ содохлоридомъ, въ сущности же самая чистая вода.

Мы не докѣнчили шахматной партіи; общество женьщинъ возбудило въ Антипѣ солодкіи воспоминанія. Если мы любимъ даму а послѣ сойдемся съ другою, то въ насъ вертаетъ образъ нашей любимой. И Антипъ здоймилъ изъ стѣны гитару и всматриваючись въ портретъ своей Ельвиры, затыгнулъ пѣснь; ѡнъ якбы предчувствующи, спѣвалъ любимый напѣвъ: »Най не пла-

четъ, най не тужить, вже часъ ся сближаеть,
— Прійдетъ милый, приголубить, и съ ней ся
звѣнчаетъ.»

Мягкость женска была розлита на его лица. Антипъ былъ послѣдній изъ Карпатскихъ трубадуровъ. Послѣдній изъ тыхъ товаришей, що жили ненатянуто, що спѣвали изъ сердца серенады для дамъ, що были и буршикозными друзьями и природными невыученными почитателями дамъ.

II.

Сновъ одинъ изъ горячихъ подольскихъ дней. Я взялъ ручницю; конечно втягнешся до ней если жиєшь на низовью. Не даромъ говорилъ Антипъ: »Смотри, а то станетъ зъ тебе у насъ порядочный бродяга.« Я ишолъ лугомъ.

»Лѣкаррь!« отозвался за мною голосъ.

То былъ Валько.

»Зле съ Протасомъ, очима блудить; вернулъ вчера такій, що я не пѣзналъ его. Ходилъ до старого рабина, до корчмы.«

»До рабина? а то чого?« пытаю.

»Чого? Звѣстно ворожбитъ. То чудотворный рабинъ, лѣки знаетъ и предскажетъ добре. Протасу духъ явился и казалъ ити ему до рабина. Вернулъ росторганный, а очи его не добре кажутъ.«

Я розстался съ Валькомъ; поѣду, думаю на мѣстце, где разъ мы застали Протаса, можетъ быти и нынѣ тамъ будетъ. Протасъ такожь былъ спиритистъ, лишь въ инѣмъ родѣ. То, що во видѣ ученія зачало яко новое стремленіе кружити по свѣтѣ, то давно было вже въ народахъ. Народъ безъ доктринъ давно былъ въ мѣрѣ духѣвъ. И тая привычка народа вознесена была до степени нового ученія достойного такихъ именъ якъ Уолесъ, Круксъ, Цельнеръ. Каждый народъ перебылъ періоду спиритизма, а що онъ съ временемъ зъ себе звергъ, то подымили высшіи слои.

Протасъ былъ суевѣрный и то суевѣріе подковывало его. Я засталъ его на томъ же мѣстці. Лишь замѣтилъ а теперь, що изъ берега въ дали видно синіи Карпаты. Таинственно миготѣли неботычныи полонины, темнѣючи якъ непроходимыи скалы, то яснѣючи якъ льдяныи провалы. Протасъ встромилъ взоръ въ тую сторону, онъ любовался тымъ видомъ. Узрѣвши мене онъ повиталъ якъ знакомого.

»Всегда такъ далеко видно Карпаты?» пытаю.

»Не всегда,« отвѣчалъ Протасъ »Якъ зайдетъ мрака, то свѣтъ заслонится а на человѣка туга идетъ.«

»Вы тамъ давно уже были?»

»Я? Не бывалъ еще въ горахъ. Скажѣтъ, если были, есть тамъ лѣсы?«

»Конечно« кажу.

Онъ задумался.

»Певно суть« продолжалъ Протасъ »и не такіи якъ тутъ. Що тутъ за лѣсъ? Гущавина не лѣсъ, лишъ береза и трепета. Войдешъ, то здається ты вступилъ въ тростникъ. Еслибъ хотъ шумѣло якъ слѣдуетъ а то лишъ треплетъ березина листьми словно сѣтовье; скучно стаеть въ такѣмъ лѣсѣ. Давно отецъ розсказовалъ: на горахъ тамъ боры не такіи.«

»Вашъ отецъ былъ зъ гѣръ?«

»Изъ гѣръ, плутарь бескидскій. Рубалъ камеральныи лѣсы, потомъ добра перейшли въ иньи руки, вырубъ усталъ и батько за хлѣбомъ поѣшолъ на Подолье. Старымъ померъ уже батько. И на мене зайшла старость. Часто спѣвалъ онъ въ послѣднихъ лѣтахъ: ,Незванный гѣсть, злый гѣсть, дряхлая старость надѣйшла, Хмара тоскная и чорная зависла грозьно надомною.‘ Прѣйшла и на мене грозная старость, незванный гѣсть: хмара надомною висить.«

»Якая тамъ хмара! старость своимъ путемъ приходитъ.«

»То и есть, що у мене не своимъ; душу

давить щось, якая-то туга тиснетъ. Чегось чловѣку въ житію недостаетъ, лишъ не знати чего. Пыталъ уже людей, чимъ побити тоску, никто не ростолковалъ; ходилъ по ворожбитахъ, все даромъ. Не жилось еще а тутъ незванная старость идетъ.»

Онъ двигнулся изъ земли и мы поѣшли. Проталъ медленно ступалъ по сухимъ рѣщамъ поглядючи въ тѣнь лѣсную. Я нарядилъ ручницу, абы на случай справитись съ бекасомъ. Если коростель есть вкусною озернею птицею, то въ лѣсахъ ловля на бекасы приносить еще лучшій выборъ. Они головно держатся коло лѣсныхъ жерель а вечеромъ уносятся стадами надъ гущавиною.

Мы зайшли надъ озеро, где Протасъ, значительно указалъ на высокую траву. Слышнѣй былъ отзвѣвъ болотной птицы боевика, котрый тымъ сливетъ, що кожного лѣта ѡтбываетъ съ своими борьбу и то затытую борьбу. Протасъ потягнулъ мене за собою; на его лица явились ознаки удовольствія. Намъ представился необыкновенный спектакль: борьба по всѣмъ правиламъ. Птицы тѣ борются для самой борьбы; на головѣ ихъ каптуръ якъ шломъ, на шіи въ округъ долгіи пера якъ панцырь, надають имъ видъ

борющихся рыцарей. Протасъ слѣдилъ за ходомъ борьбы. Исперва побѣждалъ одинъ противъ многихъ, но прійшли новыи силы и онъ уступалъ. »Пѣдбирайсь, пѣдбирайсь« говорилъ Протасъ, дѣлаючи движеніе своею кольосальною рукою. У него самого не доставно теперь лишь якого нибудь ворога.

Мы розстались.

Еще того самого дня вечеромъ прійшолъ до мене Валько со странною вѣстью.

»Протасъ уйшолъ« кажетъ »здається не вернетъ уже; ходилъ, нудилъ, мѣстца знайти не мѣгъ, въ кѣнци кажетъ: ,Иду въ горы, що нибудетъ а иду'. И не помогло ничо, хотъ якъ его придержовалъ. Взялъ костуръ и погналъ за низовье.«

Пройшло кѣлька дней. Валько потерялъ много на своей беззаботности; онъ мало выходилъ на кокошки и драхвы и ставалъ щоразъ бѣльше унылымъ. Частѣйше ходилъ на озера и ловилъ рыбу. Въ отвѣтахъ сталъ онъ дерзкимъ часами саркастичнымъ и бѣльше молчаливымъ; отсутствіе Протаса не было безъ вліянія на него. Одинокъ ходилъ онъ теперь въ поле, одинокъ верталъ а на сжатыхъ его устахъ мѣсто дав-

ной добротливой насмѣшки явился выразъ укритої злосливости.

III.

Прійшло и для насъ время выбратись на означенную облаву въ Карпаты.

Давно вже Юрій золотыми ключами-лучами отомкнулъ землю и пустилъ росу на весь свѣтъ. Засіялъ бѣлый человѣкъ на бѣлѣмъ камени середъ синого моря, свѣтъ Эгорій, розсыпалъ по земли зелену красоту. А въ Карпатахъ та давна весенняя краса розвилась теперь роскошно пѣдъ жаріющимъ солнцемъ. Цѣлуєть солнечный лучъ бескидскую землю, синѣють высокіи горганы, на стокахъ бѣгають полохливыи стада, звучать по поляхъ плугаторскіи косы, а лѣсы манять своимъ свѣжимъ холодомъ.

Коли зъ низовья вступаєшь на первыи верхи гѣръ, здається тобѣ, ты идєшь на первыи ступени раю и если Дантови рай здавался одною величественною рожею, то рай земскій на горахъ есть рожею, однакъ тою дикою рожею, що надъ дебрею пламенѣєть своею горячою краскою, рожею не съ нѣжными вѣтвями, но бурно розросшеюся помежъ терня, жаждущою для своего упоенія не слабого свѣтилка но урагану и пекучихъ лучей.

По терасахъ спадающихъ гôrъ ты пнешся черезъ плѣняющіи пейзажи до свѣта сторчащихъ стрешоръ и полонинъ, що на средней линіи Карпатъ взнеслись якъ мужественныи гиганты. До горизонта рисуются извилистыи линіи найвысшихъ верхôвъ. То краина жерель, моху и полочныхъ ягодъ, краина пашныхъ полонинъ. Трава тамъ рôвнается степовой, роскошно колышется пôдъ повѣвами вѣтру; горою въ воздухѣ лишь орлы дикіи уносятся и яструбы шибаютъ глядаючи настойчиво жиру. Чистое небо, нескôнечная даль. Тутъ человѣку лишь крылъ недостаетъ и тамъ доперва ôтчувается той недостатокъ.

То холмы граничныи, где раннимъ лѣтомъ еще снѣгъ бѣлѣтся, за время же спекоты лишь змїи помежъ степную траву скользятъ. Надъ жерелами кошары розложены, коло нихъ небрежно по карпатскому фар-ніенте почиваючи гôрскіи бовгары стада стережутъ.

Сôйдешъ ниже. То краина лѣсôвъ широкихъ и далекихъ, то жилище оленя, дика, медведя и хищныхъ птицъ; межъ деревьемъ бушуютъ хачивыи шулики, коршуны, а на галузяхъ отвѣчныхъ сосенъ садовятся гордыи готуры, красивыи тетервы, окраса гôрскихъ дубровъ.

Въ кѣнці ты упускаешся до стопъ горы. Тутъ холодъ и влага, водныи розливы: тутъ яруги, медвежіи гавры, лисіи норы.

Но долго спинатись приходитъ по крутыхъ стежкахъ черезъ Пѣдгѣрье, зачимъ доберешся до граничныхъ гѣръ. И мы перебывши терасы сближались до нихъ. Нѣчь передъ облавою рѣшено заполнить гулянкою у пароха Вировки, села, въ котрѣмъ головно сосредоточитись мала цѣла нагонка. Послѣдняя мала начатись ранксмъ за зорею по праздничной ночи.

Мы пріихали въ Вировку днемъ передъ гулянкою. Заѣзжати завременно до пароха было не по дѣлу, тожъ мы рѣшили перебыти день до вечера на горахъ. Но въ горы не возможно выбиратись такъ якъ козакамъ въ степы съ однимъ воронымъ коникомъ и бендерскою саблею. Иначе прійшлосьбы поневольно ѣтправить долгій пѣстъ. На далекихъ стежковыхъ дорогахъ не ѣтнайдешъ такъ легко хотьбы якой возможной австеріи. Еще якъ маешь честныи конята, то при плебаніи закрутятъ на мостокъ, що ведетъ не плебанскую обору, алежъ такіи конята не всегда пѣдъ руку пѣдпадутъ. Тожъ наша найтичанка мѣстила въ собѣ особный кулинарскій и бутылковый отдѣлъ.

Мѣй трубадуръ Антипъ вѣрнымъ осталъ ста-

ринѣ и не залишилъ взяти своей шездары. Загибающій поволи романтизмъ въ жизни знайшолъ въ немъ еще послѣднаго поклонника. И онъ розспѣвовалъ романцы славянскіи вылелѣянныи въ Карпатахъ, романцы, которы за двѣ десятки лѣтъ послѣ принадлежали уже до забыткѣ меломанскихъ. И коли народъ дальше спѣваетъ свои шумки, высшіи слои замѣнили свои романцы модными каватинами и ноттурнами.

»Конѣ розпряжи, накорми а насъ вечеромъ ожидай« сказалъ Антипъ до повозчика, самъ же покликалъ мене за собою. Перейшовши кѣлька верхѣвъ мы пристанули.

»Смотри, видишь?« пыталъ Антипъ.

»Вижу, дворъ.«

»Тамъ она.«

»Ельвира?«

»Мѣй идолъ.«

Дворъ былъ якъ безжизненный. Тишина и сумъ прикованы до карпатскихъ дворѣвъ. За домомъ чернѣлъ крестъ изъ грубыхъ палей, дальше темнѣлъ лѣсъ; по другой сторонѣ двора надъ воднымъ заливомъ стояла череда коней и кѣлька погоничѣвъ. Окна закинены рулетами, у входа стоялъ опустивши голову скандинавскій песъ а надъ дворомъ шибало стадо кавокъ.

»Тамъ она въ дали ѿ свѣта затоплена въ своихъ мечтахъ.« Антипъ ударилъ въ шездару и повторилъ любимую пѣснь: »Повѣй вѣтре, вѣтрусеньку, тамъ где тужить мила, — Нехай несутъ ей пѣсоньку, твои легки крыла. — Повѣй вѣтре въ ей городецъ, где вѣнцы сплѣтаеть, — Скажи ей, що молодець, щиро ю кохаеть. — Най не плачетъ, най не тужить, вже часъ ся сближаеть, — Прійдетъ милый приголубить, и съ невъ ся звѣнчаеть.«

Мы поѣшли дальше, шастались по лѣсахъ, драпались по вертепахъ, щобы разъ досыта доволитись и уже пѣдъ вечеръ спущались мы въ село, коли передъ нами мигнула стать намъ знакома. Изъ пѣдъ плаща червонѣлъ жилетъ Рошбрюновскій.

»Не Ковшевичъ то?« пытаю.

»Таки ѡнъ« отвѣтилъ Антипъ »лишь якое дѣло ему тутъ въ горахъ, вѣдъ ѡнъ маеть якое-то ремесло. Такъ говорили тогды въ кавярни.«

Ковшевичъ кинулъ мстительный поглядъ на Антипа и зникъ въ гущавинѣ.

Коли мы соѣшли на дорогу, чекалъ на насъ пріихавшій тоже мѡй любезный деканъ съ дамами и мы разомъ махнули до плебаніи Вировки. Вже на мостѣ приняла насъ цыганскя музыка рубаю-

щимъ маршикомъ. Мы вошли въ сѣнь; дамамъ здається, знакомъ былъ роскладъ комнатъ; они просто направились въ одни изъ дверей и зникли. За ними хотѣлъ и деканъ слѣдовати, но въ той хвили роздался крикъ старой покоевой, которая заявила, що въ тую комнату мужчинамъ вступати не то не свободно, но не годится, то именно-дамская гардероба. Мы оттолкнувшись пустились теперь до иныхъ дверей, но коли ихъ деканъ отворилъ, представился намъ сердце продирающій видъ. Самые неживые, мертвые — пантарки, индики, каплоны. То было про-секторіумъ. Въ розчарованію нашомъ пытали мы кôлька переходящихъ осôбъ, но тѣи потерявши голову або ничо не отвѣчали, або изъ словацка: най си люби, мльадый панъ. И мы хотѣли собѣ уже любити, но кидавшись такъ ôтъ Понтія до Пилата, не могли знайти предмета любви.

Въ тôмъ розтворились двери и явился парохъ Варламъ, высокій, худощавый, мало за для вы-соты пригорбленный, въ долгôмъ сурдутѣ, съ пентелькою выступающею безукоризненно изъ за колнѣра и съ еще миловиднѣйшими пентельками у чоботъ. Зъ другихъ дверей вышла парохова обѣемиста розогрѣта ôтъ кухонного огня. Парохъ Варламъ прямо направился до мого декан-

чика и своими журавельными руками такъ его обоймилъ сердечно, що цилиндръ декана покотился рокотомъ по земли, а лице сховалось въ сурдутъ Варлама. »Удусишь, Варламе эй Богу, удусишь« говорилъ деканъ заледво ѡтдыхаючи и шамотаючись въ рукахъ пароха. Въ кѡнцѣ деканъ освободился ѡтъ ѡбъятій бои и Варламъ завелъ насъ въ свой кабинетъ, щобы подорожныи отряслись и ѡтдохнули.

»Брате во Христѣ;« говорилъ деканъ »якъ проживаешь?«

»И сюды и туды.«

»Жена якъ?«

»По правиламъ.«

»Дѣти?«

»То сякъ, то такъ.«

»Пребенда?«

»Отъ!«

»Выносы?«

»Пѡлъ бѣды.«

»А еще правда автономія якъ?«

Н а боки.«

»Славетно, теперъ про мене давай до стамбулки угорского дугану.«

»А можебъ впередъ чарочку маленьку якъ напарстникъ?«

»Хиба уже якъ напарстникъ для пѣдкрѣпленія.«

»Сливовицы чи вишняку?«

»Знаете: предлагаемая ядите и пійте.«

Випивши по напарстнику домородного вишняку, пѣдчеркнувши чупрыны и поправивши краваты мы поступили на салю. Старый деканъ приложилъ долонь до очей и переглянулъ наоколо собранихъ гостей. По канапахъ ареопагъ старшихъ дамъ, а на креслахъ гирлянда зъ розовыхъ, полнолицыхъ красивыхъ дочерей. Напротивъ однакъ представился для декана бѣльше привлекательный видъ. Черезъ отвертую дверь до второй комнаты видно было рядами при зеленыхъ столикахъ лысыя головы, брытыя щеки, смаглявыя лица, стереотипныя кольоратки у шей, дальше бюровыя профіли и мѣстовыя тоалеты.

»Браво, Варламе« говорилъ деканъ »мало не цѣлый деканатъ спросилъ.«

Его голосъ зачули, лица поѣтвертались, повитали хоромъ: »Пантелеймонъ!« взяли декана на руки и понесли въ комнату съ зелеными столиками, где въ коротцѣ загремѣло многолѣтствіе и толстый тарочокъ. Конечно толстый. Вѣдь уже годъ минаетъ, якъ такій бравурный квартетъ сложился, а годъ одинъ дѣло немаловажное, вліяетъ на столѣтія а часами и еру становить.

Въ салѣ же вель первенство розборчивый гонведъ; онъ переходилъ изъ одного кружка въ другій, отъ дѣвицъ до старшихъ дамъ, щобы ни одинъ уголокъ, ни одно сердечко не было безъ завладѣнія. Были еще особы новыи, которыи ему представлялись; всегда онъ заявлялъ, що наибольшимъ счастьемъ въ житію уважалъ познание съ такою личностію, при чемъ за каждый разъ его чупрына не могла уколысаться до ровновѣса.

До мене подошла Гликерія.

»Не можете мнѣ сказать« пытала она мене »въ чемъ состоитъ той секретикъ, котрый гонведъ маеть всенародно изъяснити?«

»Секретикъ? О ничомъ не знаю.«

»Вѣрно?«

»Такъ и есть.«

»Ей! скрываетесь, лишь незнаете задатись. Розвѣдайте якимъ способомъ. Ожидается лишь полного собранія гостей: тогда гонведъ маеть выступити съ одною важною рѣчью, важнымъ объясненіемъ относительно движенія столôвъ и явленія духôвъ. Я обавляюсь, чи то не будетъ остаточный замахъ на тую такъ положительную правду. Думаю, що вы станете по сторонѣ той правды, впрочемъ каждая правда сама влечетъ.«

Она отъ теперь не усѣла уже, лишь начала наоколо сали тайный обхѣдъ; каждой дамѣ она толковала, розувѣряла, мѣстцами минаючись съ гонведомъ, якъ минаются двѣ противобѣжныи струи. Она горячково вела свое дѣло, съ умѣніемъ и планомъ.

»Наконецъ!« плеснулъ гонведъ въ долони и въ салѣ завладѣла могильная тишина.

Въ однѣмъ ей кѣнци за столомъ уставился гонведъ, новый Савонаролла проповѣдникъ а напротивъ сталъ народъ, на челѣ же его небезсильный защитникъ въ особѣ дѣвицы Гликеріи другого имени Нимфодоры.

»Мои дорогіи гости« говорилъ Савонаролла »уже то есть извѣстною рѣчью, що каждый вѣкъ сопровождается борьбою свѣтла и тьмы; стремленіе одно вызываетъ частѣйше совсемъ противоположную струю, чимъ рѣвнобѣжную. Если прошлыи вѣки напятнованы становленіемъ положительности, то нашъ теперѣшній вѣкъ назвати слѣдуетъ вѣкомъ причиновости. Научный розборъ вникаетъ во всѣ сферы человѣческой мысли; въ изслѣдованіяхъ видно стремленіе до познанія причинъ міровыхъ явленій. А однакъ (тутъ онъ отчаянно понизилъ голосъ) при всемъ тѣмъ те-

четь противная струя, мало не фетишизмъ, мало не первобытный хаосъ, приносящій съ собою совсемъ противныи стихіи, ѳткидующій причинность а ставляющійся на неясной пѳдставѳ. Догадуетесь, дорогіи гости, що дѳло идетъ о струю плывущую изъ за Атланта изъ Гайдесвиля Нью-Іоркской стороны. Извѳстно вамъ, що долгое время умы всѳхъ у насъ заняты были исключительно майже нервовою манією двиганія столѳвъ и мебели и ставленія розличныхъ допросѳвъ. А была то право можна сказати, докучливая епидемія, котра небездѳльно обѳяла весь свѳтъ не залишивши и нашей селской глуши. Насталъ вслѳдствіе того застой во всѳхъ отрасляхъ работы; опустѳніе всего имѳнія послѳдовало разомъ съ нервовою лотерійною игрою. Столъ съ своею ножкою сталъ пѳдстрекающею ораклею а альфавитъ столовый принесть не одно приключеніе въ семействахъ. Купидонъ наготовилъ по нѳкоторымъ семейнымъ ватрамъ не мало гѳрького пива. Не одна супружеская пара послѳдуючи столовому изреченію передъ тымъ любящаяся ѳттолкнулась ѳтъ себе. Не вспоминати уже о розличныхъ называніяхъ виновникѳвъ и такъ дальше. Словомъ много зла надѳлалъ у насъ столъ, иначе сказати, дорогіи гости, спиритизмъ.

Время теперь допустить свѣтло, роздѣлити тьму и дорогу устлати причинности.»

Харитонъ пристанулъ; онъ изслѣдовалъ по лицамъ, где выколются уже его сторонники. Но гордо по́днесши головку стоялъ предводитель противной стороны. Якъ мраморная статуа готова ѳткинути ѳтъ себе и острѣйшую стрѣлу стояла ожидаючи кѳнца Гликеріа, на котору яко на свою надѣю и по́дпору встролены были очи прочихъ собранныхъ.

»Причинность отже« продолжалъ гонведъ слѣдующа. Не суть тутъ авторами двиганія ани духи ани помершіи души, ани наконецъ и обманства, но причина тому всему есть коротко: — магнетизмъ.»

»То замахъ! предательство! инсинуація!« загремѣло теперь въ кружку. Дамскіи усточка вызывательно повтаряли слова, крахмаленныи уборы зашелестѣли, на полѣ борьбы слѣдовала замѣшанина хаосъ и клики и до несчастного прелегента свернулась цѣлая колонна дамскихъ вахлярей. Атакъ былъ неминуемый; гонведъ былъ въ опасности жизни — безбрачной. Сѣтъ розтягнутая Гликеріею допяла цѣли; весь дамскій черкъ поставился по ей сторонѣ противъ

гонведа, а такое рѣшеніе дамъ было въ брачнѣмъ взглядѣ банкротомъ для Харитона.

Коли огонь военный доходилъ уже до розрыва, выступилъ одинъ изъ рыцарей давной старины, котрый перейшолъ уже не одну кампанію съ дамами и такъ ѡтозвался:

»Не быти вамъ кровопролитными противниками, впередъ мирный переговоръ.«

»Той добре кажетъ« роздались голоса.

Теперь поднесла рѣчь Гликерія.

»Що упомянутый магнетизмъ не есть ничѣмъ инымъ, лишъ выдумкою, слѣдуетъ изъ того, що въ первыхъ невозможнымъ есть, абы магнетизмъ вытворившійся изъ рукъ положенныхъ надъ столомъ былъ въ состоянію двигнути столъ стоящій пѣдъ руками, тымъ бѣльше, що руки не лишъ не помагають движенію, но противно давятъ столъ до его пѣдставы. А дальше хотѣбы и былъ магнетизмъ, то длячого ему сейчасъ-же приходитъ мысль кидати столъ на всѣ стороны? Еслибы былъ, то плылбы собѣ своимъ путемъ а гдежь беретъ у него двигательная сила?«

На лицахъ окружающихъ засіала радость побѣды.

»Побивайте, на голову побивайте« шепталъ ветеранъ давной старины.

Мнѣ припомнулась борьба тростниковыхъ, подольскихъ птицъ, боевикѣвъ.

»Зачѣмъ рѣшится споръ, не безъ успѣха будетъ еще разъ ѣтъбыти пробу коло стола« заголосила теперь сновъ одна изъ боярынь давной старины.

»И тая добре кажетъ« пошло по салѣ.

Оглянулся народъ за столами а столики честныи спокѣйно стоятъ собѣ угинаючись въ другой комнатѣ подѣ сребрняками и картинами. Сунулись по нихъ славетныи тузы, шельмовскіи асы, перемѣнялись могучіи адуты, словомъ партитура сдѣлана то теоріи Вагнера: побити мелодію, розвязати форму, щобы сотворити драматичную музыку.

Коли вторая комната почула, що дѣло идетъ о побраніе имѣ столиковѣвъ, поднесла упорный бунтъ. Пики карточные мало не посыпались градомъ, однакъ розѣмчій судья рыцарь давной старины утихомирилъ бурю.

»Предлагаю ѣтложити сеансъ на годину по полночи, именно послѣ вечера, тогды и время духѣвъ.«

»Браво!« На томъ теперь окѣнчилось.

Музыка заграда, почались танцы. Вальчикъ лишь для приличія а давай сюда нововыдуман-

ную чешскую польку. Отгомонъ ишолъ, що гдетамъ въ Парижъ передъ лѣтами зѣхалъ зъ Праги учитель польки и въ Великой Оперѣ предложилъ всенародно ей образъ. А если такъ, то все лишай, лишь берись до той польки.

Мене однакъ не мало удивили дамы. Тѣ самыи, которыи передъ хвилею такъ вражими были для Савонаролли, при кѣнцѣ танцевъ обожати стали гонведа. По паркетѣ онъ сунется якъ уточка по морю, въ воздухѣ плыветъ якъ соколъ. А Евлялія?

И еще можебъ кто думалъ, що я стану злобитись на гонведа за то, що онъ съ Евляліею головно танцюетъ? що льститъ ей и говоритъ любезности? Еще може будетъ думати кто, що я буду кидати ему задля дамы рукавицю? Дальше, дальше! ваше величїе, многоповажаемый гонведъ! Я вамъ не мѣшаю. Я радъ, що освободился ѿтъ дамской щебетливости. Що? онъ важится пѣдъ руку съ нею ити? Щожь то сновъ за дерзость? То зачепка на мою особу. Маєте знати, любчику, що я не обовязанъ зносити зъ вашей стороны якихнибудъ личныхъ дерзостей. Що? шепчетъ ей? Онъ наконецъ еще освѣдчится Евляліи. То вже переходитъ границу терпеливости.

Я перейшолъ въ отдаленную комнату; еслибъ где найти якого перебендю, то выпилобьсь съ нимъ чарочку до чарочки. Я и не понимаю, якъ можна влюбиться въ яку даму. Любовь то чистое воображенъе, котрого хватаются лишь пупильки.

Смотрѣтъ же, онъ переходитъ съ нею пѣдъ рамя черезъ мою комнату! То вже вызовъ. Где есть сабля? Шпаду добуду хотьбы пѣдъ землею; такіи промахи легко пустити не можно. Отже мое сердце, гонведъ Харитонъ Хоревичъ, встрѣтимся на шпады и то на гайдельбергскій а нѣтъ то на болонскій спосѣбъ, до трехъ разѣвъ. Въ первой сѣчи припущу тебе, получу маленькій рисъ на лицѣ на двѣ шпильки; до выгранной за мало еще шпильокъ; начинается другая сѣчь, сновъ пѣддамся получу рисъ на четыре шпильки; еще тутъ не конецъ, доперва въ третьей сѣчи витай мое сердце, чахну саблею безукоризненную терцу и ты пропалъ.

Лишь люде милосердія не знаютъ. Въ ту хвилю заголосили переходъ до вечерной подковы. Въ зеленой комнатѣ забразчало ѣтъ ссуванія срѣбрянкѣвъ, гости позатыкали пентельки у чоботъ и колнѣрѣвъ и ѣтдалились до подковы, по спрятанью которой наступилъ всѣми ожидаанный

духовый сеансъ съ столами. Извѣстная уже боярыня давной старины ѡтозвалась теперь до гонведа:

»Ваше мнѣніе о магнетизмѣ можетъ на случай найти у насъ принятіе; однакъ зъ вашей стороны вы впередъ должны согласиться на одно наше предложеніе. Приречѣтъ намъ, що маленькое дѣло, котре предскажетъ теперь столъ, вы исполните.«

»Охотно, сейчасъ,« говорилъ гонведъ.

»Ваше слово.«

»Слово, очевидно.«

Руки на столъ случились, минута, двѣ, столъ двигается а послѣ ножкою ударяетъ до четырехъ разѡвъ.

»Славно« зачала сновъ дама давной старины, »тое маленькое дѣло, на которе вы слово дали, состоитъ въ тѡмъ, що вы должны непременно жениться съ тою дамою, котрой имени первую букву ударить ножка стола. И сбылось. Столъ ударилъ четыре разы. Четверта буква есть »Г«, межи нами же лишь одной дамы имя починается на тую букву, именно дѣвицы Гликеріи. Слѣдовательно надѣмся, що вы яко человекъ чести додержите слова.«

»Добрая шутка, справдѣ добра,« говорилъ

заклопотанный немало гонведъ забираючись тайкомъ до выхода.

»Шутка своею дорогою, но вы таки слова данного додержите.«

»Алежь... то есть... чи не время быlobъ уже ити на облаву?«

»Прійдетъ и облава, но слово жентлемена не будетъ сломано.«

»Можебъ до кадрили станути?«

»А однакъ мы таки ожидаемъ отвѣта.«

Гонведъ попалъ въ совершенный клопотъ. Его чупрына розтерялась, лице розогрѣлось а тутъ ареопагъ тѣсно обступилъ доокола. Въ тѣмъ мигнулъ лучъ избавленія на его лица.

»Положѣмъ, я додержу слова, но оборотно и жадаю, що бы и вы додержали. Всѣ должны вы принати мнѣніе о магнетизмѣ.«

Онъ былъ певный, що то не сбудется. Но ошибся. Дамы хоромъ заявили: принимаемъ.

»Не досыть« ратовался гонведъ »тутъ идетъ о головного заступника противной стороны.«

»Що до мене, не принимаю мнѣнія о магнетизмѣ« заявила гордо Гликерія.

»Человѣче« шепнулъ Харитоновъ рыцарь давной старины »Гликерія маєть десять тысячъ посагового.«

»Якъ? справдѣ? що вы кажете?»

»Повѣрьте.«

»Десять тысячъ? Я и не зналъ; вѣдь то уже капиталикъ есть. Теперь иное дѣло.«

»И дальше положительно кажу« продолжала Гликерія »що въ будучности не сталабымъ пѣдъ вѣнецъ съ человѣкомъ, который противится моему мнѣнію.«

»Дорогіи гости« выступилъ теперь Харитонъ, »розличное ученіе по свѣту котится. И тому и сему не можно ничо закинути. О радость для мене, если могу вамъ заявити, що я ѡтъ нынѣшной ночи познавши правду душою льну до того мнѣнія, которе ѡтдаеть всю власть духамъ а не магнетизмови.«

»Противно« пледовала Гликерія »я въ той доперва минутѣ прійшла до познанія, що тутъ дѣйстно не можна виновати духѡвъ въ той справѣ, но що безсомнѣтельно есть то дѣйствіе магнетизма.«

»Магнетизма? Такъ? Значить вы ѡтказуете мнѣ вашу руку? Вы ѡтвергаете мене ѡтъ себе, мене, который готовъ обожати васъ; вы хотите мене впровадити въ отчаяніе, загородити мнѣ до рогу до счастья, коротко отняти мнѣ жизнь!»

Отвѣтомъ на то было взаимное объятіе и

вдругъ затымъ загремѣло многолѣтствіе для новой молодой пары.

»Абы закончити нынѣшній сеансъ« ѡтозвался въ концѣ старый рыцарь »скажу еще пару слѣвъ. Таки явнымъ стаетъ, що то не духи дѣло ведутъ но магнетизмъ, такъ якъ вижу у тыхъ обохъ молодыхъ людей не що иного якъ взаимный магнетизмъ, котрый получилъ ихъ сердца.«

Зоря показалаь на небѣ; нѣчь праздничная окѡнчилась а съ нею и двиганіе мебели на свѣтѣ. Былъ то послѣдній сеансъ, въ котромъ борьба двохъ стремленій знайшла розвязку. Дамы познали, що о много полезнѣйшимъ есть мнѣніе о магнетизмѣ, котрый есть и въ состоянію спасти дѣву ѡтъ монашеской одежи.

И такъ не даромъ галицкіи раввины опредѣляютъ время ѡтъ быти а не быти на часъ сготовленія шолета. На амвонѣ читалъ послѣ священникъ: »Гликерія дѣвица вѣкомъ своимъ свободна уже ѡтъ перепоны малолѣтствія вступаетъ въ бракъ съ Харитономъ, дватсятпятилѣтнимъ молодцемъ, ѡтбывшимъ маршъ на Италію.«

Выкрылось въ чемъ ключка. Харитонъ былъ въ итальянской кампаніи, лишь тамъ страшно потрепали его полкъ, тожь ѡнъ на плащикѣ Фавста перенесся мыслями изъ итальянской въ

давнѣйшую кампанію угорску. Но мимо того розоблаченія относительно ѡтбытой кампаніи, Харитонъ и дальше розсказывалъ, що побивалъ на голову врага, именовалъ и дальше всѣ дамы доннами або сеньорамамъ и называлъ свои сандалки изъ италіанска скарпачіами.

IV.

Иначе закончилъ народный спиритистъ Протасъ. Суевѣріе у народа есть такъ долго мучительнымъ, поки народъ изъ бездѣлія пускается въ задумье. Коли однакъ изъ розмышленій перейдетъ въ дѣйствительную связь съ природою, тогды загибають въ немъ всѣ связи съ воображеннымъ міромъ. Природа одна въ силѣ излѣчити душу народа ѡтъ суевѣрія.

На горахъ Карпатскихъ стрѣтилъ я теперь Протаса измѣненнаго въ бѣльшой степени.

Ранняя зоря выдвигнулася; мы всѣ ѡтправились въ лѣсъ на означенное мѣстце облавы, где уже люде до нагонки численно собрались. Въ серединѣ лѣса на свободномъ мѣстци поставлено было шатро, въ котрѣмъ по облавѣ ѡтбытись малъ банкетъ. Въ близи почивали великіи боченки Гамбрина а за ними анталы паленки призначенной для тысячки погоничей.

Я вступилъ въ глубину лѣса; свѣжесть ранняя лучилась съ лѣсными ароматами. Земля, котра не зазнала еще плуга, изъ опадавшихъ листьевъ стала мягкою, угинаясь; ступанія чути лишь въ зрубкахъ, где рѣща пѣдъ ногами трѣщитъ.

И затрѣщало за гущавиною, роздвинулись листья; скрозь провалы вижу ступающую масу. Кудлы медвежіи стали достаточно видными. Отъ и звѣръ, думаю, встрѣча така не совсемъ ласкаетъ. Но заблыслъ у него ружейный стволъ, вызыраетъ сивая голова.

Передомною стоялъ Протасъ; вмѣсто стряпного кожуха малъ онъ теперь на собѣ медвежую свѣжую кожу кудлами на верхъ. Изъ его очей зникла унылость, уступила тоска; онъ ишолъ не такъ уже медленно но здавался быти роднымъ братомъ тыхъ бойкихъ верховинцевъ, що на Гуцулахъ не пущаются ни на хвилю своихъ топорѣвъ и ружья.

Лишь замѣтилъ я у него якуто опасную лихорадку; онъ дрожалъ нервово а въ его радостномъ лицѣ были видныи ознаки внутренней горячи. Протасъ поглядалъ, якъ поглядаетъ сразу чловѣкъ, божеволѣющій ѣтъ переполненія счастья и удовольствія, а веселіе его лица было бѣльше застрашающимъ, чимъ прежній его дикій

поглядъ. Онъ не познавалъ мене, лишь дальше уйшолъ двигаячись помежъ деревья якъ дѣйственный великанъ лѣсовый.

Долгими рядами окружили селяне широкій лѣсъ, посувались напередъ и гонили дичь, которая сполошенна изъ своего раю шла на певную смерть, грозившую ей изъ сотокъ ожидающихъ охотникѣвъ. Уже лежали коло шатра убытии и упрямый сернюкъ и заточистый дикъ и стойчный медвѣдь а пѣдъ шатромъ начался банкетъ, кружили чаши, розтвирались бутылки, шли тосты, котились въ дебри порожныи боченки. — И мы оба съ Антипомъ сближались до середины лѣса, коли на разъ мѣй товаришъ пристанулъ.

»Чи мнѣ провидѣлось?« кажетъ онъ »за деревьями проѣхала якая-то дама на кони.«

»Дама?«

»Не иначе а дама въ черной тоалетѣ.

»Звѣстно амазонка,« кажу »вѣроятно одна изъ околицы, видно не пещенное будуаровое дитя; знаетъ жизнь въ горахъ.«

За хвилю мы узрѣли дѣйстно даму на огненномъ арабѣ, но заледво Антипъ смѣгъ вздержати воскликъ восхищенія, упалъ изъ близи стрѣлъ и дама упустила уздечку, ей руки обезсилились, куля достигла ей.

»То Ельвира!« говорилъ Антипъ »моя Ельвира... она ранена...«

Въ минутѣ былъ онъ при дамѣ, которая омлѣваяючи отъ уступающихъ жизненныхъ силъ спустилась изъ коня на руки Антипа. Ей очи сойшлись съ его взоромъ.

»Ельвира« говорилъ Антипъ держачи даму въ своихъ рукахъ »уже благодарю тебѣ за твоѣ первый полный поглядъ; ты дѣйстно взяла изъ звѣздъ твоѣ взоръ. Соварогъ скинулъ его зъ неба; я твоѣ уже, на всегда твоѣ. Твоѣ поглядъ дополнилъ мою любовь.«

Очи Ельвиры счастливостію поглядали на Антипа. Ей блѣднѣющіи уста шептали лишь: »Антипъ«; но въ коротцѣ силы ослабли, рѣсницы опустились, головка Ельвиры достигнутой кулею неизвѣстнаго противника, понизилась безсильно.

Верховинцы приготовили мары, накрыли ихъ сосновою зеленью и отнесли Ельвиру на свободнѣйшее мѣстце въ лѣсѣ. Краса ей зазначилась теперь незвычайно; ей лице миготѣло на зеленѣмъ тлѣ смерековыхъ вѣтвѣ якъ сребрнобѣлая роса на зеленѣмъ листку. Я пѣзналъ теперь, що правъ былъ Антипъ; всѣ дамы, котрыхъ онъ прежде встрѣчалъ, могли беззамѣтно пройти мимо его чувствъ, могли возбудити одно волненіе

а не любовь, могли ввести въ минутный шаль, но не въ постоянное счастье. Краса же Ельвиры могла овладѣти цѣло и сильно его сердцемъ. Я сровнявалъ ей лице съ оставшимъ мнѣ въ памяти портретомъ. Тѣмъ же унимающіи отмѣтныи черты; лишь модная одежда конечно здавалась быти чужою для того личика.

Дворскіи люде взяли мары съ омлѣвшею Ельвирою, щобы черезъ верхи ѡтнести ихъ до двора. Еще сейчасъ по тѣмъ, якъ стрѣлъ роздался, слышныи былъ за гущавиною шелкъ ѡтъ ударѡвъ топорѡвъ и сабель; теперъ же принесли гѡрняки пѡдъ шатро челоуѣка съ расплатанною головою. Кровь лилась струею по его одежи, а одежь тую становилъ башмакъ изъ медвежихъ кудлѡвъ. Онъ слабо уже ѡтдыхалъ.

То былъ Протасъ, которого чашка была расплатана саблею; изъ грудей добивались тяжкіи стоны. Онъ свернулся до мене.

»Казали, старость своимъ путемъ идетъ,« говорилъ онъ слабо »отецъ еще спѣвалъ, незванный гость хмара чорная идетъ, зависла'... Но тутъ уже солодко умирати будетъ на горахъ въ лѣсахъ, уже и людей не пытаю, чого не доставало челоуѣку до жизни. Знаю уже, що то было; житья юнацкаго челоуѣкъ не зазналъ. Родился тутъ

Гуцуломъ а юнакомъ-легиномъ по горахъ не розбивался. Що человѣкъ безъ юнацкого житья? Не маешь топора за чересомъ, не любишься блестящимъ ружьемъ, значитъ, ты и не жиєшь; а человѣкъ на низовью молодыи лѣта затратилъ. Тому и туга надѣйшла; тайкомъ рвалась душа до юнацкой жизни. И теперь довольно стало менѣ; уже ставалъ я на вершинахъ, ходилъ въ полонины, виталъ горы стрѣломъ, шумомъ борывымъ любовался, ишолъ на дичину а наконецъ и топоромъ блестящимъ завивалъ...»

Онъ понизилъ голосъ, силы его опустили, а блѣдость покрыла его шереховатую тварь. Еще ѣтдыхнулъ тяжело и жизнь въ немъ застила; въ лѣсѣ, въ своей доменѣ распращался съ нею спиритистъ Протасъ.

Мы чимъ скорше ѣтправились въ сторону двора съ дворскимъ лѣсничимъ, который особенно заходилъ былъ коло Протаса.

»Протасу Ельвира жизнью обовязанна« говорилъ лѣсничій на мѣй вопросъ о смерти Протаса »онъ кинулся на Ковшевича и его банду, коли тойже пустилъ стрѣлъ на Ельвиру. И такъ рубалъ Протасъ, якъ рубаетъ лишь родовитый Гуцулъ. Станный былъ человѣкъ.«

»Знали его?»

»Отъ якого-то часу; розкажу вамъ. Протасъ былъ дѣйствительный лѣсникъ Кобольдъ. Въ моихъ занятіяхъ лѣсничого шастаючись по лѣсахъ я часто сходилъ съ нимъ. И уже видѣлъ я, что его состояніе безвыходное, такъ какъ онъ зачалъ какъ бы божеволѣти; нервово отдавался онъ ружью и топоромъ. Чимъ онъ жилъ, сказать не могу, лишь то знаю, что онъ безпрестанно тянулъ по лѣсахъ всегда съ ручницею и то не даромъ; самую большую дичь вынаходилъ по яругамъ и справлялся съ нею по мастерски. Не часто и встрѣчается такого охотника, его стрѣлъ всегда былъ вѣрный. Но въ томъ дѣло, что его страсть охотничья перейшла завычайныя границы; онъ съ шаленостію ступалъ по паровамъ, ишолъ въ непроходимыя дебри, где лишь медвѣди маюти свои гавры. Изъ медвежихъ кудлѣвъ сдѣлалъ одежду. Различныхъ видалъ я уже въ Карпатахъ лѣсовыхъ людей. Народъ любитъ лѣсъ; онъ съ нимъ сжилъ, въ немъ чувствуется дома. И часто встрѣчаются у насъ люди, которые цѣлую жизнь проведутъ въ лѣсѣ, но они живутъ завычайнымъ ходомъ; лѣсъ для нихъ отчиною, живутъ изъ него и одѣваются изъ него. Звѣрину бьютъ для потребности. — Но такого лѣсовика какъ Протасъ я не встрѣчалъ еще; вправдѣ жилъ онъ въ лѣсѣ

коротко, но достаточно. И на нынѣшней облавѣ положилъ медведя. Но еще когото онъ нынѣ свалилъ. Давнѣйше ходилъ и старый нашъ дѣдичъ отецъ Ельвиры на облавы, но теперь вже онъ немощный. Лишь дочь Ельвира выѣхала: я ступалъ за нею. Знаете уже якъ было со стрѣломъ; до Ельвиры долетѣла куля. Зачѣмъ я мѣгъ перебраться на мѣстце, зъ ѡтки куля упала, тамъ розпочалась уже борьба; Протасъ вымахивалъ топоромъ на кѡлькохъ изъ розбойничой шайки Ковшевича, ѡтъ которого выйшолъ стрѣлъ. Ковшевичъ былый зруйнованный дѣдичъ провадитъ именно изъ давна розбойничую шайку по горахъ. И теперь куля ишла ѡтъ него. Протасъ зналъ уже, кто Ковшевичъ; послѣднего знаетъ цѣлая околиця, лишь словити не можетъ. Узрѣвши, що Ковшевичъ стрѣлилъ, Протасъ добылъ топора и началась борьба; кѡлька товаришей Ковшевича положилъ трупами, въ кѡнци сабля самого предводителя розтяла ему чашку. Такъ знайшолъ онъ смерть въ лѣсѣ.»

Мы перейшли верхи и я узрѣлъ знакомый мнѣ уже пейзажъ.

* * *

Сумнѣйше еще стало въ дворѣ. Окна заки-
нены ролетами здавались замыкати во внутри

тайны прошлыхъ лѣтъ, за которы якъ за закланіе сходила до склону слава и жизнь давнѣйше такъ блестящихъ родинъ. Не даромъ кажется народъ, все утихнетъ на Карпатахъ а той погробовый стонъ покутующихъ тирановъ паньщизняннихъ не уложится.

И старый дѣдичъ Вировки кѣнчилъ собою свѣтъ родъ; онъ сидѣлъ постоянно въ своей комнатѣ полсвѣтломъ озаренной; волосъ посивѣлъ, лице пооралось. Дѣдичъ одно еще зналъ прибѣжище: стаканъ и збанъ, котрый неотступно стоялъ передъ нимъ на столѣ, а котрымъ онъ убивалъ пересувающіися воспоминанія прошлыхъ лѣтъ.

Мы остались самы въ одной изъ комнатъ съ Антипомъ.

»Кажешь« пыталъ Антипъ »якъ Ельвира?«

»Не безпокойсь, опасности нѣтъ. Очи видѣлъ?«

»Видѣлъ; то правдивыи гиппокрены, изъ котрыхъ бьетъ любовь струею. Я надмѣрно счастливъ. Вообрази: она моя.«

»Надмѣрно не кажи; зъ надмѣрного счастья до его упадку лишь одинъ степень. Скажи лишь: я счастливъ.«

»По твоему будетъ: я счастливъ.«

Дверь отворилась. Червоный жилетъ мел-

кнулъ изъ пѣдъ подертого плаща. Ковшевичъ съ злобною улыбкою встроилъ взоръ въ Антипа. Не иначе выглядалъ Мефистъ, коли приходилъ по Фавста, по свою жертву. Онъ засмѣялся якъ давнѣйше, якъ ржуцїй лошакъ.

»Отлично братку стрѣляешь« говорилъ онъ до Антипа »цѣлишь добре и хорошую ты цѣль собѣ избралъ, даму, твою улюбленную даму, твою любку. Зъ любви ты хотѣлъ позбавити ей жизни. Сновь краснѣешь, кровь на лицѣ выступаетъ; поволи, не жахайсь, и я колись ходилъ, знаешь, въ шелковыхъ шапо-ба... Ты теперь доволенъ, що позбавилъ жизни дѣву, котру любишь. Сойшли ся мы, голубчику...«

Онъ смѣючись выбѣгъ изъ комнати и въ коротцѣ зникла его стать въ темномъ лѣсѣ. — Но его мѣсть не лишъ не вырвала Антипови Ельвиру, но напротивъ ѡтдала му ею на всегда. На Подолье верталъ онъ уже не самъ, но съ своимъ идеаломъ, обожаемымъ сокровищемъ.

Старый дѣдичъ чимъ разъ бѣльше попадалъ въ немощь; и збанъ сталъ для него неможливымъ. Одного вечера онъ былъ чрезмѣрно уже не при силахъ; онъ далъ знакъ рукою, що желаетъ що-то сказати.

»Зачимъ умру« говорилъ онъ »не можу не

высказати тайны. Ельвира, Антипе, твоя жена не есть моею дочерею. Она не знаетъ о томъ. Ельвира моею наслѣдницею во всемъ, но дочь не моя; я любилъ ю однакъ якъ мое дитя. Передъ дватсяти лѣтами померла мнѣ жена оставивши маленькую дочь. Тая дочь мала быти одинокою наслѣдницею моего роду. Но она того же года еще умерла. Тогда переходила черезъ село изъ Угоръ семья цыганская, которая везла съ собою дитину особенной красы. На мои грошевыи датки они признали, що тая дитина выкрадена на Уграхъ. Мнѣ прійшла мысль и я осуществилъ ю. За бѣольшую суму грошей я купилъ ѡтъ нихъ тую дитину и значилось, моя дочь не померла но жіетъ. То была Ельвира. Ей отчина Востокъ и она правдивое дитя Востока; таинственность а разомъ и укрытая полнота чувствъ ей свойственны. Тымъ она и не похожа на прочіи дамы по дворахъ.»

* * *

Мы вернули на Подолье: Антипъ съ Ельви-рою а менѣ дальше бы ити съ ескуляннымъ костуромъ скитатись по свѣту. И я выѣхалъ во Львовъ. По дорозѣ стануль я въ знакомой подольской австеріи, где сновъ недвижимо покури-

валъ люльку старый еврей, раввинъ, розсадникъ мистицизма, достойный своего предка Баръ-Бахона. — Тамъ стрѣтилъ я еще разъ Валька.

»Совѣстно« кажетъ »стаеть человѣку. Часто выкидалъ я Протасу, що стрѣлецъ зъ него ніякій. А то смотри, що въ немъ кипѣло.«

Долго я послѣ не былъ въ осадьбѣ Антипа, мои должности задержовали мене по свѣту, тожь и о судьбѣ людей изъ той осадьбы не чулъ я ничего потомъ. Доперва нынѣ свелъ насъ случай. Видите тамъ на другомъ кѣнци нашей плоти сидитъ коло ватры тая женьщина; трелюючи выводитъ она мелодіи. То дочь той подольской зазули-вдовицы Марты; она вѣрный образъ матери. Черты лица я пѣзналъ сейчасъ; ѣтъ ней узналъ я за судьбу матери. Передъ кѣлькома лѣтами сторѣлъ ей хуторъ и добытокъ и Марта стала зарѣбницею, дочь же выйшла за мужемъ. Ей женихъ плотяръ на Днѣстрѣ, сплавляетъ по Днѣстру бревна. И я поглянувши на тую женьщину пригадалъ собѣ на первый годъ моей лѣкарской жизни и на мого первого паціента.

Лѣкаръ окѣнчилъ розказъ. Наша плоть прибила до берега, мы были у цѣли.

»Друже« примѣтилъ шутливо одинъ зъ насъ

свертаючись до лѣкаря »если не ошибаюсь, твоей то женѣ имя чи не Евлялія?«

»Въ четыре очи скажу;« закончилъ лѣкарь »лишь чи дамы якої межъ нами нѣтъ? Скрывшись ѿтъ дамского слуха, признати вамъ я долженъ, що я женился съ Евлялією. Не то щобы я борони Боже по шію влюблялся въ дамъ, и не то щобы коли былъ завистный въ любви, лишь такъ склалось уже. Звѣстно, дѣло судьбы. За юныхъ шальныхъ дней льнулъ я до одного друга, котрый по обычаю любилъ спорити съ хорошими дамами. Послѣ пересталъ другъ спорити съ дамами, а я пересталъ его любить. Моя любовь перейшла въ иную область; она пріостановилась на тѣмъ личику, которого прелесть такъ необходимо вкрадается въ нашу душу и такъ опасно стаетъ особенно въ случаю того мастерски розвинутого дамского смѣха, противъ которого одинокое оружье становилабъ лишь по закону Индіи сдѣланная непрозрачная заслона, закрывающая хорошее личико.«

Мармарошскій сватъ.

Новеллета.

I.

»Спи сыну, эгэ Лель.«

Съ тыми словами на устахъ схиленная надъ колыбелею мармарошская мати любезничаеть съ полнолицымъ, розовымъ, плутовски улыбающимся сынкомъ, пригадуючи ему его ровесника, такъ же колыбельного древняго божка Леля, славянского аморка, котрый рѣвно якъ и купидонъ изъ малого упрямого розгульного дитяти стаеть современно зажигаедемъ любви и высылаеть незамѣтно но цѣльно стрѣлы любовныи.

Но шельмовскій сынокъ стаеть уже и упрямымъ, изъ улыбки переходитъ въ дерзкій смѣхъ, а смѣхъ той привлекаеть и отца, статного уроженца мармарошской Руси, котрый согнувшись надъ колыбелею и погладиваючи упрямого спюшка по

личикѹ витаєть его по своему обычаю: »Бетіаръ, эхъ ты Бе-тіаръ,« выраженіемъ, которое у народа переходитъ всѣ степени ѡтъ найсолодшого любезничанія до самого дотыкающаго постраха. Тымъ словомъ народъ и страшитъ и ласкаетъ. Давніи рыцари угорскіи пѡдъ названіемъ Бетіарѡвъ лѣтали колись якъ соколы по пусстахъ и Карпатахъ, съ временемъ стали хищными птицами и лишили за собою лишь пострахъ и названіе, повторяемое по горахъ народомъ.

И беззаботно повтаряется оно въ такомъ уголку якъ хатина мармарошской семьи. На дворѣ по горганахъ шумитъ, задуваетъ, снѣгомъ сыплеть, вѣтромъ хлостаетъ, а въ хатинѣ приманчиво трѣщитъ огонь на коминку, справляется вкусный гуляшъ, поется пѣснь, воспоминается бывшее, словомъ хоть не палата то а незамѣтная карпатская деревянка, но и за палату мѣнятися не хотѣлобъ. Пѡдъ окопченнымъ пляфондомъ наклады стосы кукурузы, переплѣтанны полтями салыоны, изъ котрой выйдеть безукоризненный паприкашъ, а стоитъ дѣло такъ, то смѣло поглядай въ будущность и ніякой гадки не май.

Но отъ за дверьми якійто ненадѣянный гаморъ, щелкъ; время вправдѣ не воинное, но все таки въ горахъ дебристыхъ опасность не новиною.

Не выгасли еще и наслѣдники Бетіаровъ. И просто по виду они на такихъ указуютъ.

Дверь розтворилась и въ комнату съ шумомъ войшли напастники. Одинъ изъ нихъ закутанный въ лисью шубу съ такоюжъ кучмою на головѣ; другій замотанный въ сѣраковую бунду съ сѣраковымъ надѣтымъ капюшономъ. Лишь гляди, а то за хвилю добудутъ ружье и распростись съ жизнью.

Явился и третій; съ тымъ уже иное дѣло. На плечахъ закинена долгая гôрская опонча, пôдъ нею широкій чересъ на полъ аршина, за чересомъ топôръ а пôдъ чересомъ зимовый киптарь. То такіи же сыны Мармароша якъ и хозяинъ дома, тожъ и послѣдній смѣло подоишолъ до вступившого мужика.

»Брате, ты бачу, мармарошець?«

»Гай, якъ и нѣтъ. Чи въ гараздѣ проживаешь?«

»Въ гараздѣ по божьей воли. Добрый изъ тебе человѣкъ. Скажи, що за люде тii два?«

»Пстѣ!«

»Якъ? Якое може дѣло?...«

»То мои панятка. Везу ихъ въ сваты.«

»Въ сваты? Дѣло не абы яке.«

»То и есть, що не абы яке.«

»И везете-жъ ихъ добре?«

»Чи добре! Въ сваты возилъ я ихъ родича, ихъ стрыка, ихъ брата, ихъ сестрѣнка и ихъ братанка. Знай, добрый человѣче, зачуешь лишъ коли, що кого-тамъ изъ родины Аконтovichа везеть въ сваты Пантиль, то тымъ самымъ и надѣйся, що женихъ той женочку возьметъ перелочку на цѣлый Мармарошъ. И теперъ ѣдемъ. Женихъ Еваристъ Аконтovichъ то той въ сѣраковѣй бундѣ а той въ шубѣ то свать Тихонъ Аконтovichъ, его стрыкъ.»

Еваристъ и Тихонъ скинули свои зимовыи одежи и теперъ видно стало, якое то сокровище укрывалось пѣдъ грубою шубою. А сокровищемъ справедливо можно назвати молодого жениха. Усь у него казалбысь пушистый, а то морозный иней; опадеть же иней, тогды пѣзнати по усахъ Донъ-Жуана, якъ пана по холявахъ: пригладженъ, безукоризненно подтятъ въ мѣру. И борода жолтая пѣдтята на маньеръ Генри-Картъ. Жолтая борода и жолтыи льоконь самы уже становлять головный митралезъ до овладѣнїя дѣвичьихъ сердець. А подумати до того еще носъ извилистый, легко пѣдходящїй въ гору, послѣ же паралельно съ лицемъ спадающїй, ясное чело, мало не женскїй, добротливый вѣчно доволенъ и усмѣхливый выразъ лица, высокїй ростъ, изгибистую статью,

то уже на смѣло надѣяться можна, що каждая дама якъ лишь зачуеъ звонокъ, извѣщающій о въѣздѣ гостя, залюбится на смерть и на жизнь въ такомъ жениху.

И то якомъ жениху! Еваристъ былъ елевомъ паркету. Такому цацку лишь по бульварахъ где нѣжно ступати бы, по корсахъ, бальныхъ саяхъ скользити бы, а не толчись по мрамарошскихъ вертепахъ и по снѣжныхъ засыпахъ. Но Еваристъ былъ конечно человекъ перейшовшій борьбу жизни, зазнавшій свѣта и хотѣвшій пріостановитись окончательно, щобы почити спокôйно на лаврахъ.

Съ дамами паркетными онъ рѣшилъ распрощатись: въ альбомѣ написалъ имъ послѣдній колющій мадригалъ, на дамскіи слезы не отвѣчалъ, увѣреніямъ не вѣрилъ.

Съ рѣшеніемъ, жену взяти изъ Мармароша, онъ повторяючи паркетамъ: адѣ, аддіо, зѣхалъ до Тихона Аконтовича, стрыка, котрый сейчасъ же сладивши впередъ свои дѣла съ стадами овецъ и прочіи справки въ господарствѣ, выбралъ изъ дватсятки коней двоухъ самыхъ забіацкихъ арабôвъ и распочалъ съ Еваристомъ свадебную поѣздку.

Звѣстно первая добычъ всегда наилучша, тожь

щобы по мастерски справитись, рѣшено махнути прямо до пароха Дамьяна въ Прочинѣ, Тихонового друга изъ молодыхъ лѣтъ, у котораго прехорошенькая дочь Иренка цвѣтетъ якъ чародѣйная бальзамина. И хотъ Дамьянъ мало чи не за десятымъ селомъ, но во виду такой прелестной дѣвочки и долшая еще дорога оплатилась бы.

Они выѣхали въ сваты. А ѣдешь же въ сваты, то хорошо смотри, щобы заяць не перебѣгъ передъ конѣ, щобы кто съ порожнымъ не переѣхалъ, иначе лучше завертай конята, лица и не своди въ сторону, где за горою мила проживаетъ, лишь попеломъ голову посыпуй и до Картузовъ вступай.

Не одно недоброе случилось уже выѣхавшимъ сватамъ. Въ первыхъ таки при выѣздѣ зъ дому при мостѣ конѣ забіацкіи розгулялись, женихъ мавшій многонадеждный крахмаленный цилиндръ загрязнулъ головою въ снѣгъ, при чемъ изъ штивного цилиндра сталъ смятый шапо-клякъ, заступленный послѣ каскетомъ. Уѣхавши сновъ яку половину мильки пристанулъ кучеръ Пантиль, изъ рода въ родъ возившій въ сваты, и ударилъ рукою по челѣ: »Человѣкъ же зъ мене!

Вѣнецъ позабылъ! завертатибъ по него.« И не помогло: завернулъ Пантиль по вѣнецъ.

А былъ то вѣнецъ не малого значенія. Выѣзжалось лѣтомъ въ сваты, такъ былъ вѣнецъ сложенъ изъ самыхъ свѣжихъ пассіансовъ, шкабіозъ и дикихъ рожъ, зимою же изъ неувядаемого розмарину, барвинку и калиновыхъ ягодъ. Подойшла где дѣва пѣдъ вкусъ жениху, такъ послѣдній уѣзжаючи завѣшалъ той вѣнецъ пѣдъ оконце любимой. И хотъ Еваристъ утверждалъ теперъ, що лучше уже написати при отѣздѣ якій любовный листокъ, чимъ изъ нова толчись цѣлую милю по вѣнецъ, мимо того Пантиль завернулъ конѣ, мало не уразившись такимъ пренебреженіемъ обычая. Дальше перейшолъ дорогою мужикъ съ порожными анталками и якійто бродяга съ порожнымъ портмоне, коротко встрѣчались самыи нежелаемыи предсказанія.

Надовсе однакъ надоѣдалъ пекущій морозъ. Хотъ въ шубу забійсь а морозный вѣтеръ сдѣлаетъ зъ тебе таки крыгу леду. Тожъ допавши по долгой пустой дорозѣ до хатины, пристанулъ Пантиль, щобы за минутку, двѣ, коло огненного коминка привести до жизни заkostenѣлую статуетту. Еваристъ и Тихонъ пригрѣвшись до огня и знявши шубы засѣли на часокъ при коминку.

»Кажете стрыку, въ Мармароши суть красивыи дѣвы?« пыталъ Еваристъ причесуючи бороду Генри-Картъ.

»И якіи красивыи!« отвѣчалъ Тихонъ (человѣкъ присадистый, толстый въ гранатовомъ тулужурку обшитомъ овечью волною, въ чоботахъ о угорскихъ широкихъ холявахъ, съ брытыми червоными толстыми щеками, сивымъ по́дстриженнымъ усомъ и замашистымъ видомъ) »у насъ право сказати, младенче — лишь за то слово не гнѣвись — у насъ простота старинная и честность ѡтзначають дѣвицъ; вспомни за строгое воспитаніе женьщинъ у нашихъ предкѡвъ бояръ, а узнаешь, що въ Мармароши еще не закрался блескъ и пустота свѣтова. Мирныхъ и богобоязливыхъ дѣвицъ тутъ знайдешь, и то где не захочешь: чи то по нашихъ гѡрскихъ хуторахъ, где добытокъ значный, овецъ на сотки числится, коней на десятки, волѡвъ на копы а вина не на бутылки но анталы, чи по плебаніяхъ у душпастырей, где также шаласы мнѣ не маленькіи, а где дѣвицы скромныи, по обычаю строго воспитаны, на жениха сразу не глядятъ, потомъ смѣло но спокѡйно идутъ въ розговоръ, а въ кѡнци женами добрыми стають. Длятого, младенче, якъ маешь жену зъ Мармароша, золото маешь. А

до того золота и не легко прійти. Яко женихъ, сыну, добре держись въ домѣ дѣвицы; не будь за много уклончивымъ, ани не будь за много болтливымъ. Иначе ѿтъ родичей получишь ѿправу. Дѣвицѣ съ любезностями не ставайсь досаднымъ, но разъ два въ доброй хвилѣ лестное слово скажи. Она маешь знати, не отвѣтитъ тобѣ на тое, лишь легко усмѣхнется и покраснѣетъ. Тогда ты не смотри на ню, бо тымъ сталбысь уже настойчивымъ, лишь до родичей свернись съ важною бесѣдою. Въ дотепахъ не будь загонистый, дай пѣзнати, що знаешь ихъ доборъ; скажешь що удалого, кинь окомъ на дѣву, пѣзнаешь тогда, якъ ей припало твое слово. Если ей до вкусу было, то она смѣючись закрываетъ лице рукою, на котрой перстень задѣтъ. Дай пѣзнати дальше, що будешь мужемъ достойнымъ, що въ домѣ своимъ будешь не ногами но головою, що дѣмъ твоѣй не будетъ такимъ, где когутъ молчить, коли кокошка голосить. Словомъ младенче, добре держись.»

Тыхъ наставленій слухалъ Еваристъ, но лишь для приличія. Онъ же не такихъ уже дамъ пѣдбивалъ, ихъ сердца плѣнялъ, въ розочарованіе вводилъ, слезы проливати заставлялъ, не пѣдъ такій строгій судъ пѣддавалъ себе побѣ-

доносно. Тожъ на тїи слова онъ лишь помахивалъ головою, где бровою моргнулъ а где рукою живнулъ.

Въ кѣнци Пантиль родовой кучеръ заявилъ, що крыги леду уже потопились, що время натягнута шубы и чмihnути изъ свѣжа до отца Дамьяна, бо и такъ еще добрый кусъ дороги предстоитъ. И въ коротцѣ забіацкіи конѣ рвали стопами снѣгъ и уносили гордо свадебныхъ гостей по крутымъ дорогамъ.

* * *

А крути-жь тїи дороги уже надъ мѣру; думаешь ѣдешь до Сасова, а ты нищечкомъ стануль где въ Плазовѣ и винуй кого хочешь. Снѣжокъ свѣжій припорошилъ слѣдъ, тогда лишь по знакомости верхѣвъ провади конѣ; и не оглянется добрый крестьянинъ, якъ вмѣсто стрешоры зацепить за стевіору, бо и тїи горы наконецъ всѣ якбы близняками были. И тутъ такий же провалъ, такаяжь любезная скала и пропасть якъ и тамъ и тутъ хотѣлбы человѣкъ покотиться въ дебру и тамъ, словомъ вкусныи рѣчи всюда одинаково манять.

Еслибъ еще ничо не присувалось передъ очи, а то примастится отъ якая на видъ безкоры-

зтолюбивая корчмина и по ней ты пѳзнаешь, що ты выѳхалъ на особую прогулку въ бочную дорогу, иначе сдѳлалъ парти-а-плезиръ.

И Пантиль узрѳвши надъ берегомъ скалы невиданную до теперъ австерію, задержалъ конѳ и добылъ изъ за колнѳра люльку.

»А що? чого стоишь?« пыталъ Тихонъ.

»Ничо, вѳдь и человѳку по вѳки не гнаться. Поволи все дѳлай изъ легка. Бучокъ доглянулъ я въ лѳсѳ самый лучшій, якъ разъ былъ бы на ось до воза.«

Пантиль за топѳръ, а тутъ кругомъ ни одной деревины.

»Ай! а що то за корчмина тамъ Пантилю« пыталъ сновъ Тихонъ розглядаючись и побачивши новую крайну.

»Корчма?« говорилъ Пантиль зъ укуса поглядаючи на австерію »що корчма! Кто бы то корчмою назвалъ, буда не корчма.«

»Ба, алежь ей не было при нашей дорозѳ.«

»И не быти ей дальше.«

»Пантилю, чи мы не то?«

»И гадки не майте. Мы на правой дорозѳ. А корчма якбы умышленно насунулась. Человѳкъ пѳдкрѳпится.«

Конята станули самы передъ корчминою. То

золото было не корчма; лишь однимъ угломъ припирала о землю а три пѣдперты столпами. Надъ дебрею висить, якъ орлиное гнѣздо, здається лишъ усомъ моргни а перекотится въ провалъ. Дахъ чи не персидского стилю будетъ, весь мохомъ на Макартовый маньеръ покрытъ, а оконце енкавстичная мозаика. Коло корчмы стояла толпа людей въ чуганяхъ, овечьихъ кожухахъ и кучмахъ, бойкихъ Мармарошцевъ, которыи пускаючи дымъ изъ люльки чекали, поки не упадетъ зъ неба где якій крейцарикъ на паленку або адзимка, а нѣтъ то где якій панъ, що взялбы ихъ панскіи лѣсы рубати и волики поганяти до Мукачева.

»А що? есть?« пыталъ Пантиль людей.

»Есть, и то свѣжо паприкованна просто изъ Дебречина.« Пантиль бокомъ усуваючись сникъ въ толпѣ.

»Що тутъ за село таке?« кликнулъ Тихонъ изъ саней до толпы. А парламентъ на то молчки перейшолъ до дневной очереди.

»Оглухли бачу всѣ? Куда до Прочина?«

Изъ помежи парламентарей выступилъ самъ смѣлѣйшій и приблизился до саней.

»До попа ѣдутъ въ Прочинъ?« пыталъ ѡнь.

»До попа.«

»Та свояки чи що?»

»Нѣтъ не свояки.«

»Хиба такъ?»

»Такъ.«

»Зле заѣхали; вертатибъ а нѣтъ то пуститись прямцемъ черезъ горы.«

»Кажете еще далеко Прочинъ?»

»Чи далеко? И гадки не майте. На земли хиба до Рахмановъ далеко. Лишь поѣдѣжуть конята черезъ верхи а уже и Прочинъ.«

Навинулся и Пантиль вернувшій изъ корчмы.

»Здоровы были.«

»Помагай Боже! Правду казали, паприкашъ якого мало где подыбаешъ. Теперъ голя, въ сваты. Смотрибъ, якъ конятамъ косы заплѣлъ. Кажѣтъ же самы, где есть такіи конята якъ у мене; ану, таки не скажете.«

»Справдѣ нема нигде. Хиба вы чары знаете?»

»Чары не чары, а вже такіи у мене обычай; коней добре стережу, за то и идутъ хотьбы на скалу.«

Пантиль затылъ бичомъ и конѣ побѣгли. Но не долго бѣгли. Замело снѣгомъ якъ въ Янисейску, засвистало, и свѣта божого не стало видно. Долго поѣдѣгали конята а Прочина якъ нема такъ нема.

»Роспытатибъ где,« зачалъ Пантиль и пристанулъ, »лишь где? И живой души нема.«

»Вертаймо, не иначе а завертай конѣ, Пантилю.«

»Вертати? та куда? И за крокъ не видно, такъ снѣгомъ задѣваетъ; такожь и зле изъ сватѣвъ вертати; то не по дѣлу, якъ ѣхати, то вже зъ дороги не вертатись. Ану поѣдемъ. Черкнѣмъ; мои конята знаютъ на слѣпо дорогу, якось пересунемъ.«

Бредутъ конѣ въ снѣгу по шію, чимъ разъ бѣльше западають.

»Цогинемъ Пантилю, Бога въ сердци не маешъ.«

»Разомъ будемъ загибати« отвѣчалъ Пантиль, »якъ мы то и конята, якъ конята то и мы; но еще, Бѣгъ дастъ, не затратимось а заѣдемъ, где треба. Тогда ажъ прилипнетъ человѣкъ до теплого коминка и до теплой стравы; не бѣйтесь, я то знаю. А отъ смотрѣтъ, вже и снѣгу нема, вже грунтъ, чи чуєте якъ стопы бѣють въ землю?«

Недокѣнчилъ. Купаются въ водѣ и пегазы и фебусъ и женихи; ледъ проломился, ни въ задъ ни въ передъ. — Засіяло. И вѣтеръ пересталъ и снѣжокъ причаился, ажъ душа радуется;

Пантиль зыркѣ въ гору, а на скалѣ корчмина таяжъ сама съ макартовымъ дахомъ и парламентъ той же передъ нею стоитъ. Кругомъ обѣхали сердечну.

»А що вы« пытаются зъ горы »конѣ купаете чи що?»

»Ходѣтъ братики, троха пѣдтягнути; еще ту вамъ леду треба было. Що у васъ за такій обычай, що ледъ таки пѣдъ стрѣхою; и спишь а въ немъ застрягнешь.«

»А що человѣче, щось твои конѣ не идутъ пѣдъ скалу, хотъ добре годуешь,« говорилъ приступившій замашистый смѣлчакъ.

»Эхъ, придрѣмались.« — Выпровадили конѣ и сани пѣдтягнули изъ кристальной воды; но тутъ и завечерѣло на добре, уже не добратись нынѣ до Прочина.

»Панъ-отецъ у васъ далеко?« пыталъ Тихонъ.

»Таки тутъ, въ близи.«

»Старый? молодой?«

»Ни старый ни молодой.«

»Дѣтей маеть?«

»Дочь одну. А яка то дочечка якъ золото!«

»Браво, Еваристъ, заглянемъ и тамъ.«

»Заглянемъ.«

И правду говорили люде; плебанія была таки

въ близи. За одну обложенну годинку были уже гости въ плебаніи села Шаболта.

* * *

»Миръ дому сему. Судьбою тутъ зайшли, выбрались овецъ сотку придбати, шалась побôльшити. Заѣхали и тутъ; заведемъ дѣло, то виномъ запьемъ а нѣтъ то на свиданье розстанемся.« Такъ говорилъ Тихонъ вступивши въ комнату пароха изъ Шаболта и затиралъ уже на передѣ руки, такъ якъ парохъ Діонисъ выйшолъ витати ихъ у воротъ, а парохова у дверей комнаты. То была добрая ворожба и все якъ наилучше складалось; въ дому видно рядъ, въ комнатѣ опрятно и такъ дружественно, що лише проживати-бы съ своею милою въ супокою золотыи вѣки. И Еваристъ чувствовалъ тутъ непринужденность, хоть пляны его по вступленію въ комнату помѣшались. Онъ изъ давна въ памяти уложилъ первыи слова, якіи ему прійдетъ говорить и первый предметъ розговору, избралъ въ мысли самыи бьющіи слова, абы потрепати мѣстовую а превознести сельскую жизнь и припомнулъ собѣ епиграмъ поэта жалости, щобы нимъ въ первый разъ встрѣтити дѣвицю. Но все пôйшло якто иначе. За мѣстовую жизнь никто

не пыталъ, за сельскую кождый зналъ а дѣвица не являлась.

По причинѣ того послѣдняго и Тихонъ сталъ неспокоинъ. Отказъ таки сейчасъ, зачимъ ледво пороги переступили? Но лице его розъяснилось. Не блестательно, но прелестно одѣта войшла дочь пароха Минодора. Легкіи бюфки на рукавахъ и кринолиновой паніерцѣ изъ перловосиной бенгалины, коафюра убранна сѣткою, и муслиновое жабо отвѣтно уложены были до ей круглого полного лица, розовыхъ щечинокъ, модрыхъ очей и ясного волоса. Она отвѣчала рѣзко; не пытала о ничо, нѣкоторыхъ вопросовъ не чула и лишала ихъ безъ отвѣта; ничему не удивлялась, смотрѣла устало, движеній майже недѣлала. Въ цѣлости здавалась быти приклонною. Тихонъ зъ укуса поглядалъ на возможную будущую пару. Но прійшолъ несчастный случай.

Накрыли до столу; яко первую точку въ меню пѣднесли по обычаю при Марковацкѣмъ винѣ залетѣвшіи въ край марципаны, дамскіи солодичи, якихъ и кондиторники столичныи не выдѣлають. А знала ихъ Минодора особенно приправити; она секретно держала у себе слѣдующую записку: »Возьми фунтъ мигдалѣвъ, очисти, истолочи, додай розовой воды, переложити въ ка-

стриюлю и оставъ на огню поки масса не погустѣеть; смотри, щобы не пригорѣло. Потомъ здойми зъ огня, изъ масы той булочку продолговатую сдѣлай, посыпъ легко мукою, роскачай, испечи, овочами компотными уברי и теплы подавай на столъ.»

Длятого она и певна была, що никто въ горахъ лучшихъ марципановъ не сготовить. За марципанами подали пантарку въ безукоризненной цѣлости, жаренную и дымящуюся приманчиво. Пантарку тую поставлено прямо передъ Евариста, который на то немного отъ хлопота покраснѣлъ, потомъ же отставилъ по жентлеменски пантарку на середину стола. На то Минодора улыбнулась а Тихонъ началъ хлопотливо заговаривати и дѣлати мимичныи знаки, котрыи еще бѣльше удивили Евариста. Окѣчилась вечера, но никто и слова не произнесъ; Тихонъ, болтливый свать, замолкъ и опустилъ голову.

На другій день гости розпращались и выѣхали.

»Эхъ, въ сѣнѣ то що такое?« говорилъ Еваристъ поглядаючи на вракъ саней.

»Гарбузъ! величезный гарбузъ!« сказалъ отчаянно Тихонъ.

»Що и такъ страшного?« пыталъ Еваристъ.

»Що? Младенче я казалъ, держись добре. Такій у насъ обычай; положить гарбузъ въ сани або вѣзъ, то значить ѡтказъ, значить, о руку дѣвицы ты уже не старайся. Еще ничо, не повелось тутъ, поѣдемъ дальше, лишь скажи, чому пантарки не дѣлили?«

»Якъ? Не дѣлили? Що за дѣло съ тою пантаркою?«

»Младенче, такъ у насъ есть, то проба жениха. Розбереть женихъ мигомъ и звинно пантарку, то бравый молодець изъ него, иначе нездара. Тому и гарбуза тобѣ дали. — Пантилю, гарбузъ вложи въ подорожный тломакъ.«

»Ану, люде добрыи, пождѣть, припоможѣть взяти на санчата« почувся теперь голосъ мужескій изъ за гущавины.

»Стань Пантилю, поглянь, якій требуетъ тамъ помощи.« Изъ за смерекъ показался стрѣлецъ въ рудѣмъ менчиковѣ и бѣлой кучмѣ.

»Поможѣть, пѣдтягнути дика на сани« говорилъ ѡнъ.

На такую добычъ, якою есть дикъ, поглянути лишь то становится уже ласкающимъ удовольствіемъ а щожъ доперва пѣдбирати на санки убитого такого головного софисту. інъ

справедливый софистъ. Подѣбно, якъ давніи софисты утверждали, що одно зерно становить цѣлый кладъ, такъ якъ прикладаючи по одному зерну окончательно лишь за послѣднимъ сказати можешъ, що уже есть кладъ, на-коли передъ положеніемъ послѣдняго ты все еще казалъ, що кладу нѣтъ, и якъ они говорили, що такъ же лишь одна капля вина упиваетъ человѣка и одинъ волосъ становить лысымъ чело, подѣбно и той убитый софистъ доказываетъ, що вкусная на столъ поданная дичина составляетъ часами цѣлое счастье дѣвы. Еслибъ именно не дичина, лѣсничій не ишолбы съ оружіемъ въ лѣсъ, не убилбы звѣрины, не кликалбы переѣзжающихъ, не попросилбы ихъ въ свѣй дѣмъ и Еваристъ не былбы пѣзналъ его хорошихъ дочерей.

А такъ пѣйшолъ въ лѣсъ, убилъ дика, покликать гостей и попросилъ ихъ до себе на жаренину изъ дичины. Лѣсничѣвка стояла середъ лѣса, казалось ты въ якійто таинственный пріютъ вступаешь. Дамы же, двѣ дочери лѣсничого были словно лѣсными сильфидами. Старшая Леокадія высокаго роста, о чорныхъ бровахъ, чорныхъ пукляхъ волоса спятыхъ безъ коафюры, о стыдливыхъ рѣсницяхъ, орлиномъ носіку и сжатыхъ усточкахъ. Молодая Бальбина, нѣж-

ная цвѣточка, мало не лѣсная незабудька, щебетлива, усмѣхлива. Она любила розспѣ-
вовати пѣсней. Треловала карпатскіи шум-
ки, особенно же розпывалась въ мелодіяхъ чар-
дашовыхъ. Но въ жизни бурливой она участи
не брала. На винобраніяхъ присматривалась
танцамъ, за оркестрою поспѣвовала чардаша но
въ танецъ не шла. Любила тайно мѣстовыхъ
гузарѣвъ, но въ обращенію съ ними была строга.

Въ Евариста однакъ она, здавалось, не на
шутку уже влюбилась; пытала его, любитъ ли
ѡнъ чардаша, но тутъ же и стало явнымъ, що
Еваристъ мало былъ знакомъ съ тыми мело-
діями. По его отвѣтѣ она стала якто мечтатель-
ною, задумчивою и хорошою до того степени,
що и само каменное сердце былобъ въ ней
влюбилось.

Все ишло зъ гладка, принесли въ салю ан-
талокъ вина и нектаръ зникалъ якъ етеръ, въ
кѡнци же засѣли всѣ до свѣжой жаренины изъ
дика.

»А що? Не вкусна?« пыталъ лѣсничій Ти-
хона, котрый на разъ, якбы утялъ, потупилъ
голову.

»Вкусная.«

»Такъ чогожь въ анахореты вписались?«

»Ничо. Такій уже челоуѣкъ.«

Жаренину, украшенную прелестно головками гвоздиковаго корня похваляли всѣ, що силы было.

»Время отъѣзжати намъ« говорилъ вставши Тихонъ.

»Що вамъ?«

»Время.« И Еваристъ не мѳгъ истолковати собѣ поведенія Тихона, но сказано время, то время. Выѣхали. »Ану поглянемъ, нема ли тутъ чого?« И въ самомъ дѣлѣ было сновъ въ сѣнѣ не одинъ а два гарбузы. »Младенче, ви-дишь, сновъ два гарбузы новыи, ѳтъ Леокадіи и ѳтъ Бальбины; ей, не женишься ты въ Мармароши. И тѣи два гарбузы я предви-дѣлъ, вѣдь при обѣдѣ явно зазначили; голов-ки гвоздиковаго корня уложены на жаренинѣ озна-чаютъ тутъ — ѳтправу, ѳтказъ. Младенче, заявляй себе бѳльшимъ любителемъ музыки; то-му и ѳтправу дали, що ты не восхищался спѣ-вомъ. — Пантилю, оба новыи гарбузы вложи въ подорожный тломакъ.« Пантиль почувшій лишь послѣдніи слова улыбнулся и молчки поклалъ гарбузы въ тломакъ.

Челоуѣкъ въ юныхъ лѣтахъ любитъ шалости, въ мужескомъ вѣку розлюбиваетъ женщинъ а пѳдъ старость наибѳльшею радостею стаетъ встрѣча

съ другомъ-товаришемъ молодыхъ лѣтъ. Тожъ и сердце забило сильнѣйше Тихону, коли доѣзжалъ до Прочина, до отца Дамьяна. Заведется поговорка за дѣвы, которыхъ въ юныхъ лѣтахъ любилося, за веселыи ночи, котрыи по чардамъ провелось и за товаришей, що розойшлись по божьимъ свѣту.

Но якимъ-же было розчарованіе, коли показалось, що Дамьянъ ѿтъ года уже не на той пребендѣ но въ сусѣднѣмъ селѣ, що тутъ завѣдываетъ теперь иный парохъ, котрый однакъ просилъ хотъ незнакомыхъ еще гостей вступити на часокъ и приказалъ дочцѣ своей подати для гостей подкрѣпленіе.

Но видно всѣму виноваты были конѣ, котрыи при выѣздѣ еще при мостѣ розгулялись, мужикъ, що несъ порожныи анталки и бродяга съ порожнымъ портмоне, такъ якъ и тутъ, где на часокъ лишь заѣхалось, дали въ санки гарбуза, котрого сновъ Пантиль вложилъ въ тломакъ.

Но въ совершенное отчаяніе ввелъ уже Тихона еще одинъ послѣдній гарбузъ полученный въ домѣ Дамьяна ѿтъ дѣвицы Иренки. Такій давный знакомый, другъ ѿтъ сердца, оказавшій щирость и въ добрыхъ и злыхъ добахъ, даетъ гарбуза жениху такому, надъ которого ничъ луч-

шого подумати не можно, Еваристу, котрый въ обращенію съ дамами изучень и собою красивъ и статный и знакомого рода. А тутъ ѿказъ. и то ненадѣянный. Вѣдь за цѣлое время побыта, Дамьянъ сердечно гостей принималъ, дочечка Иренка, дама лучшей красы, безукоризненного воспитанія, отвѣтно образованна, миловидная брюнетка, изъ глубины сердца добротливая, дружественно розговаривала съ Еваристомъ, свободно непринужденно шутила, словомъ щирость видна была въ цѣлѣмъ семействѣ. Малы дѣточки Дамьяна были чемными и любезными для гостей, а дѣти всегда суть наилучшимъ барометромъ щирости дому для гостей.

Тымчасомъ по выѣздѣ находится въ санкахъ гарбузь. Дѣло окропное, можетъ до крайности довести. Такому юноши, якъ Еваристъ, можетъ сдѣлати жизнь невыносимою, ненавистною, можетъ ѿобрати ему всю прелесть свѣта, можетъ кинути его въ объятія пессимизму, мизантропіи, сдѣлати зъ него человѣка безчувственного, эгоистичного, упорного. — То еще былобъ ничо, но тутъ о жизнь идетъ, такъ якъ Еваристъ попалъ въ нервовое роздражненіе, въ лихорадку и началъ маячити, а Тихонъ ледво дотягнулся съ нимъ до своего села пѣдъ вечеръ, где уложивши

розгоряченного Евариста, подавши ему катапласмъ синаписмовый и обвивши голову простираломъ, самъ умученъ не ишолъ уже въ свои дѣла, но запалъ въ твердый сонъ.

II.

Не легкое то дѣло быти природоиспытателемъ. Составляй періоды формацій, входи въ сущность бронзового, каменного и тесанного вѣка, берись за роздѣлку верствъ а для той цѣли заглядай въ наибольшіи вертепы гѣрскіи, въ пещеры на низовьяхъ, въ водныи глубины, земныи провалины, словомъ всюда, где лишъ солнце могло чи не могло протиснутись. До того глядай еще блукающихъ камней, ерратичныхъ насыпѣвъ и доходи за ниткою до тезы, що славное Подолье коли-то было дномъ морскимъ, що изъ скандинавскихъ гѣръ усувались въ то море ледовыи кольосы и камни, що наконецъ такіи долины, найвысшіи верхи Карпатъ были въ давнее время ничѣмъ инымъ, лишъ берегомъ того широкого моря.

Надъ берегомъ широкого моря былъ теперъ и Еваристъ. То море предстоящей жизни съ любящою и улюбленною супругою, море нового

счастья. А тымчасомъ счастье высувается зъ руки, обманиваетъ.

»А що младенче, спишь?« пыталъ Тихонъ слѣдующаго дня рано пробудившись ѿ сну.

»Нѣтъ уже.«

»Якже? Лучше стало? Лихорадка минула?«

»Минула.« Еваристъ и Тихонъ встали и натягнули ранніи шляфроки. Теперъ забрался Тихонъ до тломака; тамъ тѣлько дорогихъ воспоминаній! Онъ добылъ всѣ гарбузы и старанно уложилъ ихъ на столъ; они давали собою занимательный видъ. Одинъ бѣльшій зеленого цвѣта, то ѿ Иренки, другій желтого цвѣта то ѿ Леокадіи, третій чинобровый оранжовый и т. д., словомъ сердце радуется, коли поглядаетъ на такую пестрость. Якая судьба ихъ! Хозяйка садила, плакала, заходила, томила, наконецъ они рѣшаютъ долю мармарошскаго жениха. — Еваристъ и Тихонъ засѣли при столѣ.

»Видишь?«

»Вижу.«

»Помилуй, скажи, що за дѣло начати съ тыми гарбузами.«

»Якое дѣло?«

»А вѣдь слѣдовалобы що нибудь начати.«

»Смотри тамъ на столъ що за письмо?«

»Листъ адресованъ: Еваристъ Аконтовичъ.«

»Читай.«

» »Любезный Еваристъ! Зачуль я, що ты уѣхалъ на какое-то время въ Карпаты. Сдѣлай мою просьбу. Знаешь я яко природоиспытатель гляджу повсюду за якиминибудь матерьялами до моихъ изслѣдованій и собираю въ мѡй музей межъ иными всевозможную фавну и флору. Тебѣ попадется тамъ въ Карпатахъ може не одно важное по́дъ руку. Не залиши для того способности, но все, що лишъ изъ оказѡвъ фавны и флоры мѡгбы ты выдѡстати, присылай въ мѡй музей. — Твоѡй другъ Емануиль, природоиспытатель въ нашемъ столичнѡмъ мѣстѣ.« «

»Младенче« говорилъ вскакиваючи Тихонъ »ничого блестятельнѣйшого ты не мѡгбы изъ Мармароша въ той музей по́слати, якъ той сборничокъ гарбузовыхъ оказѡвъ. То будетъ самая привлекательнѣйшая группа.

»Безсомнѣтельно.«

»Отпиши дальше твоему доктору природоиспытателю, що тыми днями блукались туда два ерратичныи существа, то изъ плебаній на лѣсничѡвки, то зъ лѣсничѡвокъ на плебаніи и що то есть громаднымъ доказомъ ученія, ставляющого

Карпаты берегами давного широкого моря. Значить рѣшено? Отсылати?»

»Отсылати.«

»Довольный. Дѣло кончено« говорилъ Тихонъ »теперь иду подивитись разъ уже на мою обору. А! Еваристъ, смотри но, що тамъ на оборѣ за такій швадронъ передъ домомъ. Мало не толпа Мармарошскихъ мужикѣвъ обладованныхъ тягарами якъ испанскіи мулы. — А що вы? Куда идете бродяги? Ночовати не мали где?»

»До пана прійшли.«

»До мене? На купно?»

»Нѣтъ.«

»На продажъ?»

»Нѣтъ.«

»Такъ якоежь дѣло? По одному сюда въ комнату.«

До комнаты войшолъ одинъ мужикъ знимаючи зъ плечей тягаръ. »Я изъ Шаболта ѣтъ панъ-отца. Присылають въ дарѣ той анталокъ вина. А ей-мось и панна Минодора засылають уклонъ.«

»Анталокъ? Уклонъ?» грозно отвѣтилъ Тихонъ, послѣ же свернулся шепотомъ до Евариста: »Не понимаю тыхъ людей зъ Шаболта. Вчера гарбузь а нынѣ подарокъ; послѣдній означаетъ, що ты имъ подобался. Но за гарбуза треба помсти-

тись. Человѣче (звернувшись онъ до галопена) анталокъ лиши, а возмешь назадъ отъ той мой порожный анталъ, а въ немъ одинъ гарбузъ. Понимаешь?»

»Понимаю.«

За нимъ поступилъ въ комнату другій бойкій Мармарошець, галопень по сословію, зовимый шлапакомъ, котрый однимъ днемъ ходилъ въ Мукачево и верталъ зъ Мукачева.

»А що? кто ты?»

»Изъ лѣсничѣвки.«

»Котрой.«

»Они вже знаютъ изъ котрой, вчера тамъ самы были. Выслали тутъ мене: заносятъ уклады а въ даръ два анталки вина.«

»Два анталки? Такъ лишай же ихъ а бери ти два порожныхъ мои, въ кождомъ по одному гарбузови; якъ дали такъ нехай отберутъ. Понялъ?»

»Ба!»

»Идижь съ Богомъ. Що? може и третій еще?» пыталъ Тихонъ грозно »сюда ходи, чого волочишь ся по свѣту, бродяго. Говори, що за одинъ?» Третій мужикъ щелкнулъ на весь голосъ.

»Разъ« кажетъ »приѣхали, а уже панянка залюбилась на смерть и житье.«

»Смерть и житѣе? Кажи, зъ ѡтки идешь, що, якъ, куда и где, а нѣтъ, то солга-бирова кличу.«

»Оть нихъ я, изъ Прочина. Оть якій анталокъ вина въ дарѣ несу.«

»Такъ? Бери-жь той порожный съ гарбузомъ. Иди. На счастье бѡльше ихъ нема. Странное дѣло, Еваристе, пропаций младенче. Моихъ сосѣдовъ не пѡзнаю, всюда ѡтказъ, а нынѣ подарки; то уже просто не до прощенія, тымъ бѡльше, що они зовуть себе моими сосѣдами и друзьями. Такой ироніи сносити не можно дальше. Давай паперъ и перо: каждому порядочно ѡтпишу, не захочется другій разъ такихъ саркастичныхъ шутокъ починати.«

Тихонъ съ хмарнымъ обличьемъ засѣлъ за столъ и погрузился въ нисложенію на паперъ всей своей желчи. Ему и не на руку приходило розривати дружбу съ сосѣдами, но тутъ иного выхода не было. То былъ вызовъ, а вызовъ лишити безъ отвѣта, значилобъ заявити себе що найменше трусомъ. Длятого мой любезный друже отче приходнику въ Шаболтѣ, извини, но связь дружеская съ нами по такѡмъ событію розорвана. Що Еваристъ не зналъ розобрати пантарки, не удивительно; ѡнъ чловѣкъ изъ свѣта, мѣстныхъ обычаевъ не свѣдомъ, а гарбузъ

и анталокъ суть два противорѣчія, котрыи на пасквиль закравуютъ. — А ты мѡй чобане Игнате, нынѣ оставь кого иного при ѡвцяхъ, осѣдлай собѣ коня одного и завези той листъ до пань-отца въ Шаболтѣ.

Теперь-же хитренный лѣсничій. Ты на лювлю будешь ходити, щобы людей непокоити по дорогахъ? Абы таскати ихъ въ середину лѣса до твоего шатра? Будешь дика убивати на то, щобы людей манити? А послѣ будешь ставити въ жаренину головки гвоздикового корня на знакъ ѡтказу и гарбузъ въ сани покладати? Наконецъ для бѡльшого смѣха присылаешь два анталки вина? Прости, мое сердце, но съ дружествомъ мы квиты. — А ты вакаръ Семене лиши нынѣ при коровахъ якого пастуха, осѣдлай собѣ другого коня и просто на лѣсничѡвку въ Шаболтовѣ; той листъ занеси.

Ходи но и ты небоже смиренный будто завѣдателью Прочина. Часокъ лишь бывали мы у тебе, а показалось що зъ тебе то за зѣлья. — Чикосе мой Шандоре, оставь нынѣ коней, осѣдлай собѣ третого гарсамаря и съ тымъ листомъ спѣши до Прочина на плебанію. — Хорошо-жь стоите мои галопены на коняхъ, на огненныхъ гачахъ якъ три рыцари, въ овечьихъ вывер-

ненныхъ башмакахъ съ забіацкими усами, осмаленными лицами. Ехъ! дорогіи. Въ человѣку ѡтживаеъ молода рыцарска кровь, якъ смотрю на васъ; саблю припиналбы, на коня ишолбы до бою, рѣзалбы по мастерски, чахъ, чахъ, таряхъ... Пантилю, а ты зъ ѡтки идешъ? Где ходилъ? Що на плечехъ несешъ?

Пантиль вступалъ уже изъ дороги на мостокъ, урадованный покуриваючи люльку.

»Що несешъ Пантилю« пыталъ Тихонъ.

»Що? Гарбузы. Стрѣтилъ я на дорозѣ якихъ-тамъ трехъ мужикѡвъ, що несли въ анталкахъ гарбузы и ѡткупилъ ѡтъ нихъ. Гарбузы, то моя улюбленная страва. Що лучшого на свѣтѣ, якъ дыня пѡдправленна по угорски на квасно. Тому все лиши, а гарбузѡвъ где можешъ собирай. И буду мати ихъ уже бѡльше. Отъ прилучу ихъ до тыхъ, що вчера и позавчера подѡставалъ по домахъ ѡтъ добрыхъ людей и которы суть въ вашѡмъ тломаку.«

»Якъ? що?« громилъ Тихонъ »якіи гарбузы въ моимъ тломаку?«

»А отъ якіи. Где заѣду, упрошу гарбуза для себе. И такъ въ Шаболтѣ дѡсталъ я одинъ у дьяка, на лѣсничѡвцѣ два ѡтъ ферстера, въ Прочинѣ одинъ ѡтъ провизора, а у панотца Дамьяна

отъ економа. А теперъ видите, покупилъ тѣхъ у
якихъ-тамъ мужикѣвъ.»

»Мой Пантило, зачекай. Що тобѣ за службу
у мене принадлежитъ? Отъ нынѣ отправляю
тебе, мѣстца у мене не маешь; ани слова не
говори, лишь твою принадлежность тутъ бери и
мою обору опускай. Сновь посланецъ?»

На мостокъ вѣхалъ человѣкъ, мигомъ ста-
нулъ передъ Тихономъ и подалъ листъ. »Дорогій
Тихоне! Мило было менѣ вспоминати съ тобою
за молодыя лѣта. Жилось бо замашисто. Изъ
Медіашу получилъ я пару бутылекъ старого
меду; приѣдь съ твоимъ братанцемъ Еваристомъ
а попробуемъ, справдѣ ли онъ такіи старый.
Твой братанецъ отличный человѣкъ; дай Боже,
старый друже, щобы той вѣнецъ, котрый онъ по-
клалъ подъ оконце моеи Иренки замѣнился на
миртовый вѣнецъ. Твой Дамьянъ.»

Жизнь теперъ уладится иначе. Вы галопены
розсѣдлайте конѣ, Пантилю остань у мене. Другъ
Дамьянъ вѣрнымъ осталъ и подъ старость; не
даромъ такъ сердечно принимали, не даромъ и
Иренка была такъ добротливою, щирою. Гар-
бузь не отъ ней, лишь аматоръ Пантиль ихъ
набиралъ. Наконецъ и прочіи сосѣды не такъ
злыи люде, всюда радо принимали. Пантарку

може случайно поставили передъ Еваристомъ а гвоздики певно суть вымогами и новѣйшой кулинаріи.

Лишь той Еваристъ скрытая штучка; вотъ якій и не признался, що вѣнецъ пѣдъ окно завѣсилъ. Влюбился на добре; не диво, що и въ нервовую лихорадку попалъ.

»Пантилю прилади тамъ що треба, поѣдемъ на обручины до отца Дамьяна.«

»Я то зналъ на передъ еще, тому и вѣнецъ пѣдъ оконце заложилъ.«

»Що?«

»Вѣнецъ заложилъ. Где Пантиль вѣнецъ завѣситъ, тамъ жена для молодого жениха; я знаю, где, що, и якъ и говорити не треба менѣ. Що судилось, не оминешъ.«

Тихонъ урадованъ вступилъ въ комнату, где Еваристъ кѣнчилъ уже тоалету, причесуючи свою Генри-Картъ.

»Младенче, добре ты держался. Твоему доктору природоиспытателю ѣтпиши, що тобѣ таки що-то важного пѣдпало пѣдъ руки. Подумай, Иренка!«

»Хороша дама; всѣ свойства у ней, якихъ лишь я бажаю. Я намѣренъ съ нею жениться.«

»Браво, виномъ запьемъ. Жену будешь матери перлу цѣлого Мармароша.«

Сновь розсыповался по дорогахъ снѣгъ, но уже ни вѣтеръ не хлосталъ, ни ураганъ не шумѣлъ, лишь солнце блескотѣло по снѣжныхъ горахъ.

Еваристъ чимъ разъ бѣльше влюблялся въ Иренку и женившись осѣлъ на Мармароши.

* * *

Надъ колыбелею согненна стоитъ мармарошская мати, красивая брюнетка Иренка Аконтовичъ и любезничаетъ съ своимъ колыбельнымъ сынкомъ по обычаю народа словами: »Спи сыну, эгэ Лель.«

Львовъ, 15. Окт. 1887.

Типографія Г. П е ц а (Липпертъ и Ко.), Наумбургъ н/С.

- Томъ XXXXI. ОТЧАЯННЫИ. Изъ воспоминаній своихъ и чужихъ. Соч. Ив. С. Тургенева. М. 0.80.
- Томъ XXXXII. ПѢСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ (MDXLI). Посвящается памяти Гюстава Флобера. И. С. Тургенева. М. 0.80.
- Томъ XXXXIII. РЕВИЗОРЪ. Комедія Н. В. Гоголя. М. 1.80.
- Томъ XXXXIV. Богданъ ХМѢЛЬНИЦКІИ. Разсказъ еврея современника - очевидца о событіяхъ въ Малороссіи за 1648—1653 г. Д-ра С. Манделькерна. 2. изд. М. 2.00.
- Томъ XXXXV. ЗА РУБЕЖЕМЪ. Соч. М. Е. Салтыкова (Щедрина). М. 5.00.
- Томъ XXXXVI. SENILIA. Стихотворенія въ прозѣ И. С. Тургенева. М. 1.50.
- Томъ XXXXVII. КЛАРА МИЛИЧЪ. Повѣсть И. С. Тургенева. М. 1.50.

МИНИАТЮРНЫЯ ИЗДАНИЯ.

- СТИХОТВОРЕНІЯ КОЛЬЦОВА. М. 2.00, въ переп. М. 3.00.
- СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. М. 5.50, въ переп. М. 6.80. переп. въ 2 частяхъ М. 7.00; красиво переп., съ портретомъ М. 7.50.
- СТИХОТВОРЕНІЯ А. ПУШКИНА. М. 6.00, красиво переп., съ портретомъ М. 8.00.
- СТИХОТВОРЕНІЯ К. О. РЫЛѢЕВА. М. 3.00, въ переп. М. 4.00.
- РУССКІЯ МЕЛОДІИ. Легенды, лирическія стихотворенія и поэмы. Первый италіанскій переводъ съ русскимъ текстомъ Е. В. Фулька и Д. Чіамполи съ предисловіемъ Проф. Анджело Де-Губернатисъ. М. 5.00. красиво переп. М. 7.00.

Praktischer Reiseführer durch Russland.

Mit einer Eisenbahnkarte. Roth gebunden M. 4.00.

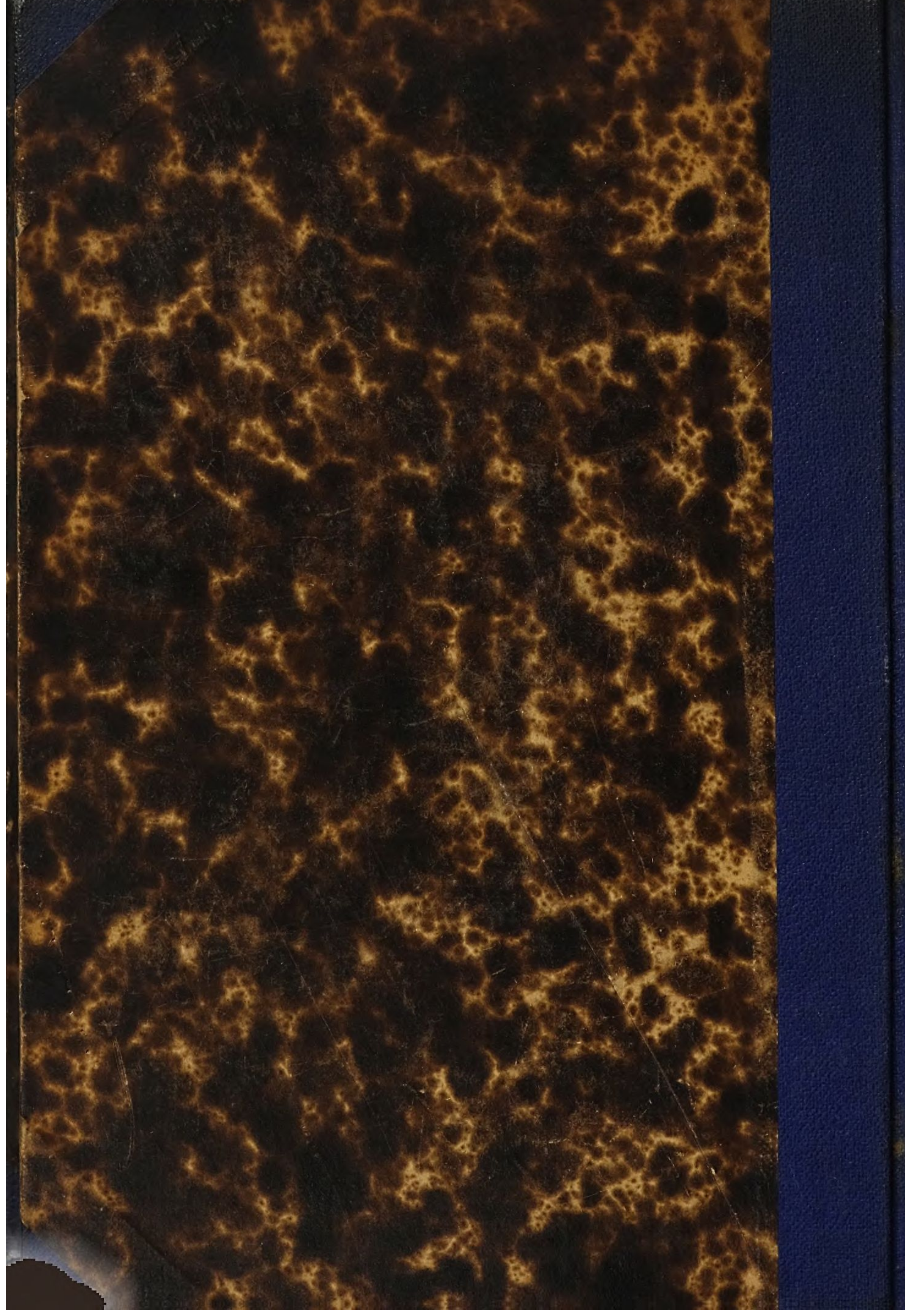
Inhalt: Ausführliche Städtebeschreibung. Kurze Grammatik der russischen Sprache. Deutsch - russischer Dolmetscher und Wörterbuch mit genauer Angabe der Aussprache in deutschen Buchstaben nebst Accenten.

Supplement dazu. 1882. M. 1.50.

Russicisms.

Russische Redensarten und Sprichwörter mit gegenüberstehender deutscher Uebersetzung v. Borio Manassewitsch. M. 1.

Типографія Г. Пеца (Липпертъ и Ко.), Наумбургъ н/С.

Poljanskij, Petr. A.

Karpatskii novelli

Leipzig 1888

P.o.rel. 2910-48/49

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11679009-2